

Е. М. БАБОСОВ

КАТАСТРОФЫ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ

МИНСК
«НАВУКА І ТЭХНІКА»
1995

ББК 60.55
Б 12
УДК 316.33+502.58

Рецензенты:

доктор социологических наук А. Б. Мискевич,
доктор социологических наук В. И. Русецкая,
доктор исторических наук, профессор А. Г. Хохлов

Бабосов Е. М.

Б 12 Катастрофы: социологический анализ.— Мн.: Наука і тэхніка, 1995.— 472 с.
ISBN 5-343-01633-2.

Впервые на богатом фактическом материале анализируются различные типы катастроф — природные, экологические, технологические, социальные. Особое внимание уделено рассмотрению посткатастрофных процессов, взаимодействию людей в экстремальных условиях кризисов и катастроф. На основе обобщения восьмилетних социологических исследований прослежены социально-психологические последствия Чернобыльской катастрофы, пути снижения их негативных воздействий на человека.

Рассчитана на социологов и философов, специалистов по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, преподавателей и студентов.

3160330000—000
Б _____ доп.—94
М 316(03)—95

ББК 60.55+20.1

ISBN 5-343-01633-2

© Е. М. Бабосов, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Говорят, что вначале было слово. Всякое слово, входящее в мир наших чувств, эмоций, знаний и поступков, вызывает определенные ассоциации. В последнее время мы все чаще сталкиваемся со словом «катастрофа», которое своим звучанием заставляет представить что-то нежелательное, ужасное, трагическое... Такое представление свойственно не только отдельным людям, но и семьям, компаниям сверстников или группам случайных попутчиков. После развала тоталитарной системы власти и распада СССР большинство людей чувствуют себя пассажирами после кораблекрушения, оказавшимися на неведомом материке и в незнакомой пугающей среде обитания. Такое мироощущение воспринимается и оценивается многими как катастрофа.

В повседневном употреблении слово «катастрофа» обозначает обычно внезапное изменение разрушительного характера, сопровождаемое значительными поражениями и гибелью попавших в эту ситуацию людей, животных, растений и т. п. Этот термин в последние годы применяется очень широко. Он употребим, когда говорят о вымирании биологического вида, аварии на Чернобыльской АЭС, столкновении поездов, взрыве нефтепровода, гибели человека в результате транспортного происшествия. Такая ситуация свидетельствует об отсутствии четкого определения данного термина, которое в свою очередь обусловлено двумя причинами. Первая заключается в многозначности толкований катастрофических явлений, изучением которых занимается множество наук: физика в ее различных ответвлениях (ядерная физика, астрофизика, геофизика и др.), география, метеорология, климатология, математика, статистика, медицина, технические науки (теоретическая механика, сопротивление материалов, теория надежности машин), кибернетика, психология, психиатрия, социология, философия, религиоведение.

Каждая из них имеет специфический, свойственный только ей подход к пониманию и интерпретации катастроф, что и предопределяет многозначность самого термина, обозначающего катастрофические явления. Вторая состоит в недостаточной изученности катастрофических процессов и явлений, хотя первые научные представления о катастрофах сформировались около двух веков назад.

Трудности существования человека как специфического вида живых существ в окружающей, часто таинственной и неблагоприятно изменчивой, среде, где случаются землетрясения, наводнения, извержения вулканов и т. п., уже в глубокой древности породили первые догадки о наличии катастроф, угрожающих бедами и гибелью не только отдельному индивиду, но и множеству людей. Эти представления трансформировались в эсхатологические мифы о предстоящем катастрофическом конце мира, которые являлись неотъемлемой частью индуистской, иранской, германо-скандинавской и многих иных культур. Вот одно из типичных описаний надвигающейся вселенской катастрофы: «Наступит чудовищная зима, вырвется из пут дракона Ажи-Дахали (чудовищное порождение злого божества. — Е. Б.), мир погибнет в огне...» [3, т. 1, 363] *.

В древнегреческой и вавилонской мифологии представление о вселенской катастрофе кристаллизовалось в мифе о потопе, ниспосланном на человечество за его прегрешения разгневанным божеством (в греческом варианте — Зевсом). Есть основания полагать, что древнегреческий миф о Девкалионовом потопе был воспринят и перенесен элладцами из Азии и имеет тот же источник, что и библейская легенда о Ное и его ковчеге [1, 102—105].

Идея катастрофических изменений в развитии космоса и человечества нашла воплощение в учении древнегреческого философа Гераклита о мире как вечно и закономерно воспламеняющемся и угасающем огне. Ее влияние прослеживается в философских построениях Эмпедокла, Эпикура, Лукреция Кара. Однако самым всеобъемлющим и трагически-красочным описанием катастрофичности человеческого бытия является содержащаяся

* Здесь и далее первые цифры обозначают номер источника в списке литературы, последующие — обозначают номера страниц; при указании тома перед цифрой стоит буква «т», при указании части книги — буква «ч»; данные о разных источниках разделяются точкой с запятой.

в библейском откровении апостола Иоанна, изложенном в Новом Завете, картина Апокалипсиса — повествование о судьбах мира и человека, завершающееся религиозно-философским видением конца света и божьего суда.

Новое обострение интереса к катастрофам проявилось на гребне Возрождения, когда в центр мироздания и мировоззрения мыслителями, поэтами, художниками была поставлена проблема человека, самоценности его существования, которому могут угрожать непознанные им природные или социальные стихии. Первые научно обоснованные догадки о возможности катастрофического воздействия космических тел на живые организмы, населяющие Землю, были высказаны Е. Лейбницем, П. Лапласом и Р. Гуком. П. Лаплас выдвинул предположение о том, что столкновение Земли с громадным космическим телом сопровождалось крупнейшей катастрофой в истории нашей планеты.

Однако первая всеобъемлющая теория катастроф была сформулирована только в XVIII в. выдающимся французским естествоиспытателем, основателем палеонтологии Жоржем Кювье. основополагающая идея его катастрофической теории заключалась в следующем: медленное эволюционное развитие органического мира в какие-то трудно объяснимые моменты внезапно прерывается кризисными ситуациями. Вследствие этого происходят массовые вымирания живых существ. На смену им приходят другие, более приспособленные виды, и постепенно общая численность организмов восстанавливается.

Дискуссии о теории катастроф, разработанной Ж. Кювье, продолжались на протяжении почти полутора столетий. Ее обвиняли в мистицизме, метафизичности, других смертных грехах. «Большая Советская Энциклопедия» так оценивала ее: «Катастроф теория (катастрофизм) — реакционное учение о периодическом повторяющемся в истории Земли грандиозных переворотах — катастрофах, катаклизмах, якобы внезапно изменявших весь рельеф и характер земной поверхности и уничтоживших все живое население земного мира... (Она) сыграла реакционную роль в истории науки, ибо отрицала естественный исторический процесс развития Земли, выдвигая мистические «неизвестные» причины, порождающие катаклизмы» [2, т. 20, 365].

Однако резкое возрастание в последние 2—3 десятилетия экстремальных ситуаций, сопровождаемых катаст-

рофами, заставило вновь вернуться к теории Кювье, смягчить ее оценки, выдвинуть на передний план не ее недостатки, а позитивное содержание. Это привело к возрождению катастрофических идей, их формированию в специфическое научное направление, получившее название неокатастрофизма. Приверженцы данного направления утверждают, что картина палеонтологического развития Земли не является одновременным монотонным процессом биологической эволюции, а временами, даже с определенной периодичностью, прерывается катастрофическими событиями. В частности, в истории Земли установлено пять глобальных биотических кризисов, характеризующихся массовым вымиранием биоты (от греч. *biote* — жизнь) — исторически сложившейся совокупности растений и животных, объединенных общей областью распространения на уровне семейств, а также около 15 более мелких вымираний на уровне родов и видов. Такие вымирания происходят с различной периодичностью: от 26—30 млн. лет до нескольких тысячелетий. При этом всякое вымирание сопровождается появлением новых видов растений и животных, более приспособленных к резко изменившимся условиям обитания. Затем происходило выравнивание численности видового состава живых существ и наступали периоды эволюционного развития вплоть до следующего катастрофического перехода в новое качественное состояние. В зависимости от масштабов потрясений такие переходы могут носить глобальный или региональный характер.

Идеи неокатастрофизма в XX в. получили широкое распространение в западной философии и социологии. Самой значительной книгой данного направления стала «Закат Европы» немецкого философа и историка О. Шпенглера, который, предвещая катастрофический финал развития близкой его сердцу западно-европейской «фаустовской» культуры под становящимся все более непомерным грузом гиперурбанизированной техногенной цивилизации, изображал ближайшее будущее человечества как «огромное засохшее дерево в первобытном лесу», как «царство окаменевшего мирового города».

В значительной степени под влиянием шпенглеровских идей начиная с 20-х годов XX ст. количество публикаций по катастрофам быстро увеличивается почти по экспоненте, на что в 1978 г. впервые обратил внимание известный американский катастрофолог Э. Карантели. Первую

из них еще в 1920 г. опубликовал С. Принц. За нею последовали работы Л. Карра (1920), Дж. Прасада (1935), П. Сорокина (1942), Х. Фритца (1968) и т. д.

К числу поборников неокатастрофизма исследователи причисляют и русско-американского социолога Питирима Сорокина, которого за мрачные предсказания будущего называли «Кассандрой XX века». И в самом деле, он писал: «Вот уже наступил конец удаче, исчезли счастье и благополучие миллионов. На земле исчезли мир, безопасность и уверенность. Во многих странах люди забыли, что такое процветание и благополучие, свобода превратилась просто в некий миф. Солнце западной культуры закатилось. Громадный вихрь накрыл собой все человечество» [4, 420].

Однако в отличие от 100-процентных неокатастрофистов для П. Сорокина констатация катастрофического упадка цивилизованности и культуры человечества не стала поводом для отчаяния, для апокалиптической оценки будущего. Признавая, что переживаемый современным обществом кризис носит интегральный характер и выступает одновременно не только как кризис культуры, но и как кризис всех «форм социальной, политической и экономической организации», отмеченный взрывом войн, революций, анархии и кровопролитий, социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом, возрождением отвратительной жестокости, временным разрушением больших и малых ценностей человечества, нищетой и страданием миллионов, он утверждал, что этот катастрофический процесс «не есть предсмертная агония западной культуры и общества, то есть кризис не означает ни разрушения, ни конца их исторического существования» [4, 431, 432].

Столь необычный, казалось бы, поворот темы означает существенное углубление понимания и интерпретации катастрофического процесса, который отнюдь не всегда завершается крахом, полным разрушением или гибелью рассматриваемой природной или социальной системы, но может быть отождествлен с верхним пределом напряжения в ней, после которого вероятно наступление качественно нового этапа развития, преобразования ее в качественно иную систему. Здесь идеи катастрофизма освобождаются от гнетущего груза мрачных и трагических предзнаменований, приобретают оптимистический оттенок веры в лучшее будущее, создаваемое человечеством.

Таким образом, добросовестное, не искаженное пред-
рассудками и стереотипами изучение идей катастрофизма
позволяет глубже, вернее, точнее представить сложные
природные и социальные механизмы возникновения и раз-
вития экстремальных ситуаций, тем самым оказать по-
мощь человеку — как в его индивидуальном бытии, так
и в существовании в определенных социальных общно-
стях — семья, социальная, этническая группа, професси-
онально-квалификационный слой, религиозная община и
т. п. — в преодолении катастрофических последствий та-
ких ситуаций.

Такой подход к рассматриваемой теме представляется
тем более своевременным и обоснованным, что на исходе
XX ст. одной из ключевых проблем становится противо-
речие между потребностями социально-экономического и
духовного развития человеческих сообществ, все более
активно опирающихся на завоевания техногенной цивили-
зации, и сохранением природной среды, более того —
самого человечества как высшей фазы эволюции и неотъ-
емлемой части природы, а не только субъекта и объекта
социума. Усиление техногенной нагрузки на природную
среду и самого человека приводит к резкому возрастанию
численности экстремальных ситуаций, аварий и катаст-
роф, количество которых в сфере промышленности возра-
стает почти по экспоненте [6, 27—34]. Одновременно с
увеличением количественных параметров экстремальных
ситуаций резко интенсифицируются их качественные ха-
рактеристики — заметно возрастают отрицательные воз-
действия на человека, приводящие к нарушению его здо-
ровья, социального благополучия и даже гибели.

Тревожное нарастание количественно-качественных
характеристик экстремальных ситуаций побуждает со-
циологов, политологов, философов определять нынешнюю
техногенную цивилизацию как «цивилизацию риска». Сам же
риск характеризуется как ряд числовых величин, количество
которых равно количеству рассматриваемых нежелательных
последствий (смертельных случаев, телесных повреждений,
человеко-дней нетрудоспособности и т. п.) в связи с воз-
действием на здоровье, стоимостью ущерба от нарушений
экологии, защитными мерами и операциями по ликвидации
последствий губительного влияния на окружающую среду
[5, 123—139]. Таким образом, в понятие экстремальной
ситуации включается человек как ее возможная жертва и
как возможный ее

инициатор, что требует социологического ракурса в анализе данной проблемы, поскольку именно социология исследует человека в многообразии форм его включения в различные виды социальных общностей и их взаимодействия с окружающей природной и общественной средой.

В общем и сжатом виде суть проблемы социологического аспекта в исследовании экстремальных ситуаций состоит в противоречии между знанием социальной ситуации, в которой находятся индивиды и их общности, и знанием незнания этого. Точнее говоря, в противоречии между знанием растущей для человека и человечества опасности углубляющегося разрыва между быстро нарастающей ритмикой технопроизводственного и социально-го развития, с одной стороны, и относительно стабильной ритмикой природных процессов и человеческого организма, с другой, главным образом в знании незнания социальных алгоритмов поведения индивидов и их общностей в кризисных ситуациях, порождаемых таким расхождением.

Содержание, формы проявления, специфические черты подобных расхождений, приводящих к экстремальным ситуациям, очень разнообразны, а спектр социальных последствий, их модификаций, особенностей и степени воздействия на индивиды, общности, социальные взаимодействия почти необозрим. Поэтому в социологическом изучении чрезвычайных ситуаций необходимо построение и применение многомерной исследовательской модели, в которой восприятие риска от катастроф любого характера — экологических, технологических, этнических и т. п. — и совместных действий по преодолению их последствий следует рассматривать как социальный процесс. Этот тезис основывается на двух посылах. Во-первых, любое сообщество осуществляет избирательный отбор из широкого спектра возможных рисков. Оно выпячивает некоторые из них и преуменьшает другие по причинам, отнюдь не всегда основывающимся на научных данных. Во-вторых, люди сосредоточивают внимание на тех или иных рисках не просто в целях охраны здоровья, личной и групповой безопасности или охраны окружающей среды; их обеспокоенность и их страхи по поводу тех или иных возможных последствий экстремальных ситуаций — это специфические способы поддержания социальной стабильности и солидарности (например, поддержка или разрушение существующей социальной системы, защита

этнических норм, утверждение принадлежности к социальной группе и т. п.). Поэтому в большинстве случаев те факторы, которые общество относит к категории риска, в основном определяются не природными, а социально-экономическими и социокультурными условиями взаимодействия людей как между собой, так и с окружающей средой.

Итак, при социологическом анализе экстремальных ситуаций на передний план выдвигается человеческая их составляющая. В число важнейших ее компонентов входят: а) резкое нарушение сложившихся стереотипов и образцов поведения в результате катастрофического изменения условий жизнедеятельности; б) взрывное по форме выражения и более или менее массовое (в зависимости от масштаба катастрофы) нарастание степени объективно существующего риска, причем восприятие последнего часто превосходит его объективно фиксируемые показатели; в) скачкообразное снижение имеющихся у социальной общности ресурсов выхода из катастрофы — управленческих, финансовых, организационных, технологических и т. д.

Руководствуясь таким подходом в понимании сущности и значимости экстремальных ситуаций в жизнедеятельности индивидов и их сообществ в условиях современного цивилизационного, в чрезмерной степени технизированного, а потому и тающего в себе возможность катастроф развития, автор поставил цель осуществить социально-философский анализ катастрофических ситуаций и их многообразных воздействий на поведение человека, его образ жизни, ценностные ориентации и установки. Определяющая задача такого анализа — исследовать и охарактеризовать типологические черты содержания и способов проявления различных экстремальных ситуаций и катастроф (глобальных, региональных и локальных, природных и антропогенных, экологических, технологических, социальных и т. д.), выявить социально-психологические особенности поведения людей в экстремальных ситуациях, а также цивилизационные механизмы адаптации социальных общностей и индивидов к катастрофным и посткатастрофным процессам. Большое внимание уделено выявлению специфики управленческой деятельности, возможностей и способов ее оптимизации в чрезвычайных ситуациях. Особое место в ней занимает теоретическая экпликация социальных последствий Черно-

бельской катастрофы и вызванных ею посткатастрофных процессов, ставших национальной трагедией белорусского народа.

Фактологический материал, составивший эмпирический фундамент книги, сформулированных в ней оценок, теоретических выводов и обобщений, предлагаемых рекомендаций, получен не только на основе ознакомления с разнообразной научной, художественной и религиозной литературой, но и посредством многочисленных социологических исследований, осуществленных автором или при его участии в 1987—1994 годах, главным образом в Беларуси и в ряде смежных регионов.

Раздел I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ, КАТАСТРОФОЛОГИИ. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КАТАСТРОФ

Глава 1

КАТАСТРОФЫ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Социально-экономические и политические трансформации в различных регионах мира, особенно на огромных пространствах Евразии, а также резко возросшие масштабы и последствия экологических и технологических катастроф чрезвычайно обострили внимание социологов, политологов, психологов, представителей других отраслей научного знания к экстремальным ситуациям. На волне неуклонно нарастающего интереса к данной проблематике в структуре XII Всемирного социологического конгресса, состоявшегося в июле 1990 г. в Мадриде (Испания), выделен теоретический симпозиум, его трехдневные заседания были целиком посвящены исследованию катастрофных явлений и процессов. В рамках симпозиума автор этой книги выступил с докладом «Чернобыльская трагедия — уникальный объект социологии катастроф», вызвавшим значительный интерес участников дискуссии.

Нарастание интереса к названной проблематике и увеличивающийся поток публикаций, посвященных анализу чрезвычайных ситуаций и особенностей поведения людей в них, обусловлены взаимосвязанными факторами, возрастающее воздействие которых как на социальные процессы глобального и местного характера, так и на мировое общественное мнение заметно возросло. Что имеется в виду? Во-первых, на протяжении 1980—1994 гг. произошло более половины всех технологических катастроф, случившихся в XX веке, а от возникших по причине этого экстремальных ситуаций или их последствий погибло

более трети людей, ставших жертвами различных катастроф. Во-вторых, многие катастрофы, ранее трактовавшиеся как природные (например, опустынивание Сахары и значительной части Индии), в действительности суть результаты разрыва новейшей техногенно ориентированной культуры и традиционной культуры, единства человека с природой, или, говоря иными словами, результаты человеческого пренебрежения экологическими изменениями в мире, все чаще принимающими катастрофический характер. В-третьих, социально-экономическая и политическая катастрофа, постигшая в то же десятилетие казавшуюся дотоле неизменной и монолитной систему социализма (крах прокоммунистических режимов в Восточной Европе, крушение марксистско-ленинской доктрины в идеологии, непостижимо быстрая агония КПСС и развал Советского Союза), оказавшая мощное и пока еще недостаточно представляемое по своим последствиям воздействие на мировое общественное развитие, вызвала новый всплеск интереса к проблематике катастроф во всем мире. В-четвертых, самая крупная в истории человечества социо-эколого-технологическая катастрофа, вызванная аварией на Чернобыльской АЭС и обернувшаяся национальным бедствием для белорусского народа, придала небывалый доселе привкус обеспокоенности тем обширным исследованиям катастроф и чрезвычайных ситуаций, которые становятся все более масштабными в различных, в том числе во всех промышленно развитых, странах мира.

При вдумчивом анализе социально-экологической ситуации, сложившейся на обширных территориях в результате Чернобыльской катастрофы, обращает на себя внимание прежде всего чрезвычайная масштабность не самого по себе ареала распространения радионуклидов, а гигантская численность людей, ставших реальными или потенциальными жертвами этой трагедии или ее близких и отдаленных последствий. На подвергшихся радиоактивному загрязнению территориях в Беларуси, России и Украине (имеются в виду районы с плотностью радиоактивного загрязнения цезием-137, равной 1 кюри на квадратный километр и выше) проживает около 5 млн. человек, значительную часть которых составляют дети. Эта катастрофа, а также вызванные ею негативные по характеру воздействия на организм человека посткатастрофные процессы существенно изменили и без того не-

устойчивую социально-экологическую ситуацию в зоне радиоактивного загрязнения, создав реальную опасность ухудшения состояния здоровья нескольких сот тысяч людей, в первую очередь детей, которые наиболее чувствительны к экологическому неблагополучию.

Проведенные в 1986—1994 годах специальные мероприятия позволили несколько снизить суммарную дозу облучения населения в пострадавших районах (на протяжении данного периода на преодоление последствий катастрофы в Беларуси израсходовано свыше 358,5 млрд. руб., из зоны радиоактивного загрязнения переселено более 135 тыс. человек). Однако неблагоприятные тенденции в динамике основных социально-демографических и социально-психологических показателей состояния здоровья людей не только сохраняются, но и усиливаются. Существенно снизились рождаемость, естественный прирост населения; чаще стали регистрироваться эндокринологические, онкогематологические, психоневрологические, кардиологические и иные заболевания, особенно у детей, а также осложнения в течении беременности и родов у женщин. Поэтому на приоритетное место выдвигается вопрос о здравоохранительной, социальной и социально-психологической защите человека в настоящее время и в последующие годы.

К тому же следует учитывать, что наряду с объективно фиксируемыми показателями риска для физического, психического и социального здоровья взрослого и ребенка в условиях посткатастрофного развития очень часто возникают ситуации, когда риск не может быть сведен к одной или нескольким числовым величинам. В таких случаях он ассоциируется с целым рядом негативных явлений (рост численности тех или иных заболеваний, их летальных исходов, резкое снижение рождаемости, количество человеко-дней нетрудоспособности и т. п.). Такие ситуации приводят к субъективному восприятию объективно существующего риска в резко возрастающих по сравнению с его реальными показателями масштабах. Это в свою очередь существенно усиливает состояние тревожности населения, особенно в отношении здоровья и полноценного социального развития детей и подростков. В силу количественной и качественной неопределенности такого рода состояний, неизбежно возникающих в экстремальных ситуациях крупных технологических и экологических катастроф, зарубежные специалисты по катаст-

рофологии рассматривают восприятие риска как своего рода «черный ящик», неизбежный и непостижимый одновременно. Все это делает изучение социальных и социально-психологических аспектов резко изменяющегося поведения индивидов и социальных общностей, их адаптации к новым состояниям окружающей среды, как природной, так и социальной, в экстремальных ситуациях катастрофного и посткатастрофного развития весьма актуальным, имеющим большое теоретическое и практическое значение.

Взрыв ядерного реактора на Чернобыльской АЭС, вызвавший непредвиденные негативные экологические и социальные последствия на обширных территориях, убедительно показал, что разрушительный потенциал крупных социо-техно-экологических катастроф ныне сопоставим с военно-политическими чрезвычайными ситуациями. Социально-негативные последствия таких катастроф приобретают глобальное, всечеловеческое измерение, что создает принципиально новую проблемную ситуацию в катастрофологии. Речь идет о необходимости методологически выверенного и теоретически обоснованного перехода от описания тех или иных, чаще всего локальных, катастроф к концептуализации экстремальных ситуаций, а также предкатастрофных, катастрофных и посткатастрофных процессов, создаваемых ими последствий, главным образом негативных, для жизнедеятельности индивидов и их различных общностей — семья, трудовой коллектив, поселенческая структура, этническая группа и т. п. А это означает, что для многообразных чрезвычайных явлений, таких, как землетрясения, обвалы, транспортные аварии, промышленные взрывы и т. д., должны быть найдены общие им инвариантные сущностные характеристики, позволяющие выработать для всех их единый интегральный в своей сущности категориальный статус. В частности, такими инвариантами выступают: неординарность, внезапность, разрушительный характер, неопределенность катастроф, нехватка времени на преодоление их последствий. Поскольку основной, притом невосполнимой жертвой разнообразных катастроф становится человек, его здоровье, а часто и жизнь, этот категориальный статус может быть правильно определен только через обращенность к человеческому бытию и сознанию.

В связи со сказанным первым методологическим ша-

гом в построении социологической теории катастроф должно стать выделение классифицирующих критериев, позволяющих осуществить типологизацию различных и весьма многообразных чрезвычайных ситуаций. Разумеется, учитывая огромное разнообразие таких ситуаций, конструировать типологию катастроф можно по различным основаниям.

По объекту катастрофического развития и степени социальности, то есть масштабности причинной вовлеченности общественных отношений в их возникновение, целесообразно выделить четыре типа катастроф: природные, экологические, технологические, социальные.

Природные катастрофы вызываются действием стихийных сил природы: одни из них разворачиваются по краткосрочному, стремительному сценарию (торнадо, цунами, землетрясения и т. п.), а другие — по длительному, растянутому во времени (засухи, покровное оледенение Земли в ледниковый период, катастрофическое погружение в морскую пучину пракоинтоентов, описанное в сказаниях об исчезновении Атлантиды, и т. п.). Человек пока еще чаще всего не в состоянии предотвратить стихийные бедствия, но он накопил достаточный опыт, позволяющий снизить размеры катастрофических последствий подобного рода природных явлений (например, разрушительных последствий урагана или землетрясения).

Экологические катастрофы тоже обусловлены преимущественно естественными силами природы, но в их детерминирующую сеть чаще всего вплетен и антропогенный фактор — они имеют по существу социоприродную детерминированность. Идет ли речь об экологическом бедствии в районе Аральского моря или в зоне Персидского залива, других экологических катастрофах, почти все они связаны с дисбалансом между давлением на среду жизни (не только человека, но и других живых существ) и природно-ресурсным потенциалом.

Технологические катастрофы, к каковым относятся взрывы ядерных реакторов, газо- и нефтепроводов, аварии самолетов, космических кораблей, морских судов, железнодорожного и автомобильного транспорта и т. п., детерминированы, как правило, рассогласованием во взаимодействии основных компонентов в человеко-машинных системах. Поэтому они обусловлены неполадками в функционировании технологических систем и техноло-

гий, но в еще большей степени — несовершенством, просчетами, ошибками, халатностью и т. п. в деятельности персонала, обслуживающего сложные технические устройства. Относительная кратковременность такого рода катастроф, во-первых, не снижает масштабов разрушений и тяжести их последствий, а во-вторых, может сопровождаться длительными посткатастрофными процессами (как это произошло в результате крупномасштабной ядерной катастрофы в Чернобыле), вызывающими огромные людские, финансовые, материальные потери, экологические бедствия и т. п.

Социальные катастрофы, ведущие к разрушению тех или иных социальных систем или общностей (социально-политический строй, государство, территориальная общность, семья и т. п.), к значительным потерям населения, деструктивным сдвигам в демографической и социальной структурах общества, в его духовной жизни, воплощаются в войнах, революциях, контрреволюционных переворотах и др. социальных явлениях. Они целиком детерминированы социальными (экономическими, политическими, психологическими и иными) факторами.

В свою очередь каждый из выделенных типов катастроф может иметь свою внутреннюю дифференциацию. Например, технологические катастрофы подразделяются на производственные, энергетические, транспортные и т. д.

По масштабам действия катастрофы можно подразделить на:

1. **Локальные** (например, взрыв в цехе футляров объединения «Интеграл» в Минске).
2. **Региональные** (гибель Аральского моря).
3. **Страновые** (например, разрушительное наводнение в 1993 г. в Индии и Бангладеш).
4. **Глобальные** (например, Чернобыльская катастрофа).

По характеру развития катастрофы делятся на:

1. **Функциональные.** Их возможность и достаточно большая вероятность связана с тем, что существует принципиальное расхождение между масштабами и темпами природных флуктуаций, с одной стороны, и флуктуациями антропогенных (включая сюда и техногенные) объектов, сотворенных активными миропреобразовательными действиями человека. Например, существенное расхождение между принципами **опережения градостре-**

ительства, с одной стороны, и недостаточным знанием геологических процессов, их динамики и периодов флуктуационной поляризации природных стихий, с другой, способно привести к колоссальным негативным последствиям природных катастроф, таких, скажем, как это случилось с землетрясением в Армении.

2. Эволюционные. Они детерминированы спецификой динамики того или иного природного объекта. Например, гибель динозавров была предопределена внутренними особенностями этого вида, не выработавшего в себе в процессе эволюции действенных механизмов охраны, защиты своей популяции от возможных, в том числе и катастрофических, изменений в окружающей среде. То же самое, разумеется с необходимостью выявления качественной специфики социальных объектов, можно сказать о крахе бывших социалистических режимов в странах Восточной Европы [2, 3—4].

Если мы примем во внимание эти три возможных и, как представляется, конструктивных, но отнюдь не исчерпывающих классифицирующих критерия типологизации катастроф, то можно категоризировать рассматриваемую проблему, дав предварительное социологическое определение катастрофы как чрезвычайной ситуации.

Такого рода ситуации весьма многообразны по содержанию, характеру протекания, масштабам, вызвавшим их техногенным, социально-экономическим, социокультурным, природным и иным факторам. В то же время многие из них по всем названным параметрам уникальны (например, крупнейшая промышленная катастрофа в индийском городе Бхопале в 1984 г., Чернобыльская катастрофа в апреле 1986 г.). Поэтому такие явления и процессы нельзя правильно оценить, понять и интерпретировать посредством отдельных, нередко разрозненных замеров (чаще всего локальных, точечных) отдельных проявлений многомерных процессов. Здесь не сработает тривиальная аналитическая теоретическая концепция и построенный на ее основе набор показателей, эффективность которых можно достаточно просто и с большей степенью достоверности выявить посредством логического анализа и экспериментальной (пилотажной) верификации. Для всестороннего социологического исследования поведения индивидов и общностей в экстремальных ситуациях катастроф и посткатастрофных процессов необходим принципиально иной, интегральный подход, орга-

нично соединяющий в себе аналитические и синтетические логические операции в единстве их синхронных и диахронных аспектов, произведенные на широкой и добротной основе эмпирических данных. Одним из наиболее продуктивных в таком случае может стать редко применяющийся в социологии, однако весьма эффективный по своей аналитической и предсказательной мощи парадигматический подход.

Этот подход в своей методологической сущности исходит из введенного в науку Т. Куном интегрального понятия «парадигма», прекрасно сработавшего в исследовании науки, в частности научных революций, и успешно примененного американскими и финскими социологами для изучения массового сознания [4, 11—12].

Следует иметь в виду, что в отличие от куновского применения парадигмы к анализу теоретического сознания в его высшей форме — науке — в социологии (в том числе и в исследовании экстремальных ситуаций) парадигматический подход применяется к изучению массового сознания в его взаимодействии с различными (чаще всего групповыми, массовыми) формами поведения, в том числе и раскрывающими свои типологические черты в нестандартных, кризисных ситуациях. Поэтому сам термин «парадигма» при сохранении своей методологической основы наполняется здесь новым, достаточно специфическим содержанием, а это влечет за собой и несколько иной, чем в науковедении, способ концептуализации, предшествующий эмпирическим социологическим исследованиям.

В социологии парадигма предстает как вполне определенная теоретико-интерпретационная конструкция, выявляющая установку массового сознания на направленность и уровень напряженности позитивных или негативных чувств, исходящих из практического отношения субъекта к внешнему миру и соединяющих в себе его различные социальные потребности с ценностными ориентациями, жизненными позициями индивидов и их групп (общностей). Такой подход позволяет изучать естественные группы и общности людей в условиях не замкнутого эксперимента, а реального социального мира (социума) во всем многообразии взаимодействия данных групп и отдельных индивидов с внешней средой (природной и социальной), с техносферой, с субкультурами, ценностными и мировоззренческими установками и т. п. Он интер-

претирует изучаемый процесс как частный случай более общей тенденции по следующей схеме: если исследуемая ситуация такова, то наиболее вероятная причина ее состоит в том-то (или наиболее вероятное следствие будет таким-то), поэтому целесообразно поступать таким-то образом, исходя из таких-то ценностей, норм и установок.

Эвристическая мощь и эффективность парадигматического подхода существенно возрастает, когда в исследовании применяется метод мониторинга, то есть периодически повторяющегося социологического измерения изучаемого объекта, позволяющий представить этот объект не в статике, а в динамике, в изменении его количественных и качественных характеристик, в основных тенденциях его развития. Применительно к экстремальным ситуациям, катастрофам и посткатастрофным процессам предметом социологического мониторинга становятся социальные процессы, отражающие социально-политические, экономические, технологические и социокультурные условия, предшествовавшие катастрофическому явлению и видоизмененные под его воздействием. Сюда также относятся трансформации в жизненных условиях, ценностных ориентациях, поступках, трудовой деятельности, во внутри- и межгрупповом общении и взаимодействии людей, пострадавших от катастрофы, возникающие у них стрессовые реакции, фобические и иные социально-психологические расстройства, особенности их адаптации (дезадаптации) к катастрофически изменяющимся условиям природной и социальной среды, отношение к органам власти, организующим преодоление последствий катастроф, и т. п. Совокупность названных и других, тесно связанных с ними, проблем составляет содержательный контекст мониторингового исследования катастрофных и особенно посткатастрофных процессов.

Кроме того, в социологическом мониторинговом исследовании, в том числе и событий, связанных с катастрофами и их восприятием различными индивидами, их группами и общностями, вычленяются типы подлежащих решению задач. Эти задачи, их формулировки, способы решения, построение соответствующих гипотез, социальных индикаторов, выборки инструментария (анкет, формализованных интервью и др.), выбор методов обработки и анализа данных и т. п. определяются исходя из содержательных компонентов исследования и в решающей мере обуславливаются ими, носят вторичный по отношению к

ним характер. Поскольку как само содержание мониторингового исследования социальных проблем, порождаемых катастрофическими процессами, так и типологизация решаемых при этом видов исследовательских задач многопланово, постольку столь же многоаспектным становится определение уровней теоретического анализа изучаемого объекта и составляющего фактологическую основу такого анализа структурирования необходимого эмпирического социологического материала. Вследствие этого социологический мониторинг многомерного объекта исследования, каковым является поведение индивидов и социальных общностей в экстремальных условиях конфликтов, катастроф и посткатастрофного развития, предполагает введение довольно сложного, многослойного способа концептуализации и столь же многомерного инструментария, позволяющих охватить исследуемые процессы в их разнообразных связях.

Применение парадигматического метода к социологическому исследованию предполагает согласованное использование пяти уровней теоретического анализа изучаемой ситуации (процесса):

1. Уровень основных всеобщих теоретических предпосылок.

2. Уровень построения каузальных моделей для объяснения применяемых гипотез.

3. Уровень сформулированных на языке наблюдения эмпирических индикаторов (систем показателей) и проверочных предположений (измерительно-инструментальные интерпретационные концепции).

4. Уровень теоретического анализа полученных эмпирических данных и их синтетического обобщения в единую теорию, описывающую и объясняющую исследуемый феномен.

5. Уровень социальной технологии, позволяющий применить выявленные сущностные взаимосвязи явлений и тенденций к построению прогнозных оценок и сценариев наиболее вероятного поведения индивидов и их общностей в изменяющейся тем или иным образом ситуации.

Эта пятиуровневая теоретическая конструкция дает возможность исследователю определить, что он может и должен получить в итоге осмысления эмпирического материала — измеряемую набором индикаторов стереотипную социальную самопрезентацию индивидов и их групп или их внутреннюю субъективную характеристику, детер-

минирующую те или иные формы потенциального поведения в определенном образом изменяющейся ситуации. Разумеется, в случае исследования поведения индивидов и их общностей в экстремальных ситуациях катастроф и посткатастрофных процессов исследователя в наибольшей мере интересует второй вариант получаемых измерений и их концептуализации. При такой ориентированности (по второму варианту) парадигматический подход к исследованию социально-негативных последствий катастроф и рожденных ими посткатастрофных процессов предполагает последовательное или одновременное, параллельное осуществление целого ряда исследовательских процедур, располагающихся в определенном порядке.

1. Осознание сути изучаемой проблемной ситуации — реального противоречия между жизненными устремлениями индивидов и их общностей, с одной стороны, и реально существующей социологической ситуацией и мерой порождаемой ею опасностью, риска для нормальной жизнедеятельности человека, с другой. Эта исследовательская процедура включает в себя в качестве важнейшего компонента формулирование некоторого числа обобщенных теоретических суждений, выступающих в качестве концептуальных предпосылок исследования, таких, например, как в случае Чернобыльской катастрофы: «В тех местностях, где существует высокий (свыше 40 кюри/кв. км) уровень радиоактивной загрязненности, жизнь человека подвергается серьезной опасности», «первоочередным действием в посткатастрофный период в районах высокого радиоактивного загрязнения является отселение людей в экологически чистые районы» и т. п.

2. Определение базисных ценностей, из которых выводятся суждения о желательности и (или) нежелательности тех или иных действий в тех или иных экстремальных ситуациях (например, суждение о желательности или нежелательности массового переселения людей из районов, где радиоактивное загрязнение составляет от 15 до 40 кюри/кв. км).

3. Выявление основных аспектов исследуемой проблемы и оценки опасности возможной ситуации в целом или по каждому из выделенных аспектов для проживающих здесь людей, в первую очередь детей и подростков: а) экономический — заработная плата, доход на душу населения, компенсации и индексации, личное подсобное хозяйство, различные виды льгот и выплат, снаб-

жение продовольственными и промышленными товарами и т. п.; б) производственно-трудовой — содержание, условия, стимулы, мотивация труда, занятость, взаимоотношения в трудовых коллективах, фермерство, предпринимательство и т. д.; в) демографический — положение семьи, женщин, детей, рождаемость, смертность, их соотношение, родственные связи, соседские отношения, положение стариков, инвалидов, пенсионеров, молодежи, миграционные процессы и проч.; г) социальный — социальное состояние людей, социальная инфраструктура, степень удовлетворенности (неудовлетворенности) ее основными компонентами: системой охраны здоровья, детскими дошкольными учреждениями, учебными учреждениями, бытовым обслуживанием, пассажирским транспортом, средствами связи, жилищно-коммунальным хозяйством и т. п.; д) экологический — состояние окружающей среды, степень ее опасности и составляющих ее компонентов (воздуха, воды, земли, растительного мира и т. п.) для проживания и здоровья человека, степень ее дезактивации, удовлетворенность всем этим, способы и меры снижения деструктивного воздействия экосистемы на человека; е) политический — степень и эффективность действий государственных и местных органов власти по снижению негативных воздействий посткатастрофных процессов на человека, активность в этом направлении различных партий, профсоюзных организаций, общественных движений, степень удовлетворенности (неудовлетворенности) населения действиями этих и других социальных структур; ж) социально-психологический — совокупность социальных ожиданий, тревог и надежд населения, социально-психологический климат в коллективах и других общностях (поселение, район и др.), степень социально-психологической комфортности (дискомфортности) повседневной жизни человека в экстремальных условиях посткатастрофного развития, уровень тревожности, радиофобия, отношение к «чернобыльцам» населения экологически чистых районов; з) духовно-нравственный — особенности мировосприятия, мировоззренческие установки, роль традиций, моральных принципов и ценностей, средств массовой информации, религиозных организаций, общественных фондов, организаций милосердия и т. п.

4. Определение основных причин, приведших к данной экстремальной ситуации, к возникновению требующей своего решения проблемы: а) социально-экономические —

свойственная тоталитарно-монистической системе экономика на всем, кроме здоровья и жизни человека, пренебрежение человеческими потребностями, ценностными ориентациями, стремлениями, превращение человека не в цель развития системы, а в средство достижения ее целей; б) технологические — низкий уровень технико-технологической оснащенности АЭС и других технически сложных сооружений, их технологической надежности и безопасности, недостаточный контроль за незаконным соблюдением техники безопасности и т. п.; в) экологические — недооценка масштабов и силы негативного воздействия на человека чрезмерных техногенных нагрузок на окружающую среду, отсутствие независимой и объективной экологической экспертизы строящихся и эксплуатирующихся сложных производственных сооружений, оказывающих мощное воздействие на экосистему, технологическая слабость служб экологической защиты, гражданской обороны и т. д.

Перечень может быть продолжен путем выявления причин по каждому из изложенных выше аспектов изучаемой проблемы.

5. Вычленение субъекта (субъектов), действия которого привели к возникновению экстремальной ситуации, и проблемы снижения ее негативного воздействия на человека. Так, при анализе Чернобыльской катастрофы ими могут быть: а) бывшее государственное и партийное руководство бывшего СССР, б) Минатомэнерго СССР, в) правительство БССР, г) местные органы власти.

6. Выявление степени вины того или иного субъекта (субъектов) в возникновении экстремальной ситуации: а) главный виновник, б) высокая степень вины, в) средняя степень вины, г) незначительная вина.

7. Определение субъектов, ставших вследствие нерациональных действий выше охарактеризованных субъектов объектами (жертвами) экстремальной ситуации, а также их тревог, социальных ожиданий и предпочтений: а) отселение из зоны радиоактивного загрязнения; б) отправка из данной зоны детей на довольно длительное проживание в экологически чистых районах; в) получение населением определенного набора льгот и компенсаций; г) улучшение медицинского, социально-бытового обслуживания, социально-психологической реабилитации и социальной защиты людей в традиционных местах проживания.

8. Определение и научно обоснованная иерархизация (выделение приоритетных) путей и способов решения проблемы.

9. Предлагаемые меры и средства для снижения деструктивного воздействия экстремальной ситуации на человека, в первую очередь усиление охраны материнства и детства, создание условий для нормального физического, психического, социального развития подрастающего поколения.

Вышеназванные девять исследовательских процедур, взятые в их органичном взаимодействии и вытекающие из единой теоретической экспликации, дают возможность выявить стержневую детерминантную проблему социологического исследования социальных аспектов крупномасштабного катастрофного процесса и его последствий — именно доминантную, а не просто приоритетную. В применении к Чернобыльской трагедии это проблема объективного радиационного риска и динамически изменяющейся степени восприятия такого риска различными индивидами и их общностями — семья, трудовой коллектив, субкультурная группа, территориальная, этническая общность и т. п. Обобщение опыта и материалов проведенных ранее медицинских, социологических, радиологических, социально-психологических исследований, в том числе и сотрудниками Института социологии Академии наук Беларуси, дает основание для утверждения, что последствия радиоактивного загрязнения гораздо опаснее для здоровья и нормального социального развития женщин, чем мужчин, детей, чем взрослых. Вследствие этого доминантой исследовательского проекта становится извечная духовно-нравственная проблема философии, искусства, религии и морали — высшая форма духовного самопостыжения человека, воплощенная в проблеме «Мать и дитя» и эксплицированная в многообразных образах мадонны, начиная от христианской богородицы и вплоть до многочисленных образов мадонны XX века, воспетых в поэзии, музыке, изобразительном искусстве.

Выделение этой именно доминанты, органически связанной с приоритетным правом детей на жизнь, хорошее здоровье и нормальное социальное развитие независимо от социально-технологических катастроф и прежних социально-экономических ситуаций, возникающих в обществе переходного типа, ставит в повестку дня проведение многоаспектного междисциплинарного исследования

проблем охраны материнства и детства в экстремальных условиях посткатастрофного развития, обусловленного взрывом на Чернобыльской АЭС. Речь идет о проведении на достаточно хорошо продуманных и обоснованных методологических, теоретических и методических основаниях крупномасштабного мониторингового исследования социальных, социально-экономических, социокультурных, социально-психологических и демографических процессов, протекающих в условиях посткатастрофного развития, с сопоставлением их основных параметров с аналогичными процессами в экологически чистых районах. Поскольку здесь речь идет в первую очередь о будущем огромного количества людей, проживающих в зоне радиоактивного загрязнения (только в Беларуси их 2,2 млн. человек), постольку на передний план выдвигается проблема определения степени деформации социального становления личности ребенка в условиях посткатастрофного развития с дифференциацией по зонам с различным уровнем радиоактивного загрязнения, по типам семей и поселений, социального и социокультурного окружения. Только на этой основе можно определить возможности корреляции формирующего влияния на детей и подростков со стороны объектов общения (семья, коллектив, компания сверстников), учреждений и общностей, занимающихся обучением и воспитанием (детсад, школа, субкультурная общность), среды обитания — поселенческая структура, экологическая система и т. п. А это дает возможность выработать и довести в заинтересованные органы прогнозные оценки, наиболее вероятные сценарии развития социальных процессов, а также практические рекомендации по выделению социальных компонентов охраны материнства и детства, по социальной реабилитации лиц и их групп, пострадавших от катастрофных и посткатастрофных процессов, увеличению их эффективности в плане расширения возможностей адаптации или реадaptации личности к экстремальным ситуациям посткатастрофного развития.

Нестандартность экстремальных ситуаций и поведенческих реакций в них индивидов и их общностей требует столь же нестандартного применения теоретической парадигмы. Здесь наиболее конструктивна так называемая «парадигма нелинейности», в рамках которой кризисные, конфликтные, катастрофические процессы могут рассматриваться как нелинейные объекты. Для социологической

исследовательской программы важно иметь в виду формализованные отличительные признаки этих объектов от линейных систем. Специфическими характеристиками последних являются вполне определенная, достаточно четко предсказуемая тенденция развития, наличие аддитивности (величина или свойство, соответствующие целому объекту, равны сумме величин составляющих его частей, вследствие чего малое воздействие на систему (в системе) вызывает малый отклик), вне стационарного состояния такие системы могут вести себя непредсказуемо.

Для анализа нелинейных социальных систем теоретическая социологическая парадигматика должна использовать иные, чем в линейных системах, понятия: а) неаддитивность (целостность не исчерпывается суммой частей, а малое воздействие способно вызвать крупный сдвиг); б) потенциальность (то есть существование в нецеликом актуализированном, даже альтернативном виде); в) критичность (наличие таких значений параметров системы, вблизи которых происходит актуализация потенциальности, возникает ситуация неустойчивости, где малые воздействия могут стать критическими и приводить к неуправляемости системой); г) целостность (невозможность, бессмысленность, с исследовательской точки зрения, выделять «части»); д) динамический хаос (внутреннее состояние системы и ее изменения не соотносятся адекватным образом с внешними воздействиями); е) историзм (значение исходного «начала» поведения, зависимость от прошлого и в то же время — отсутствие предопределенности); ж) неопределенность (большая флуктуация возможных вариантов событий, отсутствие четко определенных тенденций, непредсказуемость последующего поведения системы и включенных в нее людей); з) катастрофический потенциал (возможность возникновения кризисной, экстремальной ситуации, при которой напряжение достигает величины, достаточной для коренного изменения главных структур данной системы, для ее коренного преобразования или распада).

Для того чтобы этот набор характеристик был применен в социологическом анализе экстремальных ситуаций, необходимы методологически верное понимание и интерпретация базисных категорий, каковыми в данном случае являются: экстремальная ситуация, конфликт, катастрофа.

Экстремальная ситуация представляет собой резкий,

скачкообразный переход системы (технологической, социальной, экономической, экологической, личностной и т. п.) в результате чрезмерного нарастания внутренней или внешней напряженности из устойчивого состояния в неустойчивое, угрожающее распадом этой системы.

Чрезвычайная ситуация может разворачиваться по катастрофическому сценарию. В таком случае в процессе нарастания напряженности вначале создается кризисная ситуация, когда возникает угроза развала или гибели главных структур данной системы, но сама система сохраняется, восприняв этот стресс и распределив его между своими подсистемами. Такая система насыщена кризисными элементами и готова к переходу в новое качество, но динамическим путем. Пусковым моментом может стать повышение напряжения по любому параметру, описывающему систему в целом. Переход системы в новое состояние с коренным изменением главных ее структур и распадом на подсистемы выступает как катастрофический вариант экстремальной ситуации.

Исходя из сказанного, катастрофу можно определить как верхний предел напряжения в рассматриваемой системе, превышение которого угрожает разрушением системы, ее важнейших компонентов или переходом ее в другое качественное состояние.

Разумеется, такое определение является настолько общим, что его невозможно применить для конкретного описания той или иной катастрофической ситуации и ее исчерпывающей интерпретации. Но оно одновременно является и настолько общим, что позволяет вычлнить инвариантные особенности любого катастрофического процесса и тем самым охарактеризовать его типичные, характерные черты, свойственные ему именно как катастрофе. Под такое определение подпадают как природные, так и экологические, технологические, социальные катастрофы, а также катастрофы индивидуального бытия человека, его личные трагедии — смерть, утрата близких, крушение карьеры и т. п.

Но мы уже отметили, что в современной действительности чисто природных катастроф (за исключением вызванных космическими силами) практически не бывает. Поэтому в любую катастрофическую ситуацию так или иначе оказывается вовлеченным человек: то ли как ее инициатор, то ли как жертва, то ли как очевидец. В силу этого в мировой катастрофологической литературе, осо-

бенно в работах социологического, психологического, философского, религиоведческого характера, чаще всего термином «катастрофа» обозначается такая понятийная модель, посредством которой люди стремятся описать то или иное бедствие, движение событий в направлении конца, смерти, уничтожения, гибели. Р. Б. Рафаэль, в частности, отмечает, что «термин «катастрофа» преимущественно используется для обозначения тех событий и обстоятельств, которые требуют чрезвычайных приспособительных реакций общности и индивида, превышают их способности и приводят, по крайней мере, временами к массовым разрушениям обычных функций общности или индивида» [9, 5]. Пожалуй, кратчайшим и простейшим из данного вида определений является то, которое предложено Р. Коэном и Ф. Эхарном. Оно звучит так: «Катастрофы — это чрезвычайные события, которые являются причиной гибели собственности и могут оканчиваться смертью, физическим увечьем и человеческим страданием» [7, 5].

Наконец, Э. Карантелли замечает: «Многие социологи, занимающиеся исследованием катастроф, вероятно, примут понятие катастроф как социальных происшествий, наблюдаемых во времени и в пространстве, в которых общественное бытие (от общества в целом до его меньших подразделений, например общин) подвергается разрушению в повседневной общественной деятельности в результате действительного воздействия /или осознанной угрозы относительно неожиданного появления естественных и (или) технологических факторов, действующих разрушительно» [8, 3].

Солидаризируясь с приведенными высказываниями, подчеркнем, что социология принимает в орбиту своих исследований те катастрофы, которые несут угрозу индивидуальному человеческому существованию, данной социальной общности (семья, трудовой коллектив, территориальная, этническая общность и т. д.), а также обществу в целом.

Если принять во внимание все сказанное и представить это в системном виде, то можно сделать следующие методологические выводы.

Во-первых, экстремальные ситуации катастрофического типа не только возможны, вполне вероятны, но часто и неизбежны, ибо в самом процессе развития имманентно возникают такие моменты, когда происходит перебор

допустимого в пределах данной системы (природной, технологической или социальной) максимума напряжения, вследствие чего система разрушается, возникают катастрофические для ее дальнейшего существования последствия.

Во-вторых, поскольку катастрофы не только вероятны, но и неизбежны, важнейшим научным инструментом их изучения и возможного прогнозирования должна стать теория вероятностей. Предсказать точно, где, когда и каких масштабов, степени разрушительности последствий возникнет чрезвычайная ситуация, пока невозможно, но локализовать повышенную вероятность возникновения такого разрушительного процесса (например, землетрясения, взрыва нефтепровода и т. п.) уже можно, выделив пространственно-временную сеть, в которой возникновение экстремальных процессов и явлений имеет тенденцию к возрастанию.

В-третьих, при таком понимании — а это очень важно в методологическом плане — катастрофа, являясь верхним пределом допустимого напряжения в данной системе и тем самым вершиной определенной стадии или этапа ее развития, отнюдь не всегда означает конец ее, ее исчезновение, ибо вызванное чрезвычайной ситуацией действие может продолжаться в пределах той же самой системы, но в направлении, определяемом самой катастрофой [3, 37].

В отличие от катастроф, которые во всех случаях сопряжены с чрезвычайными ситуациями, конфликты характеризуются гораздо большей амплитудой разброса вероятностей, вследствие чего далеко не все они подпадают под определение экстремальных ситуаций. Виднейшие западные социологи, специалисты в области теории конфликтов Л. Козер и Р. Дарендорф вообще считают, что конфликтные ситуации суть проявления нормального, а не экстремального характера развития социальных систем. Конфликтной называют обычно ситуацию, в которой некоторому количеству взаимосвязанных между собой субъектов — отдельных индивидов, их общностей, группировок и т. п., каждый из которых имеет собственные, не совпадающие с другими субъектами интересы и цели, приходится принимать решения, противоречащие интересам и целям другой стороны. Поэтому социальный конфликт можно определить как предельный случай обострения противоречий, выражающийся в многообразных

формах борьбы между индивидами и их группами, направленной на достижение экономических, социальных, политических и иных целей, нейтрализацию действительного или мнимого соперника и не позволяющей ему добиться реализации его интересов.

Объективной основой конфликта выступает конфликтная ситуация. Но для его развертывания кроме конфликтной ситуации необходимо еще присутствие реального конфликтного поведения, то есть определенных способов соперничающего, враждебного, противоборствующего и т. п. взаимодействия конфликтующих сторон. Отнюдь не все конфликты связаны с экстремальными ситуациями, но есть их определенные виды, которые вполне подпадают под характерные черты экстрема, например межнациональные, военные конфликты.

В связи с тем, что экстремальные ситуации, включая конфликты и катастрофы, не только вполне вероятны, но часто и неизбежны, существует возможность упреждающего и управляющего воздействия на развертывание такой ситуации. Если система пришла в состояние экстремального, предкатастрофного развития, то есть возможность снизить масштабы и степень напряжения в ней. Например, с помощью направленного взрыва можно предотвратить землетрясение, можно построить плотину в Голландии и предотвратить катастрофическое воздействие разрушительных морских волн на низменность, на пространствах которой расположена преобладающая часть страны. Можно, наконец, сменить правительство и снизить тем самым степень социального напряжения в стране, приглушить и даже, быть может, устранить существующие в ней конфликты.

Таким образом, можно повысить барьер устойчивости системы к экстремальным ситуациям, а стало быть, степень ее стабильности и меру адаптационных способностей по отношению к различным, в том числе и катастрофическим, изменениям. В таком случае вероятность катастрофы уменьшается, но амплитуда ее размаха, а следовательно и величина возможных масштабов и разрушительности последствий, может возрастать. Здесь мы попадаем в сферу действия хорошо известного из квантовой физики и биологии принципа неопределенности, когда невозможно одновременно точно измерить два важнейших функциональных состояния изучаемого объекта. Следовательно, как бы то ни было, а свести вероятность

чрезвычайных ситуаций к нулю практически невозможно.

Принимая во внимание все сказанное, можно сделать важный в теоретико-методологическом отношении вывод, имеющий к тому же и прикладное, практическое значение. Суть его в следующем: человечество, его различные сообщества должны готовиться к чрезвычайным ситуациям, вырабатывать действенные механизмы защиты от возможных катастроф и в социальном, и в технологическом, и в психологическом смысле.

К чести для человечества, оно на протяжении своей многовековой истории выработало ряд действенных социальных механизмов и средств спасения (по крайней мере, снижения разрушительности) от экстремальных ситуаций. К ним относятся, в частности, этнос и этническая общность, основанная на единстве языка, культуры, территории, способная дать импульсы спасения народа от войн, революций, стихийных бедствий. К числу таких средств относится и государство, умеряющее вызревающие в обществе противоречия, конфликты, социальные потрясения, порой приводящие к катастрофам, и создающее тем самым возможность сохранения единой общегосударственной общности людей или ее возрождения, когда она в результате катастрофы утрачена. Именно так произошло, например, во время татаро-монгольского нашествия, когда проявилась объединяющая и спасительная для России роль Московского государства и русской православной церкви.

К числу механизмов предотвращения социальных катастроф и спасения от их разрушительных последствий относится и религия, дающая человечеству бесценный, аккумулированный в заповедях опыт переживания духовной катастрофы и столь же ценный опыт духовного спасения как отдельных индивидов, так и целых социальных общностей.

Человеческие сообщества могут вырабатывать социальные механизмы защиты от разрушительных последствий чрезвычайных ситуаций только на основании анализа как самих катастроф, так и тех событий, которые предшествовали им или следовали за ними. А из этого можно сделать еще один методологический вывод: необходимо рассматривать катастрофы не только и не столько в событийном, сколько в процессуальном порядке, то есть выделять для теоретического анализа не только само развертывание катастрофы, которое может быть и коротким

по времени, но и предкатастрофные и особенно посткатастрофные процессы.

Здесь следует принять во внимание очень интересное заключение, сделанное американскими социологами-катастрофологами: настоящее бедствие наступает тогда, когда кончается действие стихии и начинается оказание помощи пострадавшим. Ведь, с одной стороны, не только сами чрезвычайные ситуации, но и масштабы их разрушительных действий, их внезапность, распространенность вызываемых ими стрессов и т. п. во многом предопределяются особенностями предкатастрофного развития. А с другой, только в посткатастрофный период можно реально определить степень деструктивного влияния катастрофы на социодинамику социальной структуры, производственных, социокультурных, психологических взаимодействий людей, демографических процессов в зонах бедствия, таких, в частности, негативных явлений, как ломка сложившихся экономических отношений, территориально-этнических общностей, жизненного уклада и т. п. Только в этот период можно представить масштабы негативных последствий воздействия экстремальных ситуаций на функционирование таких различных единиц (объектов) социологического анализа, как индивид, семья, поселение, этническая общность.

Опыт комплексного социологического исследования трагических социальных последствий Чернобыльской катастрофы убедительно показал, в частности, что именно в условиях посткатастрофного развития выявляется эффективность или неэффективность таких «целевых подсистем» социальной системы, как обеспечение: а) медицинской помощи; б) социально-психологической помощи; в) социальной реабилитации лиц, пострадавших от катастрофы; г) социальной защиты населения, оказавшегося в чрезвычайных ситуациях катастрофы и посткатастрофных процессов.

В социологическом анализе событий, связанных с катастрофами, принимается во внимание не столько сам феномен катастрофы, но и предкатастрофные, а также посткатастрофные процессы, а на передний план в нем выдвигается проблема социодинамики катастроф. Если те или иные конкретные происшествия, поступки, оценки и т. п., характеризующие процесс катастрофы и ее отражение в индивидуальном и групповом сознании, требуют кропотливого микросоциологического анализа, где цент-

ром притяжения событий становится индивид — жертва катастрофы, ее очевидец, спасатель и т. д., то социодинамика катастрофы требует более широкомасштабного, макросоциологического анализа. Только в широком, макросоциологическом контексте можно определить предпосылки той или иной катастрофы, ее причины, масштабы, степень разрушений, этапы развертывания, длительность действий, направленных на преодоление ее последствий.

Специфической особенностью макросоциологического анализа катастроф является рассмотрение и интерпретация каждой из них в качестве общественного процесса. Может возникнуть вопрос: но ведь имеется немало катастроф природного, в том числе космического, происхождения, которые развиваются в сложной цепи причин и следствий, существующих независимо от человека и его деятельности. Действительно, это так. Однако социолог рассматривает все катастрофы, в том числе природные, космические, только применительно к развитию человеческих индивидов и их сообществ, поэтому он осуществляет макросоциологический анализ их с учетом объекта и предмета социологии как науки, где в центре внимания находится человеческая личность и ее взаимодействие с различными типами сообществ.

С точки зрения такого подхода в современных условиях существования нашей планеты не бывает чисто природных катастроф, ибо все они так или иначе связаны с человеческой деятельностью, а нередко и обусловлены ею. Никто не станет отрицать, что исчезновение мамонтов на Земле стало величайшей природной катастрофой в преддверии неолитической эпохи. Однако сегодня можно считать неопровержимо доказанным утверждение, согласно которому данная катастрофа оказалась подготовленной медленным процессом совершенствования орудий и способов охоты. Поскольку мамонты были на протяжении сотен тысяч лет основной кормовой базой человека, медленно приближавшийся кризис, связанный с нарушением естественного равновесия, достаточно быстро перерос в лавинообразный процесс катастрофического типа, причиной чего явился антропогенный фактор.

Еще с меньшим основанием можно утверждать, что катастрофы, довольно часто встречающиеся во «второй природе», то есть в технике, представляющей собой совокупность материализованных стремлений, отношений и действий общества, могут быть не общественно обус-

ловленными. В связи с этим не существует и чисто технических (или технологических) катастроф. Каждая из них в той или иной мере несет в себе социальный контекст, причем нередко он является определяющим, как это и произошло в Бхопале, Чернобыле и многих других трагических бедствиях, последовавших вслед за разрушением крупных технических объектов.

Как природные, так и технические катастрофы, неизбежно связанные с определенными социальными условиями, ставят перед анализирующим их социологом проблему соотношения нормы и выхода за ее пределы. Всякая катастрофа, будь это землетрясение, взрыв газопровода, война или революция, всегда представляет собой некий феномен, находящийся по ту сторону социально-нормального общественного развития. В любом катастрофическом процессе происходит разрушение, преодоление нормы в условиях, содержании, последствиях данного процесса и переход системы, в которой все это осуществляется, в ненормальное, экстремальное состояние. Поэтому социология рассматривает условия возникновения катастроф, их протекание, вызываемые ими последствия через призму выявления и интерпретации различных экстремальных ситуаций. Развертывание же катастрофных процессов в любой системе — в организме, в техническом устройстве, в социальной общности и т. п. — есть не что иное, как разрушение нормальности существования данной системы, ее развал, уничтожение или переход ее в качественно новое состояние. Поэтому вполне обоснованным представляется тезис: «Катастрофа есть специфический случай экстремального социального изменения».

Но если речь идет о социальных изменениях, важное значение приобретает выявление основных этапов катастрофического развития, его диахронного развертывания. Поскольку катастрофа для любой системы — экологической, технической, социальной — представляет собой разрушительный случай социальных либо социоэкологических, либо социотехнологических изменений, постольку перед анализирующим взором социолога должен изначально предстать предкатастрофный, докатастрофный период развития данной системы, ибо никак иначе невозможно сопоставить, что же в процессе развития анализируемой системы составляет ее норму, а что — катастрофический выход за пределы этой нормы.

Вслед за предкатастрофным этапом развития данной

системы теоретическому социологическому анализу подлежит собственно сам катастрофический процесс разрушения нормальных с точки зрения сохранения и развития системы условий ее функционирования и лавинообразное, зачастую взрывоподобное нарастание таких компонентов в этом процессе, которые в своей совокупности приводят к разрушению данной системы либо к ее качественному преобразованию. Здесь возникает новая для макросоциологического анализа проблема: наряду с вычлениением времени действия самой катастрофы необходимо выделить и исследовать те события, которые разворачиваются после нее, т. е. выделить посткатастрофные процессы. Они могут быть весьма разнообразны и включать в себя не только временные параметры тех мероприятий, которые необходимы для преодоления последствий катастрофических разрушений, но и темпоральные характеристики тех преобразований, которые осуществляются вследствие катастрофы и после нее и приводят к качественному преобразованию данной системы, например социально-экономического строя общества.

Конфигурация темпорального ряда событий, составляющих в своем последовательном, диахронном разворачивании совокупность предкатастрофных, катастрофных и посткатастрофных процессов, изображена на рис. 1.

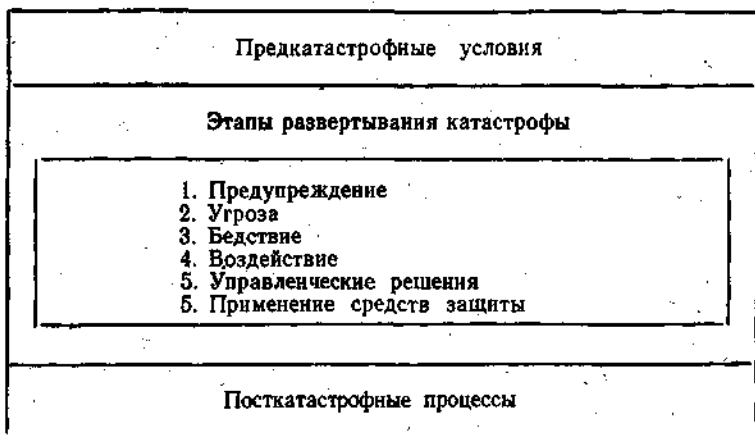

Рис. 1. Временные параметры катастрофы. При построении данной схемы использованы следующие источники: Wettenhall R. L. Bushfire Disaster: An Australian Community in Crisis. Sydney, 1975; Raphael B. When Disaster strikes. London, 1990. P. 7

Кроме временных пределов всякое катастрофическое событие обладает вполне определенными пространственными границами — территориальным распространением, масштабами разрушений и т. п. В результате катастрофы некоторые территории бывают полностью поражены, другие — частично, третьи — слегка, а четвертые вообще не подвержены разрушениям. Следовательно, разрушения, уничтожение, гибель, болезни и т. п., являющиеся след-

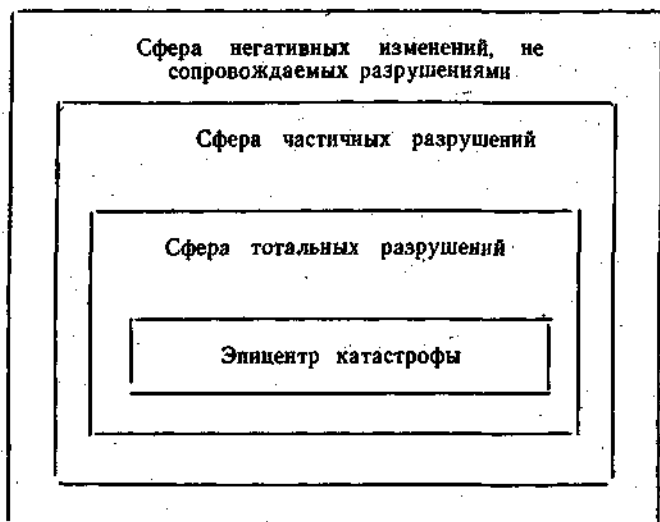

Рис. 2. Пространственное распространение катастрофы. При построении данной схемы использованы следующие источники: Raphael B. When Disaster strikes. London, 1990. P. 7

ствиями катастрофических событий, могут варьировать в достаточно широком диапазоне пространственных границ. Поэтому социально-временные параметры макросоциологического анализа социодинамики катастроф обычно дополняются исследованием их социально-пространственной протяженности. Такая протяженность схематично изображена на рис. 2.

Разумеется, далеко не всякая катастрофа может быть даже при сильной степени абстрагирования от ее конкретных проявлений уложена в приведенные выше схемы социально-временных и социально-пространственных параметров катастрофических событий. В частности, круп-

нейшая в истории человечества социо-техно-экологическая катастрофа — Чернобыльская — характеризуется не только трансграничными особенностями (поскольку порожденные ею радионуклиды мигрировали практически по всему северному полушарию), но и чрезмерной, трансвременной длительностью, ибо ее последствия, по расчетам американских специалистов, могут воспроизводиться в генетических структурах следующих друг за другом 22 поколений.

Социально-пространственный и социально-временной макроанализ катастрофического события подводят социолога к необходимости выявления территориальных и временных пределов действия вызванных этим событием многочисленных и разнообразных последствий: к макроанализу посткатастрофных процессов.

Разумеется, было бы опрометчивым рассматривать развертывание трех этапов анализируемого процесса только в социально-пространственных и социально-временных рамках. Скажем, посткатастрофный процесс почти никогда не означает полного и безоговорочного возвращения к предкатастрофной нормальности данной системы. Такая невозможность обусловлена тем, что всякая катастрофа влечет за собой невосполнимые утраты, в том числе и человеческих жизней, а потому движение к нормальному состоянию системы (организма, общества и т. п.) в посткатастрофных процессах сопряжено с огромными трудностями, сложностями, противоречиями и неизбежно порождает необходимость экстренного привлечения дополнительных ресурсов (финансовых, технических, человеческих и т. п.) для того, чтобы пострадавшая в катастрофе система смогла вернуться в более или менее нормальное состояние. Если же в результате катастрофы данная система разрушена, то переход к нормальному состоянию становится еще более проблематичным. Достаточно вспомнить произошедший недавно катастрофический распад бывшего СССР и последовавший затем переход от тоталитарной системы к рыночно-демократической, наталкивающейся на почти непреодолимые трудности на каждом шагу, чтобы убедиться в правомерности такого утверждения.

Специфика посткатастрофного развития способна оказать мощное воздействие на оценочные суждения относительно самой катастрофы и ее результатов. При этом вырисовывается интересная закономерность: чем больше

насыщенность катастрофического процесса сугубо социальными компонентами, тем относительно оценка результатов и самого содержания данного процесса. Скажем, результаты землетрясения, тайфуна или крупной автомобильной аварии оцениваются в качестве катастрофических всеми людьми, независимо от того, каковы их социально-политические симпатии или антипатии. Напротив, результаты Сталинградской битвы однозначно оцениваются как катастрофические для немецко-фашистских войск и Германии в целом, но они же рассматриваются как крупнейшая победа Советских войск, сыгравшая переломную роль в ходе Великой Отечественной войны.

Таким образом, макросоциологический анализ социодинамики катастроф включает в себя не только выявление диахронных и синхронных аспектов их развертывания, их сложный процессуальный характер, но и существенную дифференциацию их оценки различными субъектами, смысловые ориентации которых в случае катастрофы оказываются не только различными, а подчас и противоположными.

Думается, что изложенная конфигурация базисных понятий и методологических основ исследования экстремальных ситуаций дает возможность построить теоретический каркас для целостного социологического видения той или иной разновидности катастрофы в их существенных характеристиках, своеобразных проявлениях, в синхронном и диахронном развертывании, в многообразии социальных последствий. Но панорамная теоретическая экспликация чрезвычайной ситуации в ее социологических аспектах предполагает трехуровневое исследование поведения индивидов и их общностей, а также их взаимодействий в предкатастрофных, посткатастрофных и собственно катастрофных процессах.

Если иметь в виду социальную систему, то характерными чертами ее вхождения в экстремальную ситуацию являются:

1. Нестабильность.
2. Стремительное, чаще всего скачкообразное, нарастание кризисных явлений.
3. Слабая управляемость.
4. Потеря эффективности практически всех средств социального регулирования — норм морали, права, распоряжений органов власти и т. д.

5. Резкое, лавинообразное нарастание стихийных, массовых действий, чаще всего реализуемых в форме толпы, где эмоции и инстинкты захлестывают разум, а также неинституционализированных форм деятельности, альтернативных движений и структур.

6. Несоответствие наличных ресурсов — времени, материальных, людских, организационных и т. п. — целям и масштабам чрезвычайных в своей сущности действий по выправлению ситуации.

На уровне индивидуальном самое важное — особенности отражения экстремальной ситуации в поведении личности. Для человека, попавшего в чрезвычайную ситуацию, охарактеризованное состояние социальной системы реально выступает как неожиданное, резкое, быстрое и непредсказуемое, то есть тяжелое, чаще всего катастрофическое изменение социальной среды. Это ведет к таким следствиям:

1. Разрушение, по крайней мере преодоление, той сети социальных норм и установлений, которые до сих пор регулировали его социальные действия, обеспечивая их личностную и социальную приемлемость и эффективность.

2. Чаще всего встречающееся, а в катастрофических случаях почти неизбежное резкое уменьшение индивидуального жизненного ресурса — состояния здоровья, соответствующего опыта, необходимых навыков и т. п.

3. Необходимость жесткой и трудно осуществимой социальной реадaptации личности, ее ориентаций, жизненных установок, повседневного поведения к катастрофически изменяющимся социальным, экономическим, экологическим и другим условиям.

4. Связанная с этим необходимость мобилизовать и перераспределять основные компоненты своего жизненного ресурса в целях выживания, физического, психического и социального здоровья.

5. Все это вместе взятое приводит к резкому ограничению возможностей и вариантов стратегии свободного выбора. Одной из наиболее вероятных реакций личности на такое ограничение становится постоянная концентрация жизненного ресурса в данном моменте выживания, включая и снижение уровня притязаний.

На уровне социальных (межличностных и межгрупповых) взаимодействий экстремальная ситуация вызывает к жизни следующие последствия:

1. Непрерывно рецидивирующее нарушение баланса интересов различных индивидов и различных групп населения.

2. Вследствие этого усиливается конфликтогенность социальной среды: множатся межличностные, межгрупповые, межнациональные, межтерриториальные и иные типы конфликтов, нередко принимающие превращенную — иррациональную форму, поэтому их так трудно улаживать разумными способами — компромиссом, поиском сближающих позиций и т. д.

3. В результате возрастает роль феномена социальной справедливости в решении межличностных и межгрупповых споров и столкновений, причем «справедливость» трактуется весьма плюралистически, каждым со своих собственных позиций (вспомним диаметрально противоположные интерпретации «справедливости» враждующими сторонами в армяно-азербайджанском или грузино-абхазском конфликтах).

4. Нарушение баланса интересов и специфически понимаемой справедливости создает у индивидов и их групп ощущение, что их социальная защищенность нарушается или просто разрушается, а это подталкивает к поиску «врага», «зачинщика» и т. п.

5. В итоге возрастает процесс дезинтеграции, развала общностей и общества в целом, дестабилизирующее изменение его общественных, групповых и индивидуальных характеристик.

Изложенная концептуально-методологическая схема исследования экстремальных ситуаций применена под руководством автора сотрудниками Института социологии АН Беларуси в комплексном, организованном совместно с радиофизиками, радиохимиками, радиобиологами, медиками, другими специалистами, изучении социальных последствий Чернобыльской трагедии. Она, как нам представляется, может быть применена и к исследованию методами социологии иных экстремальных ситуаций, порождаемых природными, технологическими, социальными факторами либо их разнообразными комбинациями. К их широкому применению подталкивает нас и неумолимый календарь, напоминающий, что история, само время неуклонно продвигают человечество к концу тысячелетия. А на пороге нового тысячелетия, как свидетельствует история, сознание людей невольно будоражат апокалипсические кошмары. Идея конца всего су-

идею кажется потребностью индивидуального сознания, отравленного пережитой экологической, технологической, социальной катастрофой. Недавний крах долго державших в плену огромные массы людей социальных и технологических утопий вынуждает изменить масштаб предстоящего: предсказываемая многими футурологами, астрологами, прорицателями вселенская катастрофа, в каких бы тональностях ни выражалась ее губительная сущность — технологических, экологических, социальных, скрывает страх каждого индивида перед собственной кончиной, давая ему вместе с тем некий шанс не умереть в одиночку. Призрак гибели мира — последнее убежище личности, утратившей мечту о коллективном спасении. В тени рукотворного апокалипсиса проще избавиться от ужаса персональной смерти, подкрашиваемого псевдооптимистическим содержанием известной пословицы: «На миру и смерть красна».

Когда мы размышляем об апокалипсических предчувствиях, необходимо иметь в виду два эмпирически различимых аспекта интерпретации самого апокалипсиса. Первая его интерпретация центральным пунктом ожидания считает страшный суд и конец света, а вторая обещает после такого суда тысячелетие счастья. Причем оба эти толкования при всем их различии удовлетворяют человеческую потребность в надежде на воздаяние и ожидание блага.

И здесь следует признать, что в вопросах жизни и смерти религия выступает для огромного количества людей отнюдь не меньшим авторитетом, чем наука. И она, по крайней мере в ее христианской версии, не вызывает всеохватывающего и всеобщего апокалипсического завершения человеческого существования. Конец сотворенного мира, с религиозной точки зрения, представляется уж слишком легким выходом, избавляющим каждого из нас от личной ответственности. Отстаиваемый христианством гуманистический оптимизм формирует более ответственный склад сознания хотя бы потому, что свои личные трагедии гораздо легче пережить, чем общечеловеческие. И в свете сказанного уместно сделать вывод, что самое страшное в апокалипсисе — это то, что он может и не состояться, пусть хотя бы в мифе, притче, предании, ожидании. Ожидание возможной катастрофы делает людей осмотрительнее в отношениях с природой и себе подобными. А поэтому человечество должно готовиться к ка-

тастрофам, учиться преодолевать их самые разрушительные последствия.

Важную роль в этой спасительной для всех нас и многотрудной работе могут и должны сыграть завоевания культуры и цивилизации: многовековой опыт существования и выживания людей в экстремальных ситуациях, высочайшие достижения науки и техники, религиозная терпимость и мудрость, созидательный потенциал художественной литературы, музыки, живописи, театра, нравственности. Отнюдь не последнее место в этом многообразном наборе средств, способных подготовить людей к эффективным действиям в экстремальных ситуациях, принадлежит междисциплинарным исследованиям социальных и социально-психологических механизмов выживания людей в экстремальных ситуациях, расширяющихся возможностей оказания на них хорошо продуманных, эффективных управленческих воздействий.

Глава 2

ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ И КАТАСТРОФ

В научной среде, да и в общественном мнении, прочно утверждается убеждение, что большинство экстремальных ситуаций, технологических аварий и катастроф происходит на пересечении двух стихий, двух рядов закономерностей, управляющих двумя принципиально различными сферами, в которых протекает жизнедеятельность человека, — природной и социальной. Именно поэтому множатся попытки к созданию социально-экологических концепций экстремальных ситуаций, стремящихся осуществить междисциплинарный синтез социологического теоретизирования с естественнонаучными подходами исследования взаимодействия человека со средой его обитания, рассматриваемой в широком социокультурном контексте.

Одна из наиболее известных попыток принципиально нового истолкования причин, сущности и особенностей экстремальных ситуаций, в которых все чаще оказываются человеческие сообщества на исходе XX века, принят поборниками так называемого «инвайронментального» направления в социологии, которые претендуют на создание принципиально новаторской, отличающейся от всех предшествующих социологических теорий и школ социологической парадигмы.

В июне 1992 г. на международном симпозиуме, посвященном выявлению современных тенденций в развитии инвайронментальной социологии, известный поборник этого научного направления Дж. Шелл заявил: «Ядро инвайронментальной проблемы заключается в ответе на вопрос: кто решает, что производить, сколько, где, как и для кого. Это включает в себя проблему добычи энергии, и это гораздо шире, чем проблема среды производства, являющаяся частью социальной экологии». Но, чтобы ответить на этот коренной вопрос, считает он, необходим

по существу революционный переворот в современном экологическом сознании, более того — в повседневной практической деятельности человека. «Необходима, — по его словам, — настоящая социальная революция, которая изменяет этические установки, систему ценностей и нормы, чтобы преодолеть экологические опасности, перед лицом которых мы оказались. Или, как говорит Медоуз, нам нужна революция сознания. Римский клуб утверждает, что должна произойти Первая Глобальная Революция. Должно произойти совпадение точек зрения» [5, 10].

Итак, какое бы название назревшему перевороту в сознании и поведении мы ни избрали, ясно одно: необходимостью становится революция в наших знаниях, научная революция, долженствующая завершиться созданием принципиально новой парадигмы в современных представлениях об окружающей природной и социальной среде, необходима инвайронментальная по своей сущности и направленности, по методам исследования среды парадигма.

Но возникновение новой парадигмы в любой сфере знания, в том числе и в социологии, согласно классической схеме Т. Куна, означает отрицание старой. Какую же парадигму отвергает социология окружающей среды, или, как ее называют на Западе, инвайронменталистская социология, и какую утверждает?

Социологи из Вашингтонского университета Уильям Р. Кэттон и Райли Ю. Данлэп говорят, что чреватое экстремальными ситуациями бедственное экологическое состояние, в котором оказалось современное человечество, побуждает отбросить традиционную, более двух веков господствовавшую в социологии антропоцентристскую «парадигму человеческой исключительности». Этой парадигмой, несмотря на довольно существенные различия между собой, утверждают они, руководствуются до сих пор функционализм, символический интеракционизм, этнометодология и другие направления современной социологии. Основными постулатами, на которые опираются названные социологические доктрины в своих исследованиях, предстают четыре сентенции. 1. Человеческие существа являются уникальными социоприродными творениями, так как они обладают культурой. 2. Культура изменяется гораздо быстрее, чем биологические характеристики человека, поэтому именно ей принадлежит основная роль в социальном развитии индивидов и их общно-

стей. 3. Поведение человека обусловлено в первую очередь социальными, а не природными факторами. 4. Поскольку культура обладает свойством кумулятивности, общественный прогресс может продолжаться безгранично, что позволит все социальные проблемы рассматривать как принципиально разрешимые.

Все эти четыре постулата, считают поборники социологии окружающей среды, показали на протяжении XX века, особенно второй его половины, не только свою ограниченность, но и неспособность служить теоретической основой эмпирических социологических экспликаций. Это случилось потому, что их приверженцами не принято во внимание два важнейших фактора. Во-первых, они продолжают игнорировать зависимость общества от природной среды, а во-вторых, не уловили сущности наступившей в последние десятилетия новой эпохи ограниченных природных ресурсов, что и является в значительной мере причиной множества экстремальных ситуаций, в которых оказываются человеческие сообщества.

Опираясь на сформулированную Дж. Форрестером концепцию мировой динамики, базирующейся на теоретической модели, в которой взаимоувязаны население, капиталовложения (фонды), географическое пространство, природные ресурсы и производство продуктов питания, взаимодействие которых обуславливает динамику изменения в мировой системе [6, 14], У. Кэттон и Р. Данлэп утверждают, что в основе новой социологической парадигмы должен находиться принципиально иной, чем прежде, подход к проблеме человека и его социально-природных взаимодействий. Эту основу составляет признание определяющей роли «инвайронменталистских детерминант», куда включаются различные типы окружающей среды от искусственной, «очеловеченной», до естественной. Основными допущениями новой, инвайронменталистской социологии, по их утверждению, служат следующие четыре сентенции, прямо противоположные тем, которыми руководствуются сторонники антропоцентризма. Они таковы: 1. Хотя люди обладают исключительно им присущими характеристиками (культура, технология и др.), они тем не менее — только один из множества видов биосферы, формирующей нашу социальную жизнь. 2. Действие природы на общество приводит к непредсказуемым последствиям, независимым от сознательной человеческой деятельности. 3. Природные ресурсы планеты ограничены, а

это накладывает определенные ограничения на человеческую деятельность и общественный прогресс. 4. Хотя изобретательная деятельность людей увеличивает до некоторой степени несущую способность среды, все же экологические закономерности не утрачивают своей обязательности для человеческих сообществ [11, 45—46].

При таком подходе все экологические изыскания, заботы и прогнозы должны неминуемо обретать ранее не употреблявшееся социологическое измерение. Но поскольку экологические катастрофы и бедствия затрагивают, как правило, судьбы не отдельных индивидов, а более или менее широких социальных общностей, постольку, по словам Б. Лондона, «экология является действительно социологической: ведь в ней акцент ставится на совокупностях, а не на индивидуальном» [17, 497].

Чтобы определить меру и направленность воздействий окружающей среды на социальные общности и перспективы их развития, включая и возникновение экстремальных ситуаций, необходимо четко структурировать в моделях взаимодействия человеческих сообществ со средой компонентный состав социальной общности. Исходной теоретической основой такого моделирования в инвайронменталистской социологии выступает сформулированное чикагской социологической школой представление об обществе как организме, как о «глубоко биологическом феномене», обладающем не только социальным, но и биологическим уровнем, который в конечном счете определяет тип социальной организации.

Один из крупнейших предшественников инвайронментализма, известный американский социолог Р. Парк считал необходимым дифференцировать два понятия: локальная территориальная общность (community) и общество (society). В первом типе социальной организации преобладают биотические варианты взаимосвязи между людьми, во втором — культурные, первый выступает в качестве экологической базы, а второй — нравственной надстройки. В локальной общности основные устремления индивидов и их объединений ориентированы на удовлетворение собственных потребностей, естественных импульсов, индивидуальных склонностей. В отличие от этого в обществе «естественные», экологические взаимоотношения взаимодействуют с отношениями социальными, то есть с моральными. Сами же социальные силы в концепции Р. Парка выступают как сублимированная форма

выражения естественных, природных сил. «Мы неизбежно ведем двойное существование,— пишет Р. Парк.— Стремясь жить в соответствии с ролью, которую мы приняли и которую общество нам навязало, мы оказываемся в постоянном конфликте с самими собой. Вместо того, чтобы действовать просто и естественно, как ребенок в соответствии с каждым природным импульсом, мы стремимся приспособиться к принятым моделям и воспринимать себя в соответствии с тем или иным социально принятым образцом» [23, 700—701].

Вот здесь-то и заключена основная причина конфликтов и иных экстремальных ситуаций, в которые вовлекаются люди. Таким образом, в данной концепции конфликт и связанные с ним экстремальные ситуации помещаются не в экологию и даже не в экономику, где действует конкуренция свободных индивидов, а в социальную сферу, в сферу господствующих в ней установок, обычаев, нравов и т. п.

Развивая идеи Р. Парка, последователи чикагской школы Р. Вирт и Р. Маккензи попытались переосмыслить социально-экологическую теорию в направлении усиления ее «социологизации». При этом сообщество понималось ими уже не как «организм», а как функциональная единица, способная к активному взаимодействию со средой, сама же среда, особенно Виртом, трактовалась преимущественно в качестве урбанизированной сущности. Напротив, А. Холли в своей концепции «экологического комплекса», не отвергая значимости социальных факторов среды, акцентировал внимание на динамике ее природных переменных.

Проведенные в этом же ключе Г. Ф. Уайтом и его сотрудниками исследования стихийных природных катастроф показали, что паводки и другие стихийные бедствия представляют собой не просто результат влияния на общество экстремальных природных условий, а сложный продукт взаимодействия естественных систем и процессов общественного регулирования [29, 16—28].

Отсюда следует, что успешное управление природными бедствиями в районах их распространения требует соединения знаний естественнонаучных и общественных дисциплин в дополнение к мерам изменения человеческого сознания и поведения, а также осуществления специальных программ по защите от стихийных бедствий, вклю-

чая разработку технологических средств для этого [10, 178—186].

Весь этот комплекс социально-экологических идей был воспринят сторонниками инвайронментализма, которые постарались придать своей концепции междисциплинарный характер, однако с приоритетным видением в качестве стержневых социологических способов описания и интерпретации изучаемых явлений и процессов. Эта концепция исходит из признания инвайронментальных переменных как релевантных (т. е. соотносящихся по смыслу) в понимании человеческой деятельности и социальных организаций. Вследствие этого различные явления, характеризующие экологические экстремальные ситуации, например загрязнение окружающей среды, дефицит природных ресурсов, перенаселение, негативные последствия урбанизации, исчезновение некоторых видов животных и т. п., признаются как «социально значимые», поскольку обусловлены развитием человеческих сообществ, характером взаимодействия общества в динамике его развития с окружающей средой. Поэтому если все предшествовавшие социологические доктрины трактовали «среду» преимущественно как часть социального воздействия в «терминах значения, которое ей придавалось участниками взаимодействия», то в новой инвайронменталистской парадигме «среда» выступает как равноправная в социальном взаимодействии переменная. В ней мы имеем перемещение акцента в трактовке человеческой деятельности на обусловленность последней не только социальными и культурными факторами, но и сложными взаимозависимостями в окружающей природной среде, чем и порождается возникновение неожиданных, нередко экстремальных последствий целесообразной человеческой деятельности.

Под этим углом зрения сторонниками инвайронментализма по-новому интерпретируется само понятие «среда». Кэттон и Данлэп выражают удовлетворение по поводу того, что центральное понятие социальной экологии — экологический комплекс — способно обеспечить полезную перспективу для организации широкого круга феноменов, относящихся к инвайронментальной социологии. Однако этого, по их мнению, мало, поэтому необходимо осуществить теоретическую экспликацию двух комплексов: экологического (экосистемы) и социального (социосистемы). Причем в составе социального комплек-

са необходимо различать не только организованные формы человеческих сообществ, но и «персональность» составляющих их индивидов. А это означает, что задача инвайронментализма заключается в изучении влияния на среду и взаимодействие в ней индивидов и социальных групп не только всего «социального комплекса», но и его отдельных компонентов, а также вариаций этих компонентов, осуществляемых в процессе социокультурного развития общества. Следовательно, изучаемые взаимозависимости могут прослеживаться как синхронно, так и диахронно.

Взаимодействие же синхронного и диахронного подходов в исследовании взаимодействия человеческих сообществ с окружающей средой дает возможность иметь более широкое и компетентное, как считают инвайронменталисты, истолкование самой среды. С их точки зрения, среда должна отныне рассматриваться в рамках континуума «естественное—искусственное». А такой подход предполагает выделение и анализ нескольких взаимосвязанных компонентов. Одним из них, причем первичным, является «естественная среда» — дикая природа, водные ресурсы, полезные ископаемые и т. п. С ней соприкасается, более того, формируется и функционирует в ее пространстве «встроенная» (привнесенная человеком в свое природное окружение) искусственная среда, куда относятся жилища, производственные помещения, дороги, телеграфные столбы и т. п. Кроме того, существует «модифицированная» среда — преобразованный человеком ландшафт, искусственные водоемы, загрязненный воздух, вода, почвы и т. п. Наконец, существует и четвертый тип среды — «социальная», которая подразумевает других лиц, группы, организации, сообщества, культуры или социальные связи, внешние по отношению к изучаемым индивидам и их группам.

Поддерживая такое членение окружающей человека среды на ее составные компоненты, Р. ван дер Вурф считает, что инвайронментальная социология как новая, интегральная в своей сущности научная дисциплина должна иметь объектом своего исследования «глобальную систему био-техно-социо-сферы» [7, 32]. Но поскольку это не просто инвайронментальная теория, а теория социологическая по своему существу и содержанию, постольку в центре ее внимания должны быть взаимодействия индивидов и их общностей с окружающей средой. Поэтому

основой инвайронментальной социологии, по мнению английского социолога П. Диккенса, должна быть интегрирующая био-психо-социальная теория [7, 34].

Но чтобы социальная теория окружающей среды и места, а также роли в ней человека стала действующей, способной привести к практическим выводам, все основные, выше охарактеризованные компоненты среды должны рассматриваться не столько в их синхронном взаимодействии, сколько в диахронных видоизменениях. Вследствие этого важное значение в инвайронментальной социологии приобретает процессуальный подход к изучаемым проблемам, позволяющий представить эволюцию общества как его переход из «века изобилия» в век «пост-изобилия», причем последний принимает все более отчетливые очертания века «экологического дефицита». Поэтому в структуре инвайронментальной социологической парадигмы важное значение приобретают два понятия: «несущая способность среды» и «экологический дефицит».

Первое из них представляет основную характеристику субстратной функции среды, способной поддерживать максимальную для данных условий массу (сумму) определенной формы жизни, жизнедеятельность которой данная среда способна поддерживать без существенных изменений. «Экологический дефицит» представляет собой ансамбль отдельных, но взаимосвязанных ограничений и пределов человеческой деятельности, результат перегрузки несущей способности среды, осознание определенных пределов экосистемы, ее подчиненности экологическим закономерностям, которые не могут быть полностью социально контролируемыми. Незнание человеческими сообществами или отдельными индивидами пределов несущей способности среды, превышение в антропогенной деятельности этих пределов как раз и создает экологический дефицит, чреватый непредсказуемыми экстремальными ситуациями, нередко выходящими из рамок социального контроля.

Нарастающее рассогласование темпов экономического роста с темпами истощения природных ресурсов («экологическим дефицитом»), происходящее в результате безудержной и бесконтрольной экспансии технологических инноваций, как раз и приводит к нарастанию масштабов и разрушительной силы экстремальных ситуаций и катастроф. Такая тенденция развития общества неизбежно приводит к конфликтной перспективе, при которой уста-

новление равновесия социальной системы с экологической системой становится проблематичным. В этих условиях, считают Данлэп и Кэттон, возможны двоякого рода конфликты — конфликты классовые, именуемые в инвайронментализме «синхронной конкуренцией», поскольку они возникают между современниками, и конфликты между настоящим и будущими поколениями за ограниченные ресурсы конечной экосистемы, выступающие как «диахронная конкуренция».

Неизбежным следствием ужесточения «экологического дефицита» и связанного с этим увеличения численности и масштабности экстремальных ситуаций, потрясающих современное общество, считают инвайронменталисты, становятся «повышенное недоверие и подозрительность... конкуренция... нарушение установившегося порядка... Речь идет о том, что экологический дефицит ставит людей в угрожающее положение, которое заставит их действовать по образцу «каждый за себя» или «спасайся кто может» [11, 7, 11]. Трагичность создавшегося положения, по их мнению, не может быть не только устранена, но даже и смягчена посредством марксистского типа конфликтов классового характера, воплощающихся в социальных революциях и войнах, ибо столь катастрофические социальные явления не способны преодолеть «кризис ожидания» современных поколений людей, а тем более сформулировать новые социальные нормы, обеспечивающие интересы будущих поколений («диахронная конкуренция»). Для выхода из создавшегося экологического тупика нужна не социальная революция, а «революция в умах». Такая революция, означающая коренную трансформацию сознания, приводит к неизбежному выводу, что выхода из сложившейся катастрофической экологической ситуации у человечества, ориентирующегося на традиционную систему ценностей, нет. И хотя столь необходимое человечеству новое сознание, перестраиваемое в соответствии с инвайронментальной парадигмой, не в состоянии предотвратить надвигающуюся катастрофу, оно должно способствовать тому, чтобы человечество встретило ее достойно, ибо «предвиденная катастрофа переносится более стойко, чем неожиданная» [11, 17].

В этой сентенции перед нами предстает экологизированный вариант «апокалипсического сознания», широко распространившегося в преддверии XXI века и нового тысячелетия в общественном мнении не только американ-

ского общества, но и многих европейских и азиатских стран, включая общества посттоталитарного типа, к которым относятся страны СНГ. Хотя новая парадигма общечеловеческого сознания, по мнению инвайронменталистов, и не способна предотвратить надвигающуюся социально-экологическую катастрофу, она в случае принятия ее массовыми социальными движениями и практического воплощения ими ее основополагающих идей в жизнь способна резко снизить негативные последствия такой катастрофы. Речь идет об открывающихся перед человечеством возможностях двоякого рода. Первый вариант возможного решения стоящих перед человечеством проблем связан с дальнейшим наращиванием технологического инновационизма, не затрагивающего по существу социальных институтов. Второй, базирующийся на поиске гармонического взаимодействия человеческих сообществ с естественной, «встроенной», «модифицированной» и социальной средой, может и должен привести к «глубоким социальным изменениям», под которыми инвайронменталисты понимают «смену системы ценностей», «революцию в умах», способную в конечном итоге привести к формированию «устойчивого общества» — «steadystate society», представляющего собой тип социальной организации, в наибольшей степени совместимый с сохранением экосистемы [12, 178].

Такая направленность усилий инвайронменталистов приводит их к необходимости определения допустимых пределов свободы действий индивидуумов и их общностей в случае возникновения опасности стихийного бедствия. Но, чтобы эти пределы были по возможности определены четко, необходима реальная, достоверная осведомленность об опасности и ее восприимчивости различными группами населения, включая и тех лиц из сферы управления, которые принимают ответственные управленческие решения [15, 278]. Только при наличии этих предпосылок можно ожидать успеха в действии создаваемых систем предсказания и предупреждения природных бедствий, а следовательно, и планирования экстремальных мер и реагирования на них различных групп населения, без учета которого вряд ли возможно добиться эффективного воздействия на возникающие экстремальные ситуации.

Учитывая возможность такой перспективы, авторы «новой инвайронментальной парадигмы» У. Кэттон, Р. Данлэн, Б. Лондон и др. стремятся сблизить свои тео-

ретические конструкции с альтернативными движениями, в первую очередь с широко распространившимся в последние 15—20 лет движением «зеленых». В теоретическом плане они близки сторонникам движения «зеленых», поскольку последние занимают сходные с ними позиции в оценке места человека в биосфере. Так, один из ведущих идеологов движения «зеленых» в Германии И. Хубер заявляет: «Мы являемся лишь одним из многих живых миров и ступеней эволюции и мы должны включаться в это целое, если не хотим повредить ему, а тем самым и себе» [16, 50].

И. Хубер очень близок к инвайронменталистам и своими взглядами в оценках возможностей создания альтернативных технологий. «Создать экологическое общество,— пишет он,— значит не устранить индустриальное общество, а создать экологически конформную индустрию». Предпосылку такого решения он усматривает в развитии новейшей технологии — микроэлектроники, биотехнологии, светотехники и т. п., которые высокопроизводительны, экономны в расходовании сырья и энергии, почти не нарушают экологического равновесия [16, 53].

В плане практическом инвайронменталисты сближаются со сторонниками альтернативных движений экологического направления, поскольку последние обосновывают свои позиции ссылками на материалы эмпирических социологических исследований. Особенно привлекают их внимание такие социологические опросы, которые показывают, что в индустриально развитых странах неуклонно повышается доля тех граждан, которые выражают обеспокоенность в связи с резким возрастанием масштабов и численности экологических экстремальных ситуаций. К числу таких, например, относится проведенное в ФРГ шестикратное обследование, в ходе которого выяснено, что начиная с 1970 г. число тех, кто полагает, что жизнь под воздействием технизации «вымирает», возросло с 8 до 17%; тех, кто убежден, что «жить становится все опаснее, поскольку часть природы вымирает», увеличилось с 31 до 51%: зато число оптимистов, уповающих на адаптацию («человек и природа приспособляются к опасности»), снижается с 35 до 22%, равно как снижается и число беззаботных («так уж плохо не будет») — с 19 до 8% [26, 58].

Такого рода исследования подвергаются сторонниками инвайронментализма теоретическим экспликациям,

основная направленность которых — теоретическое осмысление влияний окружающей среды на различные человеческие общности, а также определение воздействий, оказываемых обществом, на среду. С этих позиций они стремятся осуществить структурно-компонентный анализ как самого общества, так и окружающей среды.

Согласно представлениям Ф. Дотсона, включаемым в структуру инвайронментальной социологии, существуют три аналитически различных компонента общества как специфической социальной организации — социальный, культурный и индивидуальный. Основной из них — социальная система — представляет собой активный процесс взаимодействия между людьми и группами людей, который определяется «уникальностью данной ситуации взаимодействия и не сводим к абстрактным идеям». Содержание культурного компонента составляют общепринятые символы, идеи, нормы поведения. Характерно, что социокультурные аспекты социальной интеграции — объединения людей в различные сообщества, согласно данной концепции, «не могут быть полностью понятны вне экологической перспективы» [17, 400]. Поэтому необходимо рассматривать социокультурные процессы через призму или, по крайней мере, с учетом позиций и оценок, содержащихся в социологии окружающей среды.

Такой подход позволяет рассматривать процессы взаимодействия человеческих популяций со средой не только в социальных, экологических, но и в социокультурных измерениях. Человеческие взаимодействия, согласно точке зрения инвайронменталистов, базируются на символических коммуникациях, представляющих собой феномен культурного характера. С одной стороны, символическое взаимодействие позволяет индивидам идентифицировать себя с определенной социальной группой, а с другой — групповые значения становятся культурной нормой, которая руководит поведением индивидов. К тому же следует иметь в виду, что взаимодействие в группах создает определенную культурную гомогенность, тогда как взаимодействие между группами формирует культурную гетерогенность. Вступая в сложные взаимозависимости: социальной и личностной системами социальной организации, динамическая в своей сущности социокультурная система создает предпосылки для теоретического синтеза, который, по словам Б. Лондона, соответствует «синтетической природе экологии» [17, 504].

С позиций новоявленного экологического синтетизма поборники инвайронментализма подвергают критике сложившиеся в современной техногенной цивилизации связи и взаимоотношения между различными областями жизни человеческого общества как искусственные, оторванные от природы и нередко противоположные ей, и предлагают их переориентацию на более органичную и тесную связь с природой. В основе такой переориентации, утверждают они, должен лежать принцип биорегионализма, то есть представление о биорегионе как области, определяемой не административно-политическими границами (границами города, штата, страны), а естественными, биологическими и геологическими особенностями, дающими возможность представить данную территорию как некое природное и целостное единство. Биорегиональный подход, по их мнению, дает возможность согласовать организацию жизни общества с ритмами жизни окружающей среды. На месте оторванных от природы национально-этнических, государственных и иных политически организованных сообществ, часто конфликтующих друг с другом, искомая «мозаика биорегиональных сообществ» должна создать условия для соответствующего природе «равновесия космополитического плюрализма и углубленного локального сознания» [27, 30].

В противовес основной тенденции современного технизированного общества гомогенизировать граждан посредством приобщения к массовой культуре, игнорирующей различия между людьми и усиливающей в них чувства одиночества и отчуждения, инвайронменталисты утверждают, что именно экологически ориентированное биорегиональное социальное устройство поможет людям не только сохранить, но и развить, обогатить свои культурные ценности, верования, вкусы, традиции, оставаясь самими собой. Для этого необходимо архетипом социальной структуры и социокультурного развития общества сделать семью, «повысив тем самым престиж женщины и на деле уравнивать ее в правах с мужчиной». Локализация социальных отношений в пределах биорегиональной специфики территории даст возможность противостоять авторитарным устремлениям, порождаемым экспансией промышленного производства, и прийти к «федерации локальных общин», где сущностью человеческих отношений, человеческой природы станет не дух соперничества и индивидуализма, а «стремление к единству с себе подоб-

ными и вообще со всем живым в природе» [27, 86, 96.]

Таким образом, инвайронменталистская синтетическая парадигма претендует на многомерный охват теоретическими экспликациями всех сторон взаимосвязи индивидов, их малых групп (прежде всего семьи) и более широких социальных общностей со всем многообразием компонентов и факторов окружающей природной и искусственно созданной человеком среды. Вполне естественно поэтому, что сторонники данного направления дают чрезвычайно широкое толкование самому термину «инвайронментализм». С их точки зрения, он должен интерпретироваться как принципиально новая всеобъемлющая система мышления, экологизированные понятия и концептуальные представления которого должны быть трансформированы в политические нормативы, что позволит не только смягчить экологические трудности, но и окажет огромное позитивное влияние на развитие человечества. Они утверждают, что их концептуальные установки и принципы — не дань кратковременной моде или сиюминутным интересам, ибо «инвайронментализм защищает интересы еще не рожденных поколений, стремясь к сохранению и будущему комфортному существованию всех видов» [22, 8].

Столь широковещательный интегративный подход завершается призывом к конструированию новой, синтетической по существу, мировоззренческо-культурно-деятельностной системы, которую ее поборники называют «эко-софией». Отвечая на вопрос, что же представляет собой «экософия», профессор университета Виктория (Канада) А. Дренгсон утверждает, что под данным термином понимается целостная и синтетическая социально-философская доктрина, основанная на признании абсолютной ценности всего живого и предусматривающая «глубокую экологическую трансформацию мышления и действия». Овладев этой целостной мировоззренческой доктриной, человечество избавится от глубоко укоренившегося в людях технократизма и вознесет каждую индивидуальность до уровня планетарной личности. «Экософия, — пишет он, — это универсальная теория, универсальная практика и универсальная сила, реализуемая в повседневной жизни... Путь к экософии как гармонии со всеми созданиями природы и Вселенной лежит через любовь» [12, 194—195].

Давая общую оценку критической ситуации, порожденной неконтролируемым вмешательством все более

мощных технологий в мировую динамику экосферы и сопровождаемой все более высокими уровнями экологического риска, А. Дренгсон отмечает, что проблемы, с которыми приходится сталкиваться экософии, — это «чисто человеческие проблемы, поскольку природа сама по себе совершенна и не создает проблем». И если многие пытаются искать пути спасения от нарастающих рисков или, по крайней мере, ограничения их воздействия на человека в технико-технологических возможностях смягчения катастрофических последствий новых промышленных и транспортных систем, то, с точки зрения Дренгсона, приоритетное значение в этом принадлежит изменению «культурологической основы общества». «Я убежден, — пишет он, — что ликвидация так называемого экологического кризиса должна включать в первую очередь трансформацию нас самих, а уж затем — общественной и технологической практики. Решение этих проблем невозможно не только без анализа их корней и структурных источников, но также и без коренного изменения практики, которое должно начаться на уровне каждого отдельного человека и расходиться концентрическими кругами, вовлекая все большие и большие части общества в экологическую трансформацию мышления и действий» [12, 5]. Однако такая трансформация отнюдь не должна привести к отказу от новых технологий, как предлагают некоторые наиболее активные поборники алармизма. Исключить технологический рост из нашей культуры, считает Дренгсон, было бы не только нежелательным, но и практически невозможным. Поэтому в поисках возможностей снижения степени экологического и технологического риска, подстерегающего человека, необходимо, по его мнению, не отказываться от технологических нововведений, а изучать, анализировать, какие экстремальные экологические ситуации и кризисы возникают или могут возникнуть в случае их применения. Причем этот анализ должен быть проведен не только с точки зрения биологических, технических, экологических аспектов проблем, но прежде всего в широком социальном и социокультурном контексте. Вот здесь-то и может сказать свое решающее слово экософия как новая, экологически ориентированная система взглядов, оценок и действий, способная уменьшить масштабы угрожающей человечеству глобальной экологической катастрофы и снизить уровень ее возможных негативных последствий.

Эта общая инвайронменталистская установка реализуется в двух основных направлениях. Первое из них составляет социологическое изучение различных мер защиты от чрезвычайных ситуаций — эвакуация из потенциально опасных в экологическом смысле районов, создание защитных сооружений, разработка и осуществление мер по спасению людей, когда катастрофа уже произошла. Второе направление включает в себя социологический анализ общественного мнения по проблемам реальных масштабов и восприятия риска от возможной экологической катастрофы. Прикладная направленность таких исследований приводит к чисто практическому результату — созданию карт риска природных катастроф на территории той или иной страны. При создании таких карт обычно учитывается, что природные факторы, вызывающие стихийные бедствия и способствующие возникновению экологических катастроф, имеют различные происхождение, степень остроты, масштабность, периодичность и интенсивность воздействия на человеческие сообщества, проживающие на данной территории.

Однако учет воздействия экологических факторов на человеческие сообщества инвайронменталистами не представляет собой самодовлеющую величину, а дополняется исследованием социальных факторов, включаемых в детерминантную цепь, вызывающую экологические бедствия.

Одно из основных направлений таких исследований заключается в доказательстве того, что экологические катастрофы имеют в большинстве случаев антропогенную подоснову — перенапряжение природно-ресурсного потенциала в результате кризисов нерационального хозяйства, то есть имеют эколого-социально-экономический характер.

В последнее время в инвайронменталистских кругах все активнее обсуждается проблема экологических прав и преступлений, поэтому один из известных представителей инвайронметодологии Б. ван Стенбергек (Нидерланды) считает необходимым, чтобы социология ввела в свой научный оборот категории экологических прав и глобального экологического гражданства. Причем права трактуются в данном случае в предельно широком контексте: не только применительно к отдельной личности или различным социальным сообществам, но и применительно к природе. Ван Стенбергек утверждает, что «исто-

рическая миссия инвайроментальных движений состоит не только в сохранении природы для блага человечества, но и в защите прав природы как таковой» [7, 33].

И дело здесь не ограничивается просто теоретическими экспликациями; под проблему экологических прав пытаются подвести прочную юридическую базу. Так, участники состоявшегося в апреле 1992 г. в Лугаммере (Германия) международного семинара по политике уголовного права в деле защиты природы и окружающей среды в Европейской перспективе констатировали необходимость принятия «эффективных контрмер на национальных, сверхнациональных и международном уровнях» для защиты окружающей среды как целого, так и ее составных частей. При этом имеется в виду, что а) существующий ущерб, наносимый окружающей среде, будет уменьшен или ликвидирован, включая реставрацию; б) вред будет предотвращен; в) риски будут сведены к минимуму. Чтобы добиться такого положения дел, существенно отличающегося от ныне существующего, ставится задача использовать целый ряд средств, направленных на уменьшение давления на окружающую среду, начиная с публичного участия и вплоть до применения санкций.

Но учитывая трансграничный, по существу глобальный, характер экологических проблем, с которыми сталкивается современное общество, а также нарастающее количество «преступлений против окружающей среды», один из участников этого семинара Х. Г. Нильсон подчеркнул, что «необходимо или унифицировать европейские стандарты в этой области, или же сделать их сопоставимыми» [20, 110]. Такого рода стандарты должны, по мнению Ф. Джампьеро, исходить из трех главных видов экологических преступлений: 1. Профессионально совершенные действия, оказывающие непосредственное и немедленное воздействие на окружающую среду в обычной обстановке. 2. Профессионально совершенные действия, знаменующие собой риск возникновения релевантного и специфического воздействия на окружающую природу. 3. Действия, конкретно подвергающие окружающую среду катастрофе или наносящие ущерб, который можно определить как катастрофу для окружающей среды [20, 156].

В этих правоведческих конкретизациях вырисовываются новые грани возможной интеграции инвайроментальной социологии с уголовным и другими разделами

права, чем существенно расширяется арсенал синтетического, целостного, многомерного подхода к процессу глобализации экологических опасностей, с которыми приходится сталкиваться современной постиндустриальной цивилизации, настоятельно требующей более органичной включенности человека и общества в окружающий природный мир.

С учетом сказанного представляется возможным сделать общий вывод о социальной значимости инвайронментализма в изучении экологических катастроф и определении мер по их предупреждению и (или) смягчению их негативных последствий. Значимость инвайронменталистской социоэкологической парадигмы в конечном счете и предопределяется тем фактом, что она, во-первых, предупреждает человеческие общности об угрожающей им катастрофе, возникающей на пересечении игнорируемых ими природных и социальных закономерностей, а во-вторых, тем, что морально и духовно готовит людей к реалистическому восприятию экстремальных ситуаций, с которыми им приходится сталкиваться, мобилизуя тем самым их знания, энергию, практические действия на предотвращение и ослабление разрушительных последствий различного рода катастрофных и посткатастрофных процессов.

Глава 3

ОТ КОНЦЕПЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ РИСКА К СОЦИОЛОГИИ РИСКА

Происходящее качественное изменение социально-экологической среды обитания привело на исходе XX столетия к осознанию многими естествоиспытателями, социологами, экономистами появления новой постоянной угрозы для жизнедеятельности человечества. Имеется в виду экспоненциальное по своему характеру и направленности быстрое нарастание пагубного влияния результатов научно-технического прогресса и реализации его достижений в производстве на здоровье человека и его социальное самочувствие, на окружающую природную среду. Американские социологи и экологи, работающие в сфере междисциплинарного анализа риска, К. Хохенемзэр, К. Кэйтс и Дж. Касперсон утверждают, что в настоящее время «технологическая опасность заменила в индустриальных странах опасность природную, то есть явления, подобные засухе, наводнению, эпидемиям, землетрясению, которые всегда сопровождали человечество» [24, 113]. Негативные, неконтролируемые последствия распространения атомной энергетики, ядерного оружия, рекомбинации ДНК, хранения отходов химического производства и т. п. привели к резкому возрастанию опасности как для окружающей природы, так и для жизни человека. В совокупности с природными катастрофами (землетрясениями, наводнениями, извержениями вулканов, эпидемиями и т. п.) и коренящимися в недостаточной компетентности управленцев ошибочными решениями (при проектировании и эксплуатации техники, обеспечении безопасного функционирования технических средств и т. п.) нарастающая технологическая угроза нормальному существованию людей создает насыщенную возможностями возникновения экстремальных ситуаций необратимую, все возрастающую опасность риска не только для отдельных индивидов, но и целых человеческих сообществ.

Более того, в последние полтора-два десятилетия становится все более очевидной глобализация ситуации нарастающего риска, что ставит на повестку дня новую проблему: как обеспечить выживание человечества, как удерживать риск в допустимых пределах. А это требует введения в мир техники осознанной орудийно-производительной деятельности человека. Ведь число опасностей заметно увеличилось, когда на смену мануфактуре в результате промышленной революции пришла фабрика с ее машинами и главной среди них — паровой, а пар заменил лошадь. С тех пор заводы, железные дороги, мосты, шахты, корабли — все технологические сооружения и процессы стали таить в себе потенциальную опасность для человека.

Однако в этой длительной тенденции технологического развития во второй половине XX в. в процессе развертывания научно-технической (или, как ее предпочитают называть многие исследователи в западных странах, второй промышленной) революции возникло качественное преобразование. Суть его, по словам известного французского социолога П. Лагадека, состоит во взаимопереплетении двух специфических компонентов. Во-первых, резко, многократно возросли масштабы технологической опасности, во-вторых, в корне, качественно изменилась ее природа: угроза нависла не только над живущими, но и над последующими поколениями людей.

Столь существенная социально-технологическая метаморфоза привела в социологических концепциях к двум теоретическим последствиям. Первое из них связано с возникновением и многосторонним изучением проблемы границ развития в условиях современной техногенной цивилизации, второе — с появлением специфического направления в социологии — доктрины так называемой «цивилизации риска» [18, 18].

Поскольку вторая возникла в специфическом социально-психологическом и теоретико-методологическом климате первой и развивается практически не только на ее базе, но и на ее фоне, рассмотрим вкратце первую.

Исходным моментом, стимулировавшим новейшие социологические, политологические, экологические исследования пределов развития, послужили алармистские выступления экологов, особенно авторов нашумевшего в свое время первого доклада Римскому клубу, известного под названием «Пределы роста», американских исследо-

вателей, супругов Д. и Д. Медоузов. Главная идея доклада состояла в том, что конечность размеров нашей планеты и имеющихся на ней ресурсов предполагает и наличие пределов человеческой экспансии, прежде всего — технологической. Концепция ограничения технико-экономического роста выступила активно, наступательно и, главное, во многом доказательно против безраздельного технологического давления на окружающую среду и против технократической теории вседозволенности и безграничности развития. Причем она не ограничивается теоретическими экспликациями, а обращается к своего рода техническим аспектам; к конкретике ограничений, накладываемых на технический прогресс различными природными и социальными факторами. Если речь вести об эколого-экономических ограничениях, то имеются в виду истощение природных ресурсов, нехватка энергии и материалов, количество населения и уровень его развития, недостаток площадей плодородных земель для производства продовольствия и т. п. Когда же говорят об экологических ограничениях, то подразумеваются: предел способностей природной среды поглощать продукты человеческой деятельности без необратимого ущерба; болезни, вызванные загрязнением и перенаселением; биологическое вырождение тех или иных видов. Так, участники авторского коллектива, подготовившего «Пределы роста», И. Рендерс и У. Беренс ввели в теорию понятие «пропускной способности экосистемы», то есть того уровня жизненной активности человеческой популяции в окружающей природной среде, который может быть обеспечен экосистемой без ущерба для собственного существования. Пропускная способность экосистемы — исторически переменная величина. Нормальной ситуацией в развитии человечества является постепенное расширение масштабов и интенсивности человеческой деятельности, балансирующееся ростом пропускной способности глобальной экосистемы в ходе технического и социального прогресса. Подобную ситуацию Дж. Рэндерс и У. Беренс называют равновесной. Однако в современных условиях неограниченной технологической экспансии равновесие утрачено, а человечество, столкнувшееся с массой трудно разрешимых проблем, оказалось на своеобразном «предгорье, сигнализирующем о массивной горной цепи препятствий, ожидающих нас впереди» [22, 25].

Поборники ограничительного подхода к развитию

выдвигают и другие пределы данного процесса, в частности технические (пределы производительности технических устройств, необходимость преобразовывать и передавать энергию и т. п.), социальные (социальное неравенство, безработица, бедность и т. д.), культурные, личностные, экономические (пределы производительности труда, финансовые, структурные ограничения) и т. п. Общая канва теоретических концепций о пределах роста составляет тот фон, на котором возникла и развивается в последние годы доктрина «цивилизации риска», приобретаемая все больше сторонников.

Следовало бы, правда, упомянуть еще один теоретико-методологический источник возникновения и развития данной доктрины — антипрогрессистские, в основном антитехницистские, концепции, широко распространенные в западной социологии, в особенности в 60—70-х годах нашего столетия. Исходная мысль этих концепций сформулирована крупнейшим неокантианцем Э. Кассирером в его сентенции об амбивалентности техники, которая обуславливает господство человека над природой, но делает его самого рабом, приводит его к отчуждению от своей сущности. М. Мэмфорд, Д. Эллюль, П. Гудмен, Т. Розак и многие другие современные западные социологи предрекают возникновение различных катастрофических ситуаций, обусловленных тем, что человек, уверовав в свое технологическое господство над природой, сам оказался поработленным техникой, а потому и утратил в эпоху техногенной цивилизации моральную, духовную и личную самостоятельность.

Излагая исходные теоретические постулаты доктрины «цивилизации риска», известный французский специалист в области социологии науки и политической социологии Ж.-Ж. Саломон утверждает, что в конце XX в. люди открыли для себя существование границ использования природных ресурсов, они поняли, что существуют пределы эксплуатации своего технического гения, достижения и уловки которого застигают его самого врасплох, а порожденные им чудеса не контролируются. Такая ситуация привела к тому, что развитие техники, обеспечивая дальнейшее обновление и процветание в области материальной, порождает все возрастающее бесполое существование в отношении социальных и духовно-нравственных перспектив. Некоторые пытаются выйти из непрестанно расширяющегося круга проблем с помощью статистически истолкован-

ного понятия «уровень приемлемого риска». Но поскольку риск, вызываемый технологическими изменениями, ущерб, причиной которого они являются, проблемы, которые они порождают; зависят не от технических расчетов, а от «нормального функционирования социальных институтов», постольку здесь более приемлемым, чем статистический анализ, является социологический анализ функционирования различных социальных групп и институтов. Если еще вчера научно-технический прогресс мог рассцениваться без риска вызвать бедствия и катастрофы, то сегодня необходимо предварительно определить последствия технологических нововведений, то есть, выяснить, насколько они будут повинны в тех или иных бедствиях. Таким образом, безудержное развитие технологии привело к формулировке идеи о необходимости «трибунала», перед которым наука предстает наравне с техникой, ибо технические достижения, увеличивая степень приемлемого риска, «сами постоянно подрывают ту самую безопасность, которую они должны обеспечивать». Чтобы достичь безопасного состояния, необходимо техногенную цивилизацию интерпретировать не только в рациональных определениях эффективности, но и в оценочных суждениях «цивилизации риска», что дает возможность выбора «технологических решений, допускающих страховку будущего существования» [26, 156].

Развивая идеи своего учителя Ж.-Ж. Саломона, французский социолог П. Лагадек, специализирующийся на исследованиях в области чрезвычайного технологического риска, приходит к выводу, что сложную систему, именуемую «цивилизацией риска», «создает непредвиденность поступков людей, взаимодействующих с этими машинами». Суть отстаиваемой им концепции заключается в признании того, что наука и технология не могут развиваться без риска. Но если в прошлые эпохи риск во имя технологического прогресса был ограничен во времени и пространстве, то в условиях современной, преимущественно техногенной, цивилизации он приобретает долговременный планетарный характер и ставит под угрозу существование не отдельных индивидов, а выживание всего человечества. Разрыв между сложностью технологии и знанием ее возможных воздействий на природу и человеческие общности растет на глазах: специальные знания создателей технологических систем оторваны от знаний экологических и социальных глобальных проб-

лем, а темпы расширения гуманитарных и биологических знаний значительно опережаются темпами технологического развития.

Возрастающая сложность технологии увеличивает опасность «пороговых эффектов, чреватых тяжелыми последствиями для окружающей природной и социальной среды, что и знаменует собой переход человечества в «цивилизацию риска». Этот переход, по мысли П. Лагадека, должен сопровождаться пониманием, что опасность технологического риска оказывается сегодня столь же реальной и столь же глобальной, как и другие глобальные проблемы, возникшие перед современным человечеством. «Изучая эту новую для нас проблему, — подчеркивает он, — необходимо учесть вывод, сделанный при изучении других сторон глобальной опасности, поскольку общество постепенно смиряется с поражениями в борьбе с этими опасностями» [18, 84].

Но чтобы осознать всю глубину такой опасности, считает П. Лагадек, нужно знать ее специфику, масштабы, характер и возможные катастрофические последствия. Первая характерная особенность «цивилизации риска» выражается в том, что в настоящее время уже стало невозможным определить «уровень допустимого риска», ибо риск не только необычайно велик, но столь же необычайно разнообразен и непредсказуем. Чрезвычайная технологическая опасность, возникающая в результате стремительного развития современного технизированного производства, способна преобразовать неудачу при ликвидации ее последствий в полное поражение. Поэтому необходимо выйти за пределы соблазнительного здравого смысла, ибо при изучении современной технологической опасности нельзя пользоваться старыми категориями, в том числе и категориями статистической вероятности, а следует учитывать весь комплекс социальных, политических, моральных, психологических проблем риска.

Вторая особенность современной технологической опасности, согласно П. Лагадеку, состоит в углубляющемся понимании того, что человеческая деятельность, опирающаяся на могущественную технологию, способна привести к бедствиям, по своей природе, масштабам и последствиям качественно отличным от тех, которые представлялись возможными раньше. Действия чрезвычайной технологической опасности не имеют географических и политических границ, а в случае ее возникновения непо-

мерной степени риска могут подвергнуться большие агломерации, обширные зоны, крупные города.

Третья особенность чрезвычайной технологической опасности состоит в том, что она имеет только начало, но не имеет конца, ибо ее катастрофические последствия скапливаются как на ныне живущих поколениях, так и на последующих.

Четвертая особенность чрезвычайной технологической опасности выражается в том, что все произошедшие до сих пор промышленные катастрофы не были неизбежным результатом процесса технико-индустриального развития, а обусловлены прежде всего недостаточной технологической грамотностью, непоследовательностью, непредсказуемостью действий и безответственностью включенного в сложные человеко-машинные системы человека. Главная проблема здесь состоит в том, что человек неспособен противостоять той нарастающей лавине информации, которая обрушивается на него в случае аварийной ситуации, а тем более — катастрофы. Поэтому необходимо всестороннее изучение сложных человеко-машинных систем, позволяющее учитывать не только технологические или экономические, но и социальные, психологические, социокультурные моменты, которые большей частью определяют функционирование таких систем и учет которых дает возможность обучиться поведению в экстремальных ситуациях.

Суммируя и обобщая основные характерные черты рассматриваемого феномена, П. Лагадек дает его определение. «Чрезвычайная технологическая опасность, — пишет он, — это недобровольная коллективная опасность», когда угроза распространяется на большие территории и многие поколения, одновременно потрясая власти, неспособные предотвратить опасность и эффективно действовать по преодолению последствий технологического бедствия [18, 88].

Если учесть всю совокупность проанализированных характерных особенностей крупных технологических катастроф, то становится ясно, что они в состоянии привести к социальной дестабилизации, к возникновению социального кризиса. Возможность перерастания технологической катастрофы и вызванных ею негативных социальных последствий в социальный кризис существенно возрастает, если события происходят в неблагоприятной общей социально-экономической обстановке — в условиях

нестабильного состояния, когда со стороны все кажется спокойным, но при малейшем внешнем воздействии происходит резкое изменение ситуации.

Опираясь на анализ охарактеризованных особенностей технологической опасности, П. Лагадек в книге «Чрезвычайное положение в условиях технологических аварий и социальной дестабилизации» раскрыл специфические черты динамики социального кризиса, развивающегося вследствие технологической катастрофы. Во-первых, происходит лавинообразное нарастание трудностей, приводящее к возникновению ситуации, когда становится невозможным одновременное противодействие натиску нуждающихся в решении проблем и требованиям о предоставлении информации. Во-вторых, для такой ситуации характерен выход из строя или даже переход к работе с обратным эффектом существующего механизма согласования и принятия решений. В-третьих, в условиях социальной дестабилизации осуществляется утрата многими людьми и организациями способности действовать в соответствии со своими целями, задачами и основными функциями.

Под влиянием первых двух процессов происходит усиление элементов социальной разобщенности и возникает ощущение бессилия перед лицом нарастающих трудностей. Третий процесс вызывает дестабилизацию обстановки, причем в тем большей степени, чем сильнее негативный эффект первых двух процессов. Возникающие в такой ситуации трудности связаны не только с тактикой борьбы с негативными социальными последствиями технологических катастроф. Своими корнями они уходят в период, предшествующий аварии, когда складываются и функционируют социальные механизмы управления, автоматически обрекающие предпринимаемые усилия на неудачу в экстремальной ситуации. И если руководители начинают действовать «по инструкции», «по шаблону», то столь необходимая в таких случаях инициатива гасится, реальное управление подменяется манипулированием событиями, оценками, людьми, а ситуация выходит из-под контроля.

По мнению П. Лагадека, внимание исследователей, прежде всего социологов, психологов, политологов, должно быть сосредоточено на теоретическом обобщении имеющегося опыта управления в условиях катастроф и посткатастрофного развития, в разработке некоторых реко-

мендаций принципиального характера (а не перечня возможных показателей и мероприятий), способных действительно помочь всем возможным участникам событий подготовиться к рациональным действиям в драматических, чрезвычайно сложных, постоянно меняющихся и неповторимых условиях посткатастрофных ситуаций [19, 224—228].

В связи с экспоненциальным нарастанием степени риска от технологических катастроф в высокоразвитых в промышленном отношении странах Запада на протяжении последних 10—15 лет произошла институционализация исследований риска. Сегодня это уже не чисто академическая деятельность, которой занимаются в научных центрах, университетах, лабораториях, но также деятельность, в равной степени относящаяся к науке и к технической политике и призванная стать основой в принятии решений относительно технологических нововведений и в осуществлении контроля за риском. Поэтому научные идеи и концепции технологического риска нередко трансформируются в конкретные программы и проекты действий, принимаемые законодательными и исполнительными властными структурами, органами управления. Только на протяжении двух десятилетий, с 1960 по 1980 г., в США через конгресс было проведено 23 законодательных акта, направленных на снижение технологической опасности. В связи с расширением практических приложений концепций технологического риска в законодательных актах, правительственных распоряжениях, в действиях лиц и организаций, осуществляющих управление промышленными и иными организациями в индустриально развитых странах, в структуре технократической элиты возникло «новое интеллектуальное направление — анализ риска».

В среде «аналитиков риска» наряду со специалистами в области технологии, физики, химии, биологии и других наук все более активную роль начинают играть социологи. Такая трансформация, по словам известного американского социолога Дж. Шорта, обусловлена тем, что стала «очевидной ограниченность анализа риска, основанного только на инженерных, биологических, системных или даже экономических и психологических критериях и допущениях». Добиться успеха в этой сложной, по существу междисциплинарной, сфере исследований и практической деятельности, считает он, можно только на основе

всестороннего научного анализа в общем контексте «социального устройства» [27, 721].

Именно комплекс социальных наук, в котором социология должна занимать доминирующее место, призван, по мнению американских и французских специалистов, сказать решающее слово в определении трудноуловимых пределов «допустимого риска». Исследование риска, его оценка — это, по мнению французского социолога Ф. Фаньяни, не только техническая дискуссия о технологическом риске, а «роль социальных наук здесь не просто в обнаружении и сборе данных для потенциальных переговоров об уровнях «допустимого риска», а в том, чтобы переформулировать дебаты о риске с точки зрения глобальных перспектив и трансформировать эти дебаты в показатели появления новой «парадигмы» ценностей индустриального общества» [30, 166].

«Допустимый риск» как раз и составляет одну из важных ценностей современного, густонасыщенного сложными технологиями общества. Если руководствоваться данной ценностью, а, с точки зрения экспертов и аналитиков риска, это совершенно необходимо, то целесообразно скорректировать управление технологическими системами с точки зрения гуманизации техники, высокой социальной ответственности человека, проектирующего ее, работающего с ней на поддержание существования различных человеческих общностей и общества в целом в пределах допустимого риска.

С учетом сказанного становится понятным, почему в рассматриваемой нами концепции ключевой становится категория «допустимого риска». Наиболее тщательно пределы применимости этой категории и способы ее квантификации разработаны американским социологом У. Роувом. Он утверждает, что «допустимый риск» — это тот предел, за который не может заходить ни одно действие по управлению промышленными, энергетическими и иными системами, не нарушая установленного баланса безопасности. Под этим углом зрения он и осуществляет анализ основных составляющих определения риска и его оценки, итоги которого представлены на рис. 3.

У. Роув считает, что на каждой ступени анализа и оценки риска должны применяться сложные комбинации различных методов. Наиболее важными из них являются:

1. Метод сравнения объективных и субъективных оце-

нок риска с целью выработки «синтезированной вероятности»;

2. Метод подсчета величины последствий реализации риска, где важная роль принадлежит экономическим параметрам эффективности и стоимости, но значимость измерения объективных условий и субъективных установок сохраняется;

3. Метод подведения баланса стоимости (всех затрат

Определение риска		Оценка риска	
идентификация риска	измерение	предотвращение риска	допустимый риск
опознание нового риска	определение вероятности реализации	определение возможности устранения	установление отношения к риску
изменений в параметрах риска	величины последствий	степени упорядочения риска	референтов риска

Рис. 3. Анализ риска

и возможных потерь) и пользы (прибыли) изучаемого технологического объекта, содержащего риск в своем функционировании;

4. «Метасистемный» метод анализа риска, предполагающий выявление и анализ соотношения прибыли и возможных потерь, соотношения стоимости и эффективности мер до предотвращению риска, а также согласование всех выявленных оценок (в том числе и крайних противостоящих), но уже с социально-политической точки зрения.

Последний из охарактеризованных методов, по замыслу У. Роуа, дает возможность перевода суждений технологического и социального класса в класс менеджеральный, то есть проинтегрировать результаты, полученные посредством применения трех первых методов, в плане практического социально-политического управления технологическими нововведениями в пределах наименьшего риска [25, 19].

Однако предложенная Роузом методика определения риска и его оценки отнюдь не является общепринятой в среде экспертов риска. Некоторые из них считают необходимым дополнить категорию «допустимости риска» другой, по их мнению, не менее важной категорией — «нормой ожидаемой фатальности». Эта норма должна включать в себя четыре взаимосвязанных показателя:

1. Набор технических стандартов, выше которых риск считается неприемлемым;

2. Баланс риска и пользы, при котором абсолютное выражение пользы превышало бы затраты, связанные с риском;

3. Сравнение эффективности расходов различных видов контроля за риском;

4. Определение правил признания недопустимости риска в тех случаях, когда незначительные выгоды увеличивают риск [24, 5].

Современные поборники концепции технологического риска выдвигают и третий вариант определения и оценки возможного риска от применения сложных технических систем. Не отвергая попыток квантификации тех или иных показателей — технологических, экономических, социальных и т. п., известный исследователь в области технологического риска В. Ковелло считает, что при определении вероятности, степени и масштабов риска необходимо всесторонне исследовать познавательные процессы, определяющие общественное восприятие риска, психологические, социальные, институциональные факторы восприятия риска и управления им [17, 294].

Такая постановка вопроса актуализирует необходимость повысить эффективность прогнозирования в сфере технологического риска. Для этого, подчеркивает французский исследователь Ж.-П. Моатти, нужно выполнить два требования. Первое — последовательное проведение системного подхода, в рамках которого учитывается взаимосвязанность между многими явлениями, которые на первый взгляд не имеют отношения друг к другу, в том числе не только физико-химическими или биологическими, но и социальными, психологическими. Второе — освоение демократических методов управления технологическими рисками и принятие эффективных, в том числе политических, решений в условиях крайней нехватки научных данных. Ставшее уже привычным стремление установить приемлемое соотношение между выигрышем и издерж-

ками внедрения новых технологий, главным образом с помощью метода «проб и ошибок», становится все более ущербным и «способно оказать слишком дестабилизирующее воздействие на перспективы общественного развития» [20, 247].

Чтобы изменить господствующий ныне вектор социального развития (точнее сказать, антиразвития), считают многие западные социологи алармистского направления, необходимо не только приостановить деградацию глобальной экологической системы, но и научить людей, особенно тех, кто принимает ответственные решения, быть готовыми к тем высоким, чаще всего неожиданным требованиям, которые предъявляют к ним технологические катастрофы и следующие за ними социальные потрясения. При современном уровне риска, отмечает П. Лагадек, в принципе, возможны любые катастрофы. Они могут достигать гигантских масштабов, драматизировать социальную ситуацию на огромных территориях независимо от административных и международных границ. Необходимо отдавать себе отчет в том, что это социотехнологические явления совершенно нового типа, характеризующиеся двумя взаимосвязанными отличительными чертами. Во-первых, катастрофы перестают быть единовременными событиями и превращаются в процессы. Во-вторых, неизмеримо возрастает их временная и пространственная протяженность. Первое обстоятельство приводит к тому, что ресурсы противодействия катастрофическим процессам истощаются очень быстро, а второе порождает проблемы, связанные с необходимостью создания системы долговременного контроля, возбуждая дискуссии относительно возможного канцеро-, мута- и тератогенного эффекта [19, 24].

В связи с лавинообразным нарастанием количества технологических, экологических и других катастроф и резким увеличением масштабов вызываемых ими разрушений и негативных социальных последствий в последние годы в западной социологии все больше внимания уделяется определению самого понятия «риск». Наиболее распространенное, хотя и недостаточно точное, определение дается С. Хэнсэном и ограничивается оно установлением связи с нежелательным событием, которое может произойти. Более точным представляется определение риска как нежелательной для индивида и общности вероятности. Так, в официальном документе Международ-

ной комиссии по радиологической защите риск, связанный с определенной дозой облучения, определяется как «вероятность того, что данному индивиду коснется конкретный эффект радиационного воздействия». Конструктивность такого определения обусловлена не только тем, что оно корреспондирует с конкретным видом технологического риска (в данном случае — радиационного); но и тем, что степень риска определяется применительно к данному индивиду, выдвигая на передний план человеческое, личностное измерение возможности степени риска.

Анализ риска применим к различным реальным ситуациям, возникающим в результате природных событий или деятельности человека. Но, поскольку риск предполагает определенную дозу опасности для человека, при его оценке, как считает О. Рени, необходимо провести целый ряд взаимосвязанных мероприятий. Среди них наиболее важными являются:

1. Определить, какие результаты природных явлений или действий человека могут быть названы «вредными» или «полезными»;
2. Отобрать из них те результаты, которые должны учитываться в первую очередь;
3. Оценить масштабы вреда, наносимого людям, которые могут подвергаться соответствующему воздействию;
4. Рассчитать вероятности различных результатов;
5. Определить, кого именно затрагивает риск и в какой степени ему угрожает.

Разумеется, такая многомерная задача с множеством изменяющихся неизвестных далека от однозначного решения, что делает определение и оценку степени риска весьма проблематичными. Поэтому Рени и предлагает в этих целях использовать метод усложненного моделирования [23, 111—127].

В связи с возрастающим беспокойством многих людей по поводу учащающихся технологических катастроф и увеличивающихся масштабов их разрушительного воздействия на окружающую природную среду и социальные общности становится вполне оправданным разведение понятий объективно существующего риска и восприятия его индивидами и их группами. Одним из первых высказал целесообразность введения понятия «восприятие риска» Г. Отвэй. Восприятие риска возникает из взаимодействия трех компонентов:

- а) ситуации и связанного с ней объективного риска,

оправданного имеющимися научными данными или признанного в качестве такового большинством людей;

б) личности индивидуума, столкнувшегося с риском;

в) социальной среды, в которой возникает риск и происходит его оценка. Воспринимаемый риск для того или иного конкретного индивидуума — своеобразное сочетание его личной оценки возможности неблагоприятного события в будущем и вероятных последствий такого события. Этот индивидуум воспринимает ситуацию, связанную с риском, опираясь не только на свойства своей личности и знания, приобретенные им ранее, но и на свой прошлый опыт, а также на внутренний мир — сферу чувств, эмоций, мышления — из окружающей социальной среды (см. рис. 4). На основе такого восприятия каждая

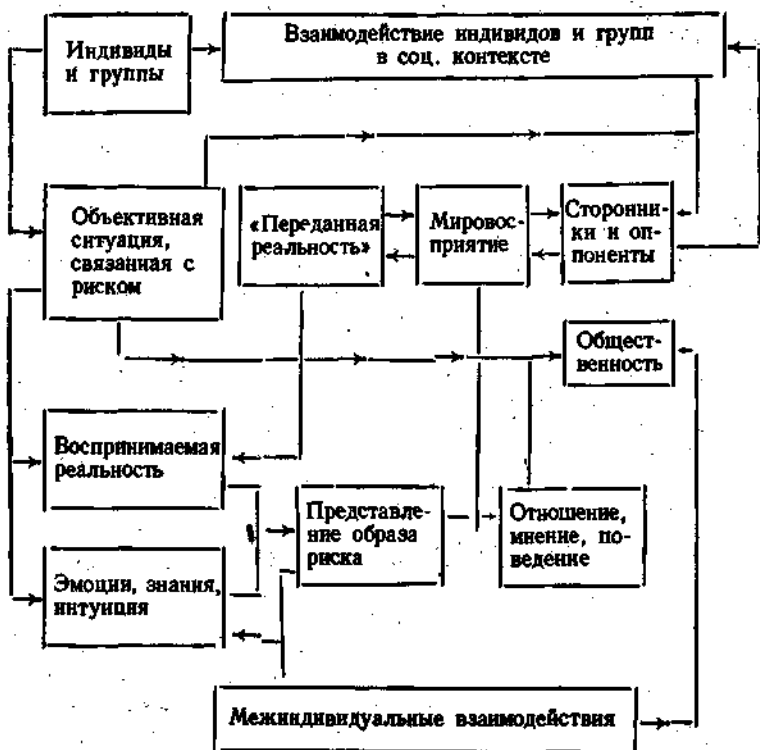

Рис. 4. Структурная схема восприятия риска

личность строит свойственные только ей образцы риска, которые в свою очередь ведут к формированию отношения данного индивидуума к риску, определенных мнений и поведенческих реакций. Тем самым восприятие риска и оценка его возможных последствий, главным образом неблагоприятных, становятся важной детерминантой самоотношенности личности с собой как субъектом определенного социального действия в экстремальной ситуации.

Проведенные в различных странах и на различном эмпирическом материале социологические исследования проблем восприятия риска различными людьми и их группами позволили выяснить некоторые общие особенности воспринимаемого риска. В. Ковелло, в частности, установил, что людей больше беспокоит та деятельность или ситуация, о которых они не осведомлены. Их также в большей степени беспокоит деятельность, характеризующаяся плохо понимаемыми механизмами воздействия, чем деятельность, процесс воздействия которой хорошо понят. Больше всего тревог и опасений вызывает неопределенность: людей больше беспокоит деятельность или ситуация, неизвестная науке или не получившая научного определения, чем те виды риска, которые уже относительно хорошо известны. Кроме того, установлено, что людей больше беспокоит деятельность, в результате которой особому риску подвергаются дети.

Уточняя пределы применимости понятия «восприятие риска», представители психометрической школы в рискологии П. Словик, Б. Фишхофф и С. Лихтенштейн ввели в науку термин «ощущаемый» (perceived) риск, позволяющий определить характер психологических компонентов индивидуальных установок в преддверии реальной опасности или ее угрозы. Они установили, что ощущение риска многомерно, крайне субъективно и во многом иррационально, поскольку кроме осознаваемых процессов формируется в значительной мере подсознательно, в соответствии с различными факторами, подчас случайно уязвимаемыми субъектами, ощущающими риск, с той или иной опасностью, которая другими субъектами и даже экспертами отнюдь не рассматривается в качестве таковой. В этом ощущении ожидание определенного вреда в экстремальной ситуации взаимопереплетается с воспоминаниями и оценками сходных ситуаций в индивидуальном жизненном опыте со сведениями, почерпнутыми из литературы, телепередач и кинофильмов, рассказов

других людей, являвшихся очевидцами трагических событий, и т. п. [29, 17—34].

Поборники социологической и психологической ветвей складывающейся рискологии стремятся на основе обобщения эмпирических исследований сконструировать структурно-функциональные модели, позволяющие объяснить механизмы восприятия риска. Им, в частности, выделяется в качестве весьма важного компонента, создающего своеобразный «мотивационный тон» в восприятии риска, роль первой реакции индивида на технологическую ненадежность среды или другую опасность, угрожающую его здоровью, благополучию, жизни. Такая реакция, утверждают П. Сталлен и А. Томас, носит аффективный характер и по существу «ограничивает типы переживаний, которые человек ожидает и ищет» [31, 237—245].

Процесс восприятия и оценки степени риска разворачивается по сложной траектории. Между воздействием стимула опасной окружающей среды на индивида и его ответной реакцией протекает несколько взаимосвязанных процессов. Первый из них, как уже отмечено, носит чаще всего аффективный характер и создает исходные предпосылки для формирования той или иной установки относительно существующей опасности. На его базе формируется оценка, которая определяется как «когнитивный процесс, посредством которого событие оценивается в соответствии с тем, что поставлено на карту (первичная оценка), и тем, каковы ресурсы и выборы для того, чтобы с этой опасностью справиться (вторичная оценка)». На основе взаимодействия аффективного и когнитивного процессов индивидуальная экспертиза угрожающей ситуации перерастает в практическое действие, способное, по мнению индивида, снизить степень воспринимаемого риска, минимизировать угрозу, исходящую от промышленной, энергетической и иной системы. Однако и восприятие риска, и его оценка, и предпринимаемое индивидом или социальной общностью практическое действие, направленное на минимизацию идущей извне угрозы, включены, как правило, в различные социальные, экономические, политические контексты. Так, П. Сталлен и А. Томас установили, что на характер установок, которые формируются у индивидов и их групп в экстремальных, рисконасыщенных ситуациях, влияют не только особенности индивидуального и группового восприятия риска, но также вера или неверие в политическую культуру ру-

ководителей, степень демократичности государственного устройства и власти, осознаваемая и неосознанная апелляция субъектов к мудрости народа, сограждан к традициям, использование аналогий с прецедентами, уже имевшим место в течение индивидуального жизненного опыта субъекта или же в течение прошлой истории человечества, степень опасности или личных выгод для данного субъекта, а также степень неожиданности возникновения ситуации, связанной с риском. А это требует междисциплинарного подхода к исследованию различных аспектов риска, которые могут быть изучены с различных сторон с учетом многообразия факторов, обуславливающих восприятие, оценку риска и действий по его минимизации — экономических, социальных, политических, психологических, демографических и т. п. [31, 253].

В репрезентативном общенациональном социологическом исследовании, проведенном С. Бастидом с соавторами во Франции, было установлено, что на восприятие риска наряду с индивидуальными различиями существенное влияние оказывают социальные факторы, в частности принадлежность к той или иной социальной группе. Оказалось, что женщины, молодежь в возрасте до 35 лет, низкооплачиваемые рабочие и служащие выразили неприятие технологического риска (связанного с ядерными и химическими установками, нефтеочистительными заводами, плотинами, химическими отходами) на уровне, значительно превышающем средний [15, 215—223].

Шведские исследователи технологических рисков Л. Шеберг и Б. М. Дротц-Шеберг, обобщая данные многочисленных исследований специалистов различных стран, в том числе в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, пришли к выводу, что существует многокомпонентная матрица изучения и оценки риска. В качестве ее важнейших компонентов выступают:

1. Социально-психологическое измерение восприятия риска;
2. Социокультурное измерение перемещения людей и последующего социального разрыва их с сообществами;
3. Общий патогенетический фактор, касающийся психологических срывов на почве радиации и изменений привычного образа жизни;
4. Медико-социологическое измерение в поведении пострадавшего населения и в диагностике его врачами;
5. Социально-экономическое измерение, касающееся

крупномасштабных воздействий Чернобыльской катастрофы;

6. Радиопатологическое измерение и его нестохастические и стохастические эффекты [16, 12].

Среди факторов риска они выделили в качестве наиболее сильно действующего не технологический, а человеческий фактор. «Человеческий фактор как наиболее важный источник риска,— отмечают они,— тесно связан с переживанием риска во время войны и транспортных происшествий. Риск во время войны оценивался варьирующим образом с достаточно широкими диапазонами мнений респондентов, которые высказали либо очень небольшие, либо очень высокие оценки его вероятности. Транспортные происшествия и путешествия на море оценивались как относительно рискованные. В качестве крайне опасных оценены хранилища различных веществ, особенно радиоактивных отходов. В проведенных ими социологических исследованиях на основе одиннадцати индикаторов выявлены различные уровни восприятия степени риска в зависимости от демографических различий респондентов. Оказалось, в частности, что наиболее высокая степень опасности риска отнесена большинством респондентов к риску в условиях войны (35,6%). Второе ранговое место занял в оценках респондентов «человеческий фактор» (33,6%), третье — риск от непредвиденных обстоятельств (27,9%).

Выведенный из 11 шкал индекс риска оказался гораздо более высоким у женщин, чем у мужчин. Для мужчин значение индекса составило 2,98, а для женщин — 3,61. Та же тенденция отчетливо просматривается по каждому отдельному индикатору, включенному в сводный индекс [16, 14]. Аналогичные данные получены сотрудниками Института социологии Академии наук Беларуси в исследовании, выполненном под руководством автора в 1991—1994 гг. в районах Беларуси, пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Там различия в восприятии риска, связанные с этими состояниями тревожности у женщин, оказались еще более значимыми, а степень дифференциации оценок измерялась полутора-двухразовыми величинами (см. об этом подробнее в 4 главе IV раздела данной книги).

Необходимо отдавать себе отчет, что по мере возникновения и расширения возможностей крупномасштабного технологического риска, перешедшего после катастроф в

Тримайл Айленде, Бхопале и Чернобыле из сферы чисто теоретических построений в сферу драматической действительности, человечество оказалось перед лицом еще одного вызова, на который необходимо найти ответ. Одно из важных направлений подготовки такого ответа, считает П. Лагадек, — познание особенностей и тенденций развития послеаварийных социальных кризисов и разработка на этой основе своевременных и эффективных мер по их профилактике или минимизации наносимого ущерба. А это означает, что в условиях отсутствия стопроцентной гарантии безаварийного функционирования сложных технологических систем необходимо учиться более эффективно управлять послеаварийными социальными процессами.

Однако возможность расширения управленческого воздействия на катастрофные и посткатастрофные процессы — это только одна, хотя и важная, сторона самоосуществления личности и социальных общностей в условиях «цивилизации риска». Чтобы существенно ограничить опасность, которым подвергается человек в тем большей мере, чем в высшей степени становится развитой техногенная цивилизация, необходимо отказаться от продуктивистской модели развития, которая и толкает человечество к чрезмерным рискам и опасностям. Эту модель, считают поборники данной доктрины, необходимо заменить моделью самоценности и самоосуществимости человека как личности. Только при таком подходе возможно осознание грозящей всем нам чрезвычайной технологической опасности, нахождение реальных способов ее предотвращения прежде, чем разразится катастрофа.

Под таким именно углом зрения начали развиваться (правда, с опозданием на 15—20 лет) первые исследования в области социологии риска в бывшем СССР. Такое опоздание объясняется множеством причин. Среди них далеко не последняя по значимости официальная идеология социалистического оптимизма, длительное время рассматривавшая социологию как «буржуазную лженауку», не могла в силу своей сущности санкционировать социологическое исследование таких социально-негативных явлений в социалистическом обществе, как кризисы, конфликты, катастрофы, несущие в себе опасность и угрозу риска не только для отдельных индивидов, но и целых сообществ. Только Чернобыльская катастрофа заставила приоткрыть завесу умолчания над проблемой технологи-

ческого, экологического, социального риска, реально существовавшего на протяжении всей советской истории, но тщательно камуфлируемой во всех ответвлениях обществоведческого и гуманитарного знания, за исключением, пожалуй, психологии, которая могла говорить о риске, да и то в очень ограниченной, сугубо бытовой сфере индивидуального бытия человека. Только на рубеже 1980—90 гг. появляются в бывшем Советском Союзе первые работы, так или иначе затрагивающие проблему риска в его социальном контексте. Академик В. А. Лёгасов в своих предсмертных статьях рассматривает проблему риска в контексте обеспечения безопасного развития техносферы [8, 9]. Б. В. Гидаспов со своими сотрудниками анализирует те же проблемы в еще более широкой перспективе цивилизационного развития [6, 9—14]. А. И. Пригожин интерпретирует проблему риска в еще более широком контексте развития сложной космо-гео-социосистемы, в которой потенциальная амплитуда природных флуктуаций превышает жизнеспособность человека, вследствие чего человеческое существование всегда сопровождается экзистенциальным риском [13, 101—115].

В ряде публикаций белорусских, российских, украинских социологов и психологов проанализированы проблемы восприятия, оценки и минимизации риска, порожденного катастрофой на Чернобыльской атомной электростанции и многочисленными негативными последствиями этой крупномасштабной трагедии (В. Н. Абрамова, М. И. Бобнева, О. М. Дерябина и др., 1992; Е. М. Бабосов, 1990; В. М. Пономаренко, Ю. Н. Щербак, 1991).

Появились первые обобщающие публикации, излагающие основные концептуальные положения социологических доктрин цивилизации риска (М. А. Барнинова, Б. А. Горохов, 1991; Е. М. Бабосов, 1993).

Наконец, нельзя обойти попытку сотрудников социологического факультета Московского университета С. М. Никитина и К. А. Феофанова сконструировать общую концепцию социологической теории риска и вычленить специфическую предметную область последней. Следует признать продуктивной их основную идею, согласно которой социологическая рискология должна представлять собой интегративное целое, работающее на стыке целого ряда обществоведческих и гуманитарных дисциплин (экономических, политологических, демографических, психологических), но синтезировать все это че-

рез призму специфики своей науки, то есть иметь дело с социологическим изучением социальных общностей с применением присущих только социологии методов [10, 120—127].

Все эти пока еще разрозненные исследования нуждаются в координации не только в пределах так называемого «ближнего зарубежья», под которым обычно понимаются бывшие республики СССР, но и с исследовательскими и университетскими центрами тех стран, где рискология получила достаточно широкое развитие, в частности США, Германии, Франции, Нидерландов, Швеции и др. Это направление в общественном знании перемещается с периферии в центр, что обусловлено актуальностью и важностью создаваемых в его рамках идей, концепций, проектов в условиях современного, глубоко насыщенного сложнейшими технологиями и техническими системами общества, где степень и масштабы риска неизмеримо возросли. И не считаться с этим означало бы подвергать не только ныне живущие, но и последующие поколения людей серьезной опасности.

Глава 4

СОЦИОЛОГИЯ КАТАСТРОФ

Катастрофы, как уже отмечалось, сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Поэтому они нашли своеобразное преломление в мифах и сказаниях, философских и религиозных доктринах. Уже первые космологические воззрения, о которых упоминает Аристотель в своей «Метафизике», содержат представление о катастрофическом воздействии внешних сил на человеческие судьбы. Да и знаменитый Гераклитов огонь, периодически возгорающийся и затухающий, нес в себе скрытую возможность катастрофических событий. Близкие к нему по смыслу представления стоиков о мировом пожаре («Ekyrosis»), все разрушающем и вновь все возобновляющем, которые, как считает В. Р. Домбровский, хотя и неправомерно интерпретировать в качестве фактической катастрофы, но следует видеть в нем вечную картину, несущую угрозу человеческому существованию. Поэтому вполне правомерно говорить здесь о катастрофической травме существованию [20, 37].

Интерес к катастрофическим процессам обычно существенно обострялся в переломные эпохи развития человечества, приносявшие бедствия различным народам, социальным группам, государствам. Но в эпохи, предшествовавшие индустриальной революции, когда ритмика развития человеческих сообществ вписывалась в ритмику окружающей природы, катастрофы были довольно редкими явлениями, поэтому они волновали человеческое воображение не так уж и часто. Принципиально изменилась ситуация с созданием крупного промышленного производства, с индустриальной революцией, которая ознаменовала собой постоянно нарастающее в масштабах и силе воздействия вторжение человека, опирающегося на технические средства, в окружающую природную среду. Стремясь подчинить себе природу и не всегда учитывая возможные последствия такого господства, человечество

столкнулось с ситуацией, когда закономерности созданной его техническим гением «второй природы», то есть техносферы, обрели янью, чем в первичной природе, ритмику. На изломе таких несовпадений и стали чаще всего возникать катастрофические ситуации. Еще большее расхождение двух рядов закономерностей — окружающей природной среды и техносферы — проявилось во второй половине XX в., когда стала разворачиваться научно-техническая, или, как ее предпочитают называть западные социологи, вторая индустриальная революция. Катастрофы стали происходить гораздо чаще, их количество, равно как и приносимый ими ущерб, начало возрастать почти по экспоненциальной кривой.

Такая ситуация вновь подстегнула интерес к катастрофам, началось их систематическое исследование. Первый специализированный исследовательский центр по изучению катастроф был создан в 1963 г. в университете штата Огайо (США), а затем он в конце 1984 г. переместился в университет г. Делавар [31, 274—277]. Одновременно существенно расширились исследования различных катастроф и в других научных центрах как в США, так и в иных промышленно развитых странах. На базе этих исследований, их теоретических экспликаций, построения соответствующих концептуальных схем и сложилось на рубеже 1960—70-х гг. новое, весьма специфическое направление в социологии, связанное с исследованием обширного класса разнородных явлений и процессов, объединяемых понятием «катастрофа». Американские социологи Александр Вудкок и Маут Дэвис отмечают: «Теория катастроф — это спорный и противоречивый новый способ мышления об изменениях — изменениях в ходе событий, изменениях в существующем порядке, изменениях в системе поведения, изменениях самих идей. Ее название предполагает бедствие, и в самом деле данная теория может быть применена к в буквальном смысле катастрофам, таким, как обвал моста или падение империи» [42, 3].

В этом высказывании обращают на себя внимание два ключевых понятия: изменения и бедствие. Связанные целью событий в единое целое, они и дают представление о катастрофе как о таком типе изменений, которые следует идентифицировать с бедствием. По свидетельству его авторов, социологическое видение катастроф, так же как и их математическая теория, опирается на топологические открытия Р. Тома, который считал, что теория

катастроф служит для описания и предсказания изменений форм процессов, поскольку имеет дело со свойствами, невзирая на величины рассматриваемых объектов, а потому носит не количественный, а качественный характер. Главным же объектом данной теории является процесс перехода исследуемой системы из устойчивого, стабильного состояния в неустойчивое. Обобщая значительное количество описаний различных катастроф, А. Вудкок и М. Дэвис дают такое предельно общее определение рассматриваемого феномена: «Катастрофа в широком смысле слова — это любой прерывный переход, который случается, когда система может иметь больше, чем одно стабильное состояние, или иметь больше, чем один путь изменений. Катастрофа — это прыжок из одного состояния или пути в другой, это — прерывность» [42, 42].

Они усматривают эвристическую мощь теории катастроф в том, что она побуждает ученых к изменению способа мышления о процессах и событиях во многих областях, включая те, которые изучаются экономическими науками и социологией. Применение данной теории к анализу социально-экономических процессов, по мнению А. Вудкока и М. Дэвиса, дает возможность выявить, по крайней мере, три ее преимущества, дающие исследователю несомненную пользу. Во-первых, данная теория независима от времени, поскольку способна описывать как процессы, которые протекали много веков назад, так и те, в которых мы узнаем из ежедневных газет. Во-вторых, она позволяет обеспечивать связь между количественными данными и качественными изменениями в поведении изучаемых объектов и систем. В-третьих, из-за строго устанавливаемого различия между прерывными и непрерывными изменениями она предлагает картину, которая комбинирует политическое развитие: более или менее непрерывные процессы, называемые «тенденциями», с политическими революциями (в буквальном или переносном смысле слова), более или менее прерывными событиями, которые отделяют один период политического развития от последующего [42, 135—136].

Еще более отчетливо выраженную социально-экономическую и политическую тональность понятию «катастрофа» придает известный немецкий социолог Вольф Домбровски. Он считает, что под катастрофой следует понимать прежде всего насыщенное потерями разрушение нормального экономического и социального развития, по

отношению к которому в центре внимания исследователя оказываются социологические дефиниции, определяющие последствия катастрофы для специфических социальных общностей (семья, группа, община) или форм социальных отношений (коммуникации, взаимопомощь, поиски защиты и т. п.). Поэтому, с его точки зрения, вполне возможен переход от катастрофы к революции, путчу, террору или даже к гражданской войне [20, 181—194].

Особого внимания заслуживает высказанная В. Домбровским мысль о том, что после Чернобыльской трагедии утратили доверие к себе чрезмерно абстрактные дефиниции, не охватывающие не столько сами опасности, сколько непосредственные следствия острых опасностей. Именно Чернобыль, считает он, доказывает, что при определении катастрофы недостаточно указаний только на объективные изменения. Дефиниционный стандарт, по его мнению, существенно повышает свой инструментальный уровень, когда принимает во внимание реактивные и деловые потребности существующей системы социального порядка, которая подтверждает свою устойчивость, и приемлемость своей способностью коллективной защиты от изменяющегося потенциала опасности. «Конституирующая основа этой системы: защита жизни, здоровья и собственности всех своих граждан от всяческих опасностей, от которых не в состоянии предостеречь одиночка» [20, 195—196].

Сходные позиции в толковании катастроф занимает один из основателей рассматриваемого направления в социологии Э. Карантелли, долгие годы возглавлявший центр исследований катастроф в Делаварском университете (США). Он считает необходимым выделить приоритетную значимость в рассматриваемых процессах не физических, а социальных аспектов, поскольку в них в подавляющем большинстве случаев речь идет о «различных явлениях, характеризующихся негативно направленным против индивида или коллектива стрессом» [31, 3]. Он выражает полное согласие с мнением, высказанным в работах Дж. Пеланди в Италии и В. Домбровского в Германии, о том, что «катастрофа — это выражение слабости социальной структуры или системы». Э. Карантелли полагает, что большинство социологов, занимающихся исследованием катастроф, скорее всего примут понимание катастроф как социальных происшествий, наблюдаемых во времени и пространстве, в которых общественное бы-

тие (от обществ до меньших их подразделений, например, общин) подвергается разрушению в ежедневной общественной деятельности в результате действительного воздействия или осознанной угрозы существующему социальному устройству. Таким образом, землетрясение или химический взрыв не рассматриваются с точки зрения социологии как катастрофа, если они не проявляют указанные характеристики, то есть не несут угрозы разрушения тех или иных сфер социального бытия. Более того, он считает, что до сих пор остается невыясненным социальный категориальный статус очень распространенных явлений, таких, в частности, как голод, засухи и эпидемии, исторически рассматривавшихся как катастрофы.

Э. Карантелли обращает внимание на то обстоятельство, что в настоящее время в социологических исследованиях катастроф широко используются неструктурированный свободный опрос, систематическое наблюдение за участниками катастрофических событий и широкий обзор документов. Однако пора уже к этим традиционным методам, широко применяющимся в социологии с конца 1950-х годов, добавить новые, особенно такие, которые дают возможность через широкую сеть исследований социально-психологического характера сфокусировать основное внимание на изучении индивидуального поведения людей при катастрофах. Обобщая данные 470 исследований различных катастроф, проведенных сначала социологами университета штата Огайо, а затем и центром исследования катастроф в университете Г. Делавар, которым он руководил много лет, Э. Карантелли подчеркивает, что эта исследовательская деятельность сфокусирована, во-первых, на организационных и общественных уровнях подготовки населения к возможным катастрофам, во-вторых, на изучении действий людей в условиях катастроф и, в-третьих, на восстановительном периоде после катастроф, причем все это проводится под углом зрения выявления человеческих и социальных аспектов катастрофических процессов [31, 8].

Стремясь на основе обобщения результатов исследования множества различных катастроф подняться до уровня их теоретико-социологического осмысления, поборники этого направления в социологии выдвинули несколько достаточно конструктивных подходов в осуществлении кодификации катастроф. Первая такая попытка была предпринята еще более 30 лет назад Х. Фритцем,

который привел в систему все то, что было тогда известно о социальных аспектах поведения человека в катастрофных ситуациях. Было установлено, что далеко не всегда жертвы катастроф впадают в панику, страдают тяжелыми психическими травмами или «катастрофным шоком». Более того, выяснено, что катастрофы и вызванные ими социальные последствия могут создавать так называемое «терапевтическое общество», или систему социальной поддержки, которая несет в себе множество положительных моментов для переживших катастрофную ситуацию [24, 18—26].

Вторая, более развернутая попытка построить систему социологической кодификации катастроф была осуществлена примерно 10 лет спустя А. Бартоном, который изучил широкий класс социальных аспектов катастрофных процессов, начиная от мотивации поведения людей при катастрофах и вплоть до того, как индивидуальное и организованное в группах поведение связано между собой и как эти поведенческие акты во время массовых бедствий затрагиваются межорганизационной координацией социальных действий. Здесь широко применены к объяснению поведения индивидов и групп в катастрофных ситуациях концептуальные схемы различных социологических теорий: социального действия (Т. Парсонс), ролевой теории (Р. Мертон, Л. Линтон), теории конфликтов (Л. Козер, Р. Дарендорф). Это дало возможность А. Бартону рассмотреть социальные аспекты поведения индивидов и их общностей в широком социологическом контексте, без которого вряд ли возможно переходить к практическому решению прагматической задачи: определению ресурсов и факторов, способных обеспечить организационную мобильность сообщества в условиях катастрофной ситуации. Особое внимание в своей обобщающей работе А. Бартон обращает на взаимосвязь персонального и организованного в группах поведения людей, в силу чего осуществляется влияние общности на индивида и его поведенческие акты, а результатом этого становится формирование так называемого «терапевтического сообщества», помогающего людям лучше адаптироваться к условиям катастрофного и посткатастрофного развития [14, 38—42].

Последний вопрос получил широкое социологическое освещение и осмысление в специально посвященной данной проблематике сводной работе Р. Дайнса «Организо-

важное поведение при катастрофах», в которой обстоятельно рассмотрены и проанализированы организационные структуры, процессы и задачи, возникающие в предкатастрофный период, в процессе самой катастрофы и в условиях посткатастрофного развития. Основная идея, выдвинутая и обоснованная в этой работе, заключается в том, что организационная мобильность в качестве ответной реакции общества (или общности) на катастрофную ситуацию может быть обеспечена взаимодействием четырех различных типов организационных структур, которые будут привлечены в экстремальных обстоятельствах: существующих, увеличивающихся, расширяющихся и вновь возникающих организаций, специально создаваемых в связи с необходимостью ликвидации последствий катастрофы. Основное внимание при этом обращено на поиски оптимальных путей и средств обеспечения межорганизационных взаимоотношений, без чего не может быть обеспечено эффективное преодоление социально негативных последствий катастрофы [22, 42—46].

Примерно в то же время Д. Милети, Т. Драбек и Дж. Хаас, применив на основе обобщения 191 опубликованной работы метод «матрицы знаний», при помощи которого все сделанные выводы классифицировались по уровню теоретического анализа, масштабам и продолжительности катастрофы, дали аналитическое описание различных социоструктурных уровней поведения людей в экстремальных ситуациях. Если предшествующие работы носили преимущественно односторонне-эмпирический характер и ограничивались описанием индивидуального и общинного поведения, то здесь поведенческие реакции людей в условиях бедствия рассматриваются в рамках более широких социальных общностей. Наряду с индивидуальным и общинным поведением эти авторы выделяют организационный уровень поведения, который как бы вбирает в себя первые два уровня, что приводит не только к количественному, но и к новому качественному эффекту — резко возрастает организованность совместных действий, а вместе с нею и их эффективность. Сама же организационная структура, координирующая и организуемая совместные действия в экстремальных ситуациях, может функционировать не только на уровне общины, но и на уровне всего общества, а также на международном уровне, когда случаются особо крупные катастрофы, [26, 19—38].

Одновременно была осуществлена социологическая кодификация катастроф не только по уровням организационного взаимодействия индивидов и групп, оказавшихся в чрезвычайных обстоятельствах, но и по специфическим особенностям социально-экономической и социокультурной среды, в условиях которой индивиды и группы оказываются застигнутыми катастрофой. Обобщая опыт многих социологических последствий различных экстремальных ситуаций, Э. Карантелли, Ф. Бэйтс, В. Пикок осуществляют кросскультурное социологическое изучение катастрофного поведения. Это дает им возможность выделить такие его важнейшие аспекты, как социальные, институциональные, организационные, групповые и поведенческие. Они отмечают, что анализ чрезвычайных ситуаций особенно плодотворен в сравнительном исследовании разнообразных социальных, а также социокультурных структур и процессов, которые в обычной жизни остаются как бы в тени, но отчетливо проявляются в условиях бедствий [34, 307—312; 15, 3—8].

Кросскультурные сравнительные исследования катастрофных процессов, считает Э. Карантелли, позволяют при всем разнообразии многих видов катастроф выделить в них наиболее значимые для социологического изучения катастроф компоненты. Эти компоненты таковы: 1) индивиды, 2) малые группы, 3) организации, 4) общности, 5) институты, 6) общества. При важности каждого из названных объектов социологического анализа катастрофных процессов все-таки приоритетная значимость придется основным социальным группам, в которых осуществляется межиндивидуальное, внутригрупповое и другие виды взаимодействий людей, переживающих глубокие стрессовые потрясения в экстремальных ситуациях.

Выделенные шесть единиц социологического анализа, каждая из которых несет в себе компактную информацию о различных субъектах действий в условиях катастрофы, Э. Карантелли предложил соотносить с восемью основными факторами предкатастрофного, катастрофного и посткатастрофного поведения. К таким факторам относятся: 1) предупреждения, 2) предварительная подготовка, 3) поиск и спасение, 4) обнаружение раненых и погибших, 5) удовлетворение основных потребностей, 6) восстановление важных коммунальных служб, 7) защита от продолжающейся угрозы, 8) общественный порядок. Если названные факторы будут тесно увязаны с ранее

охарактеризованными субъектами деятельности в экстремальных ситуациях в единую матричную структуру, считает Э. Карантелли, возникнет возможность всестороннего кросскультурного социологического анализа поведения индивидов, групп, организаций и т. п. в экстремальных ситуациях катастрофного типа. Такой подход, по его мнению, не только «позволяет понять, как непосредственно адаптироваться к экстремальным стрессовым ситуациям, но и помогает оценить дальнейшие последствия и действия» [34, 309—310].

Обобщая исследование действий различных управленческих структур по преодолению последствий катастроф, Э. Карантелли предлагает аналитическую схему кросскультурного социологического анализа социальных аспектов катастроф. Самые универсальные проблемы катастроф (а он считает, что таковых насчитывается 13), в том числе проблемы ресурсов, эвакуации, координации усилий, обеспечения общественного порядка и т. п., должны быть взаимосвязаны с шестью различными уровнями поведения: индивидуального, малых групп, организаций, общин, институтов, общества в целом и восемью факторами экстремальных ситуаций. Что же касается не социоструктурных, а поведенческих аспектов действий людей в условиях бедствия, то они включают в себя такие виды поведения: паническое, эвакуационное, коммуникационное, спасательное, обеспечение срочной медицинской помощи, организацию социально-психологической помощи, действия помощи пожарных и гражданских ведомств, конфликты в экстремальных стрессовых ситуациях, социальные изменения при катастрофах.

Э. Карантелли убежден, что важную эвристическую роль в социологическом изучении катастроф могут сыграть различные модели, давно уже применяемые в других разделах социологической теории. По его мнению, окажется продуктивным применение общих ориентирующих моделей, предполагающих, что определенные наборы условий приведут к возникновению явлений, обладающих определенными характеристиками, которые последуют за деятельностью, вызывающей определенные последствия.

На всех этапах становления и развития социологии катастроф серьезное внимание ее приверженцами уделялось построению типологии катастрофных процессов. Простейшим вариантом такого рода построения является

дихатомическое расчленение катастроф на природные, вызванные естественными силами природы, и спровоцированные человеком, его вмешательством в природные процессы [37, 4]. Однако более распространенным и признанным остается членение катастроф на природные, технологические и социальные, то есть вызванные человеческими действиями [32, 18—22].

Существуют и менее традиционные, а следовательно, менее употребимые типологии катастроф. Р. Дайнес, в частности, в качестве основания типологизации катастроф выделяет ту среду, в которой возникают и действуют причины, вызывающие экстремальные события. В соответствии с этим он характеризует четыре типа катастроф:

1. Возникающие в геофизической среде;
2. Возникающие в биологической среде;
3. Возникающие в социотехнической среде;
4. Возникающие в социальных системах.

Не ограничиваясь выделением четырех типов катастроф, Р. Дайнес стремится динамизировать изучаемый объект — представить катастрофы в динамике их развития. Поэтому он делает основной упор на причину, порождающую катастрофическое событие, на «инициатора» такого события. На основании такого подхода он попытался объединить преимущества различных типологий с тем, чтобы придать им практическую направленность и делать на этом основании некоторые прогнозы. По его мнению, выделяемые группы причин катастрофических явлений, действующие каждая в своей специфической среде, различаются между собой по частоте проявления, предсказуемости, контролируемости, стремительности развития, длительности действия и распространенности в пространстве. Только при учете всех этих факторов можно, по мнению Р. Дайнса, прогнозировать ожидаемый деструктивный потенциал катастроф и соотнесенное с ним поведение индивидов и групп. Он называет пять типов действий инициации катастроф:

1. Отдельные инициаторы ограниченной длительности без предостережения (например, взрыв, обвал здания, цунами).
2. Отдельные инициаторы ограниченного действия с фазой угроз и предостережением (например, наводнение, нашествие саранчи, буря).
3. Длительный, повторяющийся инициатор с нараста-

ющей угрозой (например, серия подземных толчков, волны саботажа).

4. Продолжительно действующий инициатор с нарастающей угрозой (например, эпидемия, засуха, загрязнение водной поверхности нефтью).

5. Комбинированный ущерб (например, землетрясение, сопровождаемое пожарами, засуха с эпидемиями).

Такая типологизация иницирующих факторов катастроф, считает Р. Дайнес, способна не только дать более полное их теоретическое осмысление, но и предоставить возможность предсказательного практического действия [23, 9].

В отличие от Р. Дайнеса другой американский социолог М. Бэркан исходит в своей типологии катастроф не столько из их причин, сколько из их катастрофических проявлений. Поэтому основанием для типологизации экстремальных ситуаций, возникающих в процессе исторического развития общества, он считает характер их протекания, соотносённый с исторически изменяющейся средой, в которой они осуществляются. Поэтому он предлагает типологизировать их в рамках трех радикально различающихся социокультурных эпох в истории человеческой цивилизации.

Исходя из такой позиции, все катастрофы, происшедшие в социокультурном контексте, характерном для периода до индустриальной революции, он предлагает характеризовать как «гомеостатические». Основание для такого их толкования М. Бэркан усматривает в том, что катастрофические события той эпохи отражали ритмику, движение и границы окружающей человека природы. Вследствие громадных технических, экономических, демографических преобразований, которые совершались под воздействием индустриальной революции, считает он, возник принципиально новый тип катастроф — «метастатический». Для него характерна обусловленность человеческими отношениями, которые в свою очередь определяются временными и пространственными границами человеческого господства над природой. Наконец, в XX столетии возникает ещё один, ранее не существовавший тип катастроф — «гиперстатических». Речь идет об искусственно созданных «культурно продуцированных катастрофах», полностью стирающих всякие пространственные и временные границы и носящих характер глобальных, уничтожающих социальные системы бедствий. Исходя из

такого понимания, М. Бэркан выделяет катастрофы трех типов: гомеостатические, метастатические и гиперстатические [13, 219—231].

Более сложную типологическую конструкцию предлагает М. Беррекс со своими сотрудниками. Сконструированная ими модель представляет собой пятиуровневую типологию, построенную на следующих базисных категориях:

1. Степень индивидуального воздействия;
2. Вид катастрофы;
3. Возможность ее возникновения или возобновления;
4. Контроль за будущим воздействием;
5. Длительность.

С этой точки зрения катастрофы могут рассматриваться как акты, ниспосланные Богом, или как стихийные бедствия либо преднамеренно вызванные события, как большая или краткая длительность, как высокое или низкое персональное внимание, как высокая или низкая степень контроля в отношении будущего, как высокая или низкая возможность для повторения [16, 120—134].

Разделяя такой подход к построению типологии катастроф и рассматривая его в качестве наиболее конструктивного, Б. Рафаэль вместе с тем считает, что он должен быть дополнен за счет учета не только объективных, но и субъективных факторов. Он, в частности, подчеркивает необходимость при построении типологии катастроф учитывать такие психологические компоненты, как наличие или отсутствие предостережения, осознания угрозы, влияния стрессовых событий. Кроме того, должны быть приняты во внимание возможности учета последствий катастрофы и посткатастрофного восстановления, равно как и специфика самих катастроф, часть из которых доступна предсказанию, а другие принципиально непредсказуемы, а потому их невозможно проконтролировать. К тому же при построении типологии катастроф, по мнению Б. Рафаэля, необходимо помнить, что неотъемлемой частью большинства из них является угроза смерти, ущерба, разрушения, увечья. Поэтому любая катастрофа должна относиться последователем к тому или иному типу с учетом того, насколько остро она ставит проблему выживания перед отдельным индивидом или социальной общностью, как она соотносится с утратами и горем, рассматривается через призму степени и масштабов ее воз-

действия на человека, на его психические состояния и поведенческую жизнедеятельность [36, 11—26].

Из такого подхода вытекает целесообразность типологизации катастроф с учетом того, в какой мере разрушительно их воздействие на психические состояния людей. Если катастрофа в той или иной степени предсказуема, это усиливает психологическую готовность людей к экстремальным ситуациям и приводит к уменьшению шоковых состояний. В частности, психические расстройства, связанные с повторяющимися, постоянно возобновляющимися наводнениями, оказываются, как правило, меньшими по сравнению с теми, которые возникают редко, как это случилось в устье Буффало, когда катастрофа оказалась непредсказуемой и вызвала высокий уровень травматизма [36, 203].

На основании обобщения многих исследований подобного рода катастроф делается вывод, что чаще всего в случае непредвиденных бедствий психологическая адаптация индивидов и групп к посткатастрофным условиям оказывается сложной, противоречивой, со специфическими эффектами. Обычно возрастают раздражение и недовольство, апатия и безнадежность. Возникающие в таких ситуациях изоляция, стресс и усталость затрудняют удовлетворительную адаптацию. Все это дает основание говорить о типичности возникновения в посткатастрофный период постшокового стрессового расстройства, у многих индивидов фиксируются посттравматические симптомы, их мучают кошмары, страхи и фобии, причем это продолжается на протяжении длительного времени. А. Плегер, в частности, установил, что даже десять лет спустя после катастрофы на шахте девять из десяти шахтеров, за которыми он наблюдал, характеризовались резкими фобиями взрывоопасности и другими посттравматическими симптомами [30, 12—23].

С учетом подобного рода фактов Б. Рафаэль считает необходимым при построении типологии катастроф учитывать их индивидуальную составляющую, которую следует квалифицировать как личностную катастрофу. «Под личными катастрофами,— пишет он,— я понимаю такие события и происшествия в повседневной жизни человека в любой культурной среде и любом обществе, которые воздействуют на индивида, становятся источниками его страдания и несчастий. Эти индивидуальные переживания могут принимать форму опустошающих и очень ост-

рых жизненных событий, неподконтрольных и непредсказуемых, свалившихся на человека извне: смерть и утрата любимых людей или дома, оскорбление, увечье, изнасилование, болезнь. Некоторые из них являются следствиями естественных обстоятельств, а другие, такие, как автомобильные катастрофы и гибель от выстрелов, делают личность жертвой человеческой технологии и ее развития». Во всех подобного рода катастрофах вызывающие их причины неразрывно связаны с личностью человека и в основном с психологией или же с собственной психодинамикой индивида в частности. Поэтому они и определяются, оцениваются и интерпретируются как индивидуальные, личностные катастрофы [36, 4].

Неоднократные попытки построить удовлетворяющую многих исследователей типологию катастроф неизбежно должны были подтолкнуть и действительно подтолкнули теоретиков этого научного направления к анализу и интерпретации катастрофы как процесса, к рассмотрению его динамики. Но поскольку катастрофные процессы интерпретируются поборниками социологии катастроф в качестве «особого случая экстремальных социальных изменений», следовательно, в качестве «социальных процессов» [18, 41—46], постольку исследование их динамики трансформируется в социодинамику катастроф.

На передний план в социологии катастроф выдвигается макросоциологический анализ социодинамики катастрофных процессов. Катастрофа представляет собой разрушительный случай социальных изменений, коренящийся в предшествующих причинно-следственных связях, и необходимо эти связи рассматривать в условиях предкатастрофного развития. Среди них, считает Л. Клаусен, необходимо выделять такие типы причинно-следственных сцеплений, как «военные», «технические», «природные» мотивации человеческих действий, приводящих к катастрофическим событиям. Только в таком случае станет понятным переход событий в другой их этап — собственно катастрофическое развитие со свойственными ему специфическими причинно-следственными цепями, внезапно прерывающими привычный ход событий и потому долженствующими быть интерпретированными как «ненормальные», «ужасные». Наконец, следует выделить такой этап рассматриваемого процесса, как преодоление катастрофы и ее последствий, то есть посткатастрофное развитие, возвращение к нормальности [18, 47—49].

Итак, в макросоциологическом анализе социодинамики катастроф в качестве базисных категорий выступают «объем» (а также «пространство»), «время», «причинность», «нормальность», «экстремальность». Их соотношение в сложных причинно-следственных взаимодействиях представляет категориальную структурную конфигурацию, позволяющую выявлять основные особенности социодинамики катастроф в рамках территориальных пределов (социально-пространственные границы), а также в рамках длительности этих процессов (социально-временные параметры).

Л. Клаусен полагает, что в предлагаемой им макросоциологической модели развертывания катастрофных процессов основное внимание должно быть уделено рассмотрению и теоретическому анализу катастроф огромных радиусов действия, захватывающих все общество. Это объясняется тем, что именно в процессе развертывания крупномасштабных катастроф происходят такие разрушительные бедствия, как гибель множества людей, вплоть до гибели целых народов, ликвидация существующих систем ценностей (отождествляемая им с концом данного общественного строя), резкая политическая дифференциация людей, возникновение новых социально-профессиональных структур, отделение государств, сопровождаемое установлением диктатуры, путчами и т. п. Что же касается катастроф меньшего радиуса действия, вплоть до локальных событий, то они протекают как бы «смазанно», вызывают гораздо меньшую социальную дифференциацию и поэтому стадии их развития протекают быстрее, не несут в себе огромных социально-экономических, духовных и иных разрушений [18, 77—79].

Рассматривая катастрофы в качестве социально обусловленных событий, поборники социологии катастроф акцентируют особое внимание на переживаниях людей и их общностей во время развертывания катастрофических процессов и вызываемых ими последствий, а также наиболее характерные в таких случаях типы поведения. В этом смысле ими особо выделяются шоковые состояния людей и связанные с ними чувства потрясения, носящие травмирующий индивидов или их общности характер. Чувство внезапного потрясения нередко корреспондируется с паникой, под которой обычно понимается «неконтролируемое и неорганизованное бегство от опасности».

На основе обобщения многочисленных эмпирических

исследований сторонниками социологии катастроф сделан вывод о возможности возникновения социальной патологии в посткатастрофный период. Чаще всего, как установлено Дж. Клайером, обостряются семейные и имущественные проблемы, возрастает агрессивность, количество применений насилия в семьях, увеличивается число судебных разбирательств по сравнению с докатастрофным периодом. Однако этот вид группового поведения, считает Б. Рафаэль, отнюдь не всегда бывает неадекватным обстановке, ибо каким бы иррациональным и неподконтрольным ни было бы бегство, оно может обеспечить спасение и безопасность. [36, 63—64].

Поведение человека в катастрофных и посткатастрофных ситуациях самым непосредственным образом связано с теми ценностями, нормами, жизненными установками, которые он разделяет и которыми руководствуется в жизни. Поэтому исследования в области социологии катастроф не могли не затронуть сферу действия морали. В работах А. Оливера-Смита и Г. Баттона предпринята попытка проанализировать индивидуальное и групповое поведение людей в экстремальных ситуациях в контексте нравственно-антропологических подходов к этой проблеме. Оказалось, что поступки людей в условиях катастрофы и посткатастрофного развития существенно дифференцированы с точки зрения их моральной оценки, а детерминирующим фактором выступает в таких случаях не столько само бедствие, сколько нравственные устои личности или нравственные ценности, разделяемые группой [17, 3—9].

Однако само следование тем или иным нравственным нормам не остается независимым от смены этапов в развитии катастрофических и посткатастрофных процессов. В частности, на основе обобщения результатов нескольких исследований поведения людей при катастрофах А. Оливер-Смит установил, что общее бедствие на первых порах приводит к усилению социальной солидарности людей, их сплоченности при нарастающей значимости принципов доброжелательности, бескорыстия, отхода на задний план перед общими заботами классовых и этнических различий. Однако по мере сглаживания остроты восприятия катастрофы как общего бедствия, обрушившегося на всех людей региона (речь шла, в частности, о ликвидации последствий землетрясения в Перу), солидарность людей, их стремление пожертвовать всем, даже

частным достоянием, ради общего блага постепенно ослабляются, затухают и вновь возобновляются конфликты относительно использования частных средств для удовлетворения общих интересов [28, 8—12]. Отсюда делается вывод, согласно которому «катастрофы создают высокое напряжение в окружающей среде, где нравственный порядок в обществе и индивидуальный радикальный выбор или собственный интерес в высокой степени зависят от потенциальных противоречий в поведении и отношениях индивидов и групп в ситуациях стресса» [27, 3—9].

Работа трех последних Всемирных социологических конгрессов (Нью-Дели, 1986; Мадрид, 1990; Билефельд, 1994), в рамках которых функционировали заседания специальных исследовательских комитетов по катастрофам, показала, что на протяжении последних полутора-двух десятков лет наблюдается все более заметное перемещение социологических исследований от социокультурных и социально-психологических проблем в сторону социально-организационных. Представленные социологами США, Канады, Нидерландов, Германии, Италии и других стран доклады ярко свидетельствуют о возрастающем доминировании организационных, межорганизационных и общинных уровней анализа в зонах чрезвычайных ситуаций. При таком подходе важно выделить основные единицы социологического анализа и основные переменные, используемые в теоретических экспликациях многочисленных, чаще всего разрозненных, эмпирических данных. В ходе дискуссии на 39-м исследовательском комитете XII Всемирного социологического конгресса при обсуждении этой проблемы большинство участников (Э. Карантелли, Ф. Бэйтс, Дж. Нигг и др.) согласились, что базисными единицами социологического анализа катастроф и их последствий должны выступать: а) индивид, б) семья, в) община. Если исходить из приоритетного значения при анализе катастроф поведения индивида, то основное внимание уделяется краткосрочным аспектам адаптации к экстремальной ситуации и достаточно быстрому восстановлению. Чем более крупной является единица социологического анализа, тем заметнее акцент перемещается в сторону долгосрочных процессов восстановления. При этом обращалось внимание на то обстоятельство, что в реализации восстановительных процессов существенную роль играют социально-демографические

характеристики индивида и групп, а также их национально-этническая принадлежность. Одновременно с этим произошло смещение интересов исследователей с индивида как базисной единицы социологического анализа к социальной группе, прежде всего таким специфическим общностям, как семья, формальная организация (властная структура, скорая помощь, пожарные команды, подразделения гражданской обороны и др.), а также различные добровольные ассоциации и фонды.

Если на первых этапах развития социологии катастроф в центре внимания оказывалось поведение индивидов и неинституционализированных групп, то в последние годы интерес исследователей все более заметно смещается к анализу действий институционализированных организаций. Поборники данного направления, опираясь на теоретические постулаты Макса Вебера, рассматривавшего социальные институты (право, государство и др.) и организации в той мере, в какой они становятся значимыми для отдельных индивидов, в какой последние реально ориентированы в своих действиях, склоняются к сосредоточению внимания на определенных формах организаций, установлении границ и ролевых отношений, институционализированных или традиционных отношений между должностными лицами и хорошо спланированными действиями в отношении интересов индивидов и их групп. А. Оливер-Смит установил, что «катастрофы могут более отчетливо выявить особенности существующих властных отношений в обществе, а процесс посткатастрофного восстановления способен стать ареной, приводящей к трансформации традиционных социальных иерархий» [29, 105—126]. В частности, катастрофы и следующие за ними восстановительные процессы часто способствуют возникновению новых групп в политическом и экономическом развитии, ставят под вопрос существующие отношения власти, побуждают к переменам, но одновременно вызывают и мобилизуют сопротивление в секторах, поддерживающих статус-кво существующего строя. Возникающие в таких случаях социальные напряжения подталкивают к изменениям в политико-экономических отношениях власти на долгое время, а также побуждают давать новое толкование как существующим структурам, так и процессам развития [27, 15—16].

В том же ключе рассматривает комплекс проблем социально-политического развития в условиях катастроф и

посткатастрофного развития известный нидерландский социолог и политолог У. Розенталь. Он считает, что при анализе действий структур на правительственном и муниципальном уровнях в качестве ключевых должны использоваться два сопредельных понятия: «катастрофа» и «кризис». Поскольку в его понимании различные катастрофы — природные и антропогенные — могут и дальше продолжать удивлять нас своими масштабами и последствиями, побуждать более продуктивно рассматривать данный феномен в рамках более широкой перспективы, поэтому он настаивает на потенциальных преимуществах концептуализации чрезвычайных ситуаций как кризисных явлений. При этом основной акцент им делается (поскольку речь идет преимущественно о социальных аспектах проблемы) на понятие «принятие решений в кризисных ситуациях», которое ранее в социологии катастроф вообще не анализировалось. Вопреки тенденции отдавать приоритет анализу до- и послекризисной деятельности в политике он обращается в своих исследованиях к процессам принятия решений в самый горячий и острый период кризисной ситуации. Исходя из аналитических типологий катастроф, разработанных А. Бартоном (1970) и Р. Перри (1985), У. Розенталь считает, что они способны сыграть существенную эвристическую роль при изучении чрезвычайных ситуаций как процессов, которые требуют целой серии действий, необходимых, чтобы поставить данную ситуацию под контроль. Под этим углом зрения он дает свое определение кризиса как «ситуации, характеризующейся комбинацией серьезной угрозы и чрезвычайности». Он подчеркивает, что трактовка чрезвычайных ситуаций в терминах кризисов позволяет перейти от описания катастроф к пониманию требований, являющихся результатом воздействия катастроф. Дело в том, что кризисы — это, во-первых, серьезные поводы для принятия управленческих решений. Однако обычные, действующие в нормальных условиях управленческие системы, как правило, не торопятся отреагировать адекватным образом на внезапно возникшее бедствие. У. Розенталь, в частности, отмечает с сарказмом, что правительственные чиновники почти всегда будут страдать от того, что экстремальная ситуация поднимает множество новых проблем и подвергает сомнению эффективность управленческих действий, так как они не были в состоянии предотвратить кризисную ситуацию. Во-вторых, нет оснований требовать осо-

бой роли правительства в смысле принятия решений в экстремальной ситуации. Не исключено, что будет принято решение, способное привести к усугублению кризиса. В-третьих, следует отбросить представление об управленческих структурах как уместно действующих агентах во время кризисов, которые являются не только поводами для принятия решений, но также и поводами для перетасовки отношений и мест в структурах власти. В-четвертых, положение правительственных чиновников и общественных организаций во времена кризисов не только важно, но и одновременно уязвимо [37, 5—6].

Все четыре особенности, по мнению У. Розенталя, отчетливо проявились в действиях правительства Голландии, а также мэра Амстердама и шефа полиции во время наводнения в Голландии, в гражданских беспорядках в Саусмоллюпене в 1977 г. и Амстердаме в 1966 и 1980 гг., когда управленческие структуры проявили медлительность, пассивность, отсутствие смелости и решительности, вследствие чего принимаемые управленческие решения оказались малоэффективными. Конечно, подчеркивает У. Розенталь, «необходимость постановки жизненно важных задач по управлению действиями при катастрофах для общественных деятелей не подвергается в Голландии сомнению. Но это не дает повода не подвергать деятельность правительства критике. Можно безошибочно сказать, что существуют большие расхождения между ожиданиями общества, включая и жертв катастрофы, и тем, как общественные деятели и правительственные организации так легко стремились принять стандартные решения в нестандартных, экстремальных ситуациях» [37, 7—6].

Развивая эти идеи в докладе на XII Всемирном социологическом конгрессе, У. Розенталь подчеркивал, что данное им определение кризиса предполагает аккумуляцию условий для возникновения катастрофы, каковыми являются серьезная угроза, высокая степень неопределенности, нехватка времени. Отсюда весьма актуальной становится проблема управления кризисом — разработка и осуществление ряда мероприятий в связи с создавшейся кризисной ситуацией. Сюда входят прежде всего превентивные и подготовительные меры, принимаемые в докатастрофный период, которым чаще всего политики и управленцы не придают существенного значения, тем более, что существует тенденция недооценивать опасность, риск

и возможность кризиса. Главное же внимание У. Розенталь, как уже отмечалось, сосредоточивает на анализе решений, которые принимаются правительственными органами и другими управленческими структурами в самый разгар кризисных ситуаций. В этих случаях формальные правила и стандартные действия уступают место неформальным процессам и импровизациям, на решающие позиции выдвигаются компетентные советники и эксперты. Более того, официальные власти могут быть отвергнуты лидерством, возникшим в чрезвычайной ситуации. Возникают серьезные трудности в мониторинге осуществления стратегических решений в центрах, принимающих такие решения. Люди, принимающие решения, объединяют долгосрочные и краткосрочные расчеты в оценке последствий их предстоящих решений и действий. Они чувствуют давление критического момента, но проявляют, как правило, склонность поместить непосредственную угрозу в более широкий политический контекст.

Под этим углом зрения авторами, выдвигающими все новые концептуальные схемы в рамках социологии катастроф, в последнее время анализируются проблемы соотношения лидерства и толпы в чрезвычайных ситуациях. В частности, известный германский социолог В. Домбровский, опираясь на концептуальную схему Г. Лебона об упадке цивилизации по мере усиления роли эмоций, захламляющих индивидов, оказывающихся в толпе, исследует такие формы массового поведения в катастрофных ситуациях, как массовая паника, массовое бегство, мародерство, массовое неповиновение, бунт, выражающие собой негативные проявления коллективного поведения в экстремальных условиях. Деструктивная сущность таких коллективных поведенческих актов серьезно осложняет принятие и осуществление управленческих решений в условиях бедствий и преодоления их последствий.

Почти экспоненциальный рост технологических катастроф и их разрушительных последствий выдвинул (на одно из первых мест в проблематике данного социологического направления анализ чрезвычайных ситуаций, возникающих в сфере современного, глубоко технизированного производства. Так, У. Розенталь отмечал, что начиная с 1970-х годов наряду со ставшими привычными для людей бедствиями: прорывами плотин, обвалами зданий, пожарами в гостиницах все нации — как развитые, так и развивающиеся — «все чаще сталкиваются с негативны-

ми сторонами технологического развития». Избыточные по своим параметрам, только не системой безопасности современные технологии стали высокоопасными, таящими в себе возможность катастроф на нефтехимических и медицинских лабораториях, на атомных электростанциях, как это было в Тримайл-Айленде и Чернобыле. В середине 80-х годов это привело к тому, что некоторые социологи выдвинули «концепцию нормальной», как бы «запланированной катастрофы». В противоположность таким размышлениям У. Розенталь считает необходимым при исследовании катастроф, в том числе и технологических, исходить из их «неординарных обстоятельств, в силу чего их особенность носят не обязательный характер, а сами они проявляют тенденцию к незапланированности, наступают неожиданно и часто не имеют прецедентов». В контексте неопределенности они побуждают властные структуры принимать незапланированные решения и могут заставить социальные институты противостоять проблемам, имеющим огромные масштабы и неуправляемый характер. Поэтому такие катастрофы должны исследоваться в широком социальном контексте, включая социально-экономические, социокультурные, психологические, управленческие аспекты. Только на основе столь разностороннего исследования кризисных ситуаций, утверждает У. Розенталь, можно сфокусировать внимание на так называемом «интегрированном управлении кризисом, позволяющем консолидировать в единый многоаспектный сценарий управленческие действия в предкризисный, кризисный и посткризисный период, что резко повышает действенность контроля за экстремальной ситуацией» [40, 282, 375—376].

В различных экстремальных ситуациях проявляется множество оттенков человеческого поведения, начиная от паники, фобических расстройств и кончая альтруизмом, самопожертвованием, героизмом. При всем разнообразии чувств, устремлений, оценок, поступков в историческом опыте человечества, сформировавшемся в процессе восприятия катастроф, стремления избежать их или активно преодолевать их последствия, сложился вполне определенный набор понятий, представлений, норм, оценок, которыми люди руководствуются в своих действиях в экстремальных ситуациях. Поэтому существенное внимание в социологии катастроф уделяется исследованию восприятия риска и поведенческих реакций индивидов и общно-

стей в условиях бедствий в широком социокультурном контексте. Так, М. Дуглас и А. Вилдавски рассматривают восприятие риска при катастрофах как социокультурное явление, на особенности которого воздействуют социальная организация и ценности в отличие от чего-то чисто объективного, противоположного субъективным оценкам. Они считают, что восприятие риска, его оценка — это социальный процесс, управляемый принципами, которые направляют поведение и влияют на решения при определении опасности. Эмпирически можно установить, что различные группы придерживаются различных взглядов и представлений, что и в какой мере считать опасным [21, 6—9].

Опираясь на исследования этих авторов, а также Г. Баттона, Р. Пайна, Дж. Петтерсона, С. Райнера и др., А. Оливер-Смит делает вывод, что «восприятие и оценка риска вырастают на почве культурных норм и ценностей, которые управляют ими и закреплены во взаимоотношениях человеческих сообществ с их физическим и социальным окружением». Поэтому их исследование может быть продуктивным только в том случае, если оно базируется на «фундаментальных измерениях культурного и социального построения реальности» в рамках «социальной научной теории» [27, 26].

Разностороннее исследование особенностей поведения индивидов и общностей, управленческих действий в предкатастрофных, катастрофных и посткатастрофных ситуациях в разных странах, в различных социокультурных условиях позволило вычлнить некоторые типичные образцы, стандарты поведения, оценок, решений, инвариантные для многих экстремальных ситуаций. На основе теоретического обобщения обширного эмпирического материала такого рода в рассматриваемой социологической парадигме возникло специфическое понятие «субкультура катастроф». Д. Милети, Т. Драбек и Дж. Хаас так определяют это понятие: субкультура катастроф есть «совокупность взаимосвязанных наборов значений, норм, ценностей, организационных и психологических мер, которые возникают на повторяющуюся угрозу катастрофы» [26, 18].

Развивая эти представления, Дж. Ханниган и Р. Кунеман показали, каким образом субкультура катастроф находит отражение в социальных, психологических процессах и физических действиях, которые предпринимают-

ся для борьбы с реально существующими катастрофами или подготовки к потенциальным катастрофическим событиям. Они полагают, что существует множество параметров выражения такой субкультуры: инструментальные и экспрессивные, узкие и широкие по своим масштабам. На основании эмпирического изучения поведения людей во время наводнения в Канаде и после него они показали, как субкультура катастроф при правильном ее восприятии и осуществлении может способствовать усилиям общности активно противостоять угрозе, а не просто пассивно реагировать на нее. Было доказано, что вызванные применением ценностей такой субкультуры быстрые изменения могут быть структурными (возведение построек, заграждений), организационными (добровольное оповещение об угрозе и создание групп по оказанию помощи), психологическими (более правильное понимание угрозы и последствий катастрофы). Эти и другие, подобные им, выводы дают основание считать, что формирование субкультуры катастроф на основании тщательного изучения прошлого опыта играет существенную роль в резком снижении социальных издержек в индивидуальном и групповом поведении, в осуществлении управления и контроля в экстремальных ситуациях [25, 125—134].

В своем стремлении придать более четко выраженную прагматическую направленность применения субкультуры катастрофы, особенно в практике организации спасательных работ в экстремальных ситуациях, Б. Рафаэль, в частности, подчеркивает эмоциональную насыщенность ее норм и ценностей, что позволяет с большими шансами на успех выбрать лучший путь для реализации проекта помощи пострадавшим, определить, что должно быть предпринято в будущем для предупреждения о грозящих бедствиях и снижения степени их разрушительных последствий [36; 38].

Еще более рельефно социокультурный подход к пониманию сущности катастроф и оценки бедствий, исходящих от них, выражен в работах немецких социологов Л. Клаусена и В. Домбровски. Последний из них подчеркивает: «Если дефиниция катастрофы зависит не только от объективных масштабов, но также от субъективных оценок и исторических стандартов действующей культуры катастроф, тогда катастрофа проявляется лишь в той степени, в какой она становится следствием существующей культуры катастроф, а это означает, что реальный потен-

циал ущерба обратно пропорционален качеству культуры катастроф» [20, 204—205].

Таким образом, о катастрофе в подлинном смысле слова следует говорить лишь в соотнесенности с человеческими артефактами и мерами предосторожности, направленными на защиту от нее. В наиболее радикальной форме этот подход выражен в афоризме, сформулированном Л. Клаусеном: «Не существует чисто природных, так же как и чисто технических, катастроф — имеются только катастрофы культуры» [19, 130].

Такой социокультурный контекст, в котором рассматриваются катастрофы и вызываемые ими бедствия, позволяет дать широкое, практически панорамное видение мер защиты от катастроф. Суть ее в сжатом виде сводится к следующему центральному пункту: «Насколько хорошо общество подготовлено к катастрофам, зависит от того, насколько действенна в среднем существующая в нем культура катастроф, то есть совокупность всех предвидений, подготовленностей, мер защиты и т. п.» [20, 208].

Отсюда следует парадоксальный на первый взгляд вывод, согласно которому «только на основе прогрессирующего индустриального общества возможно реализовать тенденции к катастрофосвободному обществу» [20, 179].

Однако реализуемость самой этой идеи зависит не столько от технического могущества человеческих сообществ, сколько от степени развитости в них культуры катастроф, на социокультурных основаниях которой только и возможна эффективная защита от катастроф. Сама же система защиты от катастроф достижима в совокупности концептуальных, инструментальных и интерперсональных динамик, ориентированных на достижение правовых, организаторских, технических и политических мероприятий, возвышающихся над частными интересами и создающих возможность общей для всех граждан защиты от возможных катастрофических событий и их последствий [20, 174].

Система защиты от катастроф, согласно этому представлению, напоминает собой русскую матрешку: в ней один вид защитных мероприятий должен включаться в другой, более обширный, а тот в свою очередь в еще более широкий по содержанию и масштабам применения. Наиболее широкой рамкой, в которой должны реализоваться

все эти защитные мероприятия, является культура катастроф. Из нее вытекают правовые нормы, вырабатываемые законодательными органами и обязательные для выполнения всеми организациями, службами, гражданами и т. п. Ими в свою очередь определяются технические и политические средства защиты населения от возможных катастрофических явлений и их последствий. Поэтому система защиты от катастроф предстает как инструмент поддержания и восстановления общественной безопасности и порядка, чему должны быть подчинены усилия государства, правительства, всех форм хозяйственной деятельности в необходимых для этого социальных, политических, экономических и технических рамках. Совокупность этих защитных мероприятий должна быть ориентирована на то, чтобы по возможности снизить фиксируемый на каждом этапе развития «культурный лаг» между существующим потенциалом опасности и принимаемыми мерами защиты.

Социология катастроф получила широкое развитие не только в США и Канаде, но и в других странах Американского континента, Западной Европы, Азии и в Австралии. В последние годы работы этого направления стали появляться в странах Центральной и Восточной Европы, в том числе и в бывшем Советском Союзе. Серьезное запаздывание с развертыванием социологических исследований этого направления объясняется рядом факторов, важнейшим из которых была густая завеса секретности над всеми чрезвычайными ситуациями, авариями, катастрофами, ибо с точки зрения официально господствовавшей семь десятилетий идеологии не могло возникнуть катастрофических ситуаций социального характера в социалистическом обществе.

Только взрыв ядерного реактора в Чернобыле, вызвавший тревожный резонанс во всем мире, заставил, наконец, заговорить, да и то с оглядкой, с недомолвками, о возможностях междисциплинарного, в том числе социологического, исследования катастроф и в этой обширной зоне мира. Наряду с изучением природных катастроф, которое, конечно же, проводилось и раньше, объектом заинтересованного внимания специалистов становятся социальные, социально-экономические, социально-психологические аспекты катастроф. Лишь в 1989 г. появляются первые публикации российских исследователей об экспертизе технологических катастроф и экологических кризи-

сов, об организации управления в чрезвычайных ситуациях (Б. Н. Порфирьев) и о социодинамике катастроф (А. И. Пригожин). В следующем году достоянием общест­венности становятся результаты первых социологических исследований Чернобыльской катастрофы и ее последствий (Е. М. Бабосов, А. Г. Злотников). В 1991 г. в Суздале проходит первая Всесоюзная конференция «Катастрофы и человечество», по итогам которой опубликован сборник, включающий в себя несколько статей, посвященных анализу социальных аспектов катастрофологии (Б. Н. Порфирьев и А. Е. Виноградова, Ю. Н. Манцевич, Г. Н. Несветайлов, Ю. С. Дульщиков, А. И. Пригожин). Еще годом позднее появляются исследования методологических основ типологии катастроф и экстремальных ситуаций (Е. М. Бабосов). Одновременно в 1991—1992 гг. публикуется целый ряд работ российских, украинских, белорусских исследователей, анализирующих социальные, социально-экономические, социально-психологические, демографические, цивилизационные аспекты Чернобыльской катастрофы (В. Н. Абрамова, Е. М. Бабосов, К. К. Бабиевский, М. И. Бобнева, Г. А. Несветайлов, Ю. Н. Щербак и др.).

Распад Советского Союза на ряд независимых государств нарушил не только экономические, но и научные связи между бывшими его республиками, а это резко осложнило скоординированную разработку совместными усилиями важнейших проблем социологии катастроф. Между тем эти проблемы приобрели особую актуальность и политическую остроту, поскольку становление суверенных, независимых государств, их трудный переход от тоталитарно-административного монополизма в экономике, политике, культуре, науке к рыночным отношениям и демократическому общественному порядку осуществляется в экстремальных ситуациях, сопряженных со множеством процессов катастрофического характера. Наряду с социологическим анализом обширного и разнообразного эмпирического материала о различных видах катастроф и их последствий все отчетливее выявляется необходимость теоретико-методологических экспликаций и построения на этой основе концептуальных конструкций большой эвристической значимости, без чего невозможно ни углубленное представление о природе катастроф, ни тем более эффективная практическая деятельность по их профилактике и преодолению.

Раздел II

ТИПОЛОГИЯ КАТАСТРОФ. ИХ ОСОБЕННОСТИ

Для понимания и истолкования экстремальных ситуаций, в первую очередь катастроф, их сущности, особенностей и последствий, важное значение имеет их типологизация, то есть вычленение основных типов на основе определения сходства и различия, способов идентификации этих чрезвычайных по своей сути феноменов по общности их существенных признаков или отличий. Такая процедура теоретической социологии предполагает построение некоей модели, абстрактной теоретической конструкции, которая фиксирует принципы классификации и систематизации сложных объектов социо-, техно- и экосферы, к числу которых, несомненно, принадлежат катастрофы. Исходные принципы такого теоретико-методологического подхода изложены в предыдущей главе. Применение их к очень различным по содержанию, масштабам, формам проявления и разрушительным последствиям чрезвычайным ситуациям несколько упрощает их многокачественную и многоаспектную панораму, приглушает их драматические, а чаще всего трагические для человека стороны. Но вместе с тем именно такая теоретико-методологическая процедура позволяет вычлѐнить их системообразующие связи, составить верное представление о сущностных качествах и структурных уровнях изучаемых объектов, многообразии катастрофических процессов, их воздействия на жизнедеятельность отдельных индивидов и их социальных общностей. На основе использования такого подхода в данном разделе характеризуются наиболее распространенные и крупные по своим масштабам типы катастроф.

Глава 1

ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ

В первой половине лета 1994 года общественность многих стран с большим интересом, а кое-где и тревогой ожидала стать свидетелем гигантской космической катастрофы — столкновения кометы Шумейкер-Леви 9 с самой большой и, пожалуй, самой загадочной планетой солнечной системы — с Юпитером. Кое-кто из многочисленных пророков объявил даже о возможной Вселенской катастрофе, соотносимой по своим масштабам с «концом света». Но напрасно тысячи любопытных людей в 20-х числах июля 1994 г. вглядывались в ночное небо, ожидая невиданного катаклизма, способного, по мнению некоторых астрономов, привести к всеобщему космическому бедствию. Однако, к разочарованию многих, ничего страшного с Землей и землянами не произошло.

Разумеется, предсказанное задолго до этого столкновение кометы Шумейкер-Леви с Юпитером свершилось точно в ожидаемые сроки. Но уникальное для астрономов событие (ведь подобное, согласно теоретическим расчетам, бывает только один раз в 10 миллионов лет) для рядовых жителей Земли прошло практически бесследно. Бомбардировавшие Юпитер один за другим 21 фрагмент кометы (наибольший обломок имел около двух километров в диаметре) вызвали на поверхности планеты серию взрывов, объединенная сила которых равна примерно 40 миллионам мегатонн тринитротолуола. Для сравнения напомним: один миллион мегатонн в 100 раз превышает все ядерные запасы на Земле в разгар «холодной войны». И тем не менее происходящие на гигантских космических расстояниях от нашего земного дома колоссальные по своим масштабам взрывы не принесли нам никакого ущерба.

Возникший в июне—июле 1994 г. кометный бум во многих, главным образом индустриально и технологиче-

ски развитых, странах послужил серьезным напоминанием, что все мы по существу живем на небольшом сравнительно космическом теле и в просторах космоса нас поджидает немало опасностей, обусловленных происходящими время от времени космическими катастрофами. Согласно прогнозам Института теоретической астрономии Российской Академии наук, в течение ближайших 15 лет 107 астероидов, представляющих собой громадные глыбы вещества, пройдут в опасной близости от нашей планеты. Поэтому к возможности нежелательной встречи с такими космическими телами необходимо готовиться заранее, изучая их особенности и возможное вредоносное влияние в случае их столкновения с Землей. В связи с этим американские астрономы в содружестве с российскими готовятся разработать несколько вариантов, позволяющих обезопасить нашу планету от столкновения с крупным космическим объектом, в том числе и совместный американско-российский ядерный залп, способный сбить метеорит или астероид на другую, безопасную для земной орбиту.

Конечно, происходящая в июле 1994 г. космическая катастрофа — далеко не первая и не единственная, привлекающая к себе повышенное внимание людей. Мы напомнили о ней, чтобы читатель представил себе, что есть природные катастрофы, хотя и ожидаемые, но происходящие вдали, на гигантских космических расстояниях от Земли, а потому и не приносящие ущерба ее жителям. Но есть и такие природные, то есть происходящие в самой природе без вмешательства человека, катастрофы, которые бывают и ожидаемыми и неожиданными, но приносят вместе с собой огромные разрушения, а нередко и гибель множества живых существ, в том числе и людей. К сожалению, с первых шагов своего исторического развития человечество сталкивается с природными катастрофами. Они весьма многообразны: землетрясения и извержения вулканов, наводнения и оползни, тайфуны и ураганы и т. п. Такого рода экстремальные события всегда вызывали у людей не только страх, ибо несли в себе угрозу их жизни и благополучию, но и большой интерес. На основе этого интереса и возникло еще в глубокой древности изучение природных катастроф. Не вдаваясь в историю катастрофологии, отметим только в качестве твердо установленного факта, что роль катастроф в развитии природных систем может быть оценена как разру-

шение устаревших структур, утративших скоординированность своих внутренних свойств и внешних связей с изменившейся средой, и расконсервирование потенциала дальнейшего развития. Поэтому было бы неверно оценивать не только каждую катастрофу, но и сам процесс катастрофических переходов природных систем из одного состояния в другое в односторонне негативном смысле.

Природные катастрофы различного масштаба и характера могут быть результатом внешних или внутренних причин, а также совместного действия тех и других. Пример последних — покровное оледенение Земли. Оно стимулировано, по-видимому, космическими причинами, вызвавшими похолодание климата, но усилено и трансформировано совокупностью обратных связей в системе атмосфера—ледник—океан. Явление, зафиксированное в истории как «всемирный потоп», вызвано, возможно, приливными факторами Луны и Солнца, но усилено резонансным откликом океанических водоемов. Перемещение плит земной коры можно считать внешней причиной накопления напряжений в очагах землетрясений на контакте между плитами. Такие природные катастрофы, как извержения вулканов, оползни, снежные лавины, эрозия почв, вызываются главным образом внутренним развитием систем, тогда как внешние воздействия могут играть в таких случаях роль «спускового крючка» [3, 25].

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что в основе природных катастроф лежит не остающаяся постоянной, а значительно изменяющаяся в пространстве и времени суперпозиция ритмов природы. Какую бы природную систему Земли мы ни взяли, будь это литосфера, геосфера, биосфера или какая-нибудь иная сфера, все они суть открытые системы, способные к самоорганизации и хаотизации. Самоорганизация проявляется, в частности, в ритмических временных изменениях тех или иных параметров данной системы, например в сейсмичности горных пород, в количестве извержений вулканов, в изменении уровня воды в озерах и т. п. Процессы же хаотизации связаны со сменой ритмических, в определенной степени упорядоченных, изменений беспорядочными. В таком случае существовавший в системе определенный вид упорядоченности связей, отношений, действий и т. д. сменяется хаотическим состоянием.

Большую часть времени процессы, протекающие в природных системах, осуществляются в качестве фоно-

вых. В таком случае, когда упорядоченность и взаимосогласованность процессов, в том числе и ритмических, утрачивается, вместо фоновых характеристик системы в ней возможно возникновение различных аномалий: К числу последних и относятся катастрофические землетрясения, извержения вулканов, засухи и т. п. [4, 45—46]. Разумеется, аномальный характер хаотических явлений нельзя абсолютизировать, ибо никто и никогда точно и строго не определил, что в природе следует принимать за норму, а что — за отклонение от нее, за аномалию. Дело в том, что геологическая, палеонтологическая, биологическая, да и социальная летопись нашей планеты не является односторонним, монотонным процессом плоской эволюции, а временами, даже с определенной периодичностью, прерывается аномальными, нередко катастрофическими событиями. Вот здесь-то мы и подходим снова к проблеме ритмики природного развития Земли, к установлению ее связей с ритмикой ближнего и дальнего космоса.

Если при рассмотрении природных катастроф исходить из суперпозиции ритмов природы, взятой в ее предельно возможных пространственных границах — в качестве Вселенной, то существующие на Земле природные катастрофы можно разделить на две группы — экзогенные и эндогенные. Специалисты по природным катастрофам считают, что экзогенные воздействия обусловлены влиянием дальнего Космоса (Галактика, Солнечная система), наложением процессов ближнего Космоса (магнитосфера, атмосфера), а также процессами, возникающими непосредственно на поверхности Земли.

Влияние ритмики дальнего Космоса на флуктуацию природных процессов на Земле осуществляется через несколько сильно действующих факторов, оказывающих возмущающее воздействие на геологические, биологические, социальные и иные структуры и сферы нашей планеты. К числу наиболее существенных (по мощи и масштабам воздействия) относятся следующие:

- а) гравитационное воздействие, обусловленное кинематикой движения созвездий, звезд, планет и комет;
- б) переменное корпускулярное и электромагнитное излучение звезд, Солнца и межзвездных полей;
- в) механическое и физическое воздействие комет и метеоритов на поверхность и атмосферу Земли [4, 48].

Ритмическое влияние астрофизических сил дальнего

Космоса на природные флуктуации нашей планеты происходит в громадном, трудно поддающемся не только представлению, но и воображению диапазоне частот и включает ритмы от 260 млн. лет (таков галактический год Солнечной системы) до 500 мкс (что равно периоду излучения пульсаров). На базе анализа временных рядов падений крупных метеоритов на Землю выявлены периодические компоненты в 285+25 и 30+3 млн. лет. Первая из них близка галактическому году и коррелирует с гиперболическим суперциклом Земли (450—560 млн. лет) и даже с гармониками спектра геологических эпох, фиксирующих резкие изменения катастрофического типа в геологической истории Земли. Вторая сопоставима с периодом кометных дождей. По расчетам, количество межпланетного вещества в период кометных дождей может увеличиваться в 100000 раз, а это повлечет за собой повышение оптической плотности стратосферы до 1 и даже до 100 (в настоящее время 0,00001). Такая ситуация вызовет прямой климатический эффект и приведет к вымиранию теплолюбивых организмов на протяжении около 1 млн. лет [5, 14].

Примером такого рода катастрофической ситуации может быть предполагаемое столкновение крупного астероида с Землей около 65 млн. лет назад, когда биота лишилась более 25% всех семейств и около 50% родов живых организмов, населявших нашу планету. В условиях катастрофически изменившейся среды обитания тогда полностью исчезли динозавры, аммониты, белемниты, крупные планктоновые фораминиферы.

Несомненна связь между ритмикой космических воздействий на Землю и колебаниями климата на нашей планете. Ледниковые периоды повторяются примерно каждые 100000 лет, причем довольно регулярно, по крайней мере с тех пор, как континенты заняли свое нынешнее положение. В течение добрых десяти тысячелетий на земном шаре господствует относительно теплый, так называемый оптимальный, климат, характерный для неледникового периода. Поскольку такие счастливые периоды длятся обычно от 10000 до 15000 лет, человечество, быть может, как раз и приближается к концу нынешнего климатического оптимума, но это не должно быть основанием для беспокойства, ибо такое похолодание не происходит мгновенно. Скорее землянам предстоит пережить промежуточное потепление до возвращения великих холодов.

Такое потепление, способное вызвать катастрофические последствия, обычно связывают с так называемым «парниковым эффектом». Суть его заключается в следующем: скопление поглощенного газа в атмосфере действует как своего рода стеклянная рама (отсюда и название «парниковый эффект»), когда тепло, поступающее от Солнца, через газовые скопления проходит, но в обратном направлении не перемещается, поскольку поглощается атмосферой. Отсюда — повышение температуры под «стеклянной рамой». К тому же следует учесть, что увеличивающееся по мере роста технического могущества человека сжигание ископаемых видов топлива — угля, нефти, газа — приводит к тому, что ежегодно в атмосферу поступает около 20 млрд. тонн углекислого газа. Углекислый газ играет ту же роль, что и стеклянная крыша парника, прозрачная для солнечных лучей и плохо пропускающая тепловое излучение из находящегося под ней пространства. В результате быстро увеличивающегося выброса в атмосферу этого газа его содержание там возросло на 25% с начала промышленной эры. Чтобы понять, что это означает, надо вспомнить о том, что во время последнего парникового периода, то есть примерно 20000 лет тому назад, в атмосфере было на 40% углекислого газа меньше, чем в настоящее время. Тогда мы сможем лучше оценить ту роль, которую играет углекислый газ, зная, что такая его нехватка послужила одной из причин охлаждения Земли в ледниковый период.

Каков же прогноз ученых относительно реальности и последствий парникового эффекта? Они полагают, что к середине XXI в. содержание углекислого газа в атмосфере удвоится, а это, несомненно, должно привести к глобальному потеплению. Оптимистический прогноз состоит в том, что при удвоении количества углекислого газа температура вырастет на один градус, пессимистический — что на пять. Наиболее вероятной считается средняя между названными величинами — на 2,5—3 градуса. Если бы накопление углекислого газа шло нынешними темпами, то через 50 лет концентрация его увеличилась бы на 15—20% против нынешнего уровня. Но так как потребление ископаемого топлива растет, более вероятным представляется достижение к сороковым годам следующего века концентраций, превышающих современные на 25%. В рамках наиболее вероятного прогноза этому соответствовало бы повышение температуры, приближающееся к

I градусу, что вызовет катастрофические последствия для обширных территорий. В частности, в таком случае резко изменятся атмосферная циркуляция и условия увлажнения почвы. Это приведет к сильному смещению зон, оптимальных для земледелия и других видов хозяйственной деятельности, что в свою очередь затронет жизненные интересы многих миллионов (а возможно, и миллиардов) людей, вызовет массовые миграции населения, в том числе и с пересечением национальных границ, переселение людей в зоны без сложившейся инфраструктуры и в конечном итоге к тяжелым социальным последствиям. В применении к Беларуси, Украине, России это означало бы, в частности, прекращение производства зерна на десятках миллионов гектаров со всеми вытекающими отсюда социальными бедствиями катастрофического порядка.

Поскольку такого рода явления не наступают внезапно, у человечества есть еще время, чтобы предотвратить катастрофические процессы в биосфере, вызываемые парниковым эффектом. Для этого необходимо осуществить согласованный в межнациональном, а еще лучше — в глобальном масштабе комплекс мер, включающих:

- а) широкое внедрение энергосберегающих технологий;
- б) форсирование научных и опытно-конструкторских работ по новым, так называемым альтернативным, источникам энергии с использованием энергии солнца, ветра, приливов;
- в) создание и использование термоядерных энергетических установок;
- г) изменение жизни людей в индустриально развитых странах, связанное с применением таких «высоких технологий», которые ориентированы на экономное расходование природных ресурсов, в том числе и энергетических [9].

Значительное воздействие на формирование и развитие катастрофических событий на Земле оказывают влияния, идущие к нам из ближнего Космоса. Последние возникают в результате искажения процессов дальнего Космоса в пределах внешних оболочек Земли на проявление эндогенных внутренних факторов и собственных автоколебательных процессов земных сфер. Решающая роль здесь принадлежит магнитосфере и атмосфере Земли, которые выступают в роли индикаторов, отражателей и преобразователей всех видов внешних воздействий,indu-

щих из дальнего Космоса, а также генераторов, преобразующих все колебания в ритмике Космоса и передающих их биосфере. Результатом изменений в их ритмике выступают магнитные бури, аномальные атмосферные явления, сопровождаемые ураганами, наводнениями, заморозками и т. п. катастрофическими событиями. Все названные аномалии, обусловленные воздействиями ближнего Космоса, несут с собой более или менее сильные разрушения. В частности, ежегодно над океанами формируется от 80 до 100 тропических циклонов, а от вызываемых ими ураганов, наводнений и паводков погибают до 250 тыс. человек; экономический же ущерб составляет 7 млрд. долларов. За последнее столетие, по данным ЮНЕСКО, от последствий циклонов погибло 9 млн. человек, а среднегодовой ущерб в некоторых странах достиг 15% валового национального продукта.

И все же наиболее разрушительными по своим трагическим последствиям природными катастрофами являются землетрясения. Например, во время землетрясения, потрясшего в 1923 г. Японию, была полностью разрушена Иокогама и частично Токно, погибло 140 тыс. человек и свыше 100 тыс. было ранено. В канун Рождества 1972 г. землетрясением была фактически разрушена Манагуа, столица Никарагуа. Тогда погибло свыше 11 тыс. человек, а более 300 тыс. жителей города потеряли кров. Около 2600 жизней унесло землетрясение 1980 г. в Северной Италии. Но, пожалуй, самым разрушительным за последние 20 лет было землетрясение в густонаселенных районах Китая в 1976 г., когда погибло по разным подсчетам от 750 тыс. до 1,5 млн. человек.

Мы привели эти трагические цифры для того, чтобы показать, что в исследовании природных катастроф социологию в силу ее предметной специфики интересуют не сами по себе масштабы стихийного бедствия, а главным образом его негативные социальные последствия. Ведь в центре внимания социологии катастроф находится не столько природная стихия, ее флуктуации, возникающие в процессе ее развития экстремальные ситуации, сколько человек, его группы и сообщества, выступающие чаще всего в качестве жертвы природной катастрофы, а порой и в качестве ее причины. В мировой социологической литературе есть немало квалифицированных социологических исследований индивидуального и группового поведения людей, действий управленческих структур во вре-

мя и после природных катастроф, Мы же воспользуемся социологическим анализом А. И. Пригожина наиболее близкого нам как по временному, так и по территориальному признаку землетрясения, произошедшего в декабре 1988 г. в Армении. Важность подобного рода исследований природных катастроф обусловлена тем, что без открытого и квалифицированного обсуждения социальных проблем, неизбежных в такого рода ситуациях, невозможно предотвратить повторения ошибок, противостоять вызову стихии, уменьшить тяжесть последствий, не удастся повысить социальную защищенность населения в случаях возникновения экстремальных ситуаций. На основе анализа событий, которые развивались вследствие следовавших друг за другом трех мощных подземных ударов, вызвавших огромные разрушения и множество жертв, А. И. Пригожин дает социологическое описание спонтанных, хаотических реакций населения на первом этапе развития посткатастрофных процессов, спасательных, восстановительных и других работ, мероприятий органов управления, направленных на ликвидацию последствий землетрясения. Среди выводов, сделанных на основе этого анализа, самыми существенными и значимыми являются два. Первый из них состоит в том, что в случае Северо-Армянского землетрясения (как, впрочем, и во многих других) система кризисного управления страдала от чрезмерной централизации, которая подавляла формирование горизонтальных связей между руководителями разных уровней, сдерживала инициативу работников. Нижестоящие руководители в этих условиях были ориентированы только на исполнение директив, их личный вклад в общие решения оказывался минимальным [7, 43]. Второй вывод гласит: «технические источники бедствия «сработали» прежде всего по социокультурным причинам и в меньшей мере — из-за инженерных и иных просчетов. Такие социальные факторы, как дефекты кризисного управления, тоже усугубили бедствие населения» [8, 107]. Если говорить о социокультурных основаниях недостаточной эффективности деятельности в области предсказания природных катастроф, в частности землетрясений, то наиболее существенными из них являются: а) границы знания, связанные с невозможностью предсказания катастрофического события; б) неадекватности в культуре — низкая трудовая мораль, низкая ценность человеческой жизни, социальная пассивность населения и

т. п.; в) просчеты — случайные отклонения, ошибки в оценках ситуации, методах достижения, расчетах, в определении перспектив [8, 105—106].

Названные выводы позволяют представить, насколько отягощающими природные катастрофические процессы могут быть социальные и социокультурные факторы, в разной степени зависящие от человека — как от отдельных индивидов, так и от их различных общностей. Разнообразные комбинации такого рода социальных факторов в случае наступления экстремальной ситуации наиболее опасны вследствие существенной зависимости различных аномальных явлений, стихийных бедствий от космических влияний. Частота возникновения и предсказуемость подобного рода катастроф (землетрясений, извержений вулканов и др.) значительно ниже, чем остальных, а уязвимость человеческих сообществ может достигать огромных масштабов. Именно природно-космический характер многих катастроф придает им большую амплитуду вероятности и непредсказуемости, разрушительную мощь и крупную масштабность, значительный потенциал негативных социальных и социально-психологических последствий.

Как показали не менее масштабные, чем в Северной Армении, природные катастрофы, в том числе и произошедшее в июле 1993 г. землетрясение в Японии, даже мощное стихийное бедствие в густонаселенном районе может не выйти за рамки чисто природной катастрофы, если в строительстве зданий и сооружений учтена сейсмическая опасность, если в случае чрезвычайной ситуации быстро развертываются пожарные, спасательные, медицинские и иные службы, а управленческие структуры работают оперативно, четко и эффективно. И точно так же любое катастрофическое природное событие может приобрести масштабы и характер социального бедствия, когда оказываются особо уязвимыми социальные факторы — рушатся высотные здания, построенные вопреки требованиям сейсмостойкости, спасатели не в состоянии прибыть своевременно на место происшествия из-за нераспорядительности властей или отсутствия необходимой техники, а врачи не могут оказать необходимую помощь пострадавшим вследствие нехватки требуемых лекарственных средств и препаратов.

Существует немало социальных факторов, создающих возможность профилактики катастрофических со-

бытий или уменьшения их негативных последствий. К числу первых относится прогнозирование экстремальных ситуаций. В частности, в настоящее время долгосрочный прогноз землетрясений позволяет предсказывать сейсмические события с вероятностью 0,75 за 2—5 лет при относительном времени тревоги менее 25% на площадях 300×300 км. По мере появления среднесрочных предвестников прогнозные оценки уточняются [2, 6—7].

Однако прогнозные оценки дают возможность рассчитать вероятность риска и его степень (разумеется, в определенных пределах достоверности). Есть способы существенного снижения степени риска и уменьшения негативных последствий стихийных катастрофических событий. В частности, уменьшение негативных последствий возможных в сейсмоопасных районах землетрясений может быть достигнуто корректировкой планов застройки, укреплением строящихся и существующих зданий и сооружений с учетом среднесрочного и долгосрочного прогноза экстремальных ситуаций. В случае краткосрочного прогноза важное значение приобретает заблаговременная подготовка населения к чрезвычайному положению, проведение превентивных мероприятий силами гражданской обороны, спасательной, медицинской и иных служб, действия которых должны уменьшить опасные последствия сейсмических событий. Особенно актуален в связи с возрастающей возможностью антропогенного инициирования землетрясений, обвалов, оползней и других природных катастроф выбор оптимальных параметров эксплуатации искусственных водоемов, режимов разработки месторождений калийных удобрений (что важно для Беларуси) и других полезных ископаемых.

О социальных факторах протекания природных катастроф и воздействия на них приходится говорить тем более, что существует чрезвычайно обширный класс стихийных бедствий, спровоцированных недостаточно продуманной хозяйственной деятельностью человека. К их числу относятся, в частности, антропогенные землетрясения, изменения радиационного фона природной среды в результате аварий, а также обрушения карстовых пустот (угроза которых существует, например, в районе Солигорских калийных комбинатов), развитие пыльных бурь, оползней, селей и т. п. Такого рода ката-

строфы становятся не только вероятны, но и неизбежны в тех случаях, когда ландшафты утрачивают способность к самоочищению от антропогенных загрязнений, превышающих степень самонастройки природных процессов, а также способность самовосстанавливаться.

К тому же следует учитывать, что природно-космическая ритмика оказывает мощное, далеко не во всем еще изученное влияние как на отдельных индивидов, так и на целые социальные общности. Хорошо известно, что на основе изучения суммарных — эффектов, происходящих в результате наложений друг на друга флуктуаций дальнего (влияние Солнца, планет) и ближнего Космоса (магнитные бури и др.), астрологи на протяжении веков предсказывают экстремальные события и неблагоприятные состояния людей, которые могут иметь катастрофические последствия. Профессор С. А. Вронский, первый в советское время специалист, получивший официальное разрешение на профессиональное занятие астрологией, подробно описывает воздействие космических ритмов, в первую очередь Луны и Солнца, не только на физиологические и нейрофизиологические процессы в человеке, а через них и на его психику, но и на темперамент, характер человека, на степень удачливости его действий в определенные периоды года, месяца и даже дня в зависимости от силы космических процессов, самыми сильнодействующими из которых он считает новолуние и полнолуние. Подобные исследования имеют не только теоретический интерес, но и практическую значимость, помогая распознавать причины и особенности протекания экстремальных жизненных ситуаций (болезней и т. д.), способы их предупреждения.

Исследование особенностей и масштабов воздействия ритмики Космоса, гео- и биосферы на возникновение и протекание природных катастроф может быть использовано и в более широких масштабах в целях определения возможных предвестников катастрофических явлений, в частности землетрясений. Так, например, было подмечено, что катастрофические землетрясения в Курило-Камчатской зоне происходят с определенной периодичностью (140+60 лет), а за 10—15 лет до землетрясения в наиболее опасных, долго молчавших участках начинает возрастать сейсмическая активность. Установлено также, что различные по природе свойства горных пород в зоне будущего землетрясения из-

меняются одинаковым образом. За некоторое время до сейсмического удара такие величины, как скорость пробега сейсмических волн, электропроводность породы, количество газов, выделенных породой, и некоторые другие параметры среды начинают меняться, образуя своеобразную «бухту» на графике, изображающем их зависимости от времени. Наблюдения показывают, что время подготовки к землетрясению тем больше, чем сильнее предстоящая катастрофа. Поэтому в зависимости от скорости и масштабов развертывания предшествующих землетрясению процессов можно ориентировочно оценивать время, необходимое для «созревания» катастрофического процесса, за несколько месяцев, а иногда и лет [10, 191, 194].

На основании наблюдений специалистами сделан вывод, что перед сильными землетрясениями за несколько часов до толчка возникают значительные изменения напряженности вертикального электростатического поля на поверхности Земли в эпицентральной области назревающего подземного удара. В случаях крупномасштабных очагов (размерами 100—200 км), которые присущи мощным землетрясениям, электростатическое поле в ионосфере может достичь значимых величин, приводящих к отклонениям в концентрации заряженных частиц на десятки процентов от средних, невозмущенных значений. Именно такие данные получены в результате радиофизических измерений по регистрации отраженных коротковолновых сигналов в часы, предшествовавшие мощному Вранчскому землетрясению в Румынии 4 марта 1977 года, на радиотрассах, проходивших вблизи эпицентральной области данного явления. Это свидетельствует о необходимости дальнейших исследований по выявлению и идентификации ионосферных предвестников мощных землетрясений в целях практического краткосрочного (порядка нескольких часов) прогноза возможных сейсмических катастроф по ионосферным данным, главным образом в сейсмоактивных районах [16, 27].

Важное значение в предотвращении природных катастроф или снижении уровня их негативных последствий приобретает не только прогнозирование этих событий, но и применение различных способов воздействия на них, имеющих целью снижать в системах, находящихся в предкатастрофическом состоянии, накопли-

вающееся избыточное напряжение. Избыточная энергия в эпицентре возможного землетрясения может быть по частям растрочена, например, серией направленных взрывов.

Существенную роль в уменьшении разрушительных последствий катастроф может сыграть специализированное строительство объектов, в частности, в сейсмоопасных регионах. Во время мощного землетрясения силой в 6—6,6 балла вблизи Токио (Япония) погиб только один человек, ранено двое, экономический ущерб был минимальным, в то время как в Армении вследствие примерно такого же по силе землетрясения погибло почти 25 тыс. человек. Вот что означает продуманная стратегия размещения и строительства сейсмостойких сооружений в районах наиболее вероятных природных катастроф!

Некоторые крупнейшие специалисты в области физиологии, в частности академик П. К. Анохин, Ю. А. Холодов, Л. В. Войно-Ясенецкий и др., полагают, что ритмические воздействия внешней среды, являющиеся результатом проявления изначальных свойств пространственно-временной структуры неорганического мира, обусловили собой анатомическую организацию и приспособительные функции первичных живых существ. Ритмика окружающей среды выступает детерминирующим фактором не только структуры и функций простейших организмов, но и обуславливает особенности приспособительных реакций живых существ к неорганической среде фактически на всех этапах и этапах эволюции, включая самых высокоорганизованных животных. Не исключено, что ритмы внешней среды оказали непосредственное воздействие на направленность формирования мозговой деятельности в процессе эволюции. Предположительно эволюционные механизмы формирования вторичной ритмики живых организмов под влиянием ритмических воздействий на них неорганической внешней среды выглядят следующим образом. Сначала в процессе возникновения и усложнения живых клеток действует и усиливается в смысле увеличения влияния на процесс ее самоорганизации определенный набор ритмов внешней среды, а затем он постепенно резонирует в собственные колебательные процессы данного организма. Наконец, усиливаясь в процессе отбора, этот механизм вторичной ритмики закрепляется

в генетическом аппарате, получая тем самым возможность передаваться по наследству следующим поколениям, все более точно и тонко соответствуя внешним ритмическим воздействиям.

С эволюционно-генетической точки зрения развитие человеческого организма, взятое в его популяционном масштабе, не составляет здесь исключения. Этим и объясняется тот поразительный, на первый взгляд факт, что человеческий организм, подобно организмам всех других живых существ, подчиняется в своем развитии и функционировании определенной смене максимумов и минимумов активности различных биологических процессов. Установлено, в частности, что максимальные показатели глюкозы (после еды), кровяного давления, температуры тела человека достигаются около 18 часов, лейкоцитов в крови — в 23, веса тела в 20 часов, максимум гемоглобина в крови наблюдается с 11 до 13 часов, а минимум — с 16 до 18, высокая физическая работоспособность — с 10 до 12 и с 16 до 18 часов, заживление ран протекает быстрее с 9 до 15 часов [1, 37—40].

Биоритмика человеческого организма, обусловленная влиянием окружающей среды, проявляется не только в колебательных процессах, изменяющих свои минимумы и максимумы в течение суток, но и в зависимости от смены месяцев и времени года. Известный хронобиолог Хильдебрандт уже 30 лет назад, в 1962 году, выдвинул гипотезу о «биологическом годе», позднее подтвержденную многочисленными экспериментальными данными. Он установил, что в первой половине биологического года (от 16 февраля до 15 августа) преобладает нарастание, а во второй (от 16 августа до 15 февраля) — снижение активности человеческого организма. При этом выделяются два критических периода между сезонами — февраль и август. Месяцами, противоположными критическим, оказались май и ноябрь. Интересно, что в сроки, близкие к критическим и почти совпадающие со сроками весеннего (март—апрель) и осеннего (август—ноябрь) равноденствия, над земным шаром проносятся магнитные бури. Это дает основание предположить, что февральские и августовские биологические пертурбации связаны с комплексом ритмических колебаний в окружающей среде, зависящих от положения Земли в ее орбитальном движении вокруг Солнца.

Однако человек связан с ритмикой окружающей сре-

ды не только своими биологическими, но и психологическими процессами. Так, талантливый русский исследователь Н. Э. Пэрна еще в 20-е годы нашего столетия, а затем и группа хронобиологов в Галле (Германия) уже в послевоенные годы установили совпадение ритмов творчества выдающихся писателей, композиторов, художников — А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Л. ван Бетховена, Х. Рембрандта и др. с ритмикой Солнца. Оказалось, что у Пушкина после солнечных максимумов следовал всегда подъем творческой активности, а у Бетховена, наоборот, наступал период спада. У Пушкина солнечным минимумам сопутствовали кризисные явления, а у Бетховена минимумы оказывались в пределах творческой активности. Такая дифференциация дает основание для предположения о том, что различные люди по-разному реагируют на солнечные метаморфозы в зависимости от индивидуальных особенностей. К тому же следует учитывать, что в сложных процессах творчества биологические факторы теснейшим образом переплетаются с социальными, вследствие чего под влиянием последних происходит интерференция различных по силе и направленности своих действий природных факторов. Поэтому зависимость психосоциальных процессов от ритмов природы выступает всего лишь как специфическое проявление статистического распределения вероятностей, не имеющего однозначно детерминированного результата.

Социальные, социально-психологические, экономические факторы, накладываясь на действие природных ритмов, могут усиливать или ослаблять их воздействие, а то и вовсе заглушать их. Однако несомненно влияние названных ритмов на жизнедеятельность человека, включая и высшие проявления его творческой деятельности.

Множество явлений и процессов катастрофического характера в природе и общественной жизни на нашей планете связано с ритмикой Солнца. Установлено, что все возмущения на Солнце, а особенно электромагнитная и корпускулярная радиация, создавая электрические и магнитные бури и другие экстремальные процессы в атмосфере, ионосфере и биосфере Земли, влекут за собой процессы увлажнения и опустынивания огромных пространств земной поверхности. Они же вызывают повышенное число аварий и катастроф на транс-

порте, несчастных случаев на производстве, смертельных исходов болезней. Одновременно они усиливают взрывоопасность конфликтных ситуаций в семье, в производственном или учебном коллективе, в компании сверстников, в толпе футбольных болельщиков, участников митинга, демонстрации и т. п.

В такие периоды у людей заметно обостряются все хронические заболевания, особенно онкологического характера, усиливаются функциональные расстройства нервно-психической и сердечно-сосудистой систем, учащаются инфаркты миокарда, мозговые инсульты, различного рода припадки и приступы.

Долголетние наблюдения позволили установить корреляцию названных и им подобных кризисных и катастрофных явлений с 11- и 22-летними циклами солнечной ритмики. Колебания жары и засухи, сопровождаемые лесными пожарами в Подмосковье, Беларуси, Литве, Латвии и других регионах, в последние годы достигали своих максимальных значений в 1972, 1981, 1992 гг.— в среднем через 11 лет.

Трагическим примером связи ритмики Солнца с земными процессами, затрагивающими жизнь и здоровье людей, являются точно установленные исторической наукой периодически повторяющиеся эпидемии чумы, потрясавшие Европу и уносившие миллионы жизней в 1348, 1361, 1371, 1382 годах. Легко подсчитать, что волны этих эпидемий появлялись периодически, в среднем через 11 лет. Подчеркиваем: именно в среднем. И эта цифра тем точнее приближается к 11 годам, чем за больший исторический срок она рассчитывается. Цюрихский астроном Рудольф Вольф, обработав различные исторические материалы (эпидемии холеры, вспышки размножения саранчи, сильные северные сияния и грозы) за 250 лет, установил среднеарифметическую цикличность деятельности Солнца в 11, 111 лет.

В настоящее время можно считать вполне установленными солнечные ритмы в 11, 22, 80—90 лет и, вероятно, в 1800 лет. С ритмикой Солнца связаны такие явления, протекающие на Земле, как приливы и отливы, появление темных туч саранчи в Пакистане, Иране, Афганистане, Таджикистане, вспышки различных эпидемий, нарушения в работе автоматических телефонных станций, ухудшение состояния людей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями. Правда, следует сразу

же оговориться, что здесь, видимо, одновременно действует много различных других факторов и было бы большим упрощением сводить, например, вспышку эпидемии только к прямому влиянию Солнца, но связь столь различных процессов с ритмикой Космоса несомненна. В данном случае можно сказать: бесспорно влияние ритмики Космоса на развитие различных, в том числе и катастрофических, процессов на Земле, но спорны и требуют дальнейшего изучения степень такого влияния, формы его проявления.

Наиболее изученными оказались последствия 11-летнего цикла солнечной активности. Однако некоторые ученые предпочитают считать основным циклом 22-летний. Такая позиция обосновывается тем, что полярность солнечных пятен через 11 лет изменяется на противоположную, а еще через 11 лет возвращается к исходному положению. Чаще всего именно через 11 лет, то есть 9 раз в столетие, наступают максимумы солнечной деятельности, и тогда на Земле — синхронно и в неживой и в живой природе случаются страшные ливни, наводнения, смерчи, ураганы, торнадо, бури, землетрясения, вулканическая деятельность, магнитные и электрические бури, сокрушительные грозы, пожары лесов и степей, торфяников. В эти же периоды вспыхивают эпидемии и пандемии, эпизотии (чрезвычайно широкое, не встречающееся в обычных условиях распространение заразных болезней животных) и эпифитомии (столь же широкое и необычное распространение инфекционных болезней растений), резко возрастает во всех странах смертность от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, увеличивается уровень автодорожных происшествий и травматизма.

В связи с этим все настойчивее звучат предложения о создании специальной службы медицинского гелио-метеорологического прогноза. Предполагается, что ее услугами будут пользоваться как лечебно-профилактические учреждения, так и предприятия промышленности, транспорта, строительные организации. Такая ориентированность обусловлена тем, что в последнее время, как уже отмечалось, резко возросло количество различных экстремальных ситуаций, аварий и катастроф в промышленности, на транспорте, причиной чего чаще всего становятся нарушения техники безопасности, притом не по какому-то злему умыслу или неумению, а вследствие

неожиданного усиления процессов торможения нервной системы, снижения чувствительности тех или иных органов чувств, скажем, зрения. Само же такое торможение и снижение чувствительности органов чувств нередко возникает в периоды резкого изменения ритмов солнечной деятельности.

О возможностях эффективной медико-гелиофизической профилактической деятельности свидетельствует опыт Франции, где Международным институтом по изучению радиации за пять-шесть дней до прохождения пятен через центральный меридиан Солнца оповещались о возможных их негативных последствиях больницы соответствующего профиля. Результатом стали сотни и тысячи спасенных жизней.

Установлены и более разительные соответствия в ритмах жизнедеятельности землян с ритмикой Солнца. Именно под углом зрения влияния солнечной активности Е. В. Максимов и В. Н. Завадич проанализировали выборку всех лиц, родившихся в течение последних четырех столетий и удостоенных упоминания в энциклопедии. Оказалось, что за этот период на Земле произошло 18 подъемов уровня рождаемости знаменитых людей. Средняя продолжительность периода составляла примерно 22 года [1, 98]. А это и есть большой солнечный цикл, последствия воздействия которого на нашу планету ощутимы во всей биосфере и социосфере.

Итак, каждый из объектов окружающей нас природной среды обладает своеобразным набором ритмов. В различное время он может характеризоваться разнообразными ритмами. При наложении этих ритмов друг на друга они могут либо усиливаться, либо, наоборот, ослабляться, в момент же наибольшего отклонения от свойственной данному объекту ритмики как раз и создается катастрофогенная ситуация. Поэтому для того, чтобы избежать возможных катастроф, необходимо согласовывать уровень и ритмику природопользования с ритмикой самой природы. Необходимость же такого согласования в условиях глобализации производственной, научной, культурной и иных форм человеческой деятельности ставит перед человечеством ряд новых, ранее не возникавших перед ним проблем. Перед лицом нарастающих экономических, технологических и иных антропогенных катастроф к концу XX века выяснилось, что «биологическая и историческая шкалы времени ин-

вертировались, биологическое и историческое время раз-
вертывается в разных ритмах» [12, 62].

В чем же состоит этот разрыв, угрожающий челове-
честву природными катастрофами? В том, что, руковод-
ствуясь эгоистической и «слепой верой в технологию»,
следуя логике «безграничного экономического роста»,
человечество измержает прогресс масштабами и скоростью
производства: «чем быстрее используются природные
ресурсы, тем дальше продвигается прогресс, то есть
«чем быстрее преобразуется природа, тем более эконо-
мится время». А такая ориентированность социально-
экономического развития приводит к тому, что хотя об-
щая величина энергии в мире сохраняется (о чем гово-
рит первое начало термодинамики, согласно которому
различные формы энергии, наблюдаемые во Вселенной,
могут превращаться одна в другую, причем общая ве-
личина энергии остается постоянной), однако ее способ-
ность совершать работу уменьшается (в соответствии
со вторым началом термодинамики тепловая форма
энергии может свободно переходить только от более
теплого источника к более холодному, но не наоборот —
закон возрастания энтропии). Таким образом, термоди-
намика вводит понятие однонаправленности течения
времени, «обозначает границу между реальностью
прошлого и неопределенностью будущего, указывает
ориентацию времени в естественных процессах». Одна-
ко в своей природопреобразующей деятельности чело-
век, обольщенный своим технологическим могуществом,
руководствуется «технологическим» или «экономиче-
ским временем», которое прямо противоположно «энтро-
пическому времени». В результате от его внимания
ускользает, что естественная реальность подчиняется
законам, отличающимся от экономических, она реаги-
рует на «энтропическое время: чем быстрее потребля-
ются ресурсы и наличная в мире энергия, тем меньше
времени остается в нашем распоряжении для выжива-
ния, поскольку оказывается, что экономическое время
обратно пропорционально биологическому» [12, 55—56].

Какой же выход возможен из такой ситуации? Выход
состоит в том, чтобы осознать «неестественность стре-
мительных темпов современной жизни», что, следова-
тельно, существуют какие-то биофизические пределы,
или «внешние пределы», для расширения человеческой
деятельности [6, 167—266]. А осознав это, человеческое

сообщество должно сделать все от него зависящее, чтобы замедлить процесс возрастания энтропии, перейти к ее минимальному производству, и тем самым «замедлить процесс деградации» (биосферы.— Е. Б.) до естественных, природных ритмов и предложить человечеству и природе миллионы лет жизни». Только опираясь на ритмику биологического времени и приспособлявая к нему ритмику времени исторического, можно реально «воспринять сигналы природы, чтобы не оказаться творцами собственного исчезновения». Если же человечество окажется не в состоянии добиться такой переориентации в своей деятельности, то «деградация окружающей среды, расточительное использование ресурсов будут неминуемо наказывать социальное развитие», вследствие чего «экологическая катастрофа станет неизбежной» [12, 59, 98, 99].

Отсюда вывод: необходимо учитывать многообразие ритмов, которые оказывают воздействие как на ритмику нашей планеты, так и на ее биосферу, самой активной частью которой является человечество, вносящее в общую пульсацию Земли ритмику своего исторического, технологического, экономического развития, тем самым усложняя естественно-социальную ткань своего существования. Снижение же уровня катастрофичности природных и социальных процессов, в сложном взаимопереплетении которых развивается человечество и его социокультурная жизнь,— задача весьма сложная, но при современном уровне технологического развития в случае его ориентации на восстановление гармонии общества с природой становящаяся достаточно реальной.

Глава 2

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ

На протяжении последних двух десятков лет о нарастающей опасности экологических кризисов и катастроф написано так много научных книг и статей, что значительно расширилось, причем непропорционально, самопонимание экологии. К числу экологических катастроф стали относить землетрясения, тайфуны, цунами, извержения вулканов, которые, являясь, несомненно, природными, отнюдь не относятся к разряду экологических. Названные катастрофические процессы причинно никак не связаны с деятельностью живых организмов, а экология даже в самом широком понимании выступает как учение о взаимосвязи живого с окружающей его средой. Поэтому к классу экологических можно причислять только те катастрофические процессы и явления, которые являются этапом или финалом экологического кризиса. Чаще всего экологические катастрофы имеют антропогенную основу. Разумеется, и землетрясения, и извержения вулканов, и наводнения, тайфуны и т. п. способны привести к губительным экологическим последствиям, но они вызываются причинами иного характера — геофизическими и геологическими.

Одной из важнейших причин собственно экологических катастроф является нарушение баланса в соотношениях различных уровней биосферы, которую называют пирамидой жизни. В основании этой пирамиды находятся низшие биологические формы — грибки, планктон, бактерии и др. Следующую, более высокоразвитую ступень составляют растения. За ними следуют животные. Венцом же всего живого является человек. Эта сложная, многоступенчатая и многогранная пирамида сохраняет свою устойчивость в том случае, если каждая более высокая ступень представлена меньшей биологической массой, чем предыдущая. Между тем под воздействием антропогенных факторов, сила влияния которых

на биосферу резко возрастает по мере развития цивилизации и увеличения ее технологической мощи (по данным английского социолога Р. Хиггинса, антропогенное давление на биосферу к 2015 г. может возрасти почти в 6 раз) [29; 127], происходит быстрая перестройка пирамиды жизни. Сравнительно быстрый рост населения земного шара (1850 г.— 1 млрд., 1930 г.— 2 млрд., 1960 г.— 3 млрд., 1987 г.— 5 млрд., в 2000 г.— по прогнозу — 6 млрд., в 2050 г.— 10 млрд. чел.), увеличение численности домашних животных и растений привели к резкому дисбалансу ступеней в пирамиде жизни. В 1860 г. суммарная биомасса человека и домашних животных составляла 5% биомассы наземных животных, в 1940 г.— 10, в 1990 г.— 20 и к 2020 г., по оценке экспертов, она возрастет до 40%, а к середине XXI столетия — почти до 60% всей биомассы наземных животных. Столь существенные сдвиги в пирамиде жизни, обусловленные постоянным и все более масштабным влиянием антропогенных факторов на природу, привели к тому, что загрязнение окружающей среды, разрушение экосистем, уничтожение многих видов растений и животных в наши дни достигли угрожающих масштабов. Растущее воздействие на природу, применение новых технологических систем (со все более опасными для окружающей среды последствиями) могут повлечь за собой катастрофические результаты, нарушить основные круговороты в природе, подорвать восстановительную способность биосферы и отдельных ее звеньев. Негативная экологическая ситуация сложилась потому, что в течение многих веков экономическая деятельность общества ориентировалась лишь на конечный результат процесса производства — создание максимально возможных объемов продукции при практическом игнорировании последствий подобных процессов, связанных с воздействием производства на природу и с нерациональным, утилитарным подходом к запасам естественных и минеральных ресурсов и сырья. Чем сильнее чувствовал себя человек, тем с большим усердием он атаковал природу, обособлялся от нее, ранил и истощал свою собственную окружающую среду.

Сложившееся в таких условиях восприятие окружающего природного мира как набора потенциально возможных средств для возрастающего разнообразия человеческих целей приводит к противопоставлению одного

природного процесса другому. Существенно обостряется противоречие между стремлением людей подчинять природные процессы субъективным потребностям и внутренними объективными закономерностями самих природных процессов. Человек не успевает реально воспроизводить природные процессы, в результате ответственность за воспроизводство природы стала несоизмерима с масштабами вмешательства в эти процессы. Возникла угроза нарастания экологической опасности, а сама экологическая проблема приобрела глобальный характер. Глобализация этой проблемы определяется прежде всего тем, что субъектами отношений между человеком и природой сейчас выступает вся экосфера Земли и все человечество, взятое в целом. Этот новый, наиболее высокий уровень связей между человеком и природой выражается в гигантски возросшем объеме «благ и услуг», который человек извлекает сейчас из природы, в появлении — впервые за всю историю человечества — зависимости всей мирохозяйственной системы в целом и каждой национальной экономической системы в отдельности от развития экосферных процессов, которые в свою очередь все больше складываются под влиянием человеческой деятельности.

Резкое усложнение связей человека с природой, сопровождающееся неизбежным отдалением индивидов и социальных общностей от природной колыбели, приводит к немалому количеству негативных социально-психологических последствий. Самая большая утрата здесь состоит в том, что разрыв с природой резко ослабляет эмоциональные, психические ресурсы, а это чревато возрастанием неврозов, психозов и других неблагоприятных расстройств психики. Характеризуя сущность данного процесса, выдающийся швейцарский психолог Карл Густав Юнг отмечал: «Человек чувствует себя изолированным в космосе, потому что теперь он отделен от природы, не включен в нее органически и утратил свою «бессознательную идентичность» с природными явлениями» [23, 86]. Такая колоссальная утрата, по его словам, резко обедняет психическую энергию людей, ослабляет ее возможности побуждать к целесообразным действиям в быстро изменяющихся ситуациях. Раньше роль регулятора в деятельности человеческих сообществ с успехом выполняли многочисленные табу, выведенные из длительных, отраженных в психическом опыте лю-

дей, их взаимодействий с природной средой. «Жизнь дикаря, — подчеркивал Юнг, — постоянно наполнена заботой по поводу все время таящейся в засаде психической опасности, а потому столь многочисленны процедуры, направленные на уменьшение риска. Высшим проявлением этого факта является табу, наложенное на различные области» [24, 142].

По мере развития технической цивилизации и усиления вторжения человеческого общества в природные связи сфера табу неуклонно сужается, а степень риска от нарушения этих связей возрастает. В этих условиях, считает Юнг, необходимо осознать, что сегодня «человек не нуждается в большем господстве над природой, внешней или внутренней. Господство над обеими достигло у него чуть ли не дьявольского совершенства. К сожалению, при этом отсутствует ясное понимание собственной неполноценности по отношению к природе вокруг себя и к своей внутренней природе. Он должен понять, что не может делать все, что ему заблагорассудится. Если он не дойдет до осознания этого, то будет сокрушен собственной природой» [25, 230]. Такое серьезное предупреждение крупнейшего авторитета в области психологии не может быть оставлено без внимания. Речь идет фактически о том, что человечество оказалось перед необходимостью формирования некоего своеобразного нового общепланетарного табу, нового, на этот раз экологического императива, ставящего перед всеми нами запретительную черту, которую ни в коем случае нельзя перейти.

Что же это за черта? Это, по утверждению академика Н. Н. Моисеева, «совокупность условий, которую человек не может нарушить без риска собственного уничтожения; которую и следует называть «экологическим императивом» [14, 86]. Поясняя, что имеется в виду, когда употребляется данное понятие, академик говорит, что опасность нашему будущему таится не только в исчерпании ресурсов планеты, но и в неумелом и неумном их использовании, а также — главным образом — в не контролируемой и не направляемой общепланетарным разумом стихии человеческой деятельности, которая разрушает природную среду и тем самым «легко может стать причиной вселенской катастрофы» [14, 84]. Чтобы освободиться от такой угрозы, сегодня становится все более необходимым вернуться к идее, вы-

двинутой выдающимися исследователями природы и человека (а может быть, даже лучше сказать: природы человека) В. И. Вернадским, П. Тейяром де Шарденом, Э. Ле-Руа, которые всесторонне обосновали идею о ноосфере — сфере планетарно организованного разума, разума объединенного человечества, способного привести к установлению новой, более глубокой гармонии человечества с природой, обеспечив коэволюцию общества и окружающей среды.

В понимании Тейяра де Шардена усложнение и повышение уровня организованности материального субстрата жизни как основы возникновения и развития все более усложняющихся форм одухотворенности, ноогенеза и формирования ноосферы выступает основным направлением эволюции. Но это направление эволюционного развития, включающего в свою орбиту и ноосферу, нуждается в специфическом носителе, субъекте столь тонкого преобразования биосферы в ноосферу. А таким носителем способна стать только духовно развитая и саморазвивающаяся личность. «Вершина нас самих, венец нашей оригинальности, — пишет Тейяр, — не наша индивидуальность, а наша личность, а эту последнюю мы можем найти в соответствии с эволюционной структурой мира, лишь объединяясь между собой... Настоящее Ego возрастает обратно пропорционально «эготизму» [19, 207—208].

Итак, творческое самосотворение человеческой личности как активного субъекта ноогенеза происходит, согласно Тейяру, не по линии углубления эгоизма, отгораживания человека от себе подобных и возвышения себя над ними, а, напротив, по линии единения с ними сначала в пределах небольших, затем крупных общностей и, наконец, в пределах всей нашей планеты. Само же такое объединение предстает уже не в качестве биологического, а социального процесса, хотя оба они органически взаимосвязаны. Социальный феномен, считает он, — кульминация, а не ослабление биологического феномена.

Только во взаимодействии социального с биологическим, считает Тейяр, открывается благодатное пространство для формирования и развития личности, для включения ее в планетарное единство человечества. Само же такое единство возможно только на путях синтеза, интеграции индивидуальных разумов множества челове-

ских субъектов, каждый из которых есть уникальная личность, обладающая уникальным духовным миром, в единый общепланетарный, коллективный разум человечества. Объединение силы коллективного общепланетарного человеческого разума, способного своим могуществом преобразовать отдельные фрагменты направленного развития во Вселенной в ее целенаправленное развитие,— это и есть, согласно воззрениям Тейяра, сущность и смысл формирования и деятельности ноосферы. В ее совокупной мощи объединяются все успехи и преодолеваются все ограничения повседневного человеческого опыта, всех наук и искусств. «Хотим мы этого или нет,— пишет он,— все признаки и все наши потребности конвергируют в одном и том же направлении — нам нужна и мы начинаем неукоснительно ее создавать с помощью и за пределами всякой физики, всякой биологии и всякой психологии — человеческая энергетика» [25, 222]. Эта энергетика есть прежде всего энергетика человеческого духа, влекомого к формированию коллективного общепланетарного интеллекта. Роль отдельных нейронов в этой планетарной психоэнергетике будут выполнять самобытные личности, обладающие уникальными, только им присущими мыслями, чувствами, стремлениями, тревогами, надеждами. Синтез всех этих мыслей и надежд в центре всех центров универсума — точка Омега, представляющая собой высший пункт, вершину концентрации ноосферы, который является фокусирующей точкой естественной конвергенции человеческой мысли, а через нее и всего универсума.

Но пункт Омега имеет в тейярдизме и второе, существенно иное, чем естественнонаучное, толкование: религиозно-мистическое. В этом своем втором значении Омега предстает как бог, помещенный в высшем пункте космогенеза, совпадающий с концом мира, бог, одновременно имманентный миру и трансцендентный ему, новоявленный облик Христа, появляющегося на страшном суде как вершина эволюционного развития всех душ человеческих, слившихся в финальном объединении. «Конец света,— пишет Тейяр,— внутренний возврат к себе целиком всей ноосферы, достигшей одновременно крайней степени своей сложности и своей сосредоточенности. Конец света — переворот равновесия, отдаления сознания, в конце концов достигнутого совершенства, от своей материальной матрицы, чтобы отныне иметь воз-

можность всей своей силой покоиться в божестве — Омеге» [19, 225].

Здесь в противовес своим же собственным утверждениям о независимом от вмешательства каких бы то ни было сверхъестественных сил в процесс развития универсума, осознающем самого себя в столь же естественно развивающемся человеке и его сознании, представляющем высшую точку биологической и социальной эволюции, Тейяр привносит в картину космогенеза мистические и телеологические черты финализма, движения к предустановленной цели. В итоге его эволюционистская картина развития Вселенной приобретает такой вид: «Космос—Космогенез—Биогенез—Ноогенез—Христогенез» [19, 408]. В восходящем развитии универсума сердцевинной процесса и вместе с тем его целью является движение всего мироздания, в первую очередь человека, к единению с Христом. Вследствие этого Христогенез трактуется Тейяром как «душа всеобщего космогенеза».

В этой спиритуализированной и модифицированной на христианский лад картине развития универсума завершение эволюции человека (антропогенеза), означющее вместе с тем и завершение эволюции всего космоса (космогенеза), сливается воедино с завершением эволюции бога (Христогенеза). Перед нами, таким образом, предстает новый вариант апокалиптического видения завершения человеческой истории, новый вариант видения конца мира, который не разделяется многими учеными, всерьез занимающимися проблемами перехода человечества к цивилизации ноосферного типа. Так, Н. Н. Моисеев считает, что ответ на вопрос о путях становления и развития коллективного разума человечества «даст история, и вряд ли он будет в духе Тейяра де Шардена: Становление коллективного разума вовсе не обернется слиянием человечества с Природой и Богом, что, по мысли известного философа и антрополога, означает сверхжизнь и конец эволюции» [12, 13—14].

Существенно отличную от тейярдистской концепцию становления и роли ноосферы в развитии человечества выдвинул основоположник биогеохимии В. И. Вернадский, в работах которого отсутствуют высказывания о возможности финального состояния эволюции, переходящего в сверхжизнь. Подобно Тейяру, Вернадский тоже говорил о становлении ноосферы, то есть о возможности перехода биосферы в состояние ноосферы,

когда объединенное в планетарных масштабах человечество, сделавшееся основной геологообразующей силой планеты, примет на себя ответственность за дальнейшее развитие и природы, и общества.

Одним из основных постулатов учения В. И. Вернадского о биосфере и возможностях ее преобразования в ноосферу является положение, согласно которому Вселенная представляет собой единую саморазвивающуюся систему. Важнейшим компонентом этой системы является биосфера, которая представляет собой не единичное планетное или земное явление, а проявление строения атомов и их положения в космосе, их изменения в космической истории. С этой точки зрения биосфера выступает отнюдь не как случайное развитие жизни на Земле на границе поверхности планеты с космической средой, а как закономерный результат взаимодействия всех проявлений жизни со строением и организацией всего космического механизма. В отличие от картины мира, в которой Вселенная, охваченная законами Ньютона, не оставляла места жизни, картина мира, выдвинутая Вернадским, ориентирует научное мышление на исследование функционально-системных связей между косной и живой материей в сложной структуре саморазвивающейся системы Вселенной. «Биосфера,— пишет Вернадский,— единственная область земной коры, занятая жизнью. Только в ней, в тонком наружном слое нашей планеты жизнь сосредоточена; в ней находятся все организмы, всегда резкой непроходимой гранью отделенные от окружающей их косной материи». Сама же жизнь во всем многообразии своих проявлений «теснейшим образом связана со строением земной коры, входит в ее механизм и в этом механизме исполняет величайшей важности функции, без которых он не мог бы существовать» [4, 22].

С точки зрения В. И. Вернадского, принципиальное методологическое значение включения процессов жизни в научную картину мира заключается в том, что она отмечает одно из тех представлений, которое играло огромную роль в точном знании; представление о механизме Вселенной дает опору другому представлению — об организованности Вселенной. Иными словами, существование жизни, а следовательно, и биосферы, обосновывается с помощью идеи об организованности суперсистемы самоорганизующейся Вселенной.

С этим постулатом органично связано второе «эмпирическое обобщение» В. И. Вернадского — эволюция имеет отчетливо выраженную направленность своих процессов. Рассматривая усложнение живых форм в качестве закономерности развития саморазвивающихся систем, он распространял этот принцип и на жизнедеятельность человека. «Взятая в целом палеонтологическая летопись, — писал он, — имеет характер не хаотического изменения, идущего то в ту, то в другую сторону, а явления, определенно развертывающегося все время в одну и ту же сторону — в направлении усиления сознания, мысли и создания форм, все более усиливающих влияние жизни на окружающую среду». А из этого вытекает еще одно важное научно-эмпирическое обобщение: «Человек и в его индивидуальном, и в его социальном проявлении теснейшим образом закономерно, материально-энергетически связан с биосферой; эта связь никогда не прерывается, пока человек существует, и ничем существенным не отличается от других биосферных явлений» [4, 127, 197]. Следовательно, человек, во-первых, как и всякое живое существо, есть определенная функция биосферы. Человек, во-вторых, во всех своих проявлениях составляет определенную закономерно возникающую и развивающуюся часть биосферы: Возникновение человека, в-третьих, подготовлено закономерно протекавшим, шедшим сотни миллионов, может быть, миллиарды лет процессом эволюционного развития, который в конце концов привел к возникновению рода человеческого.

Однако, подчиняясь в своем становлении и развитии общепланетарной, даже общекосмической тенденции — возрастанию сложности и разнообразия саморазвивающихся живых систем, человечество тем не менее, согласно Вернадскому, характеризуется некоторыми, чрезвычайно важными отличительными чертами, выделяющими его из всей остальной биосферы. Первое такое отличие состоит в том, что человечество в отличие от других видов занято скорее не «производством» биогеохимической энергии, а ее «потреблением» и преобразованием. Второе, еще более важное качественное отличие заключается в том, что геохимические функции человечества характеризуются не его «массой», а его производственной деятельностью. Темпы, характер, направленность усвоения человечеством биогеохимической энергии опре-

деляются не объемом людской массы, а активной деятельностью человека, направленной на преобразование окружающей природной среды. Эта природообразующая деятельность, коренным образом отличающая человека от всех живых существ, проявляется в нескольких направлениях. Первое из них, согласно Вернадскому, заключается в быстром уничтожении человеком огромного количества видов крупных и мелких млекопитающих, других животных, а также растений. Второе, еще более важное с точки зрения изменения самой структуры биосферы, да и с геологической точки зрения, состояло в приручении стадных животных и выработке культурных видов растений. Человек этим путем, пишет Вернадский, стал менять окружающий его мир и создавать для себя новую, не бывшую никогда на планете, живую природу. Но здесь возникает резонный вопрос: почему именно человек и только он один из бесконечно разнообразных видов живых организмов смог наложить печать своих действий на развитие биосферы и превратиться тем самым в мощную геологическую силу на нашей планете? Отвечая на этот вопрос, Вернадский обратил внимание на то, что творческая, природообразующая деятельность человека опирается на разум и осуществляется только благодаря наличию сознания. «В биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о Космосе, представлениях научных или имеющих научную основу... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного» [4, 168].

Такой поворот в исследовании биосферы как раз и привел Вернадского к созданию основ концепции ноосферы, представляющей собой состояние преобразованной человечеством биосферы. А отсюда вытекает четвертое, самое важное «эмпирическое обобщение», суть которого в следующем: «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу» [4, 184].

Ноосфера как специфическое, только в связи с развитием разумной, целенаправленной деятельности людей возникающая сфера жизнедеятельности на нашей планете отнюдь не представлялась Вернадскому бесструктурным, аморфным, бесформенным образованием. Он

был убежден в том, что выполнить свою творческую роль преобразователя биосферы и стать мощной геологической силой, изменяющей всю природу планеты, ноосфера сможет только в том случае, если в ее многокомпонентном составе решающее значение станут играть наука и культура.

Сила воздействия науки, особенно ее выдающихся достижений, связанных с деятельностью таких выдающихся ученых, как Коперник, Ньютон, Дарвин, Кюри, Менделеев и др., на биосферу, считал Вернадский, становится сопоставимой с действием мощных геологических сил, а порой и превосходит их. Поэтому громадная преобразующая роль научного знания, реализованная в технике, дала ему основание заявить: «Основной геологической силой, создающей ноосферу, является рост научного знания» [4, 199]. Именно научные знания позволяют человечеству посредством их материализации в технике, в различных сооружениях создавать то, что в природе без вмешательства человека возникнуть не может, то есть искусственно созданную среду обитания, и тем самым видоизменить природу.

Но в этой проблеме — проблеме преобразования природы человеком, опирающимся на достижения науки, есть еще одна, чрезвычайно важная сторона: понимание науки как решающей силы в структуре ноосферы, способной видоизменить природу, а вместе с тем и взаимоотношения человека с ней, означает и коренное преобразование самой научной картины мира. Картина мира, созданная усилиями Коперника, Галилея, Ньютона и других крупнейших естествоиспытателей, в качестве своего исходного принципа постулирует положение, согласно которому внешнее по отношению к объекту исследования наблюдение является необходимым условием, чтобы в законах механики, математики, физики и т. п., формулируемых относительно определенных явлений и процессов природы, не содержалось никаких указаний на особенности самого наблюдателя — субъекта научной деятельности. Не отрицая продуктивности и оправданности такого подхода, Вернадский поворачивает вопрос об объекте и субъекте научной деятельности в иную плоскость: каким вообще может быть изучаемый нами мир, если знание о мире становится его структурным компонентом? Само естествознание с его бессубъектным описанием различных физических,

химических, механических и иных процессов стало возможным, замечает Вернадский, только после того, как Коперник, Кеплер, Галилей, Ньютон в течение многих десятков лет разорвали веками установившуюся связь между человеком и Вселенной. Но чтобы перейти от описания механических и физических связей к описанию связей природы (тех же физических, механических и других природных процессов) с человеком, нужно построить новую онтологическую картину мира, для чего необходим существенно отличный от прежних методологический постулат — учет усиливающегося воздействия человека на природные процессы, воздействия, существенно изменяющего эти процессы. Разработанная Вернадским концепция ноосферы как раз и дает такой методологический подход, позволяющий создать картину мира, в которой он не только видоизменяется, но и доопределяется человеком. Резюмируя эти выводы, Н. Н. Моисеев считает, что их следует формулировать в более жесткой форме: «Мир такой потому, что существует человек». А это означает, что в современных условиях «без описания процесса становления коллективного интеллекта любая возможная «картина мира» будет не только неполной (полной она просто и быть не может), но и искаженной» [12, 11].

В контексте такого утверждения представляется непротиворечивой более общая гипотеза, вытекающая из существа учения Вернадского о ноосфере и утверждающая, что в процессе своей естественной эволюции суперсистема Вселенной обретает с помощью человека способность не только познавать себя, но и видоизменять свое развитие так, чтобы компенсировать или ослаблять возможные дестабилизирующие факторы, способные привести к экстремальным или даже катастрофическим последствиям. Но достичь такого состояния человечество сможет только в качестве единого целого, руководствующегося коллективным разумом, воплощающим в себе все достижения научной мысли.

Существенно важным компонентом ноосферы, по мысли Вернадского, является культура, помогающая человечеству, опирающемуся на мощь науки, объединять людей друг с другом культурными, нравственными, гуманистическими ценностями и нормами. Если сравнить нынешний облик окружающей нас природной и социальной среды с тем, что представляла собой девственная

природа, которая существовала 20 тыс. лет назад — в Даунский период четвертичной эпохи, писал он, то «мы можем убедиться, какая огромная геологическая работа производится человечеством и какую геологическую силу представляет человеческая культура» [4, 166].

Взятая в единстве своих компонентов, основными из которых являются наука и культура, ноосфера в качестве важнейшей характеристики взаимосвязей природы и общества позволяет точнее определить роль творческой деятельности человека в его жизни, становлении и развитии цивилизаций, а также спроецировать все это на развитие биосферы, в том числе и в плане возможного возникновения в ней бифуркационных процессов и экстремальных ситуаций, а также их предупреждения и снижения масштабов их негативных последствий. Такая возможность особенно значима в условиях надвигающейся планетарной экологической катастрофы. Чтобы уменьшить ее масштабы и разрушительную мощь, а еще лучше — уберечься от нее, предотвратить углубление экологического кризиса, человечество должно научиться вновь органично вписываться в естественные циклы биосферы. Разумеется, речь идет не о возвращении в каменный век, а о новом шаге вперед, связанном с переходом от цивилизации техногенного типа к более высокому этапу цивилизационного развития человечества — к цивилизации ноосферного типа [3, 115].

Но чтобы перед лицом надвигающегося экологического кризиса выработать единую общепланетарную цивилизационную программу, ориентированную на гармонизацию отношений человека с природой, одних естественнонаучных знаний и технологических средств недостаточно. Здесь должны сказать веское слово и культура, и нравственность, и рациональная политика. Поэтому для смены цивилизационной парадигмы, открывающей пути движения к цивилизации ноосферного типа, необходимо, по справедливому замечанию Г. Т. Швевса, утверждение в обществе трех типов рациональности. Во-первых, это рациональность, связанная с региональными этно-культурными формами жизни, противостоящая единообразной техногенной цивилизации с ее склонностью к тотальному контролю над природой. Во-вторых, это рациональность научной мысли, постепенное ускорение которой в национальном и интернациональном масштабах является, согласно В. И. Вер-

надскому, необходимой предпосылкой ноосферы, в-третьих, это политическая рациональность, в которой либерально-демократическая система трансформируется вследствие постепенного исчезновения стандартизированного «массового человека» (рожденного индустриальной революцией) и все более соотносится с интересами и ориентациями малых групп, в частности интеллектуальной элиты, а через нее — и с интересами большинства человечества [22, 7, 41—42]. В результате совмещения этих трех типов рациональности возникает образ весьма сложной цивилизации, предполагающий, соответственно, сложный тип человека, то есть трансформацию человека, возвышение и обогащение его духовного мира.

Только в таком многообразном и сложном социальном мире каждая человеческая личность сможет наилучшим образом развить и проявить свои индивидуальные уникальные черты и особенности. А это в свою очередь будет содействовать дальнейшему интеллектуальному и духовному, следовательно социальному и экономическому, развитию общества в его гармоническом единении с природой. Такое единение и станет важнейшей отличительной чертой цивилизации ноосферного типа.

Целесообразность именно переориентации человеческого сознания и деятельности становится все более настоятельной, если учесть, что неконтролируемое вмешательство человека в природные процессы привело существование природных систем к критической черте, к порогу, за которым начинается сначала деградация глобальной экологической системы, а затем постепенное исчезновение всего живого на нашей планете. Многочисленные примеры нарушения экологического равновесия на локальном и глобальном уровнях, включая недавно открытые процессы разрушения озонового слоя и гибель лесов под воздействием выбросов в атмосферу продуктов сжигания топлива, показывают, насколько неустойчивая стала планетарная экологическая система. Ситуация усугубляется еще и тем, что каждая выведенная из равновесия экологическая система меньшего масштаба (локальная, региональная) становится непредсказуемой, а это может обернуться экологическим бедствием со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Насколько такая угроза реальна, на-

сколько она имеет непосредственное отношение к нам, свидетельствует тот факт, что на территории стран СНГ, как отмечалось на состоявшейся в июле 1992 г. в Минске встрече по экологическому сотрудничеству, существует 292 экологически опасных района, а общая площадь экологического бедствия составляет около 10% всей территории этих стран.

Какие следствия с точки зрения возможности экологических катастроф вытекают из этой ситуации?

Во-первых, в биосфере действует такая закономерность: легче мутируют (видоизменяются) те популяции, которые не достигли высокого уровня развития. Высоко развитые же популяции очень консервативны и с трудом приспосабливаются к резко изменяющейся, а особенно к экстремальным условиям окружающей среды. Отсюда следует, что чем больше в общем объеме биосферной массы удельный вес высокоорганизованных существ, тем ниже общий потенциал мутирования живых организмов, тем губительнее для живого на всех уровнях развития, в первую очередь на высоких, последствия экстремальных экологических ситуаций, кризисов и катастроф.

К резко изменившейся под воздействием антропогенных факторов среде обитания высшие виды животных и растений приспосабливаются с большим трудом, вследствие чего оказываются на грани гибели, а низшие организмы — великолепно. По оценкам Всемирного фонда диких животных, к 2000 г. в мире могут исчезнуть такие высокоорганизованные животные, как носороги, бенгальские тигры, гориллы и орангутанги. Что же касается низших форм живых организмов, то они в условиях резко изменившейся, в том числе и экстремальной для них, среды обитания мутируют очень быстро и с высокой эффективностью. В 40-х годах, когда были открыты ДДТ и пенициллин, которые были использованы как мощные средства борьбы против насекомых-вредителей, а также грибка, бактерий и вирусных возбудителей болезней, казалось, что человечество на пороге победы в длительной борьбе против них. Однако все более масштабное применение ядохимикатов, резко изменившее химическую среду обитания многих видов вредителей и создавшее экстремальную для их дальнейшего существования ситуацию, привело неожиданно к противоположному результату. На основе многочисленных мута-

ций погибла только часть насекомых-вредителей, на уничтожение которых и была ориентирована химическая атака. Зато быстро возникли и стали размножаться устойчивые к действию пестицидов виды вредителей. Если в начале 1940-х годов к действию первого поколения пестицидов были устойчивы 12 видов вредных насекомых, то с 1948 г. число таких видов удваивается каждые 6 лет. Уже в 1980 г. насчитывалось 428 видов насекомых, около 100 видов вредных грибов и бактерий, ряд видов сорняков, которые приспособились к воздействию ядохимикатов. Ожидается, что через 10 лет число устойчивых к химическим воздействиям видов насекомых достигнет 1500.

Однако суть проблемы экологических катастроф не только в вымирании высокоорганизованных организмов и фантастической приспособляемости (посредством мутации) агрессивных биологических форм, наносящих вред сельскому хозяйству. Дело еще и в том, что пестициды, употребляемые в борьбе с вредителями сельскохозяйственных растений, оказывают вредоносное воздействие на здоровье человека. Подсчитано, что прямое отравление пестицидами поражает в мире ежегодно 2 млн. человек и уносит до 50 тыс. жизней. Генетические манипуляции, широко применяемые в новой отрасли знаний и промышленности — биотехнологии — породили угрозу создания новых видов микроорганизмов, способных вызвать неизвестные заболевания. Внедрение искусственно созданных мутантов в природную среду может непредсказуемым образом дестабилизировать экосистемы, воздействуя на некоторые их компоненты. Поэтому активные деятели движения «зеленых» отмечают: «До сих пор не доказано, что видоизмененный микроорганизм не может передать резистентный ген патогенным для человека микробам. Существует реальная опасность возникновения неуправляемого процесса, ведущего к чудовищной катастрофе, которую не удастся остановить» [28, 153].

Таким образом, экологические катастрофы, вызванные прямым вмешательством новейших технологий, в том числе генной инженерии, в естественные биосферные процессы, способны нанести огромный ущерб не только сельскохозяйственным растениям и животным, но и самому человеку, его здоровью.

Во-вторых, современная цивилизация оказывает

столь мощное энергетическое и технологическое воздействие на окружающую среду, что резко увеличивается количество флуктуаций в ней, в том числе и катастрофического характера. Так, только в районе озера Байкал экологически негативный итог деятельности работы целлюлозно-бумажных комбинатов выражается в сотнях тысяч гектаров усохших и усыхающих лесов на склонах Хамар-Дабана, уменьшении в 2, 3, 5 раз различных популяций байкальского омуля, нарастающей гибели эпишуры — основного биологического санитара воды.

Еще более масштабно экологическое бедствие, вызванное воздействием антропогенных, технологических факторов в районе Аральского моря, где проживают около 30 млн человек. За четверть века начиная с середины 60-х годов море уменьшилось вдвое по средней глубине, на одну треть — по площади акватории и более чем вдвое — по объему воды. Около 30 тыс. кв. км бывшего дна стало ареной опустынивания. Это сопровождается гибелью многих видов растений и животных. Но нельзя недооценивать и опасности негативного воздействия последствий этого экологического бедствия на человека. Установлено, что с поверхности солончаков, которые занимают огромные площади высохшего дна Аральского моря, в атмосферу ежегодно поднимается около 65 млн тонн ядовитой тонкодисперсной соли. Сейчас из-за солевых дождей интенсивно тают ледники Памира и Тянь-Шаня, что ведет к уменьшению стоков рек Амударьи и Сырдарьи, происходит засоление почв. Распространяясь на обширных территориях, ядовитые выделения в атмосферу образуют пылесолевые облака, в результате чего в последние годы наблюдалось увеличение более чем в два раза содержания солей в дождевой воде, выпавшей и над Ташкентом, и в Беларуси, и в Литве. Поскольку содержащиеся в дождевой воде соли ядовиты, вполне вероятно негативное воздействие их на здоровье людей.

Мы охарактеризовали две экологические катастрофы регионального масштаба. Однако усиливающееся техногенное давление человечества на биосферу способно вызвать в ней катастрофические процессы глобального характера. К такого рода последствиям способны привести «парниковый эффект», «кислотные дожди», возникающие в результате нарастающего промышленного выброса в атмосферу окисей серы и азота, а также

появление в стратосфере так называемых «озоновых дыр». Эти три процесса, приобретшие в последние годы глобальный характер, многие специалисты считают «тремь бомбами замедленного действия» для окружающей среды [32, 156].

Охарактеризуем вкратце последний из названных процессов. Известно, что озоновый слой предохраняет поверхность Земли от жесткого для всего живого ультрафиолетового излучения. Даже самые низшие формы жизни могут пострадать от избытка ультрафиолетовой радиации. При ее действии разлагается хроматин клеточного ядра, вызывается повреждение ДНК, нарушается генетический код. Кроме того, поглощая лучистую энергию, озон повышает температуру стратосферы и снижает ее в приземном слое воздуха и самой поверхности Земли. Разрушение же озонового слоя влечет за собой тяжелые, быть может, даже трагические, катастрофические последствия. Одна из наиболее действенных причин разрушения озоновой оболочки Земли — газогидраты, представляющие собой твердые кристаллообразные (похожие на снег или лед) соединения газов с водой. Первый компонент этих соединений — газы (фреон и др.) — выбрасывается в атмосферу промышленными предприятиями и бытовыми приборами. Второй компонент, образующий газозидраты, — это вода, поступающая в стратосферу в виде продуктов сгорания топлива высотных самолетов. По мнению специалистов, с усилением парникового эффекта в стратосфере будет конденсироваться больше азотных соединений, так как тепло, которое иначе способствовало бы потеплению стратосферы, станет задерживаться у поверхности Земли. В течение XXI века температура стратосферы может снизиться на 6 градусов, в результате чего произойдет еще большее разрушение озона. На основании изложенного можно сделать вывод, что среди результатов непродуманной человеческой деятельности увеличивающееся разрушение озонового слоя — наиболее широкомащштабный глобальный процесс, способный нарушить естественный ход развития биосферы. Поэтому в качестве возможной меры предотвращения экологической катастрофы предлагается резко уменьшить выброс в атмосферу гидрообразователей, разрушителей озона. [21, 54].

В-третьих, на динамику и остроту экологических

бедствий оказывают сильнейшее влияние технологические катастрофы, частота которых в последние годы многократно возросла. Особенно негативно в экологическом смысле крупномасштабное и длительное воздействие на биосферу Чернобыльской катастрофы и вызванных ею посткатастрофных процессов.

За прошедшие после катастрофы на ЧАЭС 8 лет экологическая ситуация в Беларуси, в первую очередь в двух ее областях — Гомельской и Могилевской, существенно ухудшилась в основном за счет естественного распада радионуклидов с относительно короткими периодами полураспада и в меньшей мере за счет миграционных процессов. Так, в настоящее время основное количество радионуклидов сосредоточено преимущественно в верхнем пятисантиметровом слое минеральных почв. Во всех проанализированных специалистами пробах почв цезий-137 присутствует преимущественно в фиксированном состоянии (50—98%). Относительное его содержание в обменном состоянии варьируется в широком диапазоне от 1 до 20—30%. Доля водорастворимого цезия-137 не превышает 2—3%. Для стронция-90, напротив, характерно более высокое его содержание в водорастворимом (до 19%) и обменном (до 23%) состоянии. Установлено, что активными частицами разной дисперсности — радионуклидами загрязнена практически вся территория обследованных участков Гомельской и Могилевской областей. Количество частиц на поверхности почвы зависит от расстояния до места катастрофы и изменяется от 10^5 до 10^3 на 1 кв. м при удалении от 40 до 250 км.

Установлена тенденция аэрозольного перераспределения радионуклидов между радиоактивно загрязненной юго-восточной и относительно экологически чистой северо-западной частями Беларуси. Этому процессу способствуют малый размер (0,1—100 мкм) радиоактивных частиц, пылевые бури при производстве пахоты и уборке урожая в зоне радиоактивного загрязнения, все учащающиеся здесь лесные пожары и благоприятствующие северо-западному переносу радионуклидов направления воздушных течений [10, 29—30]. Вследствие совокупного действия названных факторов радионуклидное загрязнение почв зафиксировано не только на всем протяжении Беларуси в направлении с юго-востока на северо-запад, но и на прилегающих территориях Поль-

ши. В исследованиях, проведенных в 1990—1992 гг. в Белостокском воеводстве, установлено, в частности, наличие частиц цезия-137 в мхах (200—600 Бк/кг), в листьях салата и капусты, причем нормальное количество радионуклидов в растениях оказалось в ряде случаев перекрытым в десять раз [27, 4].

Единственный реальный путь приостановить дальнейшее аэрозольное и пылевое перемещение радионуклидов заключается в прекращении хозяйственной деятельности на радиоактивно-загрязненных землях и широкомасштабном восстановлении лесов, которые в последние годы на территории Беларуси интенсивно вырубаются. К тому же следовало бы прислушаться к призыву экологов Польши, призывающих создать обширную зону экологического благополучия — так называемые «зеленые легкие Европы», используя в качестве ее природной основы уникальную по своим экологическим качествам Беловежскую пуцу, а также другие заповедные места и обширные лесные массивы Польши и Беларуси [30].

Проведение согласованной и скоординированной с Украиной, Россией, Польшей экологической политики, связанной с восстановлением и рациональным использованием лесных массивов, могло бы улучшить ситуацию не только в растительном, но и в животном мире. Ведь последний в результате Чернобыльской катастрофы понес не меньший урон, чем первый. Так, численность волков в радиационно зараженных районах после Чернобыльской катастрофы сократилась в 5 раз, лисиц — в 2, лесного хорька — в 5, мышевидных грызунов — в 2 раза. Одновременно в зоне радиоактивного загрязнения резко увеличилась численность опасных групп паразитов, которые могут вызвать осложнение эпидемиологической ситуации. Особенно мощное воздействие ионизирующая радиация оказывает на хромосомные структуры наследственности. По данным Института генетики и цитологии Академии наук Беларуси, частота повреждений хромосом в клетках костного мозга мышей оказалась в 3—4 раза, а у бурых лягушек в 3—10 раз выше контрольных уровней. Следует учесть, что некоторые типы хромосомных изменений передаются по наследству, а это ведет к увеличению мутационного груза в последующих поколениях и соответственно к возрастанию риска наследственных заболеваний. В результате снижается им-

мунитет не только у непосредственно облучаемых организмов, но и у их потомства, падает общая жизнеспособность, чувствительность к любым неблагоприятным факторам [9, 32—33].

Экологические катастрофы, глубоко затрагивающие структуру, функции и будущность определенных видов живых организмов, демонстрируют закономерность типа обобщенной теоремы Гёделя: ликвидация последствий локальной катастрофы требует мобилизации ресурсов более широкой территории, региональной катастрофы — ресурсов всего мира [1, 26]. Так, для ликвидации последствий экологической катастрофы в зоне Аральского моря потребуются мобилизация ресурсов не только прилегающих среднеазиатских стран, но и ряда других государств, а для ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы и вызванных ею экологических бедствий — ресурсов всего мира.

Одна из основных особенностей трех охарактеризованных типов экологических катастроф заключается в том, что все они без исключения были предотвратимы. Они имели одну решающую первооснову — перенапряжение природно-ресурсного потенциала в результате недооценки со стороны человека дисбалансов в ритмике гео-, био- и социосистем, приведшей к кризисам нерационального хозяйствования, то есть они были фактически социально-экологическими (или эколого-социально-экономическими).

Вторая особенность выражается в том, что экологическая проблема, порожденная главным образом антропогенным воздействием на природу, приобрела в последнее время ярко выраженное «человеческое измерение». Изначально выдающийся немецкий биолог Эрнест Геккель, предложивший в 1866 г. термин «экология», определил последнюю как отрасль биологического знания — общую науку о взаимоотношениях организмов с окружающим миром, к которому можно отнести все условия существования. Однако усиливающееся воздействие на природу человеческого общества, применяющего все более мощные технологические средства, придает экологии социальный и антропологический аспекты. Единство и взаимосвязь общества и природы проявляет себя в социосистемах разных уровней — от локального до планетарного. В фокусе же неблагоприятных последствий вмешательства в природные процессы оказался

сам человек, его здоровье и социальное благополучие, тогда как в прошлом они распространялись только на те или иные объекты дикой природы. Поэтому произошло перерастание традиционной проблемы охраны природы в гораздо более крупную по своему социальному содержанию и масштабам проблему охраны и воспроизводства окружающей человека среды — как природной, так и социальной. Дело в том, что экологические бедствия в большинстве своем несут на себе печать социального неблагополучия в обществе, а связанная с этим неразвитость экологического самосознания неминуемо ведет к варварскому отношению индивидов, их общностей, общества в целом к среде обитания, понимаемой в самом широком смысле, т. е. включая не только естественную и искусственно созданную человеком природу, но и существующий в обществе социокультурный контекст.

Если в определение окружающей среды включить кроме природного и техногенного также социокультурный контекст, а кроме того, и личностное понимание качества жизни, то совокупность факторов, оказывающих влияние на природогубительную или природоохранную деятельность, можно схематически выразить в следующем виде:

а) природная среда, б) созданная человеком искусственная среда, в) уровень развития технологий, г) экономика, д) уровень образованности и воспитанности населения, отношение его различных групп к экологическим проблемам, е) социальная структура общества, ж) структура власти и управления, з) уровень развития демократии, и) культурные традиции, к) моральные нормы, л) юридические нормы, м) международный контекст. Схематично эти разнородные, но взаимосвязанные влияния изображены на рис. 5.

Разнонаправленность и совсем неочевидная значимость действия того или иного фактора, способного привести к возникновению экологически опасной ситуации, а также недостаточная изученность поведения населения в условиях предкатастрофных или катастрофных изменений в биосфере вызывают необходимость широкого и рационально организованного, лучше всего в системе мониторинга, социологического и социально-психологического исследования поведения индивидов и социальных общностей в экстремальных экологических

ситуациях. Такие исследования в последние годы все более широко проводятся в Германии, США, Италии, Франции, Финляндии, Швеции, а также в странах СНГ. При различии в подходах и социологических импликаций полученных эмпирических фактов эти исследования убеждают, что восприятие экологической опасности в решающей степени определяется взаимодействием социальных и технологических факторов.

Исследования, проведенные сотрудниками Института социологии Академии наук Беларуси в Минске, Гродно, Бресте, Гомеле, Могилеве и других городах, а также в сельских населенных пунктах республики, показали, что после Чернобыльской катастрофы резко возросла острота восприятия экологической опасности практически во всех районах Беларуси. Оказалось, что свыше 60% опрошенных до случая в Чернобыле либо ничего не знали об авариях на атомных электростанциях, либо знали очень мало. После же этого трагического события

Прямые факторы	Побуждающие факторы
природная среда	социальная структура общества
искусственная среда	уровень демократии
технологические факторы	структура власти и управления
экономические факторы	культурные традиции
развитость населения	моральные нормы
правовые нормы	международное сотрудничество
Экологическое поведение индивида и общества	

Рис. 5. Система факторов, влияющих на экологическое поведение

Таблица 1. Структура факторов, отрицательно влияющих на самочувствие людей в Гомельской области (динамика рангов)

Факторы	1991 г.		1994 г.	
	%	ранг	%	ранг
Экологические	62,5	1	84	3
Экономические	32,1	2	93,4	1
Социальные	16,6	4	84,3	2
Бытовые	21,1	3	47,8	5
Политические	13,3	5	67,4	4

осознание экологической опасности стало в Беларуси всеобщим. Характерной чертой восприятия общественным сознанием угрозы окружающей среде является локальная экологическая аберрация, то есть особенная чувствительность к проблемам местной среды, своеобразная региональная и «экологическая солидарность». Особенно отчетливо эта черта проявляется в регионах, в наибольшей степени пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы.

Чтобы наглядно убедиться в этом, приведем данные социологического исследования, проведенного по республиканской выборке в ноябре—декабре 1994 г. Среди факторов, вызывающих наибольшее беспокойство у населения, экологическая проблема у жителей не подвергшейся радиоактивному загрязнению Витебской области заняла последнее, 13-е место. Ею обеспокоено здесь 34% — примерно одна треть опрошенных. Эта же проблема у населения радиационно загрязненной Гомельской области в ряду факторов, вызывающих беспокойство, занимает четвертое ранговое место, а высокий уровень встревоженности ею высказывает вдвое большее количество опрошенных — 70% (см. табл. 1).

Характерно, что количество лиц, обеспокоенных трудностями в решении экологической проблемы, среди городского населения (в целом по республике, да и в раз-

резе регионов) превышает на 6% число встревоженных этим в среде сельских жителей.

Примечательны в этом отношении результаты социологических исследований, проведенных в 1992 г. в Гомеле. В этом городе среди факторов, оказывающих наибольшее негативное влияние на жизнедеятельность людей, 74,4% назвали радиационные и 62,5% — экологические, дав одновременно отрицательные оценки другим негативным факторам (экономическим, социальным, политическим и т. п.) в 2—3 раза более низкие. Негативно были оценены, в частности, воздействия экономических факторов 32,1% респондентов, бытовых — 21,1, социальных — 16,6, политических — 13,3%.

Население радиоактивно загрязненных районов хорошо понимает, что экологические проблемы у них порождены не одним только Чернобылем, но и обостряются за счет того, что в последнее время здесь резко ослаблен контроль за экологически негативным воздействием промышленных предприятий на окружающую среду. В частности, 46,7% опрошенных гомельчан утверждают, что многим предприятиям в их городе, загрязняющим окружающую среду, Чернобыльская катастрофа и ее последствия помогают скрывать свой экологический бандитизм. Причем наиболее распространена такая точка зрения среди работников транспорта (58,3%), промышленности (46,8%), то есть тех, кто лучше осведомлен о действительных размерах экологического ущерба, создаваемого производственно-транспортной деятельностью.

Социологические исследования показали, что осознание экологической угрозы прямо пропорционально степени деградации природной среды, уровню жизни и степени удовлетворения бытовых потребностей. Поскольку техногенная нагрузка на биосферу неуклонно возрастает, усиливая деградационные процессы в окружающей природной среде, постольку и степень встревоженности людей надвигающимися экологическими бедствиями возрастает. Для этого в Беларуси сложились в последние годы мощные объективные предпосылки. Достаточно сказать, что в республике ежегодно образуется свыше 40 млн тонн отходов, причем общая масса их быстро возрастает. Если в 1986 г. общее количество вредных веществ, отходящих от всех стационарных источников, составило 4737,3 тыс. тонн, то в 1991 г. оно возросло до

4938,9 тыс. тонн, то есть увеличилось более чем на 200 тыс. тонн. Особенно тревожит жителей быстро нарастающее количество отходов производства минеральных удобрений, суммарный объем которых превышает ежегодно 30 млн тонн. Львиную их долю дает деятельность производственного объединения «Беларускалий» в Солигорскѣ. Оно стало, пожалуй, самым мощным природозагрязняющим предприятием республики — на его счету 28 млн тонн отходов, выбрасываемых в окружающую природную среду ежегодно. Недаром ведь Солигорск в последнее время становился ареной возникновения конфликтных экологических ситуаций.

Бедственная экологическая ситуация в ряде городов с развитой химической и нефтехимической промышленностью (Новополоцк, Могилев), машиностроением и стройиндустрией (Гомель, Минск и др.) обостряется тем, что нарастающее деструктивное техногенное воздействие на окружающую среду соседствует и взаимопереплетается с малоэффективной деятельностью по созданию и функционированию природоохраннх объектов. Так, в 1991 г. план введения в действие в Беларуси установок для улавливания и обезвреживания вредных веществ из отходящих газов выполнен на 54%, сооружений для очистки сточных вод — на 45, а систем оборотного водоснабжения — всего на 12%.

К тому же в условиях экономической разрухи и падения эффективности производства, его объемов резко сокращается масштаб обследования специальными службами источников выбросов в окружающую среду загрязняющих веществ. Так, если в 1990 г. таких обследований в г. Минске было проведено 20194, то в 1991 г. — всего 8965, а в целом по республике — соответственно 80227 и 44706, то есть почти вдвое меньше.

Такая ситуация вызывает нарастающее недовольство населения, особенно в тех городах, где встревоженность горожан ухудшением окружающей среды более высокая. Социологические исследования убеждают, что люди, живущие в худших экологических условиях (например, в Новополоцке в районе нефтехимического предприятия «Полимир», в Могилеве около лавсанового комбината или в Гродно в районе объединения «Азот»), более чутки к экологическим потребностям, у них более высоко развито чувство экологической опасности (в названных

местах ее осознают свыше 80% опрошенных), чем у жителей с более благоприятными экологическими условиями. В свою очередь люди с низким уровнем дохода и испытывающие неудовлетворенность бытовых потребностей (жилье, снабжение и т. п.) склонны преуменьшать экологическую опасность, потому что у них на передний план выдвигаются иные проблемы и потребности.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что программа социально-экологических исследований должна строиться на объединении естественно- и социально-научного подходов. Этот вывод хорошо коррелирует с выдвинутой американскими социологами (Дункан, Холи, Раупел и др.) концепцией «экологического комплекса», в которой синтезируются ранее разрозненные представления о роли среды, социума, особенностей расселения и использования технологии в развитии экологических кризисов. По утверждению Ч. Раупела, «экологический комплекс включает в себя четыре основных компонента: население, организацию, среду и технологию» [31]. При этом под организацией понимается именно социальная организация, выполняющая ряд специфических функций по объединению индивидов и социальных групп и в пределе совпадающая с социумом. При таком подходе в понятие окружающей среды включается не только природная, но и социальная составляющая. В контексте изучения катастроф социальная среда находит свое проявление в конвергенции различных социальных групп, в их соперничестве за ресурсы, а также в способности различных социальных общностей к самовосстановлению.

Рассмотрение экологических бедствий и кризисов через призму экологического комплекса позволяет более четко представить, во-первых, их причины, во-вторых, особенности их восприятия различными индивидами, их группами и обществом в целом, в-третьих, возможные способы их предотвращения или ограничения разрушительных последствий. Речь практически идет о необходимости качественно нового понимания человеческого блага не как кратковременного увеличения выпуска продукции путем неконтролируемого потребления природных ресурсов, а как долговременной стабильности и динамичности развития человеческого общества в его рациональном взаимодействии с природой.

Основными препятствиями на этом пути, как отмечает известный специалист, советник Президента России по экологическим проблемам А. А. Яблоков, «являются: экологическое невежество, экологическая близорукость, экологический авантюризм, экологическая безнравственность» [26, 251]. Следовательно, на устранение этих препятствий должно быть направлено активное действие и по линии развертывания экологического образования, и по линии усиления роли, ответственности и значимости экологической экспертизы, и по линии разработки экологического законодательства и его неуклонного осуществления. Кроме того, все настоятельное ощущается необходимость широкого развертывания и применения экологической экспертизы и экологического прогнозирования в системе народнохозяйственной, природоохранной и других сфер деятельности. В дополнение к экспертным и прогнозным оценкам необходимо расширить практику построения возможных сценариев развития событий в экстремальных экологических ситуациях.

Но чтобы все это осуществить в условиях становления рыночных отношений, потребуются, во-первых, резкое повышение уровня экологической культуры населения, прежде всего лиц, принимающих управленческие решения и осуществляющих их на практике, а во-вторых, создание рынка экологических идей и соответствующих ему форм деловой активности (бизнеса). Главным же направлением экологически ориентированной производственной, природоохранной, воспитательно-образовательной и иных форм деятельности, ориентированных на предотвращение экологических катастроф или на снижение их негативных последствий (когда не удастся их предотвратить), должно стать достижение такого положения, при котором бы совокупная нагрузка антропогенных факторов на экологические системы не превышала их самовосстановительного потенциала. Осуществление такого направления предполагает целый ряд взаимосвязанных действий, направленных на: а) обеспечение опережающего накопления экологических знаний в целях поддержания динамического равновесия природных комплексов; б) экологическое картирование территории по относительной ценности природных ресурсов, по потенциалу экологических систем в отношении применяющихся типов хозяйственной деятельности,

по возможности и степени вероятности экологических катастроф на рассматриваемых территориях и мерам их предотвращения (смягчения их последствий); в) построение экологических компонентов системы управления природными комплексами, экологическая экспертиза принимаемых решений, намеченных к строительству сооружений, подготовка экологически квалифицированных кадров, постановка системы экологического образования [15, 82—83]. Следовательно, говоря более обобщенно, настало время найти пути изменения индустриальной среды, социосферы и биосферы. А для этого необходимы, по крайней мере, три предпосылки: 1. Радикальная перестройка духовного мира человека, ориентирующая его не столько на стремление быть властелином природы, сколько на понимание необходимости гармонического единения с природой и благотворности включения в естественные эволюционные ритмы жизни. 2. Экологизация современной промышленно-технологической системы, которая смогла бы не только смягчить экологические трудности, но и оказать позитивное влияние на здоровье и социальное самочувствие человека, развитие его гармоничных отношений с природой. 3. Трансформация экологических понятий и критериев в нравственно-правовые и политические нормативы, позволяющие создать прочные юридические, моральные, социокультурные преграды на пути градостроительной, промышленной, сельскохозяйственной деятельности, приводящей к экологической деградации окружающей среды и возможным экологическим катастрофам.

Решение всех названных проблем тем более необходимо, что они составляют неотъемлемый компонент обеспечения экологической безопасности, ставшей острой потребностью дальнейшего развития человеческой цивилизации. Дело в том, что в последнем десятилетии второго тысячелетия проблема интегральной безопасности превратилась в один из важнейших критериев социального развития и вполне обоснованным представляется утверждение, что «концепция прогресса ныне уступает место концепции безопасности. И это естественно: когда обнаружилось, что прогресс в экономике или культурной сфере связан с экологическим и иным регрессом, то стало бессмысленно говорить о прогрессе как целостно-совокупной форме социальных изменений» [20, 5, 12]. Особенно отчетливо выявляется допусти-

мость такого, скажем, не бесспорного тезиса в после-чернобыльский период.

Дело в том, что Чернобыльская катастрофа не только развеяла миф о безопасности ядерной энергетики, поставила в повестку дня проблему безопасности как для персонала атомных станций, так и для населения ближайших территорий, но и глобализировала саму проблему безопасности. Резко раздвинув привычные дотоле представления о локальной технологической опасности вследствие распространения радионуклидов на громадные пространства практически всех стран Северного полушария, она превратила в жертвы ядерной опасности не только ныне живущие, но и будущие поколения людей. Радиоэкологическая опасность, возникающая вследствие ядерной катастрофы, носит трансграничный, трансвременной характер. Поэтому в создании и осуществлении стратегии глобальной ядерной безопасности, а в более широком контексте — интегральной безопасности, должен быть использован не только мощный потенциал современной науки и техники, но и трудно поддающиеся научному, дискурсивному анализу могущественные творческие силы интуиции и опыта. Именно эти силы способны сыграть роль сильнейшего средства, порождающего у человека предощущение, предчувствие возможной беды от использования технологических и иных средств воздействия на окружающий мир.

Глава 3

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ И ВОЗРАСТАЮЩАЯ СТЕПЕНЬ ИХ РИСКА

В результате промышленной революции, опиравшейся на широкое технологическое применение науки, в начале XIX века утвердилось, а затем усиливалось убеждение, что технологическое могущество человека способно преодолеть все преграды и создать условия для достижения любых целей — экономических, социальных, военных, политических. Однако чем более рафинированной становилась техногенная цивилизация, чем более усиливалось технологическое, антропогенное давление на окружающую природную среду, тем тревожнее звучало сомнение в том, что своим техническим воздействием человек способен целенаправленно влиять на все стихийные процессы природы. Более того, появились тревожные нотки в оценке технического прогресса, который сулит не только очевидные блага, но и несет с собой нарастающие технологические опасности. Характеризуя эти умонастроения, К. Юнг писал, что современный человек «представляет собой продукт многовекового развития, но является и самым тяжким крушением надежд человечества... Он видит всю благотворность науки, технологии и организации, но видит также и всю их катастрофичность» [12, 207—208].

Такое мировосприятие, где оптимизм и надежда взаимопереплетаются с тревогой и пессимизмом, становится все более распространенным по мере того, как количество крупных технологических катастроф в мире возрастает в последние годы почти по экспоненте с одновременным увеличением их разрушительных последствий.

Из огромного количества таких катастроф, случившихся на протяжении XX столетия, более половины (56%) разразились в течение двух последних десятилетий [10, 35]. По принятой в западных странах классификации к крупным относятся технологические ката-

строфы, в результате которых оказываются не менее 100 погибших, 400 раненых, 35 тыс. эвакуированных, 70 тыс. лишенных источников питьевой воды [16, 39]. Если исходить из этих достаточно мягких критериев, то за последние два десятилетия произошло множество крупных технологических катастроф. Напомним только известные из них. В 1971 г. в Минске произошел взрыв в цехе футляров радиотелезавода, в результате чего свыше 100 человек погибло, более 200 было ранено. В 1978 г. в результате взрыва грузовика со сжиженным пропиленом в местечке Сан-Карлос-де-ла-Рапита (близ Барселоны, Испания) погибло 216 человек, примерно столько же получили ранения. В 1980 г. в Северном море произошел взрыв на норвежской платформе по добыче нефти, в результате чего погибло 123 человека. В 1982 г. взрыв на нефтехранилище и последующий пожар на теплоэлектростанции в Такоа (Венесуэла) унесли из жизни 145 человек, около тысячи человек получили ожоги и ранения. В 1983 г. в результате взрыва рудничного газа в Зонгулдаке (Турция) погибло 110 человек, свыше 300 получили ранения. В 1984 г. вследствие взрыва нефтепровода, сопровождавшегося взрывом в Кубатане, вблизи Сан-Паулу (Бразилия) погибло 508 человек. В том же году взрыв на хранилище сжиженного природного газа в Сан-Хуан-Иксуателеке (Мексика) привел к гибели 452 человек, получило ранения 4,2 тыс. человек, а около 300 тыс. было эвакуировано. В 1984 г. произошла и крупнейшая катастрофа на химическом предприятии в Бхопале, приведшая к гибели более 2500 (по некоторым данным — 3150) человек, к различным ранениям, ожогам, отравлениям — более 180 тыс. человек, 300 тыс. человек было эвакуировано. В 1989 г. вследствие взрыва на нефтепроводе «Западная Сибирь—Урал—Поволжье» с попаданием в зону экстремальной ситуации двух пассажирских поездов погибло 314 человек, получили ранение 824 человека.

Мы назвали только несколько крупных технологических катастроф, случившихся на разных объектах, в разное время и в разных странах, но все они развивались по одному сценарию. В каждом из этих случаев проявилась недооценка возможного технологического риска, в каждом не сработала (или отсутствовала) система обеспечения безопасности людей в экстремальной ситуации, в каждом были допущены серьезные наруше-

ния техники и правил безопасности. Если суммировать все сказанное, то вполне обоснованным будет вывод о том, что масштабы современных крупных катастроф технологического характера нарастают, а их последствия становятся более разрушительными и тяжелыми для человеческих сообществ.

Однако и многочисленные так называемые точечные источники техногенного воздействия на человека и его среду обитания, каждый из которых несет гораздо меньшую потенциальную угрозу, при своем суммировании и взаимодействии способны привести к реальной возможности катастрофических ситуаций. Известно, что в пределах сильно урбанизированных закарстованных территорий в США, Франции, Канаде, Китае происходит образование просадочных процессов в почве, приводящих к деформациям зданий и сооружений. Стоимость ущерба и затрат на защитные мероприятия при развитии таких процессов только в штатах Алабама, Флорида, Джорджия, Огайо оценивается в 170 млн долларов. Отмечаются случаи трагических последствий с человеческими жертвами. Хотя территория, прилегающая к Солигорским калийным комбинатам, и не урбанизирована в такой степени, как в указанных штатах США, там тем не менее существуют крупные просадки почвенных пород, что таит в себе опасность катастрофических последствий, которые ни в коем случае нельзя оставлять без внимания и профилактических действий, исключающих потенциальную возможность чрезвычайных ситуаций с трагическим исходом.

Нельзя оставлять без внимания и чреватую катастрофическими последствиями радиационную ситуацию, возникающую во многих крупных городах, обладающих сверхконцентрацией промышленных объектов. Так, на территории Москвы специализированные патрули «Геоэкоцентра» ежегодно обнаруживают от 50 до 80 с лишним мест опасного радиационного излучения — предприятий, институтов, лабораторий, использующих радиоактивные вещества.

К тому же многочисленные малые предприятия и кооперативы, возникающие, как грибы после дождя, пренебрегают работой с расщепляющимися материалами кустарно, без специальной подготовки персонала, не владеющего в большинстве случаев элементарными знаниями, а тем более навыками в специфической сфере

техники безопасности. Каждый из таких локальных объектов радиации (есть они не только в Москве, но и в Минске, Киеве, других крупных городах) несет в себе угрозу технологической опасности, которой могут подвергнуться здоровье и жизнь десятков, а то и сотен людей.

Катастрофа остается таковой, если даже в ее результате погибают не сотни и десятки людей, а отдельные индивиды. И здесь, пожалуй, самым опасным с точки зрения количества искалеченных и загубленных людей остается автомобильный транспорт, количество аварий и катастроф в сфере которого продолжает неуклонно нарастать. В Беларуси, в частности, на протяжении 1993 г. на дорогах в результате аварий погибло почти 3 тыс. человек. Таким образом, целая отрасль транспортных средств превращается в орудие убийства, жертвами которого становятся в 10—20 раз больше людей, чем при крупных технологических катастрофах.

Вот здесь-то и возникают два важных в социальном смысле вопроса. Первый: если суммарный катастрофический эффект от множества так называемых «мелких», локальных аварий превышает по количеству жертв негативные последствия крупных технологических катастроф, то можно ли довериться только традиционному, общественному здравому смыслу, который, как правило, поражается крупными катастрофами, а к мелким относится как к чему-то привычному и неизбежному? Второй: можно ли ограничить специфику современных технологических катастроф только резко возросшими масштабами негативных последствий каждой из них, не принимая во внимание нарастающей технологической опасности, имманентно присущей самому процессу усиливающейся технизации всех сфер нашей жизни — производственной, транспортно-коммуникационной, бытовой?

Очевиден отрицательный ответ на оба этих вопроса, которые могут быть в социальном смысле верно выяснены и оценены только с позиций выработанной человечеством за свою многовековую историю иерархии ценностей, согласно которой высшей ценностью, высшим благом является человеческая жизнь. Если применить именно такой социально-ценностный подход к рассматриваемой проблеме, то станет ясно, что тяжесть технологических катастроф, растущие масштабы их послед-

ствий, их губительный для человека эффект (не имеет существенного значения: единичный или суммарный) — очень важная, однако не единственная особенность технологических экстремальных ситуаций, характерных для человеческой цивилизации конца XX века.

К числу особенностей этих ситуаций относится также тот факт, что стало практически невозможно определить степень допустимого риска, который возрастает по мере усиливающейся технизации современного промышленного производства. А это означает, что при анализе чрезвычайных технологических ситуаций необходимо выйти за пределы соблазнительного и привычного здравого смысла, ограничивающегося только подсчетом экономических, технических и в крайнем случае людских потерь, чтобы понять, что в оценке современной технологической опасности совсем недостаточно использовать традиционные категории потерь и ущерба, которые не учитывали социальных, психологических, моральных, политических аспектов проблемы катастроф.

Если же говорить о неимоверно больших масштабах и последствиях современных технологических катастроф, то в настоящее время, особенно после Чернобыльской трагедии, стало ясно, что человеческая деятельность способна привести к бедствиям, по своей природе, масштабам и последствиям сопоставимым со стихийными разрушительными действиями природы (землетрясения, извержения вулканов и т. п.), а ареалы возникающей в таких случаях чрезвычайной технологической опасности не имеют географических, национальных и политических границ. В случае крупной технологической катастрофы под угрозой серьезных разрушений, заражения, эвакуации оказываются обширные зоны, большие агломерации, крупные города, сотни тысяч и миллионы людей.

В последнее время выявилась еще одна специфическая особенность экстремальных технологических ситуаций. Оказалось, что они имеют только начало, но не имеют конца, так как их отрицательные последствия сказываются не только на живущих, но и последующих поколениях. В случае радиоактивного загрязнения местности вследствие аварии на атомной электростанции возникает опасность трех типов:

- а) соматическая, когда поражается весь организм облученного индивида или его часть;
- б) психологическая, когда последствия катастрофы

становятся губительными для психического состояния людей, испытавших на себе радиоактивное воздействие;

в) генетическая, когда радиоактивное облучение не проявляется у пораженного человека непосредственно, но оказывает негативное воздействие на его потомство.

Поэтому нами в концептуальную схему социологического исследования катастроф введено понятие «пост-катастрофные процессы», позволяющее определить характер, степень и направленность негативных воздействий на отдельных индивидов и различные социальные общности (семья, группа сверстников, учебный или трудовой коллектив, поселенческая структура) тех процессов, которые возникают в результате технологической катастрофы и развиваются в течение достаточно длительного периода времени.

Перерастание опасности крупномасштабных технологических катастроф в чрезвычайную технологическую опасность предопределяется тремя основными факторами.

Первый из них заключается в том, что суммарное разрушительное воздействие на окружающую среду крупных аварий на химических предприятиях и нефтепроводах, а также радиоактивного заражения местности в случае выхода из строя АЭС (как это было в Чернобыле) оказывается исключительно серьезным, и его можно сравнить по трагическим последствиям с последствиями применения ядерного или химического оружия.

Второй из них состоит в том, что неуклонно возрастает плотность размещения разнородных катастрофных технологических объектов, вследствие чего в результате катастрофического разрушения одного из них возможно многократное усиление поражающих факторов и вызываемых ими негативных последствий.

Третий фактор заключается в том, что уменьшающееся значение территориальных границ для технологической опасности и превращение последней в трансграничный феномен приводит ко все более отчетливо выраженному перемещению акцента с технико-экономических параметров на параметры социальные, социально-психологические и экологические. Вследствие этого проблематика технологических катастроф может быть правильно сформулирована, интерпретирована и

практически разрешена только в широком технико-экономическом и социокультурном контексте посредством многостороннего системного анализа.

Следовательно, в изучении технологических катастроф назрел переход от статического описания отдельных экстремальных ситуаций в определенных пространственных границах к системному объяснению причин, масштабов, характера и последствий катастрофических явлений в терминах пространственно-социальных и технологических перемен, возникающих в непрерывном процессе социокультурного, а не только технологического развития человеческой цивилизации.

Возрастание опасности технологических катастроф побуждает ввести в употребление понятие «потенциально опасное производство». К числу такого рода производств относятся те, относительно внезапное нарушение технологических систем которых сопровождается особо тяжелыми последствиями для человека, окружающей среды и народнохозяйственных объектов [7, 54]. При этом следует различать потенциально опасные и экологически опасные производства. К экологически опасным относятся те, которые оказывают постоянные негативные воздействия на окружающую среду и человека, вследствие чего последствия таких воздействий, постепенно накапливаясь, медленно приближают состояние экологического кризиса. В силу постепенности данного процесса он поддается наблюдению, анализу, прогнозированию, а вероятность предотвращения катастрофического исхода в таком случае достаточно велика.

Иной характер имеют производства, потенциально опасные в технологическом отношении. В своем повседневном функционировании такие производства в экологическом смысле могут быть даже малоактивными. Их отрицательное экологическое воздействие на окружающую среду может проявиться только в результате возникновения экстремальной ситуации — стихийного бедствия, аварии либо катастрофы. Поэтому их особенность выражается в том, что возможное их отрицательное воздействие на человека и окружающую среду практически не поддается (или мало поддается) наблюдению и анализу, а прогнозирование наступления экстремальной ситуации приобретает вероятностный характер. Однако такая специфика вовсе не снижает степени риска, более того, делает его гораздо более ощутимым для

работающих в таких производствах людей и окружающего населения.

Почему это происходит? Потому что потенциальная технологическая опасность ядерного реактора или нефтепровода обычно сенсорно человеком не воспринимается, вследствие чего его восприимчивость к возможному риску резко снижается. Более того, характерная в случае функционирования потенциально опасных производств невосприимчивость большинства людей, занятых в них или проживающих в окрестностях, усугубляется полным или частичным отсутствием соответствующей информации. Вследствие этого крупная технологическая авария или катастрофа чаще всего застаёт людей врасплох и способна вызывать шоковое состояние. Поэтому важное значение приобретает определение потенциально опасных в технологическом отношении производств (энергетика, химическая промышленность, транспорт) и оптимизация размещения их предприятий и узлов с учетом особенности расселения людей в данном регионе. А это требует системного подхода, учитывающего взаимодействие технологических, экономических, демографических, экологических, социокультурных компонентов жизнедеятельности людей и их сообществ.

С позиций системного подхода к исследованию технологических катастроф в многообразии их включенности в общий процесс развития производственных, социальных, экономических, политических, социокультурных систем представляется возможным выделить несколько обобщенных социальных характеристик этих катастрофических явлений.

Во-первых, на исходе XX века по сравнению с предшествующими производственными авариями неизмеримо возрастают частота, временная и пространственная протяженность технологических катастроф.

Во-вторых, в силу своей разрушительной мощи и неопределенной, достаточно длительной по своим отрицательным последствиям временной протяженности технологические катастрофы перестают быть единовременными и довольно редкими событиями, но превращаются в специфический экстремальный процесс, имманентно присущий современной цивилизации, которую вполне обоснованно называют техногенной, а также цивилизацией риска.

В-третьих, самым слабым, неэффективно действующим

щим звеном в сложной человекомашинной системе в аварийной экстремальной ситуации оказывается действующий в этой системе и управляющий ею человек — оператор. Поэтому вопрос о главной составляющей технологического риска переносится из области технологии в сферу социокультурного развития, ценностных ориентаций, моральных и правовых норм, в конечном счете — в сферу социально-политического выбора.

В-четвертых, объективный и скрупулезный системный анализ произошедших в последние годы крупных технологических катастроф, их причин и последствий показывает, что «человеческие ошибки» в рамках существующих профессиональных и институциональных ограничений, с которыми сталкиваются операторы, зависят не столько от пределов человеческих возможностей, сколько от недостатков организации деятельности и системы коммуникаций, присущих более или менее сложным и иерархизированным техническим системам. Выяснение обстоятельств взрывов американского космического корабля «Челленджер», нефтехимического комбината в Бхопале, атомного реактора на Чернобыльской АЭС убеждает, что такого рода катастрофы почти всегда являются следствием неудовлетворительного решения проблем организации и управления.

В-пятых, в случае крупной катастрофы, например Чернобыльской, почти мгновенно и в чрезвычайных масштабах возрастает число участников событий: в водовороте кризиса оказываются не только непосредственно пострадавшие и их семьи, но и десятки организаций: промышленных, спасательных, медицинских, торгово-снабженческих, различных ведомств, выборных органов, средств массовой информации и т. п. Возникающие же при этом проблемы быстро перерастают территориально-административные границы и выходят на национальный и даже международный уровень.

Разнообразные и не поддающиеся строгому качественному и количественному анализу негативные социальные последствия технологических катастроф ставят в повестку дня социологического осмысления подобных явлений необходимость повышения эффективности прогнозирования в области технологических опасностей. Но чтобы добиться такого эффекта, необходимо выполнить, по крайней мере, два принципиально важных требования. Первое из них заключается в последова-

тельном обеспечении системного подхода, в рамках которого учитывается взаимозависимость между многими технологическими, социальными, психологическими, экономическими явлениями и процессами, которые на первый взгляд не имеют прямого отношения друг к другу. При этом должно учитываться действие не только физико-химических, технических, биологических, но и социальных, психологических, экономических и даже политических факторов. Пока же для политики в области технологических угроз и рисков характерна расчлененность восприятия тех или иных факторов, их оценок и вытекающих отсюда процессов принятия решений. Опасность такой ситуации возрастает в условиях интернационализации сферы действия технологических рисков, как это произошло при взрыве на Чернобыльской АЭС, возможности их перемещения между регионами, группами людей, областями деятельности.

Второе требование связано с необходимостью освоения демократическим путем методов управления технологическими рисками и принятия политических, социально-экономических и иных решений в условиях существенной, а подчас и крайней нехватки научных данных, достоверной информации о случившемся и т. п.

Необходимость такой двухходовой процедуры становится тем более настоятельной, что с возрастанием масштабов негативных последствий технологических катастроф неизбежно увеличивается и степень риска для людей, обслуживающих сложные промышленные, транспортные и иные сооружения, а также тех, кто проживает вблизи их или попадает в зону чрезвычайной ситуации, если она случается. Поэтому в последние годы в мировой естественнонаучной и социологической литературе все большее внимание уделяется исследованию проблемы технологического риска, его социальных, социально-психологических, экономических, правовых аспектов. Чаще всего риск идентифицируется с понятием вероятности нежелательного воздействия на отдельного индивида или группу людей в результате возможной неисправности или аварии в какой-либо технологической системе. В таком случае риск представляет собой предмет беспокойства, который требует дополнительных усилий для снижения уровня опасности, если и когда это становится возможным. Однако наряду с этим основным и наиболее распространенным представлением о

риске существует еще два. Одно из них связано с размерами возможных потерь в рискованных ситуациях. Второе представляет собой комбинацию вероятности нежелательных последствий и размера вызываемых ими потерь.

Таким образом, понятие риска связано не только с вероятностью возникновения опасных для здоровья и жизни людей ситуаций, но и с определенной степенью терпимости субъекта (индивида или группы) к такого рода опасности. Речь, стало быть, идет о степени приемлемости при определенных условиях регулируемых технологических рисков. Такого рода приемлемость означает в ее субъективном восприятии готовность жить при наличии риска с тем, чтобы извлечь определенные выгоды, в уверенности, что ситуация должным образом контролируется.

Обобщение социально-психологических исследований восприятия риска, проведенных в различных странах — США, Венгрии, Норвегии, России, Беларуси и др., позволяет выделить качественные критерии, влияющие на субъективные представления людей о степени риска, а также пределов его приемлемости.

Важнейшим из этих критериев является значимость последствий той деятельности, которая совершается индивидом или социальной группой с угрозой риска. Это означает, что решающую роль при оценке степени риска играет то, какие потребности индивидуума могут быть удовлетворены в результате осуществления благоприятного исхода рискованного предприятия (например, полета в космос или испытания новой марки самолета) и какую угрозу ему может представлять неблагоприятный исход.

Существенное влияние на восприятие риска оказывает также характер распределения негативных последствий во времени. Установлено, что люди гораздо терпимее относятся к частым, но достаточно распределенным во времени мелким авариям (скажем, автомобильного характера), чем к более редким катастрофам с большим числом жертв (например, к взрыву на нефтехимическом предприятии или ядерном реакторе), даже если суммарные потери в первом случае гораздо больше, чем во втором.

Большое влияние на оценку приемлемости или неприемлемости ситуаций, связанной с риском, оказывает

возможность контроля за развитием событий, а также использования навыков, приобретенных в предыдущем житейском опыте. Замечено, что люди готовы идти на большой риск, когда возникающая ситуация достаточно эффективно контролируется, или в тех случаях, где многое зависит от их личного мастерства.

Существенным критерием приемлемости риска является степень новизны или известности технологии. Люди проявляют гораздо большую терпимость к работе со старыми, хорошо известными технологическими установками и машинами, чем с новыми, относительно которых у них мало опыта.

Современное технологическое развитие идет столь бурными темпами, что никакой личный опыт за ним не поспевает. Поэтому использование большинства современных промышленных технологий приобретает чаще всего для них обязательный характер в отличие от таких видов деятельности, как планирование, занятие горнолыжным спортом и т. п. Установлено, что чем больше степень добровольности в использовании той или иной технологии, тем больше уровень риска, на который согласны идти индивиды и их группы [14, 12].

Разумеется, каждый из названных качественных критериев проявляется в различных количественных выражениях и в различных сочетаниях в процессе восприятия технологического риска различными индивидами. Поэтому в определении степени риска, приемлемой для того или иного индивидуума, важную роль играет социальная и социально-психологическая характеристика субъекта, вступающего в рискованную ситуацию. На поведение и выбор позиции человеком при оценке допустимого уровня риска и безопасности существенно влияют профессиональный и социальный статус, пол, возраст, образование, образ жизни, эмоциональный настрой, смысло-жизненная установка, а также социальные нормы, традиции и обычаи общества (социальной группы), доверие к экспертам, являющимся специалистами в области использования соответствующих технологических систем. Чем более индивид уверен в эффективности контроля со стороны специалистов и специально для этого предназначенных технических средств за введением возможного риска в определенные рамки, сохраняющие возможность безопасности, тем более склонен он рисковать в случае необходимости.

Изложенное позволяет сделать вывод, что при оценке риска необходимо учитывать не только объективно фиксируемую реальную степень вероятности негативных воздействий на людей тех или иных технологических систем, пришедших в неисправность, но и особенности восприятия технологического риска определенными индивидами или их общностями. Воспринимаемый риск для того или иного конкретного индивидуума — это сочетание его личной оценки возможного неблагоприятного события в будущем и его вероятных последствий. Само же восприятие риска возникает в результате взаимодействия трех компонентов:

а) реальная ситуация, создаваемая функционированием технологической системы, и связанный с ней объективный риск, то есть риск, оправданный имеющимися научными данными, а также признанный на основании жизненного опыта в качестве такового большинством людей;

б) особенности личности индивида, столкнувшегося с риском;

в) социальная среда, в которой возникает риск.

Поскольку восприятие риска осуществляется не только отдельными индивидами, но и различными общностями людей (семейная, территориальная, субкультурная и т. п.), то в первом и втором случае они развиваются по различным социально-психологическим механизмам. В случае индивидуального восприятия технологического риска действуют три фактора:

а) объективно существующая реальность;

б) особенности индивидуального восприятия риска конкретной личностью;

в) сложившиеся стереотипы оценок, поведенческих актов, отношений, свойственных данной личности.

Когда индивид воспринимает технологический риск и дает его оценку, соотносясь с мнениями, оценками, поступками других людей, включенных в одну с ним социальную группу (семья, производственный коллектив, учебная группа, компания сверстников и т. п.), то социально-психологический механизм этого процесса усложняется. В прежнюю трехкомпонентную схему включается еще несколько компонентов: во-первых, взаимодействие индивидов в социальной общности; во-вторых, существующие в общности (обществе) оценки, нормы, образцы поведения; в-третьих, состояние общественного

мнения, получающее в чрезвычайных ситуациях извращенные формы (паника, слухи и т. д.).

С выяснением особенностей индивидуального и группового (коллективного) восприятия риска тесно связана организация контроля технологического риска. Этот контроль включает в себя четко обрисованные цели:

а) обеспечение нормального (безаварийного) функционирования технологической системы — нефтехимического завода, ядерного реактора, транспортного средства и т. п.;

б) обеспечение технологической защиты нормально-го режима работы данной системы;

в) обеспечение техники безопасности для работающего на объекте персонала;

г) обеспечение аварийной готовности в случае возможного наступления чрезвычайной ситуации.

В данной целевой суперпозиции основной акцент должен быть сделан на третьей цели, чтобы посредством этого свести к возможному минимуму требования для достижения четвертой цели — контроля технологического риска.

В систему контроля риска включается также принятие решений, куда входят: предложение вариантов выбора; процедура обсуждения проблем, возникающих в чрезвычайных ситуациях; условия и возможности достижения решения в результате переговоров и взаимных уступок заинтересованных сторон.

Важнейшее значение имеет извлечение опыта из уже произошедших технологических катастроф. Однако произошедшие на протяжении 80-х годов на территории бывшего Союза ССР такие крупные катастрофы, как авария на Чернобыльской АЭС, взрыв трубопровода Нижневартовск—Нефтекамск в Башкирии, гибель подводной лодки «Комсомолец», показали, что мы пока еще не учитываем ни своего, ни зарубежного опыта по предотвращению экстремальных ситуаций и смягчению их негативных последствий. Анализ аварии на американской атомной электростанции Три-Майл-Айленд, случившейся в 1979 г., за 7 лет до Чернобыльской катастрофы, убеждает, что американцам удалось избежать своего Чернобыля благодаря тому, что на их АЭС установлены мощные защитные колпаки над реакторными отделениями. Если бы этот опыт был учтен и были внесены соответствующие коррективы в сооружение и эксплуатацию у нас

атомных электростанций, Чернобыльской трагедии можно было бы избежать.

Следовало бы также учесть опыт США, других стран, где трассы нефтепроводов никогда не пересекаются с автомобильными или железными дорогами, что на территории стран СНГ встречается сплошь и рядом. К тому же во всем мире такие взрывоопасные смеси, как смесь бутана, пропана с бензином, перекачиваются по трубам диаметром не более 406 мм. Наши же трубопроводы имеют в большинстве своем диаметр 720 мм. Автоматические заглушки на зарубежных трубопроводах устанавливаются через каждые 500 м, а в наших — через 10000 м. Из этого следует, что в случае аварии из нашего трубопровода вытечет взрывоопасного горючего в 65 раз больше, чем из зарубежного. Башкирская катастрофа, произошедшая 3 июня 1989 г., показала, к каким трагическим последствиям может привести затянувшаяся, можно сказать преступное, пренебрежение зарубежным опытом.

Самое же парадоксальное заключается в том, что уже после Башкирской трагедии Московским институтом по проектированию магистральных трубопроводов представлен проект нефтепровода Хартыга—Усинск, где снова заглушки устанавливаются через 10000 м, снова допущены пересечения трубопровода с автомобильной и железной дорогой, с линией электропередач высокого напряжения. Не потому ли так часты аварии на трубопроводах в СНГ?

К сожалению, проблема высокой степени технологического риска, гаящегося в трубопроводах, одними ими не исчерпывается. Не менее остра она в различных видах транспорта, особенно в воздушном. Степень безопасности полетов пассажирских самолетов в странах СНГ примерно в 4 раза ниже, чем в США и Канаде.

Беспрецедентная интенсификация технологических процессов в промышленно развитых странах в последнее десятилетие XX века создает ситуацию, требующую принципиально нового подхода к осознанию и практическому обеспечению технологической безопасности. Созданная и быстро развивающаяся техносфера накопила в себе большие потенциальные опасности — техногенные факторы риска, совокупное действие которых стало соизмеримым с действием на человека неблагоприятных природных факторов и, естественно, потребовало созда-

ния технических систем безопасности, обеспечивающих защиту человека. Характерно, что некоторые специалисты в сфере междисциплинарного анализа риска утверждают, что в современных условиях «опасность технологическая заменила в индустриально развитых странах опасность природную, то есть явления, подобные засухе, наводнению, эпидемиям, землетрясению» [17, 113]. Поэтому обеспечение технологической безопасности представляется сегодня не менее, актуальной задачей, чем обеспечение безопасности экологической, тем более что экологическая опасность, как показано в предыдущей главе, нередко возникает вследствие технологических аварий и катастроф.

Основным показателем нормального функционирования любой технологической системы, обеспечивающим надлежащий уровень ее безопасности для обслуживающего персонала и окружающей среды (социальной и природной), является надежность, под которой следует понимать сохранение во времени в допустимых пределах значений всех параметров системы, характеризующих ее способность выполнять свои функции в заданных режимах и условиях. Безопасность технологической системы (технического агрегата или комплекса) можно определить как ее способность нормально функционировать с уровнем риска, не превышающим априорно заданной величины как для нее самой, так и для обслуживающего ее персонала и окружающей среды, исходя из допустимой частоты событий и условий эксплуатации. В свою очередь уровень технологического риска определяется как вероятность того, что при стечении определенных обстоятельств возникнет чрезвычайная ситуация, реализовавшаяся в виде аварии. Специалисты, насколько это возможно, пытаются выразить риск числовыми величинами. При этом двумя основными параметрами экстремальной ситуации является вероятность ее возникновения и размеры последствий, причем оба нуждаются в оценке. Обычно величину технологического риска получают арифметическим путем умножения вероятности нежелательного результата на степень его тяжести. Однако такая простота может ввести в заблуждение в ситуациях, когда развивается нежелательный процесс катастрофического характера, какой бы ни была степень его вероятности. Дело в том, что крупные катастрофы, которые происходят редко, могут характеризоваться

теми же значениями ожидаемого риска, что и небольшие аварии, случающиеся часто. Поэтому в последнее время чаще всего при определении уровня безопасности технологической системы используются процедуры агрегирования, когда различным последствиям нежелательного события присваивается числовое значение, выражаемое в одних и тех же единицах. В таком случае риск выражается следующим триплетом: вероятность, последствия и значимость последствий [18, 12—19].

Независимо от того, определяется ли риск как одномерный или многомерный фактор, оценка его производится для сравнительных целей сопоставления с каким-то пределом, чтобы обеспечить его соблюдение, или в целях сопоставления с рисками от других видов деятельности, чтобы обосновать выбор системы обеспечения технологической безопасности. В обеих этих ситуациях наличные научные знания, состояние технологий и социальные ожидания людей вступают во взаимодействие, в результате которого определяется, что является нетерпимым для отдельных лиц, социальных общностей или общества в целом, и проводится отбор тех областей, в которых необходимо повысить уровень безопасности, или, что то же самое, определить, какие дополнительные усилия необходимы, чтобы снизить уровень технологической опасности, если и когда это становится возможным.

При оценке технологического риска обычно проводятся следующие мероприятия:

1. Определяется, какие результаты функционирования технологической системы могут быть названы «вредными» или «полезными».

2. Отбираются те результаты, которые должны учитываться в первую очередь.

3. Оцениваются масштабы вреда, наносимого людям, которые могут подвергнуться воздействию.

4. Рассчитываются вероятности различных результатов.

5. Определяется, кого именно затрагивает риск [16, 111—127]. Поскольку противодействие широкой ответственности применению различных рискоопасных технических систем (например, атомных электростанций) неуклонно возрастает, все шире проводятся исследования и связанные с ними оценки уровня риска в контексте анализа обеспечения технологической безопасности. Вот

тогда-то и возникло понятие «восприятие риска» [144, 69—82], зависящее от ряда социально-психологических факторов, таких, в частности, как степень осведомленности о риске, память о произошедших катастрофах, тяжесть последствий и доверие к ответственным органам.

Восприятие риска индивидами и группами, а также его научно обоснованная оценка имеют важное значение для разработки эффективной стратегии контроля в системе управления технологическими системами, обладающими повышенной катастрофоопасностью. В этой сфере возможны конфликты, поскольку интересы предприятий, несущих в себе технологическую опасность, и интересы населения часто противоречат друг другу.

Нарастающие угрозы технологической опасности в различных отраслях современного промышленного производства, в транспортировке пассажиров, а особенно — в транспортировке опасных для жизни веществ требуют разработки системы мер, направленных на их предотвращение, а если это не удастся, — на ограничение их вероятных негативных последствий. Важным шагом в таком направлении стала Конвенция по предотвращению промышленных катастроф, принятая Международной организацией труда в 1993 г. В качестве первоочередной меры в предотвращении технологических катастроф этой Конвенцией предусматривается всесторонний учет объектов, на которых существует потенциальная опасность крупной аварии. Предприниматели (или руководители соответствующих предприятий) вместе с привлеченными специалистами должны определить степень риска возникновения такой аварии и принять необходимые профилактические меры. Предполагается, в частности, во-первых, определить, какие неисправности оборудования или ошибки в работе персонала могут привести к возникновению нестандартных, неконтролируемых условий, к возникновению экстремальной ситуации. Во-вторых, установить, какие технические меры и действия в состоянии предотвратить крупную аварию. В-третьих, спрогнозировать возможные последствия, если такая авария произойдет, не только для работающих на данном предприятии, но также для окружающего населения и природной среды. В-четвертых, на катастрофоопасных объектах должны быть разработаны планы аварийных мероприятий, включающие в себя системы сигналов тревоги, связи с местными органами

управления, использование пожарного оборудования, аварийно-спасательных команд и т. п. В-пятых, компетентные органы должны обеспечить соблюдение установленных правил, регулярно инспектируя катастрофопасные объекты, добиться достаточного удаления таких объектов от жилых массивов, а также обеспечить надлежащее информирование населения о мерах техники безопасности на случай возникновения крупной аварии.

Осуществление названных и других возможных мер, способных снизить негативные последствия технологических аварий и катастроф, а еще лучше — предотвратить их возникновение, предполагает осуществление организационного взаимодействия двух основных функций оценки технологической безопасности — познавательной и управленческой. Обе они могут быть эффективными в том случае, когда опираются на теорию связанности больших систем [5] и всесторонний анализ технологического риска. Суть теории связанности больших систем состоит в следующем. Любой рассматриваемый объект (в данном случае технологическая система) разбивается на физические либо смысловые блоки, связи между которыми тщательно анализируются. Совокупность связей по искомому элементу (технологический риск) представляет собой симплекс. Количество связей каждого компонента системы с другими минус 1 дает размерность данного симплекса. Тогда при описании структуры исследуемой системы выясняется, сколько симплексов каждой размерности существует в ней, как они связаны между собой, в какой степени каждый из них интегрирован в систему, в какой мере возможно в том или ином симплексе возникновение риска и перехода данного блока или системы в целом в кризисное (катастрофическое) состояние.

Применение такого подхода к крупномасштабным технологическим системам, в частности, к атомным станциям, дает возможность установить связи между вершинами комплекса, которыми в данном случае выступают элементы конструкции АЭС, и симплексами, представляющими совокупности взаимосвязей всех типов (механических, электрических, радиационных и т. д.) между ними. Вычисление на этой основе рисковых технологических характеристик дает информацию о наиболее уязвимых с точки зрения безопасности блоках системы, о наиболее вероятных путях развития возможной аварии

и способах избежать ее или хотя бы максимально уменьшить тяжесть ее последствий [4, 134—136].

Разумеется, при проведении таких расчетов и прогнозирования на их основе возможных масштабов технологической опасности необходимо иметь в виду значительные трудности построения моделей будущих неблагоприятных событий, связанные с вероятностной природой технологического риска и с сильной степенью субъективности, порой произвольности восприятия информации о риске разными людьми. Дело в том, что технологический риск сопряжен не только с технической опасностью, но зависит также от времени, места, людей, которые эксплуатируют данную технологию. Поэтому типологизировать и прогнозировать будущие угрозы потенциальной технологической опасности чрезвычайно трудно.

Тем не менее можно считать общепринятым в современных условиях такой подход к обеспечению технологической безопасности, который расчленяется на два взаимосвязанных блока предсказания техногенных факторов риска. Первый из них связан с построением вероятностных моделей предельных состояний работоспособности аппаратов и технологических комплексов в целом. Эти варианты интерпретируются как модели отказовых состояний (когда техника «отказывает»); а соответствующая автоматизированная система прогнозирования надежности при проектировании способна выполнять расчеты типовых деталей и узлов общемашиностроительного назначения, эксплуатационной надежности технических систем и их составных элементов, оценки показателей надежности по результатам испытаний, оптимальной структуры ремонтного цикла и необходимого объема запчастей по критериям надежности и безопасности. При этом задача создания отказоустойчивых технологических комплексов рассматривается на основе структурно-логических моделей, реализованных на установках вероятностного физического моделирования.

Более сложным для прогнозирования технологического риска представляется анализ возможных нежелательных и опасных для функционирования сложного технологического объекта действий человека в современных человекомашинных системах. Как правило, прогнозирование ошибочных действий персонала в та-

ких случаях осуществляется на основе вероятностного моделирования алгоритмов профессиональной деятельности и последующей реализации результатов моделирования в системах диагностического контроля [3, 138—139].

На основе синтезирования двух типов вероятностных моделей технологического риска: а) отказовых состояний технических систем, б) ошибочных действий обслуживающего их персонала — строится многоступенчатая схема вероятности развития аварийных (катастрофических) ситуаций. Ее основными компонентами являются:

1) идентификация опасного техногенного события и оценка вероятности его возникновения;

2) количественная оценка неблагоприятного технологического процесса, в том числе вероятностей реализации сценариев развития аварий;

3) идентификация экономических показателей объектов до и после аварийного воздействия (оценка ущерба);

4) комплексная оценка риска;

5) сравнение и выявление относительной значимости рисков;

6) основные принципы принятия управленческих решений [11, 140].

Для повышения эффективности управления технологическим риском важное значение приобретает зонирование территорий, прилегающих к потенциально опасным объектам, на основе определения критериев риска для населения. В связи с этим настало время от установления санитарно-защитной зоны при проектировании промышленных предприятий, в пределах которой запрещается проживание населения и не допускается размещение детских учреждений, школ, лечебно-оздоровительных учреждений, спортивных сооружений и т. п., переходить к зонированию территорий, прилегающих к потенциально опасным объектам, на основе критерия технологического риска для окружающего населения. Это дает возможность получить количественную оценку риска для названных территорий и вероятностный характер этой оценки; возможность сравнивать и учитывать риск одновременно от различных потенциальных источников опасности (химически опасные объекты, взрыво-пожароопасные объекты и т. д.), а также полу-

чить данные для анализа качества управления риском [2, 147—148].

Приведенные положения о прогнозировании технологического риска, определении путей повышения технологической безопасности позволяют сделать вывод, что существуют четыре основных пути управления технологической безопасностью:

1) прогнозирование экстремальных технологических ситуаций;

2) предупреждение опасных событий;

3) предупреждение опасных последствий таких экстремальных событий в тех случаях, когда события уже произошли;

4) смягчение социальных последствий экстремальных технологических событий.

При проведении в жизнь всех этих четырех путей необходимо их системное, комплексное использование. А лозунгом, побуждающим к активному действию в едином направлении, следует избрать парадоксальный тезис, сформулированный известным голландским специалистом по проблемам технологической безопасности П. Сталленом: «Риск является атрибутом технологии, но та же технология есть и средство, с помощью которого мы можем управлять риском» [18, 131]. А чтобы добиться последнего, необходим многосторонний, междисциплинарный (с использованием физических, химических, радиэкологических, социологических, психологических и других научных методов) анализ реального состояния технологической опасности и факторов риска в целях осуществления постоянного и действенного контроля за ними. Только при соблюдении всех этих условий можно обеспечить эффективную технологическую безопасность, оградив отдельных индивидов, социальные общности и общество в целом от угрозы технологических катастроф.

Глава 4

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТАСТРОФЫ

Человечество на протяжении всей своей истории сталкивалось и продолжает сталкиваться с различными видами катастрофических процессов. Наиболее трагичными, да и самыми разрушительными по своим результатам и последствиям, являются социальные катастрофы. Этот тип катастроф, так же как и природных, экологических, технологических, далеко не однороден. Разнообразны их причины, характер развертывания, масштабы разрушительных последствий. В самом первом приближении социальные катастрофы, всегда связанные с определенными действиями больших масс людей, то есть с социальными действиями, можно подразделить на три вида: локальные, страновые и планетарные.

Одной из планетарных социальных катастроф является грандиозная трансформация социально-экономических и природных условий существования человека, произошедшая примерно 10 тысяч лет назад, на заре неолита. Речь идет о так называемой неолитической, или агротехнической, революции. До этого периода на протяжении нескольких десятков тысячелетий основой существования людей были охота и собирательство. Несмотря на существование складывающихся и постепенно усложняющихся социальных структур — род, племя и др., — жизнь человеческих сообществ мало чем отличалась тогда от жизни других популяций, поскольку она вполне вписывалась в естественные циклы биосферы. В этих условиях развитие первобытной цивилизации, связанное с использованием и совершенствованием способов охоты, знаний об окружающей среде и т. п., носило чисто адаптационный, приспособительный характер. Этим и объясняется чрезмерно медленный процесс совершенствования первоначальных видов техники — про-

стейших шельских и ашельских рубил, луков, стрел, топоров и др. Установилось некое равновесное состояние отношений между человеческими сообществами и природой, что дало, по-видимому, позднейшим мыслителям окрестить этот период в развитии человечества «золотым веком».

Однако медленное, но неуклонное развитие орудий труда и охоты постепенно и неожиданно подвело к критическому состоянию сложившейся социально-экономической системы и ее естественного равновесия с окружающей природной средой. Медленно возроставшее население, основной кормовой базой которого была охота на мамонтов и крупных копытных животных, количество которых уменьшалось, оказалось перед угрозой голодной смерти. Потребовался переход к иному способу взаимодействия с флорой и фауной, к выходу за пределы адаптационного способа производства и всей системы жизнедеятельности. В этом процессе, как и во всех процессах кризисного характера, «сработал» непреложный для перехода сложной системы из одного состояния в другое «экспоненциальный закон»: кризис приближается почти незаметно, а затем «вдруг» он переходит в лавину, в катастрофу. Вот так и случилось на заре неолита. Происшедшее принято называть «неолитической революцией» [14, 72].

Эта революция ознаменовала не только переход к качественно иному, ранее не существовавшему способу производства — к земледелию и скотоводству. Она медленно поползла по планете, раздвигая культивируемую землю, а вместе с нею и деревни, затем другие, более крупные поселения — города, создавая государства и новый образ жизни. Она стала активно использовать энергию «живых аккумуляторов»: человека, животных, солнца, ветра, воды, а все имеющиеся знания направляла на увеличение и расширение масштабной силы человека и прирученных им животных. Основой экономики в результате раздвигания этой революции стала культивируемая земля, сельскохозяйственный труд и соответствующая ему агротехническая технология. Однако этот гигантский технологический и социально-экономический переворот сопровождался не только большими приобретениями, но и огромными катастрофическими последствиями. Далеко не все и далеко не сразу смогли преодолеть переходный кризисный период: по

некоторым утверждениям, к которым можно отнестись с доверием, население Земли в этот период сократилось раз в десять. Поэтому-то неолитическая, или агротехническая, революция была не только величайшим революционным переворотом, но и величайшей, воистину глобальной катастрофой. Поэтому нам представляется правомерным высказанное известным американским философом, социологом и футурологом Элвином Тоффлером ее сравнение с первой гигантской глобальной волной изменений, захлестнувшей за восемь тысяч лет до нашей эры человечество и вызвавшей к жизни новую, а именно аграрно-ремесленную цивилизацию [30, 10, 13, 24].

В ней, как и во всякой большой волне, позитивные изменения взаимопереплетены с разрушительной стихией.

В условиях этой волны, несущей с собой массовый переход от собирательства к земледелию, совершается гигантская технологическая аграрно-ремесленная революция. Дремавшие на протяжении тысячелетий в человеке потенциальные возможности выплескиваются наружу — земледelec не просто собирает плоды земли или охотится, он преобразует эту землю, живущий рядом с ним ремесленник, создающий для него кроме оружия и орудие обработки почвы, строит сначала мастерские, а затем и города, возникает невиданная ранее агроремесленная цивилизация. Возникновение принципиально иной технологии не только орудий труда, но и всей человеческой жизни коренным образом изменяет взаимоотношения с окружающей природой. К символам этого этапа (агроремесленного) развития цивилизации следует отнести бушующее пламя (человек выжигал леса, чтобы расчистить пространство плодородной земли), топор и пилу, а еще более плуг и борону, из года в год переворачивавшие почву, да еще пыль и овраги, которые вместе с возникшими городами в совокупности резко изменили среду обитания. Этому способствуют четыре чрезвычайно важных обстоятельства: во-первых, резко возрастает плотность населения и связанная с этим возможность обмена опытом, знаниями, технологиями; во-вторых, возникает прибавочный продукт: у человека появляется возможность производить больше, чем необходимо для поддержания жизни; в-третьих, появляется собственность; в-четвертых, на смену кровно-

родственному делению людей на роды и племена приходит их территориальное разделение, что воплощается в появлении государства с такими его неотъемлемыми атрибутами, как суд, полиция, армия, чиновничество.

В итоге взаимодействия этих и некоторых других, тесно связанных с ними социальных факторов процесс адаптационного развития человечества уступил место более активному процессу направленного, преобразующего, по сути дела, воздействия человека на природу. Наряду с естественной природной средой стала создаваться и быстро разрастаться созданная самим человеком искусственная среда обитания — жилища, производственные помещения, транспортные артерии, храмы и дворцы, средства связи. Все это резко увеличивает антропогенную нагрузку на окружающую природную среду, вызывает в последней весьма существенные изменения, в которых все более значимая роль отводится человеческим сообществам.

Из краткого описания неолитической революции можно сделать вывод о коренном отличии социальных катастроф от природных бедствий. В первом случае истоком и движущей силой, действующим фактором являются не стихийные силы природы, а целенаправленные, чаще всего так или иначе осознаваемые действия людей. Конечно, и в случае разворачивания социальных катастроф действуют объективные, общие для всех сложных систем тенденции и закономерности катастрофического развития: нарастание внутренней напряженности системы до уровня, превосходящего ее возможности сохранения устойчивости и самовосстановления, бифуркация, то есть качественная перестройка системы, осуществляющаяся скачкообразно и др. Но существует и коренное качественное отличие. Оно заключается в том, что в противоположность природным катастрофам, где разрушительные силы действуют помимо человека и вне его; в социальных катастрофах разрушительные общественные силы реализуются не помимо индивидов и их групп, а через их действия, охватывающие массы людей, то есть через социальные действия.

Иной вопрос, что люди далеко не всегда ставят перед собой задачи разрушительные, гораздо чаще в революционные действия их вовлекают цели и задачи созидательные. Однако во всякой революции, равно как и в каждой социальной катастрофе, происходит развер-

тывание как созидательных, так и разрушительных действий.

Соотношение же пафоса разрушительности и пафоса созидательности дает возможность найти ту, едва уловимую грань, которая отделяет социальную революцию от социальной катастрофы. Если революция, особенно с точки зрения ее инициаторов, наполнена пафосом созидания нового и заключает в себе вследствие этого потенции общественного прогресса, то социальная катастрофа предстает как совокупность необратимых изменений, приводящих к весьма существенным, зачастую трагическим утратам. Отметим, однако, что люди, разувверившиеся в революции или выступающие против нее, акцентируют внимание на разрушительной стороне революции. Так, например, известный русский философ С. Н. Булгаков в своей статье «Героизм и подвижничество», опубликованной в 1909 г. в знаменитом сборнике «Вехи», который В. И. Ленин охарактеризовал как «энциклопедию ренегатства», писал, что «понятие революции есть отрицательное, оно не имеет самостоятельного содержания, а характеризуется лишь отрицанием ею разрушаемого, поэтому пафос революции есть ненависть и разрушение» [8, 49]. Здесь фактически понятие революции отождествлено с понятием катастрофы. В противоположность либерально-буржуазным философам и публицистам В. И. Ленин характеризовал революцию как праздник угнетенных, выдвигал в ее содержании на передний план созидательные моменты, хотя придавал огромное значение и разрушительным.

Из приведенных рассуждений, выражающих диаметрально противоположные точки зрения на соотношение созидательной и разрушительной энергии в революции, становится понятным, почему процесс радикальных общественно-политических преобразований для его инициаторов и сторонников выступает как революция, а для их идейно-политических противников оборачивается катастрофой. Следовательно, проблема социальной катастрофы, особенно если она рассматривается в соотносительности с революцией, решается и интерпретируется по-разному в зависимости от двух принципиально важных социально-политических факторов.

Первым из них являются социально-политические интересы и цели тех субъектов массового социального действия (отдельных личностей, социальных групп, об-

щественных движений, партий и т. п.), которые включаются в развертывание процессов, приводящих к коренным общественно-экономическим и политическим преобразованиям, в силу чего могут быть интерпретированы как революция либо как социальная катастрофа. Второй фактор представляют существенные изменения в социально-политической ситуации, которая может оказаться катастрофической для одних социальных групп и некатастрофической, более того — благодатной для других.

Эти особенности восприятия, оценки и интерпретации общественно-политических процессов в качестве катастрофических обусловлены тем, что тенденции и закономерности социально-исторического развития не действуют сами по себе, минуя социальную деятельность людей, а преломляются через эту деятельность, ослабляются или усиливаются ею. Но поскольку в этой деятельности различные группы людей руководствуются различными интересами и целями, которые довольно часто не только не совпадают или расходятся друг с другом, но и прямо противоречат друг другу, оценки одних и тех же явлений различными социальными классами, движениями, партиями, их лидерами могут оказываться диаметрально противоположными. Примечательно в этом отношении следующее обобщающее рассуждение К. Поппера: «Термин «социальный крах» (равнозначный, по-видимому, термину «социальная катастрофа». — Е. Б.)... говорит только о том, что наблюдателю не нравится ход событий, который он описывает... С основанием или без него член определенного общества может иметь чувство того, что «все терпит крах». Нет сомнений, что для представителей *ancien régime* или русской знати Французская или Русская революция должны были представляться полным социальным крахом, но новые правители все это понимали, конечно, совсем по-другому» [19, т. 1, 364].

Характерна в этом отношении смена мотивов и оценок динамики революционных процессов, разворачивавшихся в России на протяжении 1917 и последующих годов. Период с февраля до октября 1917 года, когда шло общественно-политическое развитие российского общества по типу буржуазно-демократической революции, большевики характеризовали сначала как кризисный, а затем и как предкатастрофный, их же политические оппоненты — как величайшую и подлинную рево-

люцию. В. И. Ленин, в частности, в своей широко известной брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной до Октябрьского переворота, 10—14 (23—27) сентября 1917 г., с первых же слов утверждал: «России грозит неминуемая катастрофа». Пролетарский вождь обвинял капиталистов и их союзников в том, что они все предпринимают, чтобы разразилась «катастрофа невиданных размеров», которая стала бы «крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков». Он усматривал признаки неминуемости катастрофы в углубляющемся расстройстве мировой войны всех сторон народной жизни, в гигантском спаде производства, надвигающемся голоде, массовой безработице, полной бездеятельности правительства. Чтобы переломить ход событий и предотвратить катастрофу, считал он, необходимо объединить все банки и национализировать их, ввести принудительное объединение всего населения в потребительские общества, ввести трудовую повинность для богатых, осуществить раздел поровну между населением всех продуктов потребления, наконец, свергнуть временное буржуазное правительство, место которого заняла бы «революционная диктатура демократии, возглавляемая революционным пролетариатом», то есть осуществить «шаг к социализму», или, говоря иными словами, совершить социалистический переворот [16, т. 34, 155, 189, 192].

В той же тональности характеризовал быстро меняющуюся послефевральскую ситуацию в России один из ближайших сподвижников Ленина того периода Л. Д. Троцкий. Он подчеркивал, что если бы в процессе послефевральского развития меньшевикам удалось сдвинуть революционные силы с пролетарской позиции на мелкобуржуазную и в союзе с буржуазией осуществлять развитие революции в рамках буржуазно-демократического режима, в обход партии большевиков, то «мы получили бы в конце концов восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства, другими словами — июльские дни гигантского масштаба, то есть уже не как эпизод, а как катастрофу. Совершенно очевидно, что непосредственным последствием такой катастрофы явился бы разгром партии» [26, 250].

Сразу же после победы Октябрьского переворота

В. И. Ленин и его сподвижники круто изменяют направленность применения самого термина «катастрофа». В работах послеоктябрьского периода В. И. Ленин уже не говорит о надвигающейся катастрофе, зато близкие по смыслу понятия «крах», «хаос» охотно применяет к характеристике мироощущения противников большевистского переворота. Написанная им в декабре 1917 г., спустя два месяца после Октябрьского вооруженного восстания, статья под примечательным и красноречивым названием «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» разъясняет, что в результате победы Советской власти «за несколько недель разрушены почти до основания недемократические учреждения в армии, в деревне, на фабрике. А иного пути к социализму, кроме как через такое разрушение, нет и быть не может». Он подвергает жесткой критике всех тех, кто «оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, «хаосом» (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых построек царизма и буржуазии, запуган доведением классовой борьбы до крайнего обострения, ее превращением в гражданскую войну — единственно законную, единственно справедливую... священную войну угнетенных против угнетателей за их свержение...» [17, т. 35, 191—192].

Здесь же он разъясняет, какое содержание теперь им вкладывается в употреблявшееся ранее несколько странно звучащее словосочетание «диктатура демократии», четко определяя, что в результате победы социалистической революции оно обозначает не что иное, как диктатуру пролетариата. Без обиняков он говорит о том, что сопротивление капиталистов «должно быть сломано, что оно будет сломано, что такая ломка и называется, на научном языке, диктатурой пролетариата, что целый исторический период характеризуется подавлением сопротивления капиталистов, характеризуется, следовательно, систематическим насилием над целым классом (буржуазией), над его пособниками» [17, т. 35, 193].

Поскольку победа социалистической революции ее вождями идентифицируется с установлением и непреклонным осуществлением государственно организованного насилия (диктатура пролетариата) над целым классом — буржуазией, а также всеми теми социальными группами, которые по своим коренным интересам, мировоззрению, образу жизни и т. п. примыкают к ней (включая по-

давяющее большинство интеллигенции), постольку среди последних большевистский переворот в России интерпретируется как гигантская социальная катастрофа. Выдающиеся русские мыслители того времени — Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, П. Б. Струве, С. Н. Булгаков и многие другие в один голос говорят о катастрофическом характере этих трагических событий. С. Л. Франк, например, в смятении пишет о «национально-общественной катастрофе России», в ходе которой «все старые — или, вернее, недавние прежние — устои и формы бытия гибнут, жизнь беспощадно сметает их», что, по его убеждению, коренится «в глубине и значительности происшедшей духовной катастрофы» [27, 114, 116, 124].

Поражаясь глубине и скоротечности этой катастрофы, В. В. Розанов с душевной мукой повествует о том, что «рушилось все, разом, царство и церковь... Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей» [22, 393].

Еще более впечатляющую картину постигшей Россию катастрофы нарисовал бывший легальный марксист П. Б. Струве, который подчеркивал необходимость осознания «причин той поразительной катастрофы, которая именуется «русской революцией» и которая стала историческим несчастьем России» [23, 459, 466].

Известный русский экономист и богословствующий философ С. Н. Булгаков сравнивает случившееся с Россией в результате победы Октябрьской большевистской революции с трагическим исчезновением Атлантиды. «Все мы ошеломлены новым погружением Атлантиды в хаос, катастрофической гибелью нашего материка, вдруг исчезнувшего с карты... На месте шестой части света, — пишет он, — оказалась зловонная, зияющая дыра» [8, 291, 292].

Однако наиболее глубокую социально-философскую интерпретацию Октябрьской революции как социальной катастрофы дал выдающийся русский философ Н. А. Бердяев. Он вовсе не отрицал ее закономерного характера, обусловленного всем предшествующим развитием социально-исторических процессов в России. Более того, он раскрыл ее каузальную связь с разворачиванием первой мировой войны, которая, по его словам, «есть катастрофический момент в диалектике империалистиче-

ского расширения». Эта вселенская катастрофа, развязавшая могущественные разрушительные силы и толкнувшая Россию в пучину экономического, политического, социального, нравственно-духовного кризиса, стала предлюдией к величайшей общенациональной катастрофе — к Октябрьской революции, которая в ее глубочайшем онтологическом смысле «есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования» [5, 148].

Поднимаясь до широкого философского обобщения социальной сущности революции как катастрофы в категориях религиозно-философского осмысления сущности и содержания социального бытия, Бердяев подчеркивает, что «принятие истории есть принятие революции, принятие ее смысла, как катастрофической прерывности в судьбах греховного мира... Но революция ужасна и жутка, она уродлива и насильственна... На русской революции, быть может больше, чем на всякой другой, лежит отсвет Апокалипсиса».

Разъясняя смысл этого утверждения, Бердяев подчеркивает, что для религиозно-христианской историософии «Апокалипсис не есть только откровение о конце мира, о страшном суде. Апокалипсис есть также откровение о всегдашней близости конца внутри самой истории, внутри исторического еще времени, о суде над историей внутри самой истории, обличение неудачи истории» [6, 108—109].

Сама же неудача исторического деяния людей, наций, государств, приводящая к социальной катастрофе, полагает Бердяев, предопределяется тем, что в реальном социально-историческом процессе оказывается невозможным непрерывное поступательное развитие, ибо в социуме постепенно — накапливается слишком много сил разрушения, «социальных ядов», разлагающих общественный организм или подталкивающих его к разложению. Вот тогда-то и появляется «неизбежность революции, тогда происходит разрыв времени, наступает прерывность, происходит вторжение сил, которые для истории представляются иррациональными и которые, если смотреть сверху (то есть с высоты Божественного провидения. — Е. Б.), а не снизу, означают суд смысла над бессмыслицей; действие Промысла во тьме» [6, 107].

Итак, катастрофическая сущность революции в этой религиозно-апокалипсической интерпретации предстает

как великий Суд, как Промысел божий, ниспосылаемый на общество, погрязшее во зле, насилии, бессмыслице. Здесь перед нами социально наполненная, конкретизированная на основе трагически-мучительного переживания опыта революции идея катастрофического прогресса, выдвинутая и обоснованная еще в межреволюционное время, в 1909 г., видным русским мыслителем начала XX века В. Ф. Эрном. Излагая суть этой идеи, он, ссылаясь на откровение святого Иоанна об Апокалипсисе, утверждает, что «для христиан будущее — не мирный культурный процесс постепенного нарастания всяких ценностей, а катастрофическая картина взрывов, наконец, последний взрыв, последнее напряжение — и тогда конец этому миру, начало Нового, Вечного, Абсолютного Царства Божия» [29, 218].

В этой концепции, всесторонне развитой и обоснованной Бердяевым, социальная катастрофа, будь это мировая война или революция, предстает не как случайное явление в цепи исторических событий, а как объективно закономерный процесс, наступающий как наказание свыше людям, допустившим слишком много зла, насилия, бездуховности в своем повседневном существовании и поставившим тем самым свое сообщество на грань катастрофического развития.

Здесь следует подчеркнуть принципиальную разницу религиозно-христианского и марксистско-атеистического понимания общественного прогресса. И то и другое исходят, во-первых, из объективной закономерности прогрессивного развития общества, во-вторых, из признания неизбежности социальных катаклизмов и катастроф в разворачивании исторического процесса. Однако различие состоит в том, что марксисты убеждены, что последним катастрофическим событием в развитии человечества станет всемирная Коммунистическая революция, знаменующая собой переход от предыстории, наполненной социальными антагонизмами и катастрофами, к подлинной истории, где не будет места ни первым, ни вторым. Религиозно-христианская же историософия исходит из прямо противоположного понимания: прогресс в сущности своей катастрофичен, поэтому история не только завершится всеобщей катастрофой, всемирным Апокалипсисом, но и в самом разворачивании исторического процесса неизбежно случаются апокалипсически-катастрофические взрывы, тяготеющие над челове-

ством как неодолимый рок, как суд и наказание за его погруженность во грех, зло и насилие.

Однако в большинстве христианских богословских толкований погруженность человечества во зло и насилие, завершающаяся Страшным судом, отнюдь не означает абсолютного завершения истории. Приведем в качестве доказательства интереснейшее пророчество, принадлежащее одному из наиболее почитаемых в православном мире преподобному Серафиму, иеромонаху Саровской пустыни, умершему в далеком 1833 г. Его предсказание гласит: «Произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией... Реки крови русской прольются» [21].

Сегодня, с высоты последнего десятилетия XX века, гораздо более других насыщенного войнами, революциями и контрреволюциями, видна удивительная прозорливость такого предвидения, скорее даже — предощущения. Народы, населявшие ранее Российскую империю, а затем — Союз ССР, и поныне терзают беды, тревоги, сомнения, которые можно трактовать по-разному, в том числе и как расплату за маловерие и отступничество. Но ведь пророчество Саровского провидца отнюдь не завершается трагическими картинами величайшего разорения и кровопролития. «Господь помилует Россию, — утверждает он, — и приведет ее путем страданий к великой славе».

Итак, христианская апокалипсико-катастрофическая версия исторического прогресса, по крайней мере в ее православно-богословском истолковании, отнюдь не предстает в качестве односторонне пессимистического взгляда в человеческое будущее. Напротив, предрекая неизбежность и неотвратимость величайшей социальной катастрофы, она тем не менее завершает свой исторический прогноз оптимистической картиной славы и величия народа, понесшего наибольшие жертвы в катастрофических событиях.

Теперь рассмотрим, имелись ли, а если да, то какие, основания для того, чтобы характеризовать произошедшую в октябре 1917 г. в России революцию как социальную катастрофу. Если исходить из понимания катастро-

фы как совокупности скачкообразных экстремальных изменений, возникающих в виде разрушающего данную систему качественного преобразования, наступающего при превышении верхнего предела допустимого в данной системе максимума напряжения, то революции вполне укладываются в это определение.

Чтобы убедиться в этом, сошлемся на аргументы не противников Октябрьской революции, а ее инициаторов и руководителей. Вспомним ленинское определение революционной ситуации. Самая важная предпосылка социальной революции, согласно этому определению, заключается в том, что социальное напряжение в обществе перехлестывает через верхний предел возможного и допустимого в нормальные, мирные периоды развития общества минимума, вследствие чего возникает общенациональный кризис. Суть его сводится к трем взаимосвязанным моментам. Во-первых, наличествует кризис политики господствующего класса, кризис «верхов», создающий все более углубляющуюся трещину, в которую выливается недовольство и возмущение угнетенных масс. Не только «верхи» уже не могут жить и управлять по-старому, но и «низы» не хотят сохранения старого. Во-вторых, обострение выше обычного нужды и бедствий основной массы населения. В-третьих, значительное повышение в силу указанных причин активности масс, которые как самой обстановкой, так и действиями «верхов» побуждаются к самостоятельному историческому выступлению. Без такого общенационального кризиса, выражающего предельный уровень возможного в данной общественной системе социального недовольства и напряжения, нет революционной ситуации, а в отсутствие такой ситуации не может произойти и социальная революция [15, т. 26, 218].

Однако, если серьезно вдуматься в приведенные рассуждения, оказывается, что характеристика революционной ситуации, общенационального социального кризиса и социальной катастрофы в своих существенных признаках совпадает. Достаточно только одного толчка, чтобы система окончательно утратила свою стабильность и устойчивость, а процесс катастрофических изменений ее принял необратимый характер. Именно такая ситуация в России сложилась в октябре 1917 г., когда большевики организовали штурм и захват Зимнего дворца, что и явилось началом переворота, свергнувшего Россию в

революцию, ставшую прелюдией гражданской войны, которая, собственно говоря, и стала величайшей социальной катастрофой.

Приведенные аргументы дают, как нам кажется, основание утверждать, что одним из важнейших признаков приближающейся катастрофы — максимум возможного и допустимого в данной системе (в период ее нормального, некатастрофического функционирования) напряжения вполне совместим со столь же важным признаком революционной ситуации как необходимой предпосылки свершения социальной революции.

Если применить к анализу рассматриваемых процессов основные категории одной из новейших общенаучных концепций, созданной лауреатом Нобелевской премии Ильей Пригожиным, согласно которой мы существуем в мире, далеком от равновесия, мире неустойчивом, то состояние неравновесности и неустойчивости характеризует систему, уходящую все дальше от состояния равновесия и переходящую в состояние неустойчивости. Функционирование таких систем в некоторой переломной точке, называемой точкой бифуркации, становится неоднозначным и в таком случае при определенных обстоятельствах, в частности при усилении напряженности в ней, ничтожно малое воздействие может привести к большому и непредсказуемым последствиям [20, 41, 269].

В любой системе существуют вполне определенные, характерные для нее пороги устойчивости. Превышение такого порога и есть переход в неустойчивое состояние. Поэтому в состояниях неустойчивости резко вырастает роль случайностей, в общественных системах — прежде всего роль личности, стоящей во главе общественного движения, стремящегося разрушить данную систему. Если говорить о революционной ситуации в преддверии Октябрьской революции, то здесь несомненно выдающаяся роль В. И. Ленина.

Конечно, тот факт, что В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий оказались в период подготовки Октябрьского переворота в революционно бурлящем Петрограде, следует признать случайностью. С точки зрения протекания объективных процессов развертывания революционной стихии его никак не назовешь закономерным. Следовательно, он оказал, несомненно, небольшое возмущающее воздействие на входе в многогранный процесс развертывания

революции. Но он сыграл огромную, можно сказать решающую, роль в подготовке и свершении большевистского переворота, а это повлекло за собой огромное количество непредвидимых и непредсказуемых последствий. «Остается спросить — и это немаловажный вопрос, — отмечал Л. Д. Троцкий, —...как пошло бы развитие революции, если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 г.?.. До его приезда ни один из большевистских вождей не сумел поставить диагноз революции...» Кризис, который неизбежно должно было вызвать оппортунистическое руководство, принял бы без Ленина острый и затяжной характер. Между тем условия войны и революции не оставляли партии большого срока для выполнения ее миссии. Совершенно не исключено, таким образом, что дезориентированная и расколотая партия могла бы упустить революционную ситуацию на много лет. Роль личности выступает здесь перед нами поистине в гигантских масштабах. «Нужно только правильно понять эту роль, беря личность как звено исторической цепи» [26, 332].

Именно быстрый приезд Ленина в революционный Петроград, его столкновение с колеблющимся руководством ЦК партии большевиков, быстрая победа над ним сыграли, по утверждению Троцкого, решающую роль в успешной подготовке и осуществлении Октябрьского переворота.

Итак, казалось бы, незначительное в сопоставлении с объективными историческими процессами явление — пребывание или отсутствие вождя партии в определенное время в определенном месте — оказывается важным пусковым моментом развития бифуркационных процессов, способных служить переломным моментом как революционных, так и катастрофических событий.

Однако революционные и катастрофические процессы корреспондируют друг с другом не только в этом. Примерно таким же образом оказывается совместимым процесс развертывания социальной революции и с другой, тоже весьма существенной характерной чертой социальной катастрофы — разрушающим данную систему качественным преобразованием ее основных экономических, социальных, политических характеристик, с бифуркацией. Бифуркация представляет собой точку качественного изменения системы, а применительно к социальным системам — точку наибольшей концентрации противоречий

и их вероятного разрешения, поэтому в ней обычно наличествуют элементы непредсказуемости, выбора. В этой точке и стягивается в тугий узел прямое противостояние противоборствующих социальных сил, объединяющих большие конгломераты различных групп, часто имеющих противоположные интересы, но руководствующихся некоей общей, объединяющей их целью. Именно так и случилось в процессе Октябрьской революции, когда большевики чутко и четко уловили особенности социально-политической ситуации и сумели выдвинуть лозунги, понятные широким массам и способные объединить в борьбе против существовавшей тогда буржуазно-демократической системы власти, олицетворяемой Временным правительством, такие разнородные социальные слои и группы, как рабочие, крестьяне, солдаты, национальные меньшинства и др.

Сам момент Октябрьского переворота — штурм Зимнего дворца и свержение Временного правительства — и явился тем, на первый взгляд, незначительным толчком, который привел социальную систему, находящуюся в крайне неустойчивом положении, в катастрофическое состояние. Размах же самой катастрофы, ее масштабность проявились уже после этого переворота и выразились во множестве взаимосвязанных социальных явлений и процессов. Были разрушены все вертикальные социально-экономические и политические связи, скреплявшие прежнюю систему в единую целостность — государство, валютно-финансовая система, прокуратура, суд, армия и др. Уничтожение кредита, банков, расстройство транспорта, национализация предприятий привели к параличу промышленности, к развалу экономических связей, к губительному для страны спаду производства и разрушению производительных сил. Многомиллионные массы крестьян отказывались продавать хлеб по твердым ценам при обесцененных деньгах, и его пришлось отнимать силой, при помощи вооруженных подразрядов. Костлявая рука голода заставила сотни тысяч горожан, в основном рабочих, заняться «мешочничеством», чтобы путем простого продуктообмена добывать средства пропитания и кормить свои семьи. Разгром церквей, духовенства, монашества, подозрительное, а зачастую и презрительно-враждебное отношение к деятелям науки и культуры, к так называемой «старой», «буржуазной» интеллигенции обернулись катастрофиче-

ским упадком культуры, попытками создания некоей «новой», «пролетарской культуры», против чего, кстати, весьма решительно выступал В. И. Ленин, тем не менее ратовавший за свершение культурной революции.

Все это, вместе взятое, привело к разрушению веками создававшихся горизонтальных социальных связей и социальных общностей — территориальных, сословно-классовых, профессиональных, этнических, религиозных, культурных и т. п. Следствием этого деструктивного многоаспектного процесса стало разрушение социальных идентификаций, то есть нормальных путей включения индивидов в профессиональные, культурные, образовательные и другие социальные группы.

Во взаимосвязи с данным процессом, резко усиливая его деструктивную направленность, происходил саморазрушительный процесс перехода всей системы социальных связей (как вертикальных, так и горизонтальных, как экономических, так и политических, социокультурных, духовных, территориальных, бытовых и т. п.) из состояния относительно устойчивого функционирования в кризисное состояние неустойчиво воспроизводящейся аномии, такого состояния общества, при котором у большинства его членов проявляется отсутствие твердых жизненных целей, норм и образцов поведения, а сдерживающие их раньше законы, нравственные и религиозные предписания отвергаются и перестают действовать. В результате большинство людей оказывается в неопределенном и неустойчивом социальном положении, лишается групповой солидарности, чувства связи с конкретной социальной группой, а это приводит к росту в обществе отклоняющихся и разрушительных форм поведения, к социальной атомизации индивидов.

Социальная атомизация как раз и является важнейшей социоструктурной и социокультурной качественной характеристикой общества катастрофного типа. Социальная атомизация, связанная с разрывом социальных, экономических, культурных, психологических связей индивида со своей социальной общностью, находит конкретное проявление в широко распространяющейся маргинализации. Последняя представляет собой формирование обширных групп индивидов, оторванных катастрофными процессами не только от породивших их в социальном смысле групп происхождения (скажем, дворянство, интеллигенция, крестьянство и т. д.), но и друг

от друга, оказывающихся на краю, а чаще — за краем любых социальных, социокультурных групп и проявляющих вследствие этого социальную озлобленность, агрессивность, вседозволенность, аморальность.

Какую бы социальную революцию мы ни взяли — Великую Октябрьскую в России, Великую французскую или американскую, представлявшую собой войну за независимость, — все они, как и многие другие, были связаны с тем, что общество, в недрах которого они возникали, в силу нарастания бифуркационных процессов, перераставших в катастрофу, утрачивало свою прежнюю устойчивость, дестабилизировалось и дезинтегрировалось, чем создавались предпосылки для разрушения данной общественной системы, для ее преобразования в качественно иной социальный организм.

Однако любая открытая система, а тем более социальная, обладает в своем функционировании и развитии большой инерцией. В обществе такая инерционность всегда связана с активной деятельностью определенных социальных групп, общественных движений, партий и т. д., кровно заинтересованных в сохранении отживших, вступивших в полосу глубокого социально-экономического и политического кризиса порядков. К тому же представители этих классов, движений, партий, как правило, держат в своих руках (до развертывания и даже в процессе развертывания революционных действий) власть и используют ее в качестве мощного рычага для пресечения каких бы то ни было революционных поползновений и изменений.

Напротив, возникновение общенационального кризиса, затрагивающего не только «верхи», но и «низы», свидетельствует, что в обществе появляются и активно действуют социальные, политические силы, движения, организации, кровно заинтересованные в сломе старой общественно-политической системы, в ее насильственном разрушении и в переводе общества в новое качественное состояние. Именно поэтому становится неизбежным прямое противостояние социальных, политических и иных сил, выступающих за разрушение и качественное изменение существующей социально-экономической системы, и тех социальных, экономических, политических сил, которые активно поддерживают отжившую систему, всеми возможными средствами, включая и военные, готовы бороться за ее сохранение.

Поэтому такое противостояние неизбежно реализуется в насилие — на попытки насильственного завоевания власти и разрушения существующей общественно-политической системы ее поборники применяют насилие, в том числе и вооруженное, против тех (кто бы они ни были — отдельные личности, социальные группы, партии и т. д.), кто стремится разрушить данную систему. В итоге революция оказывается нерасторжимо связанной с войной как самой крайней, наиболее массовой и разрушительной формой вооруженного насилия. Но всякая война, гражданская в особенности, несомненно, является социальной катастрофой.

Следует отметить, что связь революции с войной бывает двоякой. С одной стороны, революция — детище предшествующей войны. Еще раз вспомним историю Октябрьской революции, чтобы убедиться в этом. Хотя ее предпосылки вызревали задолго до первой мировой войны, именно эта война вплотную подвела Россию к революции. Уже в самом начале этого кровавого межимпериалистического столкновения Ленин, возглавляемые им большевики выдвинули лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Они возвестили, что пролетариат не имеет Отечества, что он может обрести его только в том случае, если империалистическая война перерастет в гражданскую, а последняя завершится победой пролетарской революции.

Но революция обручена с войной и другой кровной связью. Поскольку она опирается на революционное насилие, в орбиту которого неизбежно попадает правящая элита, поддерживающие ее социально-экономические и политические силы (в России начала XX в. это были буржуазия, помещики, офицеры, жандармерия, видные писатели и другие представители верхних слоев интеллигенции), то именно против этих сил и направляется удар, включая и применение вооруженной силы тех «низов», от имени которых совершается революция.

Следствием такого именно разворота событий становится гражданская война, охватывающая, по существу, все слои общества. От этой войны, ее разрушительных масштабов и последствий страдают и правящие классы, и все остальные социальные группы общества. В отличие от войн между различными государствами или их союзами, которые в значительной мере содействуют сплочению нации, гражданская война, развертывающая

ся внутри одного государства, раскалывает общество на две противоборствующие стороны, а линия такого раскола проходит не только между бывшими соседями, товарищами, однополчанами, но и между членами одной семьи, когда отец воюет против сына, брат — против брата. Братоубийственность такой войны делает все ее проявления гораздо более жесткими, трагичными и катастрофичными.

Социальная катастрофа всегда имеет вполне определенные экономические, социальные, политические и духовные предпосылки. В качестве экономических предпосылок выступают, как правило, резкие спады производства, снижение темпов экономического развития, жизненного уровня населения или его значительного большинства. Социальные предпосылки катастрофы формируются обострением свыше обычного всех социальных противоречий — межклассовых, межнациональных, межрегиональных, межпартийных и т. п. Политические ее предпосылки складываются из наличия политических сил — движений, партий, организаций, способных организовать политическое выступление против существующей системы власти, достаточно мощное для того, чтобы ее опрокинуть.

Однако всем этим комплексам предпосылок (именно комплексам, ибо и экономических, и социальных, и политических предпосылок катастрофического развития бывает несколько, чаще всего — много, но они действуют не изолированно друг от друга, а сплетаясь в сложные узлы и переплетения) предшествуют духовные, без которых невозможно формирование групп людей, способных на активные действия, приводящие к социальной катастрофе.

Несомненен катастрофический характер 1917 г. для судеб России и сопредельных с нею стран, сначала входивших в состав Российской империи, а позднее — в состав Союза ССР. Собственно говоря, первый этап катастрофических событий наступил еще в начале XX в., и он был ознаменован русско-японской войной, в которой Россия потерпела трагическое и сокрушительное поражение, а также первой русской революцией 1905—1907 гг. Поэтому можно считать, что все XX столетие прошло для России и сопредельных с нею стран, включая и Беларусь, оказавшихся в единой исторической

колеснице с нею, под знаком предкатастрофных, катастрофных и посткатастрофных процессов.

Но еще задолго до наступления этого столетия в России стали создаваться духовные предпосылки социальной катастрофы, которые кратко можно определить как веру в неизбежность революционного ниспровержения существующего общественно-политического строя. Практически во всех сословиях, классах и группах российского общества зрело убеждение в том, что народ страдает под гнетом устаревшей, выродившейся, эгоистичной, произвольной, неспособной власти самодержавия, которая повинна во всех социально-экономических бедствиях — в народной нищете, в народном невежестве, в зломстве и продажности чиновничества, в отсутствии демократического законодательства, в социальном и национальном угнетении. В такой духовной ситуации для большинства интеллигенции, думающих и остро чувствующих людей становилось все более несомненным: служить народу, перейти на его сторону, бороться за достойную для него жизнь — значит объявить беспощадную войну царизму и поддерживающим его социально-политическим силам, то есть стать революционером.

В последнее время стало модным критиковать и опровергать К. Маркса. Но никому, видимо, не удастся опровергнуть его тезис, согласно которому идеи становятся материальной силой, как только они овладевают массами. Именно такая ситуация сложилась на рубеже XIX—XX вв. в России, когда быть революционером стало не только модным, престижным, но и необходимым, героическим, а соответственно не революционером — постыдным. Человек тогда (как, впрочем, и после Октябрьского переворота в 1917 г.) оценивался не столько по его добрым качествам и свойствам, душевности, благожелательству, добросовестности, талантливости, сколько по идейной убежденности, по преданности идеалам революции. Увлеченность идеями социальной справедливости, равенства, свободы, стремление немедленно воплотить эти идеи в жизнь в революционной борьбе против эксплуататоров, тиранов стали всеобщим идейно-нравственным императивом. Эти идеи для очень многих действительно талантливых, самоотверженных, героических людей превратились либо в светлую и отдаленную цель, которой человек посвящал свою жизнь,

либо в нравственные нормы и правила, которым человек подчинял свою жизнь. Но и в первом и во втором случае они превращались в мощный духовный импульс, побуждавший отдавать все силы, знания, способности борьбе за дело революции.

И даже когда после поражения первой русской революции 1905—1907 гг. часть российской интеллигенции разуверилась в этих идеалах, стала критиковать и развенчивать их, более того, когда в 1917 г. еще большая ее часть в ужасе отшатнулась от зажженного ею же самой революционного пожара и перешла в своем большинстве либо в стан врагов революции, либо эмигрировала, огонь революционной веры вовсе не иссяк, а перешел в души российских мужиков, рабочих и солдат. Вот это «священный огонь» разрушения старого мира до основания и стал мощнейшим фактором разветывания величайшей в мире социальной катастрофы, произошедшей в России в 1917 г. Один из очевидцев этой трагедии, оказавшийся в 1922 г. по воле большевистского правительства в изгнании, известный русский философ С. Л. Франк так охарактеризовал описываемый процесс: «Все ужасное, бушующее пламя русской революции разгорелось от огня этой веры, благоговейно хранимого в душах в течение более полувека» [27, 122].

Еще более аргументированно и рельефно идея исторической подготовленности Октябрьской революции предшествующим, более чем полувековым духовным развитием России обоснована и изложена Н. А. Бердяевым. «Вся история русской интеллигенции подготавливала коммунизм,— пишет он.— В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мировоззрению и целостному отношению к жизни, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера. Все эти черты были свойственны русской революционной и даже просто радикальной интеллигенции».

Без такой духовной подготовки, к тому же усиленной разложением российской правящей верхушки и ее ближайшего окружения в ходе мировой войны, Ленину и большевикам не удалось бы создать идейно-политиче-

ские и организационные факторы революционного переворота или, как отмечает Бердяев, «Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и плана захвата власти без переворота в душе народа» [6, 100—102].

Такой же в сущности по своим социально-психологическим механизмам, но противоположный по социально-политической направленности процесс духовной подготовки новой гигантской социальной катастрофы проявил свое действие и свою действенность в преддверии и в период развала тоталитарно-монистической системы в бывшем Союзе ССР на рубеже 80—90-х гг. XX столетия. Драматизм его действия не только усугублялся, но и предопределялся коренной особенностью социализма как тотальной социальной идеи. Хотя Ф. Энгельс заявил о превращении социализма из утопии в науку в трудах К. Маркса (и своих), а В. И. Ленин попытался реализовать этот тезис в практике революции и последующего за нею социалистического строительства, все-таки в сущности своей социалистическая идея осталась (по крайней мере, до сих пор) утопической. Несомненный гуманистический позитивный смысл этой идеи — обеспечение социальной справедливости и социального равенства для всех людей. Об этом же свидетельствует такой убежденный противник социализма, а особенно — большевизма, как упоминавшийся уже С. Л. Франк, только в силу своей идеологической противоположности советскому строю придавший своей сентенции на этот счет отрицательный привкус. «Социализм, — писал он, — ведь отрицательно совершенно прав: человек, даже если он никого сознательно не обижает, никому не причиняет умышленного вреда, — даже если он только предается мирной обработке своего участка земли или труду в своей мастерской и столь же мирно обменивает потом произведенное на иные, нужные ему предметы, повинен в существующем зле и неправде, ответственен за нищету и голод своих ближних; он повинен уже потому, что думает только о своих нуждах, а не о нуждах ближних и об объективной справедливости, и, конечно, стихийное столкновение слепых эгоистических вожделений далеко не всегда и не во всем обеспечивает... осуществление социальной гармонии и общего счастья» [27, 159—160].

Однако сама по себе социалистическая идея всеобщей социальной справедливости и равенства для воплощения в жизнь нуждается в трудной, сложной, длитель-

ной (в несколько десятков лет, как это отмечал В. И. Ленин), не только бескровной, но и кровавой (об этом говорил он же) борьбе за воплощение в жизнь. А раз так, то она неминуемо императивизируется, то есть превращается из идеи-призыва, лозунга в идею-долженствование, становится своеобразным социально-нравственным императивом для каждого, связавшего себя или оказавшегося помимо воли связанным с судьбами социалистического переустройства мира.

Но превратившись в императив не просто провозглашенный, а активно и безжалостно поддерживаемый всей силой пролетарской диктатуры (власти не только мирной, но и насильственной, как отмечал В. И. Ленин), она предписывает каждому человеку подчинять все свои помыслы, стремления, действия безропотному служению... самой себе или лицам (вождям), ее провозглашающим и разъясняющим.* Вот здесь-то и происходит парадоксальное перерождение как самой идеи, так и ее вождей, толкователей и героев. Внедряясь диктаторскими, а стало быть насильственными, методами в повседневную жизнь миллионов и миллионов людей, огромной человеческой массы, состоящей из множества индивидов, каждый из которых в своих чувствах, мыслях, стремлениях, надеждах, верованиях неповторим, уникален, эта идея неожиданно обнаруживает себя не как просветляющая, возвышающая, облагораживающая жизнь творческая сила, а как сила подавляющая, обольщающая, угнетающая и разрушающая. Ее же вожди и герои (вспомним того же Ленина, а также Троцкого, Сталина, Дзержинского и др.), переходя из роли мечтателей, обличителей угнетения и борцов за правду и счастье народное в роль осуществителей этой идеи, реальных распорядителей судьбами сотен тысяч и миллионов людей, возбуждают страх и ненависть своей тиранией; невниманием к конкретным нуждам народа, к многообразию человеческих потребностей.

Вот здесь и происходит второе парадоксальное перерождение. Превратившись в официально провозглашенную, но реально не осуществляемую ни вождями, ни их подчиненными, ни тем более всей массой народа, ленинская идея-лозунг (о коммунистических субботниках, о заботе каждого не только о своих ближних, но и о дальних, то есть обо всем обществе и др.) оборачивается на деле безразличием ко всем и каждому, бесчеловечностью,

падением стимулов к труду, нежеланием работать, стремлением дать обществу поменьше, а урвать от него побольше.

В результате происходит не обогащение — материальное и духовное — всего общества и каждого его члена, не их духовно-нравственное возвышение, а превращение отвлеченной, не воплотившейся в жизнь идеи, так и оставшейся утопией, не в формирователя духовной жизни людей, а в формирователя только ее внешних проявлений. Вовсе не обязательно верить в идеалы социализма, бороться за их осуществление, выступать во всех своих помыслах и поступках как идейно убежденная личность, но зато обязательно проявлять все это внешним образом — на работе, на собрании, в других официальных ситуациях.

Итогом этого становится трагическое раздвоение личности, раздвоение общества, жизнь как бы распадается на две, внутренне не связанные части — официальную, неподлинную, псевдореальную, и подлинную, личную, интимную. В официальной все — советские люди, убежденные сторонники социализма, в личной — приспособленцы, сплетники или циники, все более утрачивающие веру в идеалы социализма, в их реальное осуществление. Внешний конформизм оборачивается внутренним нигилизмом, который, как ржавчина, разъедает души людей, все более отталкивает их от идеи социализма.

Сильнейшим детонатором этой духовной опустошенности, предшествующей наступлению духовной катастрофы, становятся злоупотребления вождей, предающихся втайне тем порокам — властолюбию, корыстолюбию, сластолюбию, которые они гневно осуждают как проявления враждебного социализму буржуазного образа жизни. Это приводит к уже описанной нами атомизации общества, к разрушению горизонтальных социальных связей, спланивающих людей в различные социальные общности — территориальные, производственные, профессиональные, этнические, культурные и т. п. Результатом такого деструктивного в социальном смысле разворота событий становится постепенная замена социальной активности социальной имитацией. Для отдельных личностей и их групп становится смысложизненным принципом не быть идейно убежденными, нравственными, социально активными, а казаться таковыми. Извра-

щенной нормой жизнедеятельности вновь становится аномия — жизнь вне поддерживаемых обществом норм и правил.

А надо всем этим возвышается и все собой подавляет своеобразный властный фетишизм, фетишизация, обожествление власти. Развал горизонтальных социальных связей, раздробляющий общество на изолированных друг от друга индивидов, если даже они и подчинены воле коллектива, оборачивается гипертрофированной актуализацией и доминированием властных вертикальных связей. Место и роль человека в обществе, его авторитет, общественное признание определяются не его способностями и талантами, добпорядочностью и служением общему делу, а близостью к властным структурам, степенью вовлеченности или привлеченности к ним. Социальный мир превращается во властно институционализированный мир повсеместного контроля и распределения.

В результате общественно-политическая система превращается в тоталитарно-монистическую, бесчеловечную и безжалостную машину, всякое же недовольство, а тем более конфликт, возникающий в такой системе, где все пронизано властными отношениями, отношениями политического, идеологического, организационного господства и подчинения, неизбежно принимает антивластную направленность и квалифицируется вождями административной системы, ее идеологическими, юридическими и иными службами и прислужниками как государственное преступление [1, 112]. Вопреки ожиданиям инициаторов подобного разворота событий такая ситуация властного фетишизма не укрепляет систему, а расшатывает ее; приводит к дисфункциональности основных ее параметров — экономики, политики, идеологии, к распространению в широчайших кругах общества неверия во все: и в идеалы социализма, и в возможность достижения социальной справедливости, и в лучшее будущее.

Все эти существенные признаки катастрофического развития, носящие всеобщий, системный характер, разъедающие изнутри всю тоталитарно-монистическую систему власти, политики, идеологии и экономики, накладываются на неизбежную в такой системе перманентную катастрофичность имманентно присущих ей процессов подавления личности, социальных общностей (классов,

наций), игнорирования их коренных интересов, потребностей, стремлений и т. п. В результате нарастания катастрофных процессов и явлений внутри самой тоталитарно-административной системы, кажущейся несокрушимой и монолитной, в ее жизнеобеспечивающих взаимосвязях (в своего рода «кровеносных потоках» социально-политической жизни) возникают тромбы, развиваются застойные процессы, и система оказывается в состоянии тяжелейшего, затяжного кризиса. Все попытки ее модернизации, «перестройки» и т. п. оказываются малоэффективными, завершаются крахом. Происходит новый перебор максимума возможных для ее сохранения внутренних напряжений, социальных конфликтов, политических конфронтаций, и система разваливается, что и произошло в августе 1991 г. в Советском Союзе.

Основное социально-политическое содержание событий, произошедших в бывшем Советском Союзе после августа 1991 г., состоит в разрушении старой авторитарно-бюрократической и партokratической системы и переходе к новой модели общественного устройства. Сложность перехода многократно усиливается тем, что не разработана единая стратегия его осуществления, что борются между собой различные общественно-политические силы, из которых одни стремятся к скорейшей капитализации производства и всей общественной жизни, а другие ратуют за переход к «обновленному» социализму, не исключающему рыночной экономики. В этой ситуации признаки катастрофического характера современного общественно-политического развития выступают все более явственно: социальная дезинтеграция, дезорганизация экономических связей, невиданное падение объемов производства, безудержный рост цен, преступности, казнокрадства, тотальная неудовлетворенность населения материальным и социальным положением, кризис духовных ценностей и нарастающая бездуховность, тяжелейший инвестиционный кризис и т. п.

Многомерность трансформационного развития Содружества независимых государств, сложившегося на развалинах Советской империи, побуждает большинство людей, захваченных в плен, казалось бы, еще вчера невероятными событиями и переменами и опирающихся только на факты, но не на их теоретическое осмысление, руководствоваться в оценке происходящего сквозь призму потрясенного сознания. А оно у одних, воодушевлен-

ных крутой ломкой прошлого (развалом тоталитарной системы, крахом партократии и социализма) и надеждами на благотворные перемены в будущем (торжество демократии, свобода печати, превращение всех людей в собственников и т. п.), порождает восприятие произошедшего в качестве великой и подлинной революции. У других же, потрясенных процессами кризиса, дезинтеграции и развала (крах идеи социализма, развал великой страны, резкое снижение жизненного уровня народа и фактическое обнищание его большинства, упадок нравственности и культуры и т. п.), те же самые трансформационные процессы вызывают ощущение небывалой социальной катастрофы, разгула контрреволюции. Те силы, которые пришли к власти, а также новые социальные слои — предприниматели, фермеры и др. — склонны характеризовать происходящие процессы социально-экономических и политических перемен как революцию, благо, триумф свободы. Так, в 1993 г. председатель белорусского парламента С. С. Шушкевич утверждал, что рассматриваемые трансформационные процессы «представляют собой революционное изменение общественно-политической формации» [28]. Те же силы, которые отторгнуты от власти, которые оказались в тяжелых материальных и социальных условиях, а также часть интеллигенции, напуганная крахом системы ценностей, интегрирующих социальные слои, нации, регионы в единое целостное образование, называют эти же перемены контрреволюцией.

Впрочем, и среди тех, кто считает, что народы бывшего Советского Союза в результате революционных перемен вырвались из громадного концентрационного лагеря, нет единства в оценках происходящего, даже если ими и применяется термин «революция». Так, например, известный кинорежиссер Станислав Говорухин утверждает, что ныне на развалинах СССР «происходит криминальная революция. Осуществляется глобальная акция криминализации сознания. Великая духовная страна на глазах превращается в страну абсолютно безнравственную и криминальную». В этой оценке речь идет о революции, но само содержание социального процесса, о котором говорится, мало чем отличается от того, что обычно именуется катастрофой. Чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься в следующие слова кинорежиссера: «Мы вырвались из ада, бежали, бежали

сломя голову, увидели огни впереди, скатились с обрыва, а это другой, оказывается, ад, еще похлеще» [12].

Примерно такая же ситуация складывается и с употреблением термина «контрреволюция» применительно к тем же процессам. Не прибегая к политическим декларациям ни сторонников, ни противников происходящих трансформационных процессов, приведем в качестве примера опубликованное в академическом издании достаточно типичное рассуждение. «Сегодня мы переживаем время контрреволюции... Контрреволюция произошла в таких масштабах, что она, по сути дела, охватила целый ряд стран, произошла во всей новой системе. В силу достижения высокой степени интеграции контрреволюция не могла произойти в отдельно взятой стране, как это было ранее... Естественно, контрреволюция должна была начаться в наиболее сильной из этих стран, ее ядро должно было формироваться прежде всего в Советском Союзе: Но это не исключает того, что более легко и быстрее она затем произошла в других странах Восточной Европы... В Советском Союзе контрреволюция встречается и встретится, по-видимому, с гораздо большими трудностями, и процесс этот будет происходить более длительно. Есть еще определенная вероятность — хотя и сравнительно небольшая — поворота событий в другую сторону» [9, 97].

С последним из приведенных рассуждений можно согласиться без оговорок, хотя очень хотелось бы надеяться, что народы, населяющие бывший Советский Союз, уже сполна выполнили предназначенную им историей меру революций, контрреволюций, репрессий и переворотов.

Что же касается безоговорочной оценки событий, развивающихся в России и других странах СНГ, как явно контрреволюции, то здесь не следовало бы торопиться с однозначными и категоричными выводами.

Следует иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство. Все социальные процессы имеют как социально-пространственные, так и социально-временные характеристики, а потому могут рассматриваться и интерпретироваться в синхронном и диахронном аспектах. Если принять во внимание только синхронный аспект анализа современного (взятого за период примерно в 20 последних лет) социально-экономического и политического развития бывшего СССР, то станет ясно, что на фоне

глубокого кризиса в социально-политической сфере и экономическом комплексе, в который, как в гигантскую черную дыру, ввалилась могущественная в военном, но уязвимая в экономическом отношении страна как раз к середине 70-х годов, то предпочтительной окажется оценка событий последних трех лет (1991—1994 гг.) как процесса в сущности своей революционного. Если же, напротив, преобладающим станет диахронный подход, обязывающий рассматривать тот же процесс в более масштабной исторической перспективе, скажем, в пределах нынешнего столетия, то с учетом революционных событий 1905—1907 и 1917 гг. приоритетное значение приобретают оценки происходящего ныне при помощи термина «контрреволюция».

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и принципы синергетики, которые ныне превращаются в общенаучные, а следовательно, применимые и к сфере обществоведения, социологии в том числе. Кажется несомненным утверждение о хаотичности процессов, совершающихся ныне в трансформирующемся обществе переходного типа. Однако хаос с точки зрения синергетических подходов — вовсе не однозначно разрушительный феномен. Напротив, он амбивалентен, двойствен, разрушителен и созидателен одновременно. В условиях бифуркационного развития, сопровождающегося неустойчивостью системы, ее распадом и непредсказуемостью дальнейшей траектории ее развития, малые флуктуации, случайности могут стать существенными, действия отдельных людей (как мы показали это на примере деятельности В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого в апреле—октябре 1917 г. в Петрограде) способны определять становление макросоциальных образцов поведения. Это имеет место в особых состояниях социальной среды, в состояниях ее неустойчивости, когда среда способна макроскопически реагировать на малые, случайные события на микроуровне, как это произошло в августе 1991 г. в Москве, где роль индивидуального катализатора массового выступления против системы, переживающей глубочайший кризис, сыграла энергичная разрушительная деятельность Б. Н. Ельцина. В таких экстремальных ситуациях происходят замыкания новых, невероятных в нормальных условиях, связей макро- и микроуровней социальной среды, микрофлуктуации по принципу резонанса разрастаются до макрофлуктуаций, а те разрушают одни,

но одновременно и создают другие, новые социальные структуры. Таким образом, хаос может выступать в качестве конструктивного начала.

Одновременно синергетика приводит к осознанию глубинной необратимости развития; в том числе и социального, его многовариантности и альтернативности как в исторической ретроспективе, так и в перспективе. Новое возникает в результате микро- и макрофлуктуаций как эмерджентное, то есть непредсказуемое и невыводимое из наличного, в виде спектра возможных путей развития, где вновь возникающее, являясь шагом вперед, всегда оказывается одновременно и шагом назад относительно предыдущего состояния. Таким образом, в развитии социальных процессов, равно как в природных, происходят определенные ритмические колебания, своего рода пульсации, о чем мы уже говорили при характеристике природных катастроф. Хорошо известно, что общество периодически сотрясается всякого рода катаклизмами, что очень ярко показано Л. Н. Гумилевым применительно к развитию этносов и цивилизаций [13]. В основе такой ритмичности лежат особенности диссипативных структур, характеризующихся неравновесными отношениями с окружающей средой и нелинейностью, альтернативностью развития, свойственного, как установлено И. Пригожиным, химическим, биологическим, социальным системам. Самая примечательная особенность нелинейного развития заключается в том, что «одни и те же нелинейности могут породить порядок из хаоса..., а при других обстоятельствах привести к разрушению того же порядка и в конечном счете к возникновению новой когерентности, лежащей уже за другой бифуркацией» [20, 55, 269].

Обобщая эти представления, сторонники синергетического, нелинейного мышления считают, что «мир пульсирующий, мир, имеющий свой «ритм жизни», подверженный периодическим колебаниям... на всех уровнях его иерархической организации — такая картина соответствует синергетическому видению». Если применить такой подход к развитию социальных систем, то оказывается, что живой порядок социальной самоорганизации — это порядок пульсаций, балансирования, колебаний между относительным доминированием государственного централизованного начала и стихией рынка, между кооперативностью, обобществлением собствен-

ности и ростом форм выражения автономного интереса и действия. Это следует из глубокой методологии разделения по времени двух противоположных начал мира, двух режимов развития процессов и необходимости их периодического переключения. «Иными словами, можно предположить неизбежность периодического чередования тенденций социализации экономики и социальных отношений (коллективизма, обобществления форм собственности, уравнительного распределения через социальные фонды) и их капитализации» [14, 46—47].

Изложенные принципы синергетического анализа реальности, в том числе и социальной, дают еще один аргумент в пользу диахронного подхода (разумеется, в органическом единстве с синхронным) к исследованию и осмыслению современного социально-экономического и политического развития в странах СНГ, подразумевающего необходимость рассмотрения исследуемого саморазвивающегося объекта в пульсации его противоположных состояний, тенденций, возможных перспектив. И здесь, как это нередко бывает, сущность социальных пульсаций применительно к анализируемым процессам революционного и катастрофического развития четче многих научных доктрин выражает поэтическое обобщение. «Революции — эти бичения кармического сердца, — писал выдающийся русский поэт и мыслитель М. Волошин, — идут ритмическими скачками и представляют непрерывную пульсацию катастроф и мировых переворотов» [11, 193].

Великолепный поэтический образ пульсации революции и контрреволюции в историческом развитии общества, созданный М. Волошиным, подтверждается реальными событиями почти всех революций, в том числе и английской, и французской, и российской. Исторический опыт свидетельствует, что не бывает революций без контрреволюций, без политических переворотов и контрпереворотов. Если вернуться к оценке августовских событий 1991 г. в Москве, ставших резонаторами социально-политических перемен на обширных территориях развалившегося Советского Союза, то приходится признать, что к настоящему моменту прошло еще слишком мало времени, чтобы однозначно интерпретировать данный процесс либо как революцию, либо, наоборот, как контрреволюцию. Ясно одно: прежняя социально-политическая система в результате грандиозной ката-

строфы развалилась, а на ее обломках создается новая (скорее всего — несколько новых) система, обладающая качественно новыми параметрами. Процесс этот длительный, противоречивый, а в своих конечных результатах — неопределенный. По своим основным особенностям он подпадает под тот класс социально-политических феноменов, которые называются «переходными процессами», или «процессами переходного типа». Однако социологическая и политологическая характеристика таких процессов требует специального рассмотрения [1, 2—3].

Но как бы мы ни оценивали переломные события, произошедшие в 1917—1918 и в 1991 гг. в судьбах русского, белорусского, украинского и других народов, входивших сначала в состав Российской империи, позже — в состав Советского Союза, а ныне развивающихся в системе СНГ, — в характеристиках революционности или контрреволюционности — несомненна катастрофическая сущность процессов, вызванных этими событиями. И в том и в другом случае терпела крах, разваливалась единая социальная целостность, возникали качественно иные социально-экономические и политические отношения, иные социальные структуры, на смену одним органам власти приходили другие, резко отличающиеся от первых своей социальной сущностью, политической направленностью, характером и формами деятельности. В одном и другом случае вслед за коренным преобразованием системы, а точнее говоря вслед за ее разрушением, начинали разворачиваться посткатастрофные процессы. Особенность нынешнего посткатастрофного развития заключается в том, что в них больше, чем в первом случае, элементов нестабильности, непредсказуемости, многовариантности, неустойчивости. Поэтому особенность посткатастрофного развития здесь проявляется резче, жестче, драматичнее.

Пожалуй, самая характерная черта современного социально-экономического и политического развития в странах, совершающих переход от тоталитарно-монистической системы к либерально-плюралистической (или, как еще ее именуют, демократической), заключается в том, что переходные процессы разворачиваются в них на общем неблагоприятном фоне сохранения высокого потенциала катастрофичности на всех этапах развертывания посткатастрофных событий — на пред-, пост- и

собственно катастрофном. Поэтому практически каждый шаг вперед по пути реформирования общества, его трансформации в качественно иную социальную систему наталкивается на огромные трудности, противоречия, почти постоянно подвергаясь опасности низвергнуться в пучину хаоса, катастрофических явлений и событий. Такое движение по силовым линиям катастрофичности — как по острию бритвы, где каждое неосторожное движение чревато падением в пропасть, побуждает как активных противников трансформационных процессов, так и их противников медлить, продвигаться с оглядкой, с опаской, удерживает от решительных действий, последствия которых могут оказаться не только непредсказуемыми, но и непоправимыми. Не будем забывать, что и «левые» и «правые» опасаются самого худшего и трагического варианта усиливающегося противостояния и противоборства — гражданской войны, которой наше ослабленное во всех отношениях — в экономическом, социальном, политическом, моральном и т. п. — общество не сможет перенести.

Вторая особенность современного посткатастрофного развития трансформирующегося общества состоит в стремительном нарастании кризисных явлений во всех сферах — в экономике, политике, социальной сфере, культуре и т. п. Темпы нарастания кризиса особенно резко проявляются в экономическом фундаменте общественного организма. Если в 1991 г. общий объем валового национального дохода в сопоставимых ценах снизился в сопоставлении с предшествующим годом в Республике Беларусь на 3%, в 1992 г. — на 11%, то в первой половине 1994 г. по сравнению с тем же периодом 1993 г. — на 35%. Одновременно резко снижается жизненный уровень населения Беларуси, большинство которого (почти 3/4) оказалось у порога бедности или ниже его, что свидетельствует о персонализации всеобщего кризиса, о превращении его в лично переживаемую почти каждым гражданином социальную доминанту.

Еще одна важная отличительная особенность развертывания посткатастрофных процессов в обществе проявляется в резком разрыве социальных, экономических, политических, научных и иных общественно значимых горизонтальных связей, следствием чего становится саморазрушение общества как целостной социальной

системы, его углубляющаяся дезинтеграция. К каким негативным последствиям это приводит, ощущает не только каждый хозяйствующий субъект, будь то государственное предприятие, коллективное хозяйство или частная фирма, научное учреждение или высшее учебное заведение, но и каждый индивид даже в его социально-бытовом восприятии реальности — невозможности отправить посылку, денежный перевод родственникам в ближнее зарубежье, неимоверные трудности с поездкой на отдых к Черному или Балтийскому морю и т. п.

Четвертая особенность посткатастрофного развития социальных систем проявляется в резком ослаблении их управляемости, в практической утрате реальной власти большинством властных структур. Неоднократными социологическими исследованиями, в том числе проведенными в режиме мониторинга как в Беларуси, России, так и в других странах СНГ, выявлена слабость, беспомощность государственной власти, не способной обеспечить не только достойный жизненный уровень, но и нормальный порядок в трансформирующемся обществе. Следует иметь в виду, что у подавляющего большинства граждан за нарастающим ощущением безвластности властных структур стоят не остаточный синдром зависимости от патерналистской власти, не ностальгия по «сильной руке» (хотя и такие настроения существуют), а вполне обоснованные и закономерные претензии и требования к законодательной, исполнительной, судебной ветвям власти за их слабую компетентность, неэффективность повседневной управленческой деятельности по охране общественного порядка, безопасности, обеспечению работы транспорта, медицинских учреждений, социальной защиты людей и т. п. Поэтому вполне закономерно, что на протяжении двух лет: с июня 1992 по июнь 1994 г. количество граждан Беларуси, негативно оценивающих деятельность парламента республики, возросло с 32 до 55%, то есть на 23 пункта, а правительства — с 24 до 56 — на 32 пункта. Такая смена оценок сказалась и на результатах первых президентских выборов, когда за А. Г. Лукашенко проголосовало более 80% избирателей, а за бывшего премьера В. Ф. Кебича — менее 17%, причем прежний спикер парламента С. С. Шушкевич даже не прошел во второй тур голосования, набрав в первом туре менее 10% голосов избирателей. Поддержав А. Г. Лукашенко, белорус-

ский народ в своем подавляющем большинстве проголосовал против прежних структур законодательной и исполнительной власти.

Далеки от реальной эффективности и действия местных органов власти. Только 49% респондентов в Беларуси и 43% — в России считают, что местные власти обладают достаточными возможностями, компетентностью и самостоятельностью, чтобы эффективно действовать в интересах экономического развития своих регионов. Если же перевести эту проблему в плоскость личного воздействия руководителя районного масштаба на развитие экономики и социальной сферы, то эффективность здесь снижается в 6—7 раз. Только 7% из них в Беларуси и 9% в России признали, что способны оказать большое влияние на экономическое развитие своего района [2, 3, 15, 31].

Еще одна существенная особенность посткатастрофного социального развития воплощается в атомизации личности, в ее изоляции и отчуждении от различных социальных общностей — территориальных, профессиональных, социокультурных и т. п., в нарастании у людей состояний тревожности, озлобленности, неуверенности в будущем. Опасных размеров достигает деструктивный в социально-экономическом и социально-психологическом плане процесс люмпенизации, формирования обширного «социального дна», представленного божмами, нищими, другими категориями социально обездоленных людей. Все это сопровождается резким снижением степени удовлетворенности жизнью. В 1987 г. абсолютное большинство жителей Беларуси (82,6%) выражали удовлетворенность жизнью в целом. В 1990 г. количество их снизилось до 19,8%, а в течение последующих трех лет уменьшилось еще вдвое, в результате чего в июне 1994 г. только один из десяти опрошенных в республике выражал удовлетворенность жизнью в целом. Здесь кроется самый опасный социально-психологический синдром посткатастрофного развития.

Растущая атомизация личности переплетается еще с одной специфической чертой кризисного, в том числе и посткатастрофного, развития общества — с возникновением и расширяющимся воспроизводством аномии, представляющим собой такое социальное состояние общества, когда перестают или почти перестают действовать механизмы и средства социального регулирования.

ния — нормы морали, права, распорядительные функции властей и т. п. Разгул беззакония принимает угрожающие размеры. Так, за первое полугодие 1993 г. в Беларуси зарегистрировано 7798 тяжких преступлений — более чем на 15% больше, чем в первом полугодии 1992 г.; в том числе: убийств, тяжелых телесных повреждений, грабежей, изнасилований. Нарастание криминогенности, соединяясь с деятельностью мафиозных структур и наглежащего коррумпированного чиновничества, угрожает превратить в мыльный пузырь, в словесную пустышку рассуждения о свободе личности, правах человека, правовом демократическом государстве.

Рассмотренные нами катастрофы, связанные с Октябрьской революцией и развалом СССР, всей системы социализма, носили глобальный, планетарный характер. Первая из них расколола человечество на две противоборствующие системы, перевела мир в состояние биоплярности, чреватое различными видами войн — горячих, холодных, психологических и т. п. Вторая, означавшая крах сообщества социалистических государств (которые, заметим, так подлинного реального социализма и не построили, оказавшись в тупике псевдосоциализма), устранила эту биоплярность мира, его разделение на две противоборствующие системы. Но, разрушив основание для глобального экономического, политического, военного противостояния двух противоположных социальных систем, она отнюдь не привела к исчезновению предпосылок для социальных катастроф меньшего радиуса действия. К середине 1994 г. в мире полыхало более 300 локальных вооруженных конфликтов, каждый из которых является подлинной катастрофой для вовлеченных в него народов и государств.

Несомненной социальной катастрофой непланетарного, нестранового масштаба было удушение национально-культурной самобытности белорусского народа в годы всевластия сталинизма. Геноцид в отношении белорусского народа начал осуществляться одновременно с массовой коллективизацией, на рубеже 30-х годов, когда одновременно рушились две основные опоры белорускости — крестьянская община и родной язык. Обвинения в контрреволюционной деятельности и репрессии против В. Игнатовского, В. Ластовского, Я. Лесика и других видных деятелей белорусской национальной культуры были только одним, правда весьма драматич-

ным, звеном в общем механизме денацификации. Но если процессы «раскулачивания», а фактически раскрестьянивания народа, разрушения его фольклорно-национальных традиций были общезначимыми и для белорусского, и для украинского, и для других народов, включая и русский, то проблемы национальной культуры и родного языка, а следовательно, и судеб национальной интеллигенции в каждом национальном регионе решаются по-разному, даже если их стремятся вмести́ть в общее прокрустово ложе «социалистической национальной политики».

Дело в том, что родной язык не только отличает данный народ от других, не только служит средством общения людей одной этнической группы, не только является основным инструментом и формой сохранения национальной культуры. Неся в себе все эти функции, он выполняет вместе с тем главную роль — быть основным условием и гарантом самого существования народа: ведь утрачивая свой язык, народ раньше или позже теряет черты самобытной этнической общности, растворяется в других народах, а такая социальная катастрофа оставляет невосполнимую брешь во всеобщей истории и культуре человечества.

Наиболее катастрофическими последствиями сталинская политика денацификации и русификации обернулась как раз для белорусского и украинского народов, чьи язык и культура генетически наиболее близки к русскому языку. При формально-юридическом статусе самостоятельной республики национальная культура и особенно язык на Украине, а в еще большей степени в Беларуси, стали фактически трактоваться как своеобразные диалектные разновидности русскоязычной культуры. Резко сузились пределы применимости родного языка, исчезли детские сады, большинство школ с национальным языком обучения, мизерными стали тиражи изданий на родном языке. Если в России на языке коренной национальности в 1959 г. тираж книг на одного человека составил 8,3, а в 1979 г. — 10,6, то в Беларуси — соответственно 1,2 и 0,9 экз. Более чем десятикратная разница — наглядное свидетельство целенаправленной политики, ориентированной на денацификацию, обернувшуюся подлинной катастрофой для белорусской национальной культуры.

О трагических масштабах ее свидетельствуют хотя

бы такие данные социологических исследований: к началу становления белорусской национальной государственности (1991 г.) среди жителей республики родным (по этническим признакам) языком в полной мере владело 91% русских, но только 51% украинцев и 47% белорусов. В то время произведения белорусских писателей на родном языке читали только 17% белорусов, 28% из них могли читать эти книги на русском и белорусском языках, зато свыше 40% предпочитали это делать в переводе на русский язык [2, 68—74]. Только с 1991 г. начинает претворяться в жизнь многогранная программа национального возрождения Беларуси, родного языка и культуры ее народа: открываются детские сады и школы с обучением на родном языке, вводится преподавание на белорусском языке в вузах, расширяются белорусскоязычные издания и т. п., вводится в действие закон, согласно которому государственным языком в республике является белорусский.

В чрезвычайно широком по объему классе социальных катастроф наряду с планетарными и страновыми, которые мы охарактеризовали выше, существуют локальные и даже точечные катастрофы, оборачивающиеся бедствиями и горем для небольших регионов, поселений, отдельных семей и индивидов. Смерть мужа или матери, гибель сына на войне или в автомобильной аварии, утрата веры в прежнюю систему ценностей и связанная с этим ломка мировоззренческих установок личности, развал семьи и многие другие несчастья — все это разнообразные проявления подобного рода социальных катастроф. Значительно меньший масштаб и радиус их негативного воздействия на людей отнюдь не делает их менее трагичными для тех индивидов и социальных общностей, на которые они обрушиваются, как правило, внезапно, усугубляя тем самым переживаемое горе.

Жизнь человека не только уникальна, неповторима, но и трагична, она не бывает без болезней, утрат, смертей. Поэтому даже при отсутствии крупномасштабных катастроф глобального и странового характера в социальном бытии человеческих сообществ всегда существует определенный катастрофический потенциал, обусловленный степенью рискованности окружающей социальной и природной среды, а также рискованностью действий самого человека. Но этот потенциал резко возрастает в условиях предкатастрофного, катастрофного и пост-

катастрофного развития общества. Так, в Беларуси в первом полугодии 1993 г. совершено 378 убийств, или на 15% больше, чем за такой же период предыдущего года. А каждое убийство — это же, конечно, трагедия, катастрофа не только для самой жертвы, но и для её родных и близких. Не будем забывать, что в случае индивидуальных катастроф психологические утраты нередко бывают более разрушительными для личности, чем физические или материальные, что резко усиливает их трагическое восприятие человеком.

Подводя итог сказанному, определим основные особенности социальных катастроф.

Первым и определяющим признаком наступления социальной катастрофы является развитие динамического социального хаоса, при котором состояние системы, функционирование основных ее структурных компонентов — экономики, политики, культуры, социальной организации — не соотносится адекватным образом с внутренними и внешними воздействиями на нее.

Вторая характерная черта рассматриваемого социального феномена состоит в наличии в нем катастрофического потенциала, выражающегося в возникновении кризисной, экстремальной (в случае революции — революционной) ситуации, при которой система становится неустойчивой, а напряжение в ней достигает величины, достаточной для резкого, скачкообразного изменения главных ее структур, ее распада как целостности или коренного качественного преобразования.

Третья особенность социальной катастрофы выражается в скачкообразном и чрезмерном для нормального, устойчивого функционирования данной системы снижении имеющихся в ее распоряжении ресурсов выхода из катастрофического состояния — экономических, управленческих, финансовых и других.

Четвертая особенность социальной катастрофы состоит в разрушении горизонтальных социальных связей, что выражается в развале экономики, дезинтеграции социальных общностей — территориальных, производственных, демографических, этнических, сословных, профессиональных, культурных и др., приводящих в конечном итоге к (само)разрушению общества как социальной системы, как организованно функционирующей целостности.

Пятая специфическая черта социальной катастрофы

проявляется в социальной атомизации, в нарушении, а затем и разрушении социальной идентификации — путей и способов включения индивидов в профессиональные, территориальные, субкультурные и иные общности, что оборачивается маргинализацией и господством в обществе социальной аномии — беззакония с различными формами отклоняющегося поведения, преступности, наркомании, проституции, казнокрадства, взяточничества и т. п.

Шестая особенность характеризуемого социального процесса состоит в разрушении и резком изменении сложившихся традиций, образцов, стереотипов поведения, что проявляется в таких социально-психологических формах, индивидуальных и групповых (в основном в действиях толпы), как внушение, обман, страх, подражание, паника, озлобленность, агрессивность.

Седьмая его специфическая черта проявляется в иррационализации общественного сознания, в резком сужении в нем сферы рациональных доводов, разумного начала, в упадке духовной культуры и нравственности, в неимоверном возрастании озлобленности и бессмысленной жестокости, проявляющихся в межнациональных, межтерриториальных, межклассовых и иных конфликтах, в обостряющемся политическом противостоянии, в конституционных кризисах, политических переворотах и т. п.

Перечисленные отличительные черты свидетельствуют, что социальные катастрофы представляют чрезвычайно сложные феномены, требующие углубленного комплексного исследования — экономического, политологического, социально-психологического и т. п., без чего невозможно раскрыть их сущность, своеобразие протекания и пути конструктивного выхода общества из катастрофического состояния.

Раздел III

ИНДИВИДЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ КРИЗИСОВ И КАТАСТРОФ

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Почти экспоненциальный рост по масштабам и негативным последствиям аварий и катастроф, с которыми пришлось столкнуться человечеству в XX столетии, выдвинул проблему социально-психологического анализа поведения индивидов и социальных общностей в аномальных условиях. Воздействие неблагоприятных факторов на человека, попавшего в экстремальную ситуацию, может варьировать в широком диапазоне: от единовременного воздействия аварии на железнодорожном или автомобильном транспорте до длительного стрессового состояния, вызванного взрывом атомного объекта и последующими посткатастрофными процессами, связанными с радиоактивным загрязнением обширных прилегающих территорий.

Социально-психологические исследования, проведенные с лицами, испытавшими на себе негативное воздействие экстремальных ситуаций, вызванных различного рода авариями и катастрофами (землетрясения, взрыв нефтепровода, авария на железнодорожном транспорте, взрыв ядерного реактора и т. п.), убеждают, что во всех без исключения случаях в аномальных условиях у большинства людей возникают стрессовые ситуации и синдром тревожности. Причем, как установлено Л. А. Китаевым-Смыком, реакции стрессового характера возникают у индивида, находящегося в экстремальной ситуации, преимущественно вследствие:

1. Многократной монотонной стимуляции централь-

ной нервной системы сложным комплексом конфликтов между прогнозируемой и реально-появляющейся обратной афферентацией зрительной, слуховой и иных модальностей;

2. Накапливающейся с каждым стимулом информации о неэффективности комплекса адаптационного реагирования, вызванного этими стимулами [7].

Состояние тревожности и амплитуда процессов адаптации того или иного индивидуума к экстремальным условиям в значительной степени определяются особенностями его ориентировочной реакции, избирательностью внимания, специфической эмоционально-волевой регуляции деятельности и т. д. Анализ динамики адаптационных процессов показал, что для лиц с преобладанием эмоционального типа саморегуляции характерны высокий уровень личностной и ситуативной тревожности, высокие показатели несправности и напряженности деятельности и общения. Их отличают низкие адаптивные возможности и неустойчивость к действию экстремальных факторов. Те же лица, у которых хорошо развита волевая регуляция, успешно снижают уровень эмоциональной напряженности, они более активны, деятельность их гораздо продуктивнее, однако вследствие этого они быстро исчерпывают свои резервы, а это приводит к резкому снижению их возможностей и надежности. Наиболее устойчивыми к воздействию экстремальных факторов и надежными в профессиональной и иных сферах деятельности оказались индивиды, обладающие развитой волевой саморегуляцией и сформированными приемами произвольной саморегуляции, направленными на восстановление психофизиологических ресурсов.

Таким образом, можно сделать вывод, что выживаемость человека и его более или менее нормальная жизнедеятельность зависят не только от объективных характеристик экстремальной ситуации, но и от психологических особенностей личности, оказавшейся в такой ситуации. На основании обобщения данных многих социально-психологических исследований можно предположить, что меньше всего предрасположены стать жертвой катастрофы люди, у которых слабее проявляется стихийное, неконтролируемое поведение в случае внезапного возникновения экстремальной ситуации. Их способность эффективно адаптироваться к резко изменившимся, чрезвычайным условиям определяется преж-

де всего способностью осуществлять произвольную саморегуляцию своих поступков, умением заблаговременно прогнозировать, как бы мысленно «проигрывать» картины возможных опасностей и планировать в связи с этим свои возможные действия при наличии опасной ситуации.

В частности, было замечено, что низкорективные индивиды — экстраверты реагируют на неблагоприятные факторы увеличением интенсивности эмоциональных реакций, у них происходит накопление отрицательно окрашенных эмоций до высокого уровня, что приводит к оценке ситуации как стрессогенной, требовательность к окружающим выражена выше, чем к себе, личностные установки чаще всего эгоцентричны, сосредоточены на защите своего «я» [9, т. 12, 69—72].

Установлено также, что наиболее успешно адаптируются к экстремальным ситуациям те индивиды, которые стремятся к полному, детальному и осознанному отражению в сознании и действиях своего психического состояния, что дает им возможность вырабатывать соответствующие изменяющейся обстановке способы самовоздействия и саморегуляции. У них быстрее и эффективнее формируется психический аппарат самоконтроля своего состояния и поведения, являющийся одновременно условием адекватности отражения человеком своего внутреннего мира и окружающей его реальности. Сформированность же такого механизма позволяет успешно использовать волевые усилия и широкий спектр способов и приемов произвольной психофизиологической регуляции. Итогом же всего этого становится более эффективная адаптационная стратегия, обеспечивающая более высокую надежность деятельности в данных экстремальных условиях [6, т. 12, 59—62].

Изучение психофизиологического состояния людей, пострадавших в результате взрыва газа и железнодорожной катастрофы на перегоне Улу—Телек—Аша 3 июня 1989 г., показало, что те или иные изменения в психической сфере обнаруживаются практически у 100% обследуемых. Среди наблюдаемых психопатологических синдромов преобладали астенодепрессивные состояния (у 56% обследованных) и психогенный ступор (23%). Гораздо реже наблюдались общее психомоторное возбуждение (11%), выраженный негативизм (4%), бредовогаллюцинаторные состояния (3%), неадекватность

поведения (3%), причем бредовые симптомы в ряде случаев сменялись ситуационной эйфорией, особенно у лиц, не сумевших оказать помощь близким и несущих в себе чувство вины. Весьма характерной являлась психогенная анестезия полученных травм и ожогов в первые 5—10 мин (а у лиц с повышенным чувством ответственности, например, у должностных лиц поезда бригады, даже до 15 мин) после взрыва. Одновременно наблюдалась значительная мобилизация (сверхмобилизация) психофизиологических резервов и физических сил: некоторые пострадавшие выбирались из перевернувшихся на бок вагонов с заклинившимися выходами из купе, в прямом смысле раздирая руками перегородки крыши.

Наблюдались существенные изменения в психическом состоянии и у обследованных членов аварийно-спасательных команд. 98% из них отмечали, что испытали «страх и ужас от увиденного», 68% указывали на чувство растерянности, слабость в конечностях. В 20% случаев собственное состояние спасателей по прибытии на место катастрофы характеризовалось ими как предобморочное. Ориентировочная оценка снижения уровня работоспособности в первые часы после прибытия на место катастрофы составляла около 50%. Из этого следует необходимость предварительного проведения психо-профилактических и психотерапевтических мероприятий с членами команд и подразделений, направляемых для проведения аварийно-спасательных работ в районы катастроф и стихийных бедствий [13, т. 11, 96—101].

Выявлены специфические особенности психических расстройств у детей и подростков, пострадавших в железнодорожной катастрофе. На первом этапе (от начала взрыва до начала организованных спасательных работ) у них наблюдались преимущественно аффективно-шоковые реакции с паническим страхом, бессмысленным, бесцельным психомоторным возбуждением, отсутствием критической оценки ситуации (реакции по типу «двигательной бури»). На последующих этапах у младших детей преобладали тревожность, раздражительность, страхи, поведенческие реакции протеста и отказа, у подростков — чувство вины перед погибшими, страх смерти, утрата надежд на восстановление социальных позиций. Особые переживания вызывали у подростков косметические дефекты открытых частей тела: лица, волосистой части головы, шеи, кистей рук, которые обусловили фор-

мирование у них сверхценного симптомокомплекса. Их сильно угнетала обезображенность своего облика, с тревогой относились они к тому впечатлению, которое производят или могут произвести на окружающих в связи с косметическими дефектами [3, т. 91, 75—77].

Люди, оказавшиеся в экстремальных ситуациях аварий и катастроф, проходят ряд этапов в своих психологических состояниях. Сначала возникает острый эмоциональный шок, который характеризуется общим психическим напряжением с преобладанием чувства отчаяния и страха, обострением восприятия. Такое поведение нередко сопровождается проявлениями безрассудной смелости (особенно при спасении близких) при одновременном снижении критической оценки ситуации.

Затем наступает психофизиологическая демобилизация, характеризующаяся существенным ухудшением самочувствия и психоэмоционального состояния с преобладанием чувства растерянности, панических реакций (нередко — иррациональной направленности), понижением моральной нормативности поведения, снижением уровня эффективности деятельности и мотивации к ней, депрессивными тенденциями. На этом, втором, этапе степень и характер психогенных нарушений во многом зависят не только от самой экстремальной ситуации, ее интенсивности, внезапности возникновения, продолжительности действия, но и от особенностей личности пострадавших, а также осознания ими как продолжающейся жизнеопасной ситуации, так и новых стрессовых воздействий (утрата родных, разобшение с семьей, потеря имущества и т. п.).

На смену этому этапу приходит стадия разрешения, когда постепенно стабилизируется настроение и самочувствие, однако сохраняются пониженный эмоциональный фон, ограничение контактов с окружающими, происходит снижение умственной работоспособности. Затем наступает стадия восстановления, когда активизируется межличностное общение, нормализуется эмоциональная окраска речи и мимических реакций [12, т. 10, 127—128].

На третьем этапе развития психогенных реакций у лиц, пострадавших в катастрофах, происходит сложная эмоциональная и когнитивная переработка ситуации, оценка своеобразных переживаний и ощущений, своеобразная «калькуляция» утрат. При этом актуальность

приобретают также психогенно-травмирующие факторы, связанные с изменением жизненного стереотипа, проживанием в разрушенном районе или в месте эвакуации. Становясь хроническими, эти факторы способствуют формированию относительно стойких психогенных расстройств. Их особенностью является наличие выраженного тревожного напряжения, страха, различных вегетативных дисфункций, порождающих впоследствии психосоматические нарушения. У переживших жизнеопасную ситуацию значительно снижается работоспособность, а также критическое отношение к своим возможностям [2, т. 91, 39—43].

В экстремальных ситуациях пострадавшие вольно или невольно стремятся к тому, чтобы облегчить свое состояние. На основе изучения смысловой наполненности негативных переживаний у пострадавших при землетрясении в Армении психологами были выделены четыре типа защитных реакций:

1. Реакция избегания, или ухода из ситуации, когда пострадавшие импульсивно выбрасывались из окон, боясь остаться в разрушенном доме, или намеренно закрывали глаза, лежа под плитой в завале, чтобы не видеть окружающего их ужаса;

2. Реакция смирения, или пассивного подчинения ситуации. Смысл этих переживаний выразился в словах: «Что будет, то будет», «От меня ничего не зависит»;

3. Реакция аутоагрессии, которая проявлялась в попытках лишить себя жизни, чтобы не испытывать мучительных страданий. Эти действия не были мотивированы истинным желанием умереть, а побуждались стремлением избавиться от невыносимой боли;

4. Реакция самопомощи, когда пострадавшие прибегали к активным действиям, направленным на оказание помощи себе и другим. Находясь в завале, люди не теряли надежды на спасение — они кричали, звали на помощь, старались успокоить своих близких, делали попытки выбраться из завалов. Они старались сохранить самобладание в столь трагической ситуации, чтобы спасти жизнь себе и своим близким. Именно стремление сохранить жизнь другим позволяло пострадавшим овладеть своим состоянием, не поддаваться панике.

Описанные типы реакций характеризовались разной степенью включенности механизмов саморегуляции и разным смысловым отношением пострадавших к слу-

жившемуся. Реакции избегания и аутоагрессии целиком определялись негативными чувствами страха, угрозы, ужаса и т. п., а механизмы смысловой регуляции действовали здесь преимущественно на неосознаваемом уровне. Реакции самопомощи и подчинения ситуации были опосредованы сознательной позицией, которая позволяла осмыслить и принять случившееся, овладеть своим поведением и уменьшить негативные переживания [8, т. 13, 57—58].

Однако какие бы защитные реакции пострадавшими от катастроф и стихийных бедствий ни вырабатывались, все-таки в большинстве случаев у них развивались отчетливо выраженные состояния психической дезадаптации. Важнейшим показателем такого состояния становится нехватка степеней свободы адекватного и целенаправленного реагирования в условиях психотравмирующей ситуации — от психологически понятных, по существу защитных физиологических реакций до выраженных патологических состояний. Для характера и степеней выраженности таких процессов важное значение имеет наличие или отсутствие видимых, сенсорно ощущаемых проявлений катастрофы. Так, во время ураганов, сильных землетрясений, взрывов жизнеопасная ситуация вполне конкретна. Она определяется пониманием неотвратимости катастрофического исхода, что приводит к развитию неспецифических внеличностных аффективно-шоковых реакций, основу которых составляет страх различной интенсивности. Иная ситуация складывается при отсутствии в остром периоде катастрофы внешних признаков угрозы жизни и здоровью. В этих случаях аффективно-шоковые реакции развиваются только при осознании пострадавшими еще невидимого, но уже произошедшего поражения, что случилось, например, после аварии на Чернобыльской АЭС. Главное место здесь занимали не аффективно-шоковые, а адаптационные реакции, полиморфные невротические расстройства, при которых преобладали фобии [2, т. 91, 41].

Американскими специалистами по посттравматическим стрессовым нарушениям (Дж. Х. Лайонс и др.) выделены основные социальные факторы, влияющие на успешность адаптации жертв психической травмы: отсутствие физических последствий травмы (уродство, инвалидность), прочное финансовое положение, сохранение прежнего социального статуса, наличие социаль-

ной поддержки со стороны общества и особенно группы близких людей. При этом последний фактор влияет на успешность преодоления последствий травматического стресса в наибольшей степени (Фишер К., Смит Дж.). Если такая поддержка отсутствует, то возрастает вероятность дезадаптации жертв травмирующего события (Бэррет Т., Майрес Дж., Кард Дж., Фостер Д.) [15, т. 13, 22].

Сильно действующим психотравмирующим фактором в экстремальных ситуациях становятся потери: большого числа населения, огромного числа детей — генофонда нации, близких и дальних родственников, имущества, работы. Во многих случаях люди оказываются настолько невротизированными, что начинают предпринимать бессмысленные действия или без умолку повторять рассказ о своих субъективных переживаниях страха. Взрослые при этом оказывали вторичное воздействие на детей своими эмоциональными переживаниями и действиями, связанными с потрясением и возникшими социально-психологическими проблемами. В итоге наступает цепное невротизирующее всех взаимодействие. Все это влияет на обострение у взрослых и детей хронических болезней (терапевтических, нервных и др.).

В условиях аварии, катастрофы, стихийного бедствия люди оказываются в критических ситуациях. На протяжении своего длительного существования человечество выработало защитные психологические механизмы, с помощью которых человек преодолевает критические жизненные ситуации, когда он оказывается в положении невозможности реализации своих потребностей, установок, ценностей и т. п. Одним из таких механизмов, как установил профессор Ф. Е. Василюк, является переживание, понимаемое не как некая форма созерцания, а как особый вид деятельности, направленный на восстановление душевного равновесия, утраченной осмысленности существования в ситуациях стресса, фрустрации, конфликта, кризиса. Дело в том, что, оказавшись в условиях экстрема, «человек всегда сам и только сам может пережить события, обстоятельства и изменения в своей жизни, породившие кризис. Никто за него этого сделать не может, как не может самый искушенный учитель понять за своего ученика объясняемый материал». Переживание индивидом кризисной ситуации, в которой он оказался, — это продуктивный процесс, это работа,

направленная на психологическое обеспечение смысло-жизненных установок в самых неблагоприятных критических условиях, на восстановление возможности реализации жизненных потребностей тогда, когда они внешними экстремальными воздействиями превращаются отчасти, а то и вовсе в недостижимые с позиций прежнего докризисного опыта. Поэтому переживание в предельно абстрактном понимании — «это борьба против невозможности жить, это в каком-то смысле борьба против смерти внутри жизни» [4, 78].

Именно такая смысло-жизненная установка характерна для лиц, оказавшихся в условиях посткатастрофного развития, в частности в зоне радиоактивного загрязнения, вызванного аварией на Чернобыльской атомной электростанции. Проведенные сотрудниками Института социологии Академии наук Беларуси исследования в пострадавших от Чернобыльской катастрофы районах Гомельской и Могилевской областей показали, что на протяжении восьми лет, прошедших после взрыва на атомном реакторе, количество таких депрессивных состояний, как страхи, тревожность, пессимистичность, беспомощность, практически не снижается. Так, во время социально-психологического обследования, проведенного в ноябре 1993 г. сотрудниками Института социологии АН Беларуси в ряде районов Гомельской и Могилевской областей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, установлена зависимость боязни ухудшения здоровья от уровня радиоактивного загрязнения. Так, например, в зоне с уровнем загрязнения территории до 5 кюри такие опасения характерны для 80% опрошенных, с уровнем загрязнения от 5 до 15 кюри — для 84%. При этом ипохондрические тенденции, связанные с чрезмерной озабоченностью своим здоровьем, выявлены у 21,4% опрошенных. Причем показатель ипохондричности сильно коррелирует с возрастом и полом пострадавших. Он возрастает от 6,2% в группе респондентов младше 20 лет до 34% у респондентов старше 50 лет и от 13,8% у мужчин до 27,7% у женщин. Показатель пессимистичности подвержен аналогичным колебаниям: от 19,3% у мужчин до 38,3% у женщин. Двукратное превышение ипохондричности, пессимистичности (то же самое относится и к состоянию тревожности) у женщин по сравнению с мужчинами отрицательно сказывается на самочувствии детей в семье, где ведущая роль принадлежит женщинам.

В итоге во многих семьях у детей формируется социально ущербная психология жертвы, что оказывает существенное деструктивное влияние на ценностные ориентации и смысложизненные установки формирующейся личности, осложняет процесс ее идентификации в различные социальные группы — профессиональные, субкультурные и др. Приведенные данные свидетельствуют о чрезвычайной устойчивости посткатастрофных стрессов, вызванных столь крупномасштабной и опасной для здоровья и жизни людей катастрофой, как Чернобыльская.

В названном случае мы имеем дело с трансграничной и трансвременной сущностью посткатастрофного стресса, охватывающего большие массы людей далеко за пространственными пределами территории, прилегающей непосредственно к месту атомной аварии. Речь идет здесь об изучении определенного негативного состояния не индивидуального или группового (как при обычной аварии), а массового общественного сознания, обусловленного сдвигами как в среде проживания большой совокупности людей, так и в их социально-психологических состояниях. Посткатастрофные стрессы в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, именно в силу своей длительности, широкой воспроизводимости, недостаточной изученности способны, как показывает опыт мониторингового социологического исследования, спровоцировать непредсказуемые поведенческие реакции, которые хотя и проявляются по-разному у людей в зависимости от их возраста, пола, образовательного и культурного уровня, профессиональной компетентности и т. п., тем не менее все чаще становятся источником социально негативного поведения (чрезмерная озлобленность, приверженность алкоголю, немотивированная агрессивность и др.), а также возрастания социальной напряженности.

К тому же Чернобыльская катастрофа явилась мощным стимулятором для выявления в семье, группе сверстников, коллег по работе, в территориальной поселенческой общности (деревня, город) скрытых противоречий двух социально-психологических ориентаций: возник достаточно ощутимый конфликт рационального и эмоционального начала в мироощущениях многих людей. Очень многие, особенно женщины, имеющие маленьких детей, охвачены до сих пор настроениями тревожности и страха; не верят рациональным объяснениям суще-

ствующей посткатастрофной ситуации, от каких бы компетентных лиц эти объяснения не исходили. Таким образом, строго рационалистическое объяснение столкнулось с эмоциональной реакцией, которая многими экспертами (радиобиологами, медиками, социологами, психологами) характеризуется как преимущественно иррациональная, истеричная, радиобоязненная.

Кроме того, в массовой психологии сотен тысяч людей, испытавших на себе воздействие радиации, сложилось отчетливо выраженное различие в восприятиях естественных природных катастроф (например, землетрясение в Армении) и вызванных нерациональной антропогенной деятельностью технологических катастроф. Последние явно имеют более мощные и долговременно действующие негативные последствия для психосоциальной ситуации. Природные катастрофы, лежащие вне сферы контроля и управления со стороны человека, воспринимаются преимущественно в фаталистическом смысле. Технологические же, особенно Чернобыльская, воспринимаются обыденным сознанием как результат выхода ситуации из-под контроля, который человек уже имел, плохо им пользовался, а в результате утратил. В связи с этим у многих людей, проживающих в зоне радиоактивного загрязнения (да и за ее пределами), возникает неизбежный в таком случае вопрос: а можно ли вообще доверять экспертам, персоналу атомных электростанций, представителям органов власти, особенно в экстремальных ситуациях? Чаще всего ответ на этот вопрос оказывается отрицательным.

Таким образом, соотношение дезадаптационных и адаптационных механизмов в поведении отдельных индивидов и их различных общностей (семья, группа сверстников, трудовой коллектив, поселенческая структура и т. д.) зависит не только от готовности людей к активной деятельности в экстремальных ситуациях, их социально-психологической устойчивости, волевой и физической закалки, то есть от субъективных качеств человека. Еще в большей степени оно определяется поддержкой (или ее отсутствием) окружающих, наличием наглядных примеров мужественного поведения, оперативностью и достоверностью получаемой информации о развитии экстремальной ситуации, оперативностью и эффективностью помощи со стороны медицинских учреждений, а особенно органов власти и управления.

Поэтому вполне обоснованным представляется вывод о том, что динамика, компенсация и, напротив, декомпенсация пограничных форм социально-психологических расстройств, а также адаптационной деятельности на различных этапах течения экстремально возникшей жизнеопасной ситуации зависят главным образом от решения социальных проблем, в которых оказались пострадавшие. Собственно медицинские и медико-профилактические мероприятия в этих случаях носят в известной мере вспомогательный характер.

Во всех процессах посткатастрофного развития, включая и социально-психологические состояния людей, подвергшихся радиоактивному воздействию, решающая роль принадлежит динамике социоэкологической и межличностной среды, в которых оказываются индивиды и социальные группы, то есть социальным факторам. Поэтому ликвидировать или хотя бы смягчить негативные последствия любой катастрофы, особенно такой крупномасштабной по своим разрушительным действиям, как Чернобыльская, можно только при мобилизации огромных по размерам и длительных по времени действия социально-экономических, организационных и социально-психологических ресурсов. Этот вывод представляется нам еще более оправданным и конструктивным, когда имеется в виду социальная катастрофа, втягивающая в свою орбиту сотни тысяч и миллионы людей, испытывающих в таком случае резкое снижение ресурсообеспеченности всех сфер своей жизнедеятельности.

Глава 2

ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВОК ИНДИВИДОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В УСЛОВИЯХ КАТАСТРОФНОГО И ПОСТКАТАСТРОФНОГО РАЗВИТИЯ

Любая катастрофа затрагивает (а часто и разрушает) смысложизненные ориентации людей, их социально-экономические и политические позиции, идеалы, ценностные предпочтения. Особенно болезненно такого рода процессы протекают в случаях, когда люди оказываются втянутыми в социальные катастрофы, ибо они никогда не протекают помимо общественной деятельности определенных социальных групп, нередко принимающей форму острого конфликта, включая и самый разрушительный из них — вооруженное столкновение противоборствующих сил. Но даже если до такого прямого столкновения с применением вооруженных сил (революция, контрреволюция, гражданская война) не доходит, социальная катастрофа не обходится без многочисленных разрушений и жертв, включая самые тяжелые и непоправимые — гибель людей.

Достаточно вспомнить основные события завершающегося XX столетия на территории России, Беларуси, Украины и других сопредельных стран, чтобы данная особенность разворачивания катастрофных и посткатастрофных процессов в обществе стала очевидной. Ведь в этих странах уже после Октябрьской революции разразилась невероятная по своим трагическим последствиям цепь катастроф. К ним, несомненно, относится коллективизация, обернувшаяся раскрестьяниванием в то время преимущественно сельскохозяйственного края, а следовательно, и катастрофическим снижением жизненного уровня его населения, большинство которого оказалось в начале 30-х годов на грани голода. Величайшей социальной катастрофой для белорусского народа и его культуры, национального самосознания стал геноцид в отношении белорусской интеллигенции, лучшие представители которой были репрессированы, отправлены в ссылку, а

многие погибли в застенках НКВД в 1937—1940 гг. Еще более сокрушительной катастрофой для республики и ее народа обернулась Великая Отечественная война, фронты которой дважды прокатились по ее территории, унеся из жизни четверть ее населения — 2 млн. 200 тыс. человек, разрушив до основания промышленность, сельское хозяйство, транспорт, науку, образование, здравоохранение.

Не забудем, что за семь с небольшим десятилетий в условиях господства тоталитарной диктатуры произошло, по крайней мере, трехкратное катастрофическое уничтожение не только белорусской национальной культуры, но и генофонда белорусской нации, который восстанавливается очень медленно. Сначала в годы октябрьского переворота и гражданской войны были уничтожены аристократия, буржуазия, высшие слои интеллигенции. Затем в годы массовых репрессий — интеллектуальная элита, наконец, в годы войны — самые трудоспособные, энергичные люди.

В наибольшей степени пострадала Беларусь и от Чернобыльской катастрофы, которая имела характер не только технологического и экологического бедствия, но прежде всего — характер социальной катастрофы, ставшей неизбежной в такой социально-политической системе, где экономили на всем, включая здоровье и даже жизнь человека, превращенного в винтик бездушной системы тоталитаризма.

Такие же или примерно такие социальные катастрофы выпали на долю и других народов бывшего Союза ССР, включая и наших ближайших соседей — Украину, Литву, Россию. Нарастание катастрофических процессов в разных регионах и в разных сферах жизнедеятельности, начиная с экономики и кончая духовной жизнью, неизбежно должно было привести и привело к крушению тоталитарной системы власти. Однако крах тоталитаризма и развал громадной империи становится не столько завершением, сколько началом множества бифуркационных процессов, означающих в своей совокупности наступление болезненного в социальном смысле перехода общества в качественно иное состояние. Вслед за крахом тоталитарно-административной системы, означенным исчезновением с политической арены единственной и неограниченно правящей партии с всевластием ее обожествляемой верхушки — Политбюро ЦК КПСС, проис-

ходит развал великой прежде страны — СССР на 15 (а в перспективе, может быть, и на большее число) самостоятельных, независимых государств. Этот катастрофический по своей сущности процесс сопровождается крахом единой экономики, разрывом хозяйственных связей, резким падением объемов производства, еще более резким ростом цен и катастрофическим снижением уровня жизни подавляющего большинства населения. Результаты проведенного в начале 1994 г. Институтом социологии Академии наук Беларуси исследования показали, в частности, что 66,8% населения республики живут за чертой бедности, относя себя (по самооценкам) к числу «бедных» и даже «нищих» (17%).

Катастрофические процессы распада в социально-экономической сфере усугубляются и усиливаются еще более катастрофическим обеднением духовной жизни. Крушатся старые мифы, но вместе с ними умирает всенародная любовь к великой художественной литературе. Властителями дум наших современников становятся уже не Л. Толстой, Ф. Достоевский или А. Пушкин, а С. Чейз и А. Кристи. Литературные критики и околосредовая публика кощунствуют над М. Горьким, В. Маяковским, М. Шолоховым, а любители кинематографа восторгаются ныне не шедеврами С. Эйзенштейна и А. Тарковского, а сомнительными похождениями и победами киногероев Шварценегера и Сталоне.

Не только киноэкран, но и театральные подмостки захлестнули мутные волны бездуховности, «чернухи» и «порнухи». Во всех сферах духовной жизни железную диктатуру партии сменила мягкая, но не менее разрушительная диктатура коммерции и хаоса. Развернулась невиданная прежде «утечка умов» из стран СНГ. Озабоченному проблемами выживания «человеку с улицы» — обычному гражданину — не остается времени для чтения подлинного художественного шедевра, посещения театра или филармонического концертного зала, оперного театра, а искусство и наука, лишённые притока свежей крови в лице способной молодежи и серьезных ассигнований из бюджета, гаснут и переживают глубокий кризис, грозящий обернуться духовной катастрофой общества.

В условиях нарастающего духовно-нравственного хаоса во всех сферах интеллектуально-духовной деятельности — в науке, литературе, кинематографе, книгоиздательстве, театре, различных зрелищных видах массовой

культуры и т. п.— зрительский, читательский интерес резко качнулся в сторону политизированных публикаций и шоу, а также тем и образов, еще недавно запрещенных: секс, насилие, мистика, астрология. Серьезная же художественная литература, серьезное кино, в значительной мере и музыка оказались оттесненными на периферию массового спроса. Кинорынок и книжный прилавок захлестнула яркая по цветовой гамме, но мутная по социально-нравственному и духовному смыслу волна эротической низкопробщины, насилия, суеверий. Большинство господствующих там бестселлеров, кинолент рассчитаны на зрителя и читателя, не обладающего высоким художественным вкусом и не обремененного интеллектуальностью. Та же тенденция, даже еще более отчетливо, проявляется в массовых музыкальных шоу. Высокопрофессиональные пользующиеся широким признанием и авторитетом писатели, кинорежиссеры, музыканты, критики с нарастающей тревогой говорят о том, что остро сюжетные романы и повести, киноленты, шоу-программы, имеющие гораздо больше шансов на продвижение к широкой публике в условиях перехода к рыночным отношениям, притупляют «болевого порог» читательского, зрительского, слушательского восприятия. Читатель, зритель, слушатель перестает реагировать на нюансы, художественные, режиссерские, актерские достоинства произведений, он их просто не воспринимает, подобно тому, как человек с дефектом зрения не различает определенных цветовых оттенков окружающей действительности.

Наступление массовой культуры идет одновременно с коммерциализацией, о которой с нарастающей тревогой говорят многие подлинные мастера культуры, особенно те, кто всерьез озабочен возрождением национального самосознания и национальных традиций в культуре. Массовая культура, лишенная классовых, группово-специфических, а нередко и национальных черт и особенностей, беспрепятственно и быстро перешагивает всякие региональные, страновые и национальные границы. Широко распространяясь благодаря массовым шоу, а еще больше — средствам массовой информации, она пронизывает все сферы общественной жизни и становится серьезным фактором омассовления и стандартизации эстетических запросов и вкусов, что отнюдь не способствует их индивидуализации и возвышению, без чего едва ли возможен культурный подъем нации, народа, страны.

Духовный разброд, усугубляющийся в органической взаимосвязи с нарастающим социально-экономическим кризисом и постоянно пульсирующей, то обостряющейся до предела, то затухающей политической нестабильностью, приводит к атомизации личности, ее отчуждению от политики, ценностей культуры, разностороннего межличностного общения. В таких условиях многие люди замыкаются в узкий мирок социально-бытовых проблем, впадают в апатию, в тревожные психологические состояния. Проведенные в ноябре—декабре 1994 г. Институтом социологии АН Беларуси социально-психологические исследования в Гомельской и Могилевской областях показали, что пессимистическими настроениями охвачены 19,3% обследованных мужчин и 38,3% женщин. Для 62,6% опрошенных характерна неуверенность в будущем. Разумеется, здесь нельзя не учитывать деструктивного воздействия на социально-психологические состояния респондентов влияния посткатастрофных процессов, возникших в этой части Беларуси в результате аварии на Чернобыльской АЭС, но такая же неблагоприятная тенденция в самоощущениях различных групп населения, только несколько меньше выраженная, характерна и для других регионов республики.

Такой разворот событий в экономической, политической, духовной, социально-психологической сферах посткатастрофного общества оборачивается для многих индивидов восприятием общественных кризисов и катаклизмов как лично переживаемой катастрофы. Глубже и полнее понять это состояние позволяет его научная экспликация, проведенная известным специалистом в области катастрофологии Б. Рафаэлем. «Под личностными катастрофами, — пишет он, — я имею в виду те индивидуальные случаи в повседневной человеческой жизни, которые выступают как источники страданий и могут принимать форму опустошающих и очень острых непредсказуемых, бесконтрольных и опустошающих воздействий на человека извне: смерть и разрушение любви, дома, оскорбления, увечье, насилие, болезнь». Развивая эту тему, он отмечает, что катастрофы несут в себе мощный социально-психологический заряд, связанный либо с массовыми психологическими состояниями, либо с психодинамикой личности. Особо выделяется при этом «саморазрушающий и воспроизводящийся человеческий конфликт, специфический для сферы межличностных отношений,

который является величайшим источником человеческого дистресса, деморализации и в котором заключен смысл персональной катастрофы» [9, 4]. Итак, персональная катастрофа выступает в большинстве случаев как личностное воплощение конфликтной ситуации в межличностных отношениях, вызывающей дистресса, деморализацию и саморазрушение личности.

Разумеется, восприятие окружающих событий как личной катастрофы тем или иным индивидом обусловлено прежде всего трагическими лично для него событиями — смертью близкого человека, крахом карьеры, увечьем, оскорблением и т. п. Но оно возникает и в сфере межличностных отношений, в чем решающую роль могут сыграть и экономический кризис, и социально-политическая нестабильность, и духовная опустошенность отношений с ближайшей социальной средой — семьей, товарищами по работе, субкультурной группой и т. п. Такого рода деструктивные социально-психологические процессы, выбивающие личность из привычной ей социальной колеи, из ставших внутренней потребностью форм и содержания межличностных отношений, специфичные для катастрофных и посткатастрофных условий развития общества, обычно квалифицируются как нравственный ригоризм. Его социально-духовная сущность выражается в преобладающих оценках большинством индивидов и их социальными группами современного состояния общества, культуры и нравственности в нем в категориях «упадка», «падения», «катастрофы» в противовес «добрым нравам предков», «подлинной культуре», которая якобы превалировала в предшествующий исторический период.

Человеку, придерживающемуся такой позиции, кажется, что рушатся все устои общественной жизни — политические, экономические, культурные, нравственные, в силу чего он оказывается один на один с вырвавшимся наружу из всех пор общества социальным злом. Ему представляется, что он всеми обманут и предан — и государством, и продавцом, и соседом, и начальником. В итоге в его душе быстро нарастает потенциал озлобленности и агрессивности. Но поскольку в таких социально-психологических ситуациях оказываются не отдельные индивиды, а множество их, целые социальные группы людей, то возникает свойственное обществу, переживающему глубокий кризис, своеобразное социальное явление, называемое рессентиментом.

Термин «рессентимент» восходит к французскому корню, означающему злобу, злопамятство. Сущность социального явления, стоящего за этим термином, достаточно полно исследована Ф. Ницше, который характеризовал его как рабскую мораль, которая «с самого начала говорит Нет «внешнему», «иному», «несобственному». В этом феномене, считал Ницше, «грешит в отношении своего противника вытесненная ненависть, месть бессильного». «Человек ressentiment, — по его характеристике, — лишен всякой откровенности, наивности, честности и прямоты к самому себе. Его душа косит; ум его любит укрытия, лазейки и задние двери; все скрытое привлекает его как его мир, его безопасность, его улада, он знает толк в молчании, злопамятстве, ожидании, в сиюминутном самоумалении и самоуничтожении. Он измышляет «злого врага», «злого» как в качестве основного понятия, исходя из которого и как послеобраз и антипод которого он выдумывает и «доброе» — самого себя!» Итак, самое главное в рессентименте, по словам Ницше, «это «плохое» и то «злое», выкипевшее из пивоваренного котла ненасытной ненависти» [4, т. 2, 424—427].

Все эти особенности социального развития катастрофического (посткатастрофного) типа, взаимопереплетаясь друг с другом, оказывают мощное деструктивное воздействие на смысложизненные установки индивидов и социальных групп. Когда привычное и устоявшееся в этих установках подвергается разрушению и в индивидуальных, равно как и в массовых, настроениях происходит переход к новому и пока еще неизведанному, чаще всего возникают социально-психологические состояния аномии, то есть отчуждения значительной части членов общества от обязывающих их правовых и нравственных норм и смысложизненных установок. Такая ситуация ставит многих индивидов в неопределенное социальное положение, приводит к утрате прочных связей с конкретной социальной общностью (профессиональной, территориальной и т. п.) и со всем обществом, подталкивает некоторых из них, в первую очередь молодых, к различным формам отклоняющегося и саморазрушительного поведения (коррупция, рэкет, спекуляция, воровство, разбой, наркомания и т. п.). Выраженность аномии обычно зависит от степени очевидности расхождения потребностей и притязаний людей с предоставляемыми обществом возможностями для их удовлетворения. Чем больше и глуб-

же такой разрыв, тем больше в обществе рессентиментных и аномических способов поведения, тем масштабнее и глубже в нем деформация смысложизненных установок отдельных индивидов и социальных групп.

В таких условиях неизбежно происходит накопление критической массы неудовлетворенности. Темпы этого социально-деструктивного процесса столь велики, что способны потрясти воображение самого уравновешенного человека. Судите сами. В 1987 г., когда еще царила эйфория по поводу пресловутой «перестройки», социологические исследования зафиксировали, что 82,5% жителей Беларуси были вполне удовлетворены жизнью, только 4,3% выражали неудовлетворенность своим благосостоянием. Два года спустя, когда перестройка обнаружила свою немощность, а кризисные явления в социальной и экономической сферах стали быстро нарастать, количество удовлетворенных жизнью снизилось в 2,6 раза и чуть превысило 31%, неудовлетворенных, напротив, возросло в 7 раз и достигло 30,5%. В следующем, 1990 г. число удовлетворенных составляло только 19,3%, а в начале 1993 г. — всего 10,1% от общего количества опрошенных, то есть за два с небольшим года уменьшилось еще в 3 раза, а по сравнению с 1987 г. — более чем в 8 раз! Соответствующими темпами возрастает неудовлетворенность большинства населения всеми сторонами общественной жизни, прежде всего материальными условиями жизнеобеспечения.

В таких условиях не только у отдельных индивидов, ощущающих себя обманутыми и обездоленными, но и в массовом сознании возникает опасный синдром своеобразной истерической взвинченности — результат парадоксального сочетания неожиданного политического раскрепощения с возрастающей нравственной (точнее сказать, безнравственной) вседозволенностью и сохраняющейся экономической несвободой. Столь необычное, в нормальных условиях стабильно и устойчиво развивающегося общества весьма редко встречающееся сочетание оборачивается в катастрофически или посткатастрофически функционирующем общественном организме весьма болезненными в социальном смысле явлениями. Одним из наиболее деструктивных в их числе является стремительный рост преступности. Если на протяжении 70-х годов интенсивность роста преступности в Беларуси составляла 33,2%, то к началу 90-х она возросла до

66,7%, то есть темпы ее нарастания удвоились.

Посттоталитарное общество оказалось перед угрозой превращения в общество криминальное. Одно из свидетельств реальности такой угрозы заключается в том, что только на протяжении одного 1992 года к уголовной ответственности привлечено почти полпроцента всего населения Беларуси. В 1992 г. в республике зарегистрировано преступлений на 19% больше, чем в 1991 г., а по Минску этот показатель составил 32%. На 50% возросло количество разбойных нападений, на 38 — грабежей, на 35 — квартирных краж. За 5 месяцев 1994 г. преступники лишили жизни 437 граждан республики — почти столько же, сколько за весь 1985 год.

Серьезную озабоченность населения вызывает опережающее возрастание размаха организованной преступности. При общем росте на 19% числа совершенных в 1992 г. преступлений количество преступных действий, осуществленных организованными группами, возросло на 26,6%. За тот же период на одну треть возросли преступность и дисциплинарные нарушения со стороны самих сотрудников правоохранительных органов. В их числе — факты убийств, изнасилований, причинения тяжелых телесных повреждений гражданам, которых сотрудники органов внутренних дел призваны охранять.

Захлестывающая различные сферы нашего общества преступность вызывает нарастающее беспокойство различных групп населения. Встревожены ростом преступности 56% жителей Беларуси. Правда, в различных социальных группах степень тревожности, вызываемой преступностью, существенно дифференцирована. Если среди лиц с высшим образованием тревогу по этому поводу высказывают 53% респондентов, то в группе тех, кто обладает средним и более низким уровнем образования, а вследствие этого больше предрасположен верить слухам, сплетням и т. п., число встревоженных ростом преступности достигает 66%, то есть оказывается на 13 пунктов выше. В наибольшей степени тревожатся усилением этого социального порока пенсионеры: три четверти из них (75%) встревожены нарастающим шквалом преступных действий.

Углубляющаяся пропасть нищеты, отсутствие эффективной социальной защиты граждан, неудержимый рост преступности подталкивают значительные массы населения к грани отчаяния. А это способно при обострении со-

ционально-политической ситуации привести к радикально-деструктивному массовому поведению значительных слоев общества, придерживающихся как «правых», так и «левых» политических ориентаций. Охранительные социально-психологические механизмы в таких условиях резко активизируются: утрачивается вера в социальную справедливость, в эффективность деятельности государства, в свой производственный коллектив. На смену всему этому приходит стремление решать весь ворох обрушившихся на человека проблем своими собственными силами. Только один из каждых десяти опрошенных утверждает, что реальной властью в Беларуси обладает ее Верховный Совет, 17,5% — правительство и государственный аппарат. Зато каждый третий (37,6%) убежден, что властью в республике распоряжаются коррумпированные и мафиозные структуры, еще 6,6% опрошенных — предприниматели и бизнесмены. Только 3% респондентов считают, что власть в республике принадлежит ее народу, а 11,6% — вообще никому.

В условиях паралича власти на всех уровнях и растущей неудовлетворенности большинства населения различными сторонами жизни создаются широкие предпосылки не только для индивидуальных, но и для групповых, а порой и массовых аффектов. В их основе лежит импульс протеста, отвержения, мщения, а их социальный выход проявляется в реакциях гнева, возмущения, недоброжелательства, а в случаях организованного вмешательства в их протекание — в формах социального протеста.

Как раз степень готовности тех или иных групп населения к социальному протесту и выступает в качестве существенного индикатора, свидетельствующего о развертывании в обществе предкатастрофных, катастрофных или посткатастрофных процессов. При рассмотрении данного аспекта интересующей нас проблемы следует иметь в виду, что в политической социологии и политологии существуют два различных подхода к оценке социального протеста. Представители теорий социального конфликта и кризисной парадигмы развития общества Л. Козер, Р. Дарендорф, П. Блау, Дж. Шварц и др. рассматривают массовые формы протеста в качестве естественного проявления социальной активности, ориентированной на радикальное совершенствование общества. Напротив, поборники теории функционализма и стабили-

зационных концепций в социологии (Т. Парсонс, Б. Барбер и др.) оценивают и интерпретируют социальный протест как дисфункцию, своеобразную аномалию в развитии социально-политической системы [1, 7—30]. Как правило, представителями властей всякий социальный протест рассматривается как нежелательный, а чаще всего — как незаконное проявление гражданской активности, дестабилизирующее политическое и экономическое развитие общества. Сторонники же оппозиционных правительству движений и партий характеризуют его как вполне легитимный способ давления на властные структуры с целью изменения их социально-политической линии и даже смены власти.

Социологические исследования, проведенные в 1991—1994 гг. в Беларуси, России, Украине, других странах Восточной Европы, вступивших на путь посттоталитарного, посткоммунистического развития, показывают, что в этих странах существует довольно высокий потенциал массового социального протеста. Чтобы определить реальную степень возможного включения различных групп населения в массовые социальные действия, критичные или оппозиционные по отношению к существующим в обществе властным структурам, социологи обычно используют четыре группы показателей:

1. Высокий уровень неудовлетворенности населения условиями жизни (прежде всего — материально-экономическими);

2. Усиление недоверия населения по отношению к официальным структурам власти;

3. Низкий уровень политической активности — участия населения в легитимных формах общественно-политической жизни (участие в выборах, членство в партиях, в общественно-политических движениях и т. п.);

4. Низкий уровень политической эффективности — ощущение личностью невозможности легитимным (законным) путем влиять на социальные процессы и политические решения, непосредственно затрагивающие ее жизненные интересы.

Только совокупный учет всех этих показателей может дать основания для вывода о том, в какую сторону движется линия социального напряжения в обществе. Однако и каждый из названных показателей позволяет представить потенциальные возможности на каждом данном этапе общественного развития для массового проявления

социального протеста. Проведенные в 1992 г. в два этапа (июнь и декабрь) социологические исследования в Беларуси (в первый раз опрашивалось 1819 человек, во второй — 1980) показали, что количество людей, выражающих недовольство в связи с ростом цен и снижением благосостояния возросло за полгода с 68,3 до 81,6%, то есть на 13,3%. Близкие по содержанию данные получены в процессе социологических исследований на Украине, где материально-экономическим положением своих семей удовлетворены только 5% опрошенных.

Одновременно с ростом недовольства широких кругов населения, резким снижением жизненного уровня возрастает недоверие к официальным структурам власти. В Беларуси в июне 1994 г. более трети — 37% респондентов возложили ответственность за кризисное состояние экономики на Верховный Совет республики и 46% — на правительство. Спустя полтора месяца на первых президентских выборах столь резкое негативное отношение большинства населения к властным структурам обернулось сокрушительным поражением бывших спикера и премьеря в борьбе за президентское кресло.

Наличие третьего существенного показателя глубоко социально-политического кризиса, способного в определенных условиях перерасти в катастрофический процесс, воплощается в низком уровне участия населения в выборах, референдумах, в деятельности политических движений и партий.

При оценке деятельности различных партий и движений доверие к ним выразили от 3 до 8%, но не более 10—13% респондентов, зато заявили, что ничего об этих партиях не знают в среднем 47—54% опрошенных (кроме Белорусского Народного фронта и партии коммунистов Беларуси, о которых ничего не знают соответственно 21,4 и 25,3%).

Пожалуй, наиболее важным индикатором перерастания кризисной ситуации в катастрофическую является готовность населения к активным формам социального протеста. Выразили готовность участвовать в сборе подписей для оказания определенного давления на парламент и правительство 44,2% респондентов Беларуси, причем 12,3% уже реально участвовали в таком действии. Поддерживают участие в санкционированных демонстрациях 42,3% опрошенных в Беларуси, а 13,9% — уже принимали в них участие. Готовы участвовать в несанк-

ционированных забастовках 20,6% респондентов, в захвате зданий и предприятий — 8,5% опрошенных. Соответствующие показатели на Украине выражены в более резкой форме. Там были согласны поддержать сбор подписей 82% опрошенных, готовы участвовать в санкционированных демонстрациях — 83%, в несанкционированных забастовках — 22%, в захвате зданий — 11% респондентов [5, 30].

Следует иметь в виду, что потенциал социального протеста в различных общностях и группах выражен неодинаково. Так, в Беларуси из 8,5% выразивших готовность принять участие в наиболее резкой форме социального протеста — в захвате зданий, предприятий и учреждений 18% респондентов — служащие, 33% — крестьяне, 13% — рабочие. К тому же необходимо принять во внимание тот непреложный факт, что до нижнего предела социально-экономического кризиса наше больное общество пока не опустилось. Спад производства, рост безработицы, инфляционные процессы, рост преступности, снижение уровня жизни большинства населения имеют, к сожалению, устойчивую тенденцию к усилению. Все это вместе взятое грозит стать причиной существенного возрастания социальной напряженности, воспроизводство которой усиливается политической нестабильностью. А это в определенных условиях (усиление противостояния политических сил, дальнейшее снижение жизненного уровня населения и т. п.) способно привести к чрезвычайным ситуациям катастрофического типа.

Глава 3

ВЛИЯНИЕ КАТАСТРОФ И ПОСКАТАСТРОФНЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ И ПРОТЕКАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Человеческое общество на любой стадии своего развития чревато противоречиями, чрезвычайными ситуациями, стихийными бедствиями, грозящими дестабилизацией или разрушением существующей социальной системы, общности, малой группы и т. п. Среди этих чрезвычайных ситуаций все большее внимание привлекают своими негативными воздействиями на различные стороны жизни, способными нередко поставить под вопрос человеческую жизнь, разнообразные социальные конфликты. Стихийные и прочие бедствия, катастрофы, обрушивающиеся на людей в различных регионах мира, в свою очередь оказывают мощное воздействие на развязывание и развитие социальных конфликтов.

Если эту проблему рассмотреть в самой общей и потому достаточно абстрактной теоретико-социологической панораме, то можно выделить два основных направления воздействий катастроф и сопровождающих их посткатастрофных процессов на складывание конфликтной ситуации и ее перерастание в социальный конфликт.

Первое направление состоит в том, что под влиянием таких разрушительных катастроф, как землетрясения, наводнения, аварии на промышленных предприятиях и т. п., резко возрастает потенциал общественного альтруизма и расширяются его масштабы, часто пересекая границы государств и даже континентов, как это было после разрушительных землетрясений в Армении и Мексике, а население пострадавших районов обнаруживает явную тенденцию к усилению социальной сплоченности. В таких случаях общее для всех чувство опасности, общие потери и переживаемые лишения обеспечивают возрастание социальной сплоченности, причем уровень ее оказывается в прямой зависимости от масштабов катастрофы. Но чем выше уровень социальной сплоченности

в общности, группе и т. п., тем меньше возможностей для возникновения в ней конфликтной ситуации. Поэтому можно утверждать, что в подобной ситуации масштабы катастрофы и социальный конфликт находятся в обратной зависимости друг от друга.

Социальная специфика такой ситуации, возникающей в результате усиления единообразия чувств, мыслей, стремлений, ценностей у различных индивидов и их групп, попавших в общую беду, достаточно подробно описана американскими социологами, в частности К. Фритцем и Е. Карантелли, употребляющим для ее категориальной интерпретации термин «терапевтическое сообщество». Характеризуя это специфическое сообщество, возникающее в результате сплочения людей, переживших катастрофу, Карантелли выделяет в качестве его самой существенной черты возникновение «системы социальной поддержки», которая так необходима людям, пережившим мощный отрицательный стресс, вызванный у них катастрофой [5].

Как в случае с землетрясением в Армении, так и в тех катастрофических явлениях, которые описаны и с социологической точки зрения проанализированы американскими социологами, проявилась одна характерная тенденция. Суть ее такова: чем более смысложизненные интересы людей, оказавшихся в зоне бедствия, нарушает катастрофа (в случае землетрясения — смерть, здоровье близких, разрушение крова, потеря всего имущества и т. д.), тем сильнее она подавляет разногласия и отклонения от норм в различных социальных группах, укрепляет их солидарность и сплоченность, тем меньше возможностей остается для возникновения конфликта между ними.

Однако нельзя оставлять вне социологического анализа и другую социальную тенденцию, возникающую в районах бедствия, вызванных катастрофами. Возникновение такой тенденции связано с наличием определенных национальных традиций, обычаев, определенной структуры, характерных для населения пострадавшего региона. Если катастрофа происходит в такой местности, где в глубине социальных, этнических и других структур достаточно длительное время тлеют семена раздора и конфликта на почве межнациональных, межгрупповых и других противоречий, катастрофа, вызывая усиление сплочения лиц одной общности, например нации, может усилить ее неприязнь по отношению к лицам, принадле-

жащим к другой национальности, содействуя тем самым выходу конфликтной ситуации на поверхность общественной жизни. Именно так случилось после землетрясения в Армении, где катастрофа, естественно, усилившая эмоциональную возбудимость у представителей армянского этноса при одновременном их сплочении, вместе с тем обострила ситуацию и усилила противостояние по другой линии — по линии межнациональных противоречий и конфликтов между армянами и азербайджанцами. Конечно, в основе межнационального конфликта здесь лежали другие причины — политические, экономические, языковые и т. п., но и влияние произошедшей катастрофы, эмоциональное переживание населением пострадавших районов ее разрушительных результатов не могло не сказаться на остроте возникшего межнационального конфликта.

В условиях бедствия, вызванного природной катастрофой, не имеющей антропогенных детерминант, в тех случаях, когда эти бедствия наслаиваются на существовавшие прежде конфликтные ситуации, могут возникнуть специфические формы мифотворчества, способные резко обострить протекание социального конфликта. Психологические исследования, проведенные в пострадавших от землетрясения районах Армении, показали, что многие люди там убежденно, а порой и убедительно создавали в своем воображении и активно воспроизводили сюжеты, якобы выявляющие причинную зависимость землетрясения от армяно-азербайджанских межнациональных и межгосударственных конфликтов. При общей невротизации армянского населения вследствие разрушительного землетрясения, отягощенного эмоционально переживаемым конфликтом с Азербайджаном, в массовой психологии сформировался порочный круг — от невообразимых для стабильной и устойчивой психики сюжетов к невротизации больших масс населения, а от невротизированного тяжелейшими патогенными воздействиями населения к новым, еще более невероятным сюжетам, существенно обостряющим чувства национальной неприязни и искажающим психику человека как субъекта социальной активности [3, т. 10, 45—54].

Второе направление воздействий катастроф и особенно посткатастрофных процессов на возникновение конфликтных ситуаций, формирование конфликтных групп и развязывание конфликта как такового проявляется так-

же и в том, что катастрофы, особенно если они не носят чисто стихийного характера (наводнения, землетрясения, оползни и т. д.), а тесно связаны с действием социальных факторов (некомпетентность управленческой деятельности, нарушение требований техники безопасности на технологически сложных объектах и т. п.), способны не только обострить существующую конфликтную ситуацию, но и вызвать новую, привести к острому социальному конфликту. Например, Чернобыльская катастрофа не только обострила существующие на прилегающей к АЭС обширной территории все прежде имевшиеся там конфликты, но и вызвала к жизни новые. Такая ситуация связана с тем, что материальный, социальный, социально-психологический ущерб, наносимый значительным группам людей крупной технологической или социотехнической катастрофой, приводит к резкому ухудшению общественного статуса индивидов и целых общностей, а это может стать причиной возникновения конфликтной ситуации и развязывания конфликта. Таким образом, можно сделать вывод: масштабы катастрофы, особенно если ее природные, технологические компоненты органически сочленяются с социальными, находятся в прямой зависимости с вероятностью возникновения социального конфликта, его масштабами и остротой.

Рассмотрим связь природных катастроф с социальными конфликтами. Социологический анализ социальных аспектов разрушительного землетрясения, произошедшего в Армении в декабре 1988 г., и последующих действий населения пострадавших районов, правительственных учреждений, спасательных служб, широкой общественности позволяет выделить несколько характерных особенностей этой трагедии. Внезапность удара, обрушенного на людей стихийным бедствием, вызвала массовый шок, психологическое ощущение бессилия человека перед разрушительными процессами, но одновременно и страстное стремление людей, подчас проживающих за несколько тысяч километров от района бедствия, прийти на помощь пострадавшим, проявить к ним сострадание, осуществить опеку в отношении нуждающихся. Таким образом, в чрезвычайной ситуации возникло вполне естественное для людей чувство сострадания, сопричастности потерпевшим, а это усилило социальную сплоченность, отодвинуло на задний план эгоистические устремления, индивидуалистические цели, межличностные и

межгрупповые столкновения, становящиеся нередко причиной возникновения конфликтной ситуации. А те конфликты, которые к тому времени уже существовали в пострадавших районах, в значительной мере смягчились. Таким образом, общая беда привела к усилению чувства единой общности людей перед ее угрозой и тяжелыми последствиями, усилила их социальную сплоченность, приглушила в их среде старые конфликты, предотвратила возникновение новых. Причем уровень социальной сплоченности людей здесь оказался в прямой зависимости от масштабов катастрофы и степени вызванных ею разрушений и жертв.

Разумеется, в данном случае мы исключаем из рассмотрения чрезвычайно длительный и острый по формам протекания армяно-азербайджанский конфликт, который в результате тяжелого по своим разрушениям и последствиям землетрясения получил в лице пострадавшего армянского населения новые импульсы для дальнейшего углубления.

В тех же случаях, когда происходят социотехнологические или экологические катастрофы, органически связанные с действиями антропогенных факторов, панорама возможных конфликтных ситуаций, возникающих в пострадавших регионах, оказывается более многообразной и противоречивой. В таких случаях, как показывает опыт восприятия и оценки всего, что случилось в результате аварии на Чернобыльской АЭС, одним из первых перед людьми возникает вопрос: кто и насколько виноват в случившемся? А поиск виновного всегда сопряжен с конфликтной ситуацией. Вслед за этим возникают не менее конфликтонасыщенные вопросы: можно ли было предотвратить взрыв энергоблока? Почему не сработал защитный колпак атомной электростанции? Почему так долго скрывали от населения масштабы катастрофы и степень радиационного риска? Таких и подобных им вопросов множество, и возникли они не только в первые часы и дни после катастрофы. Вопросы возникают и сегодня, причем на многие и сегодня невозможно дать полный и исчерпывающий ответ: почему до сих пор нет достоверной и исчерпывающей информации о том, какие болезни и в какой мере порождены Чернобыльской катастрофой, почему пустуют многие дома, построенные специально для переселенцев, почему множество людей возвращаются из мест переселения обратно в радиоактивно

загрязненные районы? Все эти вопросы при отсутствии аргументированных и четких ответов на них со стороны компетентных органов, прежде всего управленческих структур, порождают все новые и новые конфликтные ситуации, обостряя и без того тяжелую кризисную ситуацию в пострадавших от катастрофы районах.

Социологический анализ конфликтных ситуаций, возникающих в результате Чернобыльской катастрофы и вызванных ею посткатастрофных процессов, позволяет типологизировать их по нескольким основаниям. Первым из них является разделение конфликтных ситуаций по направленности социального напряжения в них на горизонтальные и вертикальные [1, 73]. К числу горизонтальных относятся те, которые разворачиваются вдоль параллельной оси взаимодействия социально равноправных партнеров, таких, например, как различные предприятия, лаборатории внутри исследовательского института, соседи, коллеги по работе или учебе, домочадцы в одной семье и т. п.

Этот тип конфликтных ситуаций в посткатастрофных условиях приводит к возникновению и нарастанию двух противоположно направленных тенденций: с одной стороны, к усилению сплоченности людей, объединенных чувством общей беды, а с другой — к возрастанию социально-психологической напряженности, влекущей за собой усиление конфликтности житейских ситуаций, с которыми люди сталкиваются повседневно. Особенно это заметно при анализе отношений в семьях и между соседями, а также с коллегами по работе или учебе. Причем первая тенденция постепенно усиливается и начинает преобладать над второй. Если в ноябре 1991 г. только 15,3% опрошенных в ряде районов Гомельской и Могилевской областей утверждали, что продолжающееся воздействие Чернобыльской катастрофы и ее последствий привело к усилению взаимопомощи и к гораздо большей сплоченности членов семьи, то в конце 1994 г. такие суждения высказали уже 18,8% респондентов. Что же касается второй тенденции — обострение конфликтных ситуаций, то ее зафиксировали в 1991 г. 22% опрошенных, а в 1994 г. — 22,7%, то есть практически уровень деструктивных воздействий посткатастрофных процессов на внутрисемейные отношения практически не изменился.

В сходных пропорциях протекают изменения в сфере

отношений с товарищами по работе или учебе, а также с соседями. Примерно каждый пятый респондент утверждает, что отношения с товарищами по работе в посткатастрофный период ухудшились, а каждый восьмой или десятый — улучшились. Ухудшение отношений с соседями и возникновение в связи с этим конфликтных ситуаций зафиксировали 8% респондентов в Гомельской области и 11% — в Могилевской, а их улучшение отметили 9 и 12% соответственно.

Здесь, как видим, показатели близки, что свидетельствует об идентичности тенденций в межличностных отношениях людей в условиях посткатастрофного развития. В этом отношении наиболее важным показателем становится сохранение отношений с соседями в прежних дружественных рамках. В целом они являются самыми высокими, различие в их оценке жителями Гомельской и Могилевской областей составляет всего 4,7%, а средневзвешенный показатель составляет 66%.

Что же спланивает людей, помогает преодолевать им возникающие конфликтные ситуации в условиях посткатастрофного развития? Наибольшее число респондентов — 31,3% в Могилевской области и 39,2% в Гомельской — отметили в качестве решающего фактора общую тревогу за здоровье своих детей. Более спланивает, чем разъединяет, людей также тревога за будущее своих детей как полноценных граждан, способных создать семью, хорошо устроиться в жизни; забота о том, чтобы дети получили хорошее образование и специальность, выросли честными, скромными, трудолюбивыми, с любовью и вниманием относились к своим родителям.

Таким образом, в системе межличностных отношений, развертывающихся в посткатастрофных ситуациях в социально-горизонтальных направлениях, преобладающими оказываются тенденции объединения усилий людей, их сплочения, которые как бы отесняют на задний план, приглушают возможные конфликтные ситуации, смягчают их остроту.

Совершенно иная ситуация складывается в другом типе социальных конфликтов, которые возникают и развертываются в качестве вертикальных: недовольство и противостояние в них направлены вдоль оси политической или организационной иерархии — население и власть [1, 74]. Причем, напряженность отношений между населением и управленческими структурами отчетли-

во коррелирует с уровнем радиационной загрязненности местности. В частности, в Гомельской области ухудшение отношений с представителями органов власти отмечают 37,5% респондентов, в Могилевской — 39,6%, а в значительно более чистой в радиационном отношении Минской области — вдвое меньше: 18,6%. Еще больший разрыв обнаруживается по такому показателю, который оценивается как «резкое ухудшение». В Гомельской области такую оценку отношений с представителями управленческих структур в 1994 г. зафиксировали 16,7% опрошенных (а в ее Хойникском районе даже 21,4%), в Могилевской — 15,7%, а в Минской — только 9,8%.

Еще более резко выражено ухудшение отношений, вплоть до острых конфликтов, больших групп населения с работниками торговли и бытового обслуживания. В радиоактивно загрязненных районах Гомельской области такую негативную тенденцию в 1994 г. отметила почти половина опрошенных (49,7%), в Могилевской области — 45,6%, а в Минской — опять-таки вдвое меньше — 22,5%. Особенно резко ухудшились отношения населения с организациями торговли в Хойникском и Брагинском районах Гомельской области, где острую неприязнь к действиям торговых работников высказывают соответственно 58,3 и 56,1% респондентов.

Как правило, в тех регионах, где отношения населения с управленческими структурами хуже, степень восприятия различных видов риска выше. Так, если общая численность людей, опасаящихся заболевания в связи с высокой степенью радиологического риска в загрязненных районах Гомельской области в целом в 1994 г. составляла 72,6% от общего количества опрошенных, то в Хойникском районе этой области она достигла 77,2%.

Эмоционально насыщенное (преимущественно негативными переживаниями и ожиданиями) субъективное восприятие радиационного риска, усиленное отрицательными эмоциями, возникающими в процессе взаимодействия населения загрязненных районов с работниками торговли и управленческих структур, становится мощным не только стрессогенным, но и конфликтогенным фактором. В результате его многостороннего действия существенно расширяется социальное пространство развертывания различных конфликтов, главным образом вертикальных, дисфункционального типа, вектор враждебно-

сти которых направлен в сторону властных и административно-организационных структур. Такой направленности конфликтов способствует и нарастающая неудовлетворенность граждан, обращающихся в местные советы депутатов и другие управленческие органы за помощью. Сентябрьский опрос 1994 г. показал, что в радиоактивно загрязненных районах Гомельской области обращался за помощью в местные управленческие структуры каждый третий из общего массива опрошенных, но в полной мере удовлетворены решением их проблем только 1,2% респондентов, удовлетворены в той или иной степени еще 8,5%, а совсем не удовлетворены 13%.

В некоторых местностях количество неудовлетворенных рассмотрением их просьб в местных органах самоуправления еще выше и достигает в Брагинском районе 15,8%, а в Чечерском — 16,5% респондентов. За помощью в такие органы чаще обращаются женщины, чем мужчины. В частности, неоднократное обращение за помощью в местные советы депутатов констатировали 61,3% опрошенных женщин и почти вдвое меньшее количество (37,5%) мужчин. Соответственно и среди абсолютно неудовлетворенных рассмотрением их просьб и жалоб в этих органах самоуправления насчитывается 59,7% среди женщин и 36% — среди мужчин.

В посткатастрофных ситуациях имеют тенденцию к обострению и другие типы социальных конфликтов. В частности, социологическими исследованиями зафиксировано усиление в таких ситуациях структурных конфликтов, связанных с противостоянием притязаний различных индивидов или социальных групп на одни и те же виды ресурсов. Например, нехватка экологически чистых продуктов для детей, проживающих в радиоактивно загрязненных районах, приводит к тому, что, по мнению большинства респонденток-матерей в возрасте до 30 лет (62%), подобные случаи приводят к возникновению межличностных конфликтов. Само же наличие структурных конфликтов подобного рода (а они обусловлены не только нехваткой экологически чистых продуктов, но и необходимостью лекарств, медицинского оборудования, гуманитарной помощи и т. п.) приводит к возникновению и достаточно широкому распространению в посткатастрофных условиях конфликтов неструктурных. Такого рода конфликты, как правило, свидетельствуют о сбоях, нарушениях в деятельности адаптационных меха-

низмов и вытекают обычно из несовершенства функционирования должностных лиц, располагающих властью, либо организационных структур, из такого несовершенства, которое осложняет совместную жизнь и межличностные отношения людей, их совместную деятельность. Стало быть, в их возникновении решающая роль принадлежит уже не объективным, а субъективным факторам, связанным с осознанными или неосознанными, эмоциональными, волевыми и другими субъективно окрашенными действиями людей. Однако преимущественно субъективная детерминированность их возникновения отнюдь не означает отсутствия объективной основы возникновения такого рода конфликтов в самой реальной действительности, в частности в дефицитности ресурсообеспеченности основных жизненных потребностей и интересов людей в условиях катастрофного и посткатастрофного развития.

В посткатастрофных ситуациях нередки конфликты, возникающие вследствие существенного расхождения программ по преодолению последствий катастрофы с материальными, финансовыми, организационными ресурсами осуществления таких программ. Именно такими расхождениями объясняется тот факт, что за два года (1991—1992 гг.) задание по обязательному отселению жителей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, выполнено только на 43%, в результате чего вместо запланированного переселения 83 тыс. человек выехало в экологически чистые районы только 36 тыс. человек. Такое расхождение вызвало немало конфликтов не только структурных и неструктурных, но также горизонтальных и особенно вертикальных. Обобщая сказанное, можно сделать заключение, что вероятность социальных конфликтов различных типов в посткатастрофном обществе находится в обратной зависимости от содержания правительственных и иных программ по ликвидации последствий катастрофы и ресурсного обеспечения таких программ.

Однако необходимо принимать во внимание и другую зависимость: социальные конфликты, разъединяя стремления и действия людей, противопоставляя их друг другу, оказывают негативное влияние на эффективность борьбы с последствиями катастроф и посткатастрофных процессов. Такой результат обусловлен тем, что социальный конфликт осложняет координацию усилий по

преодолению негативных последствий как самой катастрофы, так и возникающих после и вследствие ее различных посткатастрофных процессов. Поэтому важное значение в различных сферах деятельности в посткатастрофных условиях приобретает тщательно аргументированное и организованное разделение труда, четкое разграничение функций между различными видами деятельности и организационно-управленческими структурами; что способно смягчить или разрешить конфликтные ситуации и способствовать сплочению социальных движений и действий, направленных на преодоление социально-негативных последствий катастроф и посткатастрофных процессов. Тем самым острота проблемы должна быть перенесена в иную плоскость: выяснение, в какой степени динамичная и эффективно действующая система властных структур и управленческих органов способна ослабить социальную напряженность и содействовать сплочению сил, организаций и институтов, стремящихся вывести общество из кризисного состояния и посткатастрофного периода социально-экономического и политического развития.

Глава 4.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ОПТИМИЗАЦИИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Из типологических особенностей экстремальных ситуаций, рассмотренных нами в разделе II данной книги, две имеют самое непосредственное отношение к проблеме управления. Одна заключается в том, что социальная, экологическая и любая другая самоорганизующаяся система, попадая в экстремальную ситуацию, сталкивается с дефицитом управленческого потенциала. Вторая состоит в том, что для эффективного управления системой и ее компонентами в экстремальной ситуации необходимы дополнительные, зачастую весьма значительные ресурсы — материальные, финансовые, людские и т. п., а их, как правило, в таких условиях не хватает. Чтобы справиться с нарастающими в чрезвычайной ситуации трудностями, система должна совершить качественный скачок в управленческой деятельности, переналадить или создать в кратчайший срок качественно иные структуры и механизмы управления, способные адекватно реагировать на быстро изменяющуюся, часто весьма неблагоприятную обстановку; обеспечивая адаптивность управленческих структур, занятых в них кадров к резким и неожиданным изменениям преимущественно негативного характера, эффективность их деятельности в нестандартных условиях. Одновременно должен быть произведен глубокий, можно даже оказать «тектонический», сдвиг в управленческом мышлении, в управленческой культуре персонала, занятого в структурах власти и управления, в их ценностных ориентациях и смысложизненных установках, в их психологическом повороте от стандартных навыков и решений к нестандартным, от тривиальных — к нетривиальным, от малых и средних, ставших привычными, напряжений и нагрузок к непривычным, даже, можно сказать, к чрезвычайным напряжениям и нагрузкам, без чего невозможно эффективно осуществлять рез-

ко усложняющуюся в экстремальных ситуациях управленческую деятельность.

К тому же следует учитывать, что большинство граждан тех территорий, где возникают экстремальные ситуации, не уделяющие достаточного внимания деятельности управленческих структур в нормальных повседневных условиях, значительно усиливают заинтересованность в работе этих структур, ее направленности, эффективности и т. п. в резко изменяющихся условиях чрезвычайной ситуации. Это приводит, с одной стороны, к резкому повышению требовательности различных групп населения к управленческой деятельности, а с другой — к столь же резкому возрастанию недовольства этой деятельностью.

Естественно, люди прежде всего видят и оценивают деятельность властных и управленческих структур, они воспринимают их работу, ощущая на себе уровень здравоохранения и социального обеспечения, подсчитывая затраченные деньги и проведенное в поисках продовольствия, товаров и услуг время. А все эти жизненные ресурсы — уровень медицинского обслуживания, обеспеченность продовольственными и иными товарами первой необходимости, необходимость затрачивать на их приобретение возрастающие массы денег и время и т. п. — в экстремальных ситуациях становятся весьма ограниченными, для большинства населения малодоступными. Поэтому недовольство управленческой деятельностью возрастает, причем по мере углубления экстремальной ситуации степень такого недовольства увеличивается. Так, если в 1989 г. в районах Гомельской и Могилевской областей Беларуси из общего количества опрошенных меры по социальной защите населения, пострадавшего от радиации, включая льготы и выплаты, считали достаточными 21,2%, в 1991 г. — 6,2%, то в декабре 1994 г. — только 2%. Количество же неудовлетворенных этой важнейшей сферой деятельности местных и республиканских управленческих структур возросло к концу 1994 г. до 77,5%, то есть превысило три четверти респондентов.

Конечно, недовольство резким снижением уровня жизнеобеспеченности отнюдь не всегда и не у всех прямо и непосредственно трансформируется в критическое отношение к органам управления. В этом смысле более надежными по своим результатам являются социологические исследования, прямо преследующие цель — выявить уровень недовольства различных групп населения

деятельностью властных и управленческих структур. Проведенное в ноябре—декабре 1994 г. социологическое исследование во всех шести областях Беларуси показало, что неэффективностью государственного управления в нашей республике серьезно обеспокоено свыше 30% опрошенных, а в Гомельской области, серьезно пострадавшей от Чернобыльской катастрофы, доля неудовлетворенных управленческой деятельностью возрастает до 67,3% от общего количества опрошенных. Характерно, что гораздо больше слабой эффективностью государственного управления обеспокоены мужчины, которые, как правило, более серьезно и глубоко интересуются проблемами политики, чем женщины. Среди мужчин доля неудовлетворенных управленческой деятельностью превышает 78% респондентов, а среди женщин — чуть больше 44%. Из социальных групп в наибольшей степени озабочены низкой эффективностью работы управленческих структур предприниматели, которые острее других ощущают на себе экстремальность экономической ситуации, когда экономические связи разрушены, а новые, связанные с развертыванием рыночных отношений, пока еще не налажены.

По мере ухудшения социально-экономической ситуации, которая все более рельефно воплощает в себе черты кризисности, экстремальности, балансируя порой на грани катастрофичности, резкие критические оценки концентрируются не только на местных управленческих структурах, но и на республиканских законодательных и исполнительных структурах власти. Так, в июне 1991 г. положительно оценивали деятельность Верховного Совета Республики Беларусь 39,4% опрошенных (из 1819), Совета Министров Республики — 44,6%. К концу 1992 г. в связи с дальнейшим ухудшением социально-экономической ситуации, новым всплеском цен, снижением жизненного уровня населения сочли деятельность Верховного Совета малоэффективной 45,7%, неэффективной—37,7%, правительства республики соответственно 49,2 и 31,8% опрошенных. Если суммировать приведенные цифры, то окажется, что деятельностью законодательной власти в той или иной мере не удовлетворены 83,4% респондентов, а исполнительной — 81%. Число же тех, кто считает эффективной деятельность Верховного Совета Республики Беларусь, составляет только 6,5%, а правительства — 9,6% от общего количества опрошенных.

Особенно критично относятся к деятельности властных структур жители столицы Беларуси, а также Брестской области. В Минске, в частности, деятельность парламента оценивают как малоэффективную 36% респондентов, как неэффективную — 51,3, только 0,9% характеризуют ее как эффективную. Немного выше оценивают минчане и работу правительства республики. Характеризуют ее как малоэффективную 39% опрошенных, как неэффективную — 44,7%, как эффективную — 5,3%. В обоих случаях 11—12% опрошиваемых уклонились от ответа или не смогли дать четкой оценки органам власти. Столь острая критическая направленность оценки высших республиканских структур управления жителями столицы Беларуси объясняется несколькими факторами. Один из них обусловлен гораздо большей, чем в других населенных пунктах, особенно сельских, степенью политизации населения и более широкой вовлеченностью его в политические противостояния, углубляющие экстремальность социально-политической и экономической ситуации. Другой же связан с более близко видимым, а потому и реально осязаемым разрывом между политическими лозунгами, декларациями, призывами, которыми грешат многие парламентарии и члены правительства, и конкретными делами, существенно отличающимися от этих лозунгов.

Что же касается Брестской области, только 2,8% респондентов оценивают в качестве эффективной деятельность Верховного Совета и 3,8% — правительства Беларуси, а остальные предпочитают характеризовать ее как малоэффективную либо вовсе неэффективную. Здесь, видимо, сказывается та потрясающая неразбериха с массовыми выездами граждан из Беларуси и других стран СНГ в соседнюю Польшу в коммерческих целях, когда из страны фактически по бросовым ценам вывозится огромное количество дефицитных товаров, и неспособность органов управления обеспечить хотя какое-то подобие порядка. К тому же сказывается сопоставление ситуации с соседней Польшей, которая, кажется, начинает преодолевать полосу экстремальщины и вступает на путь стабилизации социально-политического положения.

Было бы достаточно рискованным судить об эффективности деятельности управленческих структур только на основании отражения ее в общественном мнении населения; его различных территориальных и социально-де-

мографических групп. Поэтому анализ материалов массовых опросов населения по поводу управленческой деятельности и ее эффективности в экстремальных условиях развала административно-командной тоталитарной системы власти и становления государственной независимости бывших республик бывшего СССР был дополнен социологическим анализом самооценок эффективности управления, сформулированных представителями самих управленческих структур — председателями и заместителями председателей местных Советов народных депутатов, председателями и членами депутатских комиссий, работников исполкомов, руководителей предприятий и т. п. Сопоставление результатов таких исследований, проведенных в 1992 г. во всех шести областях Беларуси (опрошено 449 представителей местных органов управления) и десяти областях и краях Российской Федерации: Владимирской, Псковской, Новгородской, Свердловской областях и др., Краснодарском, Красноярском, Хабаровском краях, выявило весьма сходные тенденции в развитии управленческих структур и эффективности их деятельности. Оказалось, что три четверти опрошенных руководителей районного масштаба важнейшей задачей признают развитие экономики подведомственных регионов. Однако только 48,9% из них в Беларуси и 43,4% в России уверены, что местные власти обладают достаточными возможностями для эффективного решения этой задачи. Когда же мы переводим данную проблему в плоскость личностного воздействия руководителя районного звена на развитие экономики своего региона, то эффективность здесь снижается еще в 6—7 раз.

Если следовать логике здравого смысла, а без этого не только в политике, но и в социологическом исследовании не обойтись, то вслед за выяснением первоочередности проблем и возможности их решения вполне резонно выяснить, какова же реальная действенность местных органов власти, то есть в какой степени они, их конкретные работники, начиная от руководителя администрации и председателя райсовета и кончая рядовым сотрудником аппарата исполкома, способны влиять на решение проблемы развития экономики, здравоохранения, образования и т. п. в своей местности. Оказалось, что именно здесь и находятся камень преткновения, о который то и дело спотыкаются руководители районного масштаба. Только 7% из них в Беларуси и 9% в России признали, что спо-

способны оказать большое влияние на экономическое развитие своего региона, соответственно 59 и 44% считают, что могут оказывать на этот процесс некоторое влияние, зато 32% в Беларуси и 42% в России убеждены, что никакого влияния они на решение экономических проблем своего региона оказать не в состоянии. Оказалось, что в условиях разрыва хозяйственных связей, резкого спада производства и снижения уровня жизни большинства населения именно развитие экономики стало той твердой, почти неприступной скалой, о которую разбиваются планы и надежды местных органов власти.

Примерно такая же картина вырисовывается и с другими приоритетами. В современной кризисной ситуации не только так называемые «рядовые» граждане, но и большинство руководителей разного уровня встревожены нарастающим шквалом преступности. Почти 72% российских руководителей местных органов власти безоговорочно признают, что обеспечение общественного порядка является одной из трех самых важных задач их повседневной деятельности. Считают же, что местная власть располагает достаточными возможностями для обеспечения такого порядка и успешной борьбы с преступностью, только 52% из них, а свыше 40% уверены, что эта власть таких возможностей не имеет. Что же касается личных возможностей опрошенных, то только 7,6% из них считают, что способны оказать значительное влияние на эффективность борьбы с преступностью и обеспечение общественного порядка в своем регионе, зато в 5 раз большее количество занимает здесь прямо противоположную позицию.

Не менее сложная ситуация складывается и в сфере здравоохранения. Три четверти депутатов местных советов и в России и в Беларуси относят деятельность в этой сфере к разряду первоочередных. Но только половина из них уверена, что местные органы власти способны каким-либо образом воздействовать на качество здравоохранения, а возможности своего личного влияния на улучшение положения в этой области деятельности достаточно высокими признают только 5,3% респондентов как в России, так и в Беларуси. Совпадение позиции свидетельствует о том, что основные тенденции развертывания управленческой деятельности зависят не только от региональных особенностей территории, но и от состава управленческих кадров, определяются в условиях экст-

ремальной социально-экономической и политической ситуации не столько этими важнейшими факторами, сколько самой ситуацией чрезвычайности, накладывающей неизгладимую печать малой эффективности на все сферы жизнедеятельности людей.

Множество трудных проблем стоит сегодня перед местными управленческими структурами. Далеко не все они способны решать своими силами. Поэтому они нуждаются в постоянной и эффективной поддержке. Где же та реальная сила, которая может им помочь? Если вспомнить предвыборные программы нынешних лидеров районного масштаба, то большинство их пестрело уверениями в том, что все вопросы, которые будут перед ними возникать, они будут решать только в интересах народа (соответственно населения всего района или города) и только с учетом его интересов и потребностей. Но отшумели предвыборные баталии, настала пора повседневной будничной работы, и многие обещания и заверения стали забываться. Сегодня только чуть больше четверти опрошенных руководителей в обеих республиках считают важным фактором для себя поддерживать и активизировать участие граждан в решении социально-экономических проблем своего района.

Когда мы анализируем направленность поисков местными руководителями социальных точек опоры своей деятельности, то следует иметь в виду, что здесь сказывается действие двух факторов. Во-первых, несмотря на то, что социально-экономические и политические условия, при которых методы авторитарного управления могли быть эффективными, отошли в прошлое, авторитарная политическая культура еще крепко держит в своих сетях многих лидеров как на верхних уровнях власти, так и на нижних (локальных). Это проявляется и в отношении их к привлечению широких слоев населения к принятию и осуществлению управленческих решений. Во-вторых, когда вопрос о народовластии ставится в практическую плоскость и речь заходит о социальных механизмах реализации принципов самоуправления, происходит своеобразное «целевое смещение» — перенос целей управленческой активности с интересов территориальной общности и ее населения на самосохранение административного аппарата.

Итак, приверженность отжившим стереотипам и инстинкт самосохранения оказываются в среде районных

руководителей нередко выше интересов дела, за которые они так усердно ратуют в своих выступлениях. А это отчетливо проявляется в тех позициях, которые они занимают в вопросах социальных механизмов и субъектов управленческой деятельности. Отметим в качестве существенного тот факт, что и в Беларуси и в России практически одинаковая часть руководителей районного масштаба (52 и 51,4%) придерживается мнения, согласно которому в целях эффективного управления несколько сильных и способных людей должны руководить всем. Еще более внушительное количество их (больше на 9—15 пунктов) в той или иной степени согласны с суждением о том, что участие людей в принятии решений обязательно, если они принимаются группой доверенных и компетентных лиц. Вполне понятно, что в обоих случаях срабатывает эффект саморефлексии и завышенных самооценок.

Если мы примем во внимание приведенные оценки и суждения, станет ясно, почему только от 28 до 32% опрошенных руководителей считают важным фактором для себя поддерживать участие граждан в решении проблем района. Такая позиция свидетельствует, что многие руководители, особенно происходящие из партгосноменклатуры, сохраняя приверженность авторитарной ориентации управленческой деятельности, неадекватно реагируют на возрастающую сложность социально-экономического развития и недооценивают значимость изучения и учета мнений, социальных ожиданий и позиций различных групп населения в управленческой деятельности.

Такая ситуация отнюдь не способствует развитию самоуправления в рамках процесса демократизации, но вместе с тем она же усиливает вакуум власти, углубляет социально-политическую неопределенность в условиях кризисного развития общества. Достаточно четко улавливая нестабильность обстановки, непредсказуемость возможных оценок и действий своих сограждан при любом повороте событий, большинство районных лидеров предпочитают в решении сложных проблем за их помощью не обращаться. Только каждый четвертый из них считает своим долгом в сложных ситуациях искать поддержку у населения.

И все же повседневная, достаточно суровая социальная действительность побуждает муниципалов становиться реалистами. И в соответствии с этим они чаще всего

обращаются в случае необходимости за поддержкой к тем, кто реально может ее оказать. Поэтому большинство из них (54,5% в Беларуси и 46,1% в России) предпочитает при решении трудных вопросов обращаться за помощью к руководителям предприятий, располагающих значительными материальными, финансовыми ресурсами и связями. Не забываются при этом сослуживцы — коллеги, а также близкие друзья и знакомые. Впрочем, здесь они не оригинальны. Так поступают все: и руководители, и подчиненные.

Не питают особых иллюзий руководители районных властей относительно возможностей и реальной силы правительства и особенно Верховного Совета. Только 7% из них готовы в случае необходимости обратиться к высшему законодательному и чуть больше — 11,5% — к высшему исполнительному органу Беларуси. Гораздо меньше уверены в эффективности обращения за поддержкой в вышестоящие инстанции районные руководители в России. Оно и понятно: там республиканское руководство отстоит значительно дальше. В случае необходимости в поддержке к руководящим работникам правительства России готовы обратиться только 6,5% работников местных Советов, а в Верховный Совет еще меньше — всего 1,7%. Гораздо большее количество респондентов — свыше 22% — полагают, что в случае необходимости лучше использовать влияние средств массовой информации [1, 15].

Какой же вывод вытекает из анализа приведенных эмпирических материалов социологического исследования? Он довольно прост и очевиден. Руководители местных управленческих структур в своих поисках того, кто сможет реально их поддержать в экстремальных условиях социально-экономической нестабильности, разрыва хозяйственных связей, разгула коррупции, бессилия судебных властей и т. п., предпочитают обращаться не к своим начальникам или подчиненным по линии управленческой вертикали, не к своим коллегам по линии управленческой горизонтали, а именно к тем, кто располагает необходимыми ресурсами — к руководителям предприятий и предпринимателям. И это вполне резонно, так как дефицит управленческого потенциала непосредственным образом связан с дефицитом ресурсов, а в таких условиях острая недостаца в первом хотя бы в какой-то степени может быть перекрыта путем привлече-

ния дополнительных ресурсов и снижения за счет этого острого ресурсного дефицита.

Все сказанное позволяет заключить, что в сегодняшней крайне противоречивой и нестабильной социально-экономической и политической ситуации существует достаточно ощутимый вакуум власти на всех уровнях управления. Можно пойти по двум путям в целях изменения сложившегося положения. Один из них — досрочный роспуск Верховного Совета, отставка правительства, новая волна выборов в местные органы власти. Другой — сохранение существующих властных структур, более активное воздействие на их деятельность в целях повышения ее эффективности со стороны избирателей, широкой общественности. В таком случае придется отбросить надоевшие всем поиски врагов, «козлов отпущения» за совершенные ошибки, но активнее, целеустремленнее, а главное — качественнее работать всем нам — и депутатам, и избирателям. Каждому на своем месте. Думается, что белорусский народ, не раз на протяжении своей истории проявлявший мудрость, рассудительность и твердость в своих предпочтениях и действиях, и на этот раз примет правильное решение.

При всей важности потенциала эффективности управленческой деятельности и объемов финансовых, материальных и иных ресурсов, которые могут ею использоваться, в экстремальных ситуациях действует еще один, чрезвычайно болезненный для управленческих структур дефицит — дефицит компетентности. Дело в том, что чрезвычайные ситуации характеризуются наличием более или менее острого кризиса, высокой степенью неопределенности в развитии процессов, которыми необходимо управлять, дестабилизацией социально-психологической устойчивости населения, вовлекаемого в принятие или осуществление управленческих решений, необходимостью привлечения для разработки таких решений большого числа различных специалистов, которых, как правило, не хватает, нехваткой времени для разработки и осуществления как стратегических, так и оперативных решений по стабилизации обстановки. Все это чаще всего непривычно для управленческих кадров, компетентность которых формировалась в принципиально иных условиях, а в чрезвычайной ситуации требует коренной трансформации, что неизбежно оборачивается у большинства управленцев недостаточной компетентностью.

У них в большинстве случаев не бывает ни достаточных знаний, ни тем более умений и навыков быстрого принятия оптимальных решений во внезапно возникающей чрезвычайной обстановке. Умение принять, а особенно осуществить оптимальное решение в исключительно динамичной и напряженной, быстро меняющейся ситуации, организовать четкое взаимодействие жизнеобеспечивающих служб, добиться достоверной и полной информации о происходящих событиях, принять быстрые и эффективные меры по локализации паники и слухов — все это очень сложные действия, требующие специальной подготовки и высокого профессионализма. Поэтому необходима организация специальной профессиональной и морально-психологической подготовки к действиям в экстремальных ситуациях тех кадров, которые обучаются на различных факультетах, курсах, в школах менеджеров и готовятся заняться управленческой деятельностью. В этом же направлении следует подумать и о соответствующей подготовке инженерно-технических кадров, готовящихся в вузах и техникумах, а также будущих врачей, учителей, социологов, психологов.

Поскольку в чрезвычайных ситуациях всегда возникает большая или меньшая степень опасности, то управление такими ситуациями сводится в основном к управлению опасностью. В нем различаются три составных компонента: во-первых, предупреждение опасности чрезвычайной ситуации; во-вторых, борьба с опасностью, возникшей в условиях экстремальной ситуации; в-третьих, ликвидация опасных последствий экстремальной ситуации.

Первым шагом в управлении чрезвычайной ситуацией должно стать осознание и предупреждение опасности. Если речь идет о технологических системах, то этот принцип должен быть применен и воплощен на стадии разработки проекта. Самая главная и чаще всего встречающаяся ошибка в управленческой деятельности, особенно когда она связана с крупными технологическими системами — атомной электростанцией, нефтеперерабатывающим заводом, химическим комбинатом и т. п., состоит в недооценке опасности. Технологический объект, вызывающий опасность, особенно если он хорошо оснащен технически, оборудован эффективными техническими средствами контроля, обычно считается безопасным. Здесь психологически срабатывает эффект «Титаника».

Хорошо известно, что гигантский пароход «Титаник», по оценке специалистов, особенно причастных к его проектированию и сооружению, был окружен ореолом «непотопляемости», поскольку считался самым крупным, самым красивым и самым технически оснащенным. Произошедшая с ним трагедия так ничему и не научила, равно как и последовавшие за ней катастрофы, включая взрывы нефтепроводов и аварию на Чернобыльской атомной электростанции. По-прежнему опасность, исходящая от крупных технических объектов, во многих случаях недооценивается, что снижает эффективность пред-аварийной управленческой деятельности.

Второй причиной, резко снижающей эффективность управленческой деятельности в экстремальных ситуациях, является небрежность персонала, обслуживающего сложные технологические системы. Можно констатировать, что почти во всех несчастных случаях, происшедших на производстве и с транспортными средствами в послевоенный период (почти 50 лет!), попытки управления возможной опасностью, во всяком случае попытки предупреждения и предотвращения чрезвычайной ситуации, наталкивались главным образом не на технические неисправности, а на ошибки и нарушения, совершенные людьми, обслуживавшими технические средства.

Третьей причиной, препятствующей эффективной управленческой деятельности в экстремальных ситуациях, становится почти полное неведение большинства населения, попадающего в такие ситуации, относительно наиболее целесообразных действий в случае аварий, катастроф и т. п.

С учетом этих причин, которые, как правило, действуют, усиливая друг друга, в большинстве катастрофических случаев, можно предложить несколько направлений оптимизации управленческой деятельности в экстремальных ситуациях.

Первое из них заключается в осознании специалистами, но прежде всего работниками властных структур и органов управления, возрастающей степени риска от деятельности современных, мощных по своим основным параметрам технологических систем, тем более что такие системы располагаются чаще всего вблизи урбанизированных пространств с большой плотностью населения, а нередко и в самих этих пространствах. Атмосфера секретности, существующая вокруг таких объектов, ли-

щает не только население, но и многих специалистов, в том числе работающих в органах управления, возможности не только участвовать в принятии решений, но и вообще ориентироваться в ситуации. Поэтому одним из существенных направлений в процессе оптимизации управленческой деятельности в экстремальных ситуациях становится резкое снижение пресса секретности вокруг технологически сложных и обладающих высокой степенью риска для окружающих промышленных объектов, а также связанное с этим разъяснение окружающему населению степени реального риска от их эксплуатации и обучение основным приемам поведения в случае возникновения опасности. В этом смысле заслуживает изучения и заимствования опыт Франции, где уже более десятка лет функционирует Национальный совет информации по ядерной энергетике, в работе которого наряду с учеными, предпринимателями, профсоюзными деятелями участвуют представители ассоциаций потребителей и защитников окружающей среды.

Второе направление оптимизации управленческой деятельности в экстремальных ситуациях состоит в обеспечении безопасности функционирования потенциально опасных технологических систем, главная функция которого — предупреждение аварий и катастроф. В ряде высокоразвитых стран — в Германии, Англии и др. — разработаны принципы оценки безопасности атомных объектов и других технически сложных сооружений, которые должны быть спроектированы, построены и эксплуатироваться так, чтобы в случае сбоя или ошибки в работе персонала существовала возможность обеспечения адекватной защиты, обеспечивающей поддержание объекта в безопасном состоянии, насколько это необходимо по характеру ошибки. Окончательные действия системы защиты при этом достигаются с помощью средств, о которых обслуживающему персоналу должно быть заранее известно и которые непосредственно связаны с желательными конечными результатами.

Такого рода деятельность нуждается в прочной правовой основе. Такую основу в Германии составляет Закон об атомной энергии, принятый бундестагом еще в декабре 1959 г., а также Закон о защите от вредных воздействий на окружающую среду (последняя редакция — ноябрь 1986 г.), а во Франции — принятый в 1976 г. Закон, направленный на усиление мер безопасности и пре-

дупреждение катастроф. Поскольку в Германии более детально проработана иерархическая система соподчинения нормативных документов, охватываемых действием Закона об атомной энергии, рассмотрим эту систему несколько подробнее на основе прилагаемой схемы (см. рис. 6).

В этой схеме действие направлено по вертикали сверху вниз. основополагающие принципы обеспечения без-

Рис. 6. Система соподчинения нормативных документов по ядерной безопасности в Германии

опасности сформулированы в законе. Из них вытекают соответствующие положения, обязательные для исполнения всеми, кто имеет дело с атомными и другими радиационно опасными объектами (например, положение о радиационной безопасности). Следующим шагом конкретизации общих принципов являются административные предписания, содержащие критерии безопасности для атомных электростанций, а также директивы комиссии по безопасности различных типов реакторов. На них основаны столь же обязательные правила по вопросам традиционной и ядерной техники. А на основании иерархизированной совокупности всех этих принципов, предписаний и технических правил составляются документы, разрешающие строительство определенных объектов в строго установленной местности, их предварительные испытания и эксплуатацию. Документы по эксплуатации атомных объектов предусматривают тщательный анализ

работы в нормальном режиме, в условиях повреждений (с обязательным установлением причины) и возможных аварий. В последнем случае предусмотрены: выяснение причин аварийной ситуации, ее последствий и следующих за этим изменений. В этих документах предусмотрены профилактические меры по предотвращению ошибок управления, регулярное обучение персонала.

Третье направление оптимизации управленческой деятельности в экстремальных ситуациях включает в качестве основного компонента повышенное внимание специалистов, управленческих кадров ко всем случаям технологических аварий и катастроф. Ибо только таким образом можно найти эффективные способы предотвратить катастрофу в аналогичных или сходных ситуациях.

Когда речь идет об оптимизации управленческой деятельности в экстремальных ситуациях, то имеется в виду не только знание того, как лучше поступать в случае аварии или катастрофы, стихийного бедствия, но и выработка соответствующих навыков и умений. Именно они должны формироваться на занятиях в системе гражданской обороны, учебные пункты и центры которой продолжают функционировать, но должны резко сместить акценты в своей деятельности в сторону выработки у обучаемых навыков действий в чрезвычайных ситуациях. Необходимо в полной мере использовать накопленный в штабах гражданской обороны опыт организации мероприятий по защите населения в чрезвычайных ситуациях, по ликвидации последствий аварий, катастроф и стихийных бедствий. Применение этого опыта может стать в случае необходимости важным средством овладения руководящими работниками чрезвычайной ситуацией. А процесс овладения такой ситуацией включает несколько неизменных компонентов:

а) своевременное введение в районе бедствия или катастрофы чрезвычайного положения;

б) быструю оценку обстановки и своевременное оповещение населения о порядке действий в экстремальных условиях;

в) быстрое развертывание в зоне бедствия работ по выводу населения из опасных для жизни и здоровья мест, оказанию первой медицинской помощи, проведению спасательных работ и жизнеобеспечению людей в пострадавших районах.

В связи с тем, что во всех случаях в районы стихий-

ных бедствий и катастроф прибывает определенное количество авантюристов, встречаются случаи мародерства, осложняется криминогенная ситуация, в результате чего значительная часть поступающих в эти районы материальных средств, медицинского оборудования и дефицитных препаратов нередко распределяется нерационально, а то и вовсе присваивается нечестными людьми или преступными элементами, важную роль приобретает осуществление жесткого контроля за снабжением населения, учреждений здравоохранения, общественного питания и т. п. всем необходимым для жизнеобеспечения.

Важнейшим направлением управленческой деятельности в условиях возрастающего технологического риска становится своевременное, хорошо продуманное принятие мер по предотвращению экстремальных ситуаций. Один из основных компонентов здесь составляет социально-экологически и социально-демографически обоснованное размещение потенциально и экологически опасных производств. К сожалению, до последнего времени эта сторона управленческой деятельности ускользала от внимания властных структур. Факт размещения взрывоопасного нефтеперерабатывающего предприятия «Полимир» (на котором неоднократно возникали пожары, в том числе и в июле 1992 г.) всего в 5 километрах от густонаселенных кварталов Новополоцка свидетельствует об отсутствии необходимой экологической, демографической и градостроительной экспертизы при решении вопроса о строительстве этого комбината. А разве об ином свидетельствует размещение химического комбината «Азот» на окраине Гродно, где роза ветров повернута таким образом, что вредоносные выбросы направляются в основном к центру города? А что сказать в таком случае о столь же экологически опасном промышленном объединении «Лавсан», расположенном в центре Могилева?

Подобные примеры можно продолжить, но и этих достаточно, чтобы убедиться, что в управленческих решениях практически не учитывается важная составляющая — потенциальная экологическая и технологическая опасность размещаемых в крупных городах или вблизи них сложных в технологическом отношении производств, несущих в себе достаточно большую степень риска аварий и катастроф.

Для преодоления столь существенного порока (Чернобыльская трагедия показала, что это — не недостаток,

а порок в организации производства и управления) необходимо коренным образом реорганизовать территориальное размещение потенциально опасных производств, принимая во внимание все особенности окружающей среды — поселенческую, экологическую, кадровую, а не только производственно-экономическую. Для этого важное значение приобретает разработка социально-демографически, экологически, социально-психологически обоснованных территориальных схем размещения по территории Беларуси и ее областей промышленных объектов с учетом вызываемых ими возможных уровней экологического и технологического риска. В тех городах, где и сегодня уже высок уровень концентрации потенциально опасных производств (Гродно, Могилев, Новополоцк), система ограничений к такому размещению должна быть наиболее жесткой. При этом следует учитывать не только уровень концентрации, но и всю совокупность факторов, вплоть до социокультурных и социально-психологических, способных оказать влияние на безопасность функционирования производственных комплексов и снижение возможного восприятия населением технологического риска.

Оптимизация управленческой деятельности в экстремальных ситуациях может осуществиться только в том случае, когда в практику организации производства и управления им входит принцип, сформулированный академиком Н. Н. Моисеевым: «Пока не доказана безопасность любого проекта, на него должно быть наложено абсолютное вето». А чтобы создать предпосылки для реализации этого гуманного принципа, необходимо при проектировании любого промышленного или транспортного объекта создавать вневедомственную, законодательно закрепляемую технологическую, экологическую, экономическую, медико-биологическую, социально-психологическую и демографическую экспертизу проекта. Такая экспертиза должна включать в себя не только оценку безопасности (или степени опасности) технологии, систем машин и оборудования, но и оценку возможных экологических и социально-психологических последствий функционирования сооружаемого объекта, а также оценку соответствия принимаемых конструкторских решений по управлению производственным процессом эргономическим требованиям, профессиональным и функциональным возможностям человека.

Глава 5

ПРЕДСКАЗАНИЕ БЕДСТВИЙ И КАТАСТРОФ, ПУТЕЙ ВЫХОДА ИЗ НИХ В ВЫДАЮЩИХСЯ ТВОРЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

Культура, отражающая в многоцветии своих идей, образов, сюжетов, истин многосторонний, практически неисчерпаемый опыт человечества, неисчислимо богатство его надежд и свершений, утрат и страданий, его мыслей и чувств, дает возможность человеку не только познать и понять мир, в котором он живет, и самого себя в этом мире, но и помогает ему взглянуть в будущее, увидеть некую грань перспективы. Свойственная великим творениям культуры функция предчувствия, провидения скрытых еще от поверхностного взгляда, но открывающихся духовному зрению предстоящих событий, несет в себе неизбежную таинственность, непостижимость, а это еще более возвышает их эвристическую человекотворческую ценность.

Провидческие сюжеты, органично входящие в плоть выдающихся творений культуры, раскрывающих смысл и трагизм человеческого бытия, его драматическое пульсирование между жизнью и смертью, добром и злом, не могли обойти стороной, оставить без внимания бедствия и катастрофы, несущие с собой угрозу жизни не только отдельных индивидов, но и целых сообществ. Особенно рельефно и красочно такое внимание ощущается в произведениях культуры, общественной мысли, науки, посвященных размышлениям о судьбах человека, народа, государства. Разгадка здесь проста: именно катастрофа чаще всего внезапно и безжалостно прерывает весьма хрупкую подчас нить судьбы отдельной личности, семьи или целого народа. Поэтому многовековой опыт человечества, пережившего не одну катастрофу, отражается во впечатляющих, а нередко и ледящих душу описаниях бедствий и страданий в великих шедеврах мировой культуры, начиная от мифов и сказаний, включая Библию и выдающиеся творения художественной литературы.

Давно уже стало общим местом в культурологии, теологии, философии, в богослужебной практике христианских конфессий неперемнное, удивительно-восхитительное или, напротив, острокритическое описание и истолкование предсказаний и пророчеств, в обилии содержащихся в Библии — этом могучем синтезе богословских, нравоучительных, провидческих текстов, которые приверженцами религии считаются и почитаются богодухновенными. Выдающимися примерами осуществимости библейских пророчеств почитаются содержащиеся в книге ветхозаветного пророка Даниила предсказание даты и подробности смерти Иисуса Христа, а также разрушение древнего города Тира, предвозвещенное за несколько столетий до этого исторического события в книге пророка Иезекиила.

Однако, когда говорят о провидческом смысле многих библейских сказаний, речь чаще всего идет не о том, чтобы придать (с большей, меньшей или необычайно малой долей обоснованности) статус реальности мифическим евангельским событиям, а скорее всего о том, чтобы вывести человечество за пределы конкретно-исторического контекста ко всеобщему апокалиптическому видению судеб мира и человека в нем, возможному только на основе «предания, неограниченно открытого будущему» [14, 94].

Концентрированным воплощением именно такой неограниченной открытости будущему является последнее, заключительное, 27-е произведение Нового Завета — Апокалипсис, или в переводе с греческого Откровение святого Иоанна Богослова. Центральной идеей, владевшей автором этого произведения, было сознание, что в скором времени подоспевают сроки страшного Божьего суда и мировые катастрофы неизбежно обрушатся на греховное человечество. Здесь выведены таинственные, устрашающие образы, аллегорически предрекающие будущее, во всем многоцветии воплощена сложная символика деяний, совершаемых фигурирующими в книге персонажами. Основной смысл всех этих деяний — таинственные, ужасающие, ослепительные изображения предстоящего гнева Божия на людей, восставших против его заповедей. По признанию архиепископа Аверкия, «Апокалипсис — книга таинственная, весьма трудно поддающаяся правильному пониманию и истолкованию, вследствие чего уставом церковным не положено чтений из нее во время

Богослужения. Но вместе с тем именно таинственный характер этой книги и привлекает к себе взоры и верующих христиан, и просто пытливых мыслителей, на протяжении всей новозаветной истории человечества пытающихся разгадать смысл и значение загадочных видений, описанных в ней» [1, 3].

Так почему же книга, написанная в конце первого века нашей эры, вызывает такой интерес и порождает так много споров? Именно потому, что в ней перед читателем в мистико-символической форме предстает более или менее отдаленное будущее всего мира, причем будущее, наполненное бедствиями и катастрофами, страданиями, надеждами людей, их стремлениями к возвышенному, чистому, святому ... Все религиозно ориентированные истолкователи книг Нового Завета единодушно рассматривают Апокалипсис, цель которого показать, «чему надлежит быть вскоре» (Откр. 1; 1.), как пророческую книгу о последних временах мира и событиях в нем, долженствующих совершиться перед вторым пришествием Христовым на землю. Изложенное в этой книге апокалиптическое видение судеб человечества есть по существу предостережение о конце истории как ее изначально заповеданной цели. Подчеркнем, однако, что предполагаемое этим таинственным текстом постижение смысла исторического события явно отличается от его эмпирического объяснения, ибо перед очами Божиими «тысяча лет, яко день един» (Петрово посл. 2, 3—8).

Проходящее через весь текст Откровения святого Иоанна Богослова сакральное число семь (семь церквей, к которым обращено слово Божье, семь звезд в руке Господа, семь ангелов, выливающих на грешников семь чаш гнева Божия, семиголовый зверь, на котором восседает великая блудница) используется здесь для выражения таинственной полноты неизбежного Страшного суда. Семикратно умноженное описание грядущих бедствий и катастроф призвано породить у читателя священный ужас перед неизбежно грядущим светопреставлением, многократно превышающий те страхи и муки, которые неоднократно были ниспосланы судом Божиим и совершались над согрешившими людьми,— Всемирный потоп, гибель Содома и Гоморры, разрушение Иерусалима и многое другое. Следующие одно за другим снятия семи печатей с таинственного манускрипта, на страницах которого начертаны сокровенные судьбы рабов Божних, зна-

менуют неуклонно нарастающую масштабность бедствий, долженствующих обрушиться на богоотступников.

Явление увенчанного венцом лучника на белом коне по снятии Иисусом Христом первой печати предвещает жестокую борьбу христиан с силами тьмы и конечную победу первых над вторыми.

Снятие второй печати выпускает на грешную землю меченосца на коне огненно-рыжем и разнуздывает ярость всеобщей войны с ее кровопролитиями и пожарами. Большой меч в руках всадника — символ убийства множества людей в кровавой битве, а рыжий конь есть знак огромного пролития крови.

Снятие третьей печати и появление вслед этому всадника на коне вороном, с хлебною мерою в руке, знаменует неурожай хлеба и голод. «Многие под вороным конем, — пишет архиепископ Аверкий, — понимают бедствия голода» [1, 33].

Снятие четвертой печати описывается в Апокалипсисе следующим образом: «И когда Он снял четвертую печать ... и я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли, и мором и зверями земными» (Откр. 6, 7—8).

По снятии пятой печати вырывается из-под жертвенника перед Господним престолом вопль убиенных за слово Божие, и сказано им свыше, чтобы успокоились, пока их сонмом убитых их единоверцев не будет дополнено необходимое число жертв.

Снятие шестой печати символизирует те ужасающие природные катастрофы (землетрясения, солнечные и лунные затмения, наводнения и проч.), от которых люди в великом страхе и тоске смертельной не знают, куда укрыться. Все живущие на земле люди вострепещут при наступлении этого дня великого гнева Божия и станут молить горы и камни: «Сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца», но ничто не сможет спасти их от гибели (Откр. 7, 16).

Снятие седьмой печати сопровождается безмолвием на небе; возникают семь ангелов, готовящихся вострубить в семь труб, возвещающих наступление великих событий. И пришел иной ангел, говорится в Апокалипсисе, «взял Кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и мол-

нии и землетрясения... и семь ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить». (Откр. 8, 5 и 6).

Нарастающие и раздающиеся один за другим трубные звуки, издаваемые всеми семью ангелами, сопровождаются каждый раз великими бедствиями — казнями для земли и ее обитателей. Сначала вследствие града и огня, смешанных с кровью и обрушившихся на землю, сгорают деревья и трава, затем огромная глыба, пылающая огнем, низвергается в море, третья часть которого превращается в кровь, неся смерть всему живому. Все это сопровождается гибелью множества людей. Большинство интерпретаторов новозаветных сюжетов склонны истолковывать эти пророчества как предсказания мировых войн, обрушивших губительные громы и молнии смертоносного истребительного оружия на землю и море, вырывая из жизни тысячи и тысячи людей.

После аварии на Чернобыльской АЭС многие истолкователи апокалипсических пророчеств начали интерпретировать трубные звуки третьего ангела, возвестившего падение на землю большой звезды, называемой «полюнью» (по-украински: чернобыль), как библейское предсказание этой самой губительной в истории человечества катастрофы.

Множество вариантов имеет интерпретация звука пятой ангельской трубы, после которого некий злой дух, упавший звездой на землю, отмыкает кладезь ада и из него вздымается, помрачая небо, туча саранчи, но не такой, которая некогда опустошила поля Египта (Исп. 10, 14). Этой, еще более страшной и таинственной, дано не злаки губить, но язвить как бы скорпионьими укусами души людей, не доводя их до смерти. Отчаявшиеся люди, стремясь спастись от жестоких мук, обратятся к Богу с мольбами о смерти, но смерть убежит от них. (Откр. 9, 1). Поскольку по виду изображаемая здесь саранча подобна коням, приготовленным на войну, а над нею властвует ангел бездны с именем по-еврейски Аваддон, а по-гречески Апполлион (губитель), постольку одна часть интерпретаторов усматривает в этом пророчество о новых средствах разрушения, которые могут быть изобретены и обращены против людей, другая — пророчество о спиде и иных страшных болезнях, которые неизбежно подстерегают человечество, разорвавшее естественные связи с природой и нарушившее тем самым заповеди Божии. Некоторые же толкователи данного сюжета усмат-

ривают в саранче, поработившей людей, не что иное, как аллегорическое изображение пагубных человеческих страстей (Ф. Яковлев). «Пять месяцев» мучений, на которые обрекаются люди, пораженные такой саранчой, свидетельствуют о кратковременности порочных наслаждений по сравнению с вечностью мучений, которые затем неизбежно последуют для людей по указующему персту Страшного суда.

Когда прозвучала труба шестого ангела, на земле появилось многочисленное конное войско, изрыгающее огонь и смерть, все сокрушающее на своем пути. По словам выдающегося толкователя Библии архиепископа Аверкия, иные толкователи понимают под этим изображением аллегорическое изображение страшной кровопролитной войны, чудовищной, беспощадной. Редкой по своим ужасам и беспощадности была действительно недавно пережитая нами вторая мировая война. Некоторые и видят поэтому под этим страшным конным войском танки, изрыгающие огонь. Весьма характерно также замечание, что уцелевшие от этих ужасов люди «не покашася от дел рук своих... и не покашася от убийств своих, ни от волхвований своих, ниже от блуда своего, ниже от татб своих» — таково будет перед кончиной мира всеобщее ожесточение и окамененное нечувствие. Это и теперь уже наблюдается [1, 40—41].

Трубные звуки не исчерпывают предрекания тех катастроф и бед, которые обрушатся на человечество. В Апокалипсисе описаны также семь знамений, предрекающих множество несчастий, в том числе и те, которые принесет в этот мир страшный семиголовый зверь, выходящий из морской пучины, которому дано победить всех и властвовать над многими народами. Завершая эту сцену, автор Апокалипсиса призывает к умудренному чтению между строк. «Здесь,— замечает он,— мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13, 18). Много было употреблено усилий еще с древних времен, чтобы разгадать смысл и значение этих слов, но они не привели ни к чему положительному. Некоторые находили звериное число 666 в имени Юлиана Отступника, позднее — в титуле папы Римского (Наместник Сына Божия), еще позднее — в имени Наполеона и т. д. Аллегоричность и многомерность названного числа позволяет при желании найти множество имен, как собственных,

так и нарицательных, которые можно объявить соответствующими данному числу:

Но, как бы ни интерпретировались катастрофы и бедствия, предрекаемые Апокалипсисом, нельзя оставить без внимания своеобразное описание, данное в нем седьмому трубному звуку: «И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр. 11, 15). Не есть ли это надежда на то, что ценою великих искуплений, бедствий и катастроф человечество дойдет, наконец, до понимания того, что не хлебом единым жив человек, что смысл и ценность подлинно человеческого бытия состоит в духовной развитости и уникальности каждого человека, соединенной с духовной мудростью всего человечества?

С этой точки зрения, а мне она представляется не только конструктивной, но и вполне согласующейся с христианским миропониманием, представляется весьма интересной высказанная А. Генисом мысль о том, что «всех нас делает современниками календарь, так кстати подводящий черту веку и тысячелетию, что невольно будит апокалипсические кошмары. Идеи конца кажутся потребностью индивидуального сознания, отравленного перспективой перетекания истории в биологию... Призрак гибели мира — последнее убежище личности, утратившей мечту о коллективном спасении ... Не худший вариант: растворить свои грехи в общих, придать смысл и завершенность мирозданию, пусть и за счет его ликвидации. В тени рукотворного апокалипсиса проще избавиться от ужаса персональной смерти... Самое жуткое в апокалипсисе — это то, что его может и не быть. Жизнь продолжается за пределами нашего о ней представления, отказываясь раскрыть нам свой сокровенный смысл» [5, 219].

Это очень интересное и верное замечание, с которым можно было бы согласиться целиком ... если бы не одно обстоятельство. А заключается оно в следующем. Идея Страшного суда, так ярко воплощенная в апокалипсических писаниях, — это идея осуждения за грехи не только всех, но и каждого человека, идея, выдвигающая перед каждым, а не только перед всеми возможность и перспективу не только коллективного, но и личного спасения. По словам известного германского богослова Г.-У. фон Бал-

тазара, «ощущение возможности вечной гибели может и должно стать предметом внутреннего размышления каждого» [2, 57]. Вот эта предельно четко выраженная нота индивидуальной приобщенности каждого к апокалипсическому предвосхищению грядущего способна дать не только религиозной общине, но и каждой конкретной личности ощущение сопричастности к возможности спасательного исхода из подстерегающих человечество катастроф и бедствий. Именно такой конкретизированный способ прочтения апокалипсических видений и мотивов способствует обретению отдельным индивидом и человеческой общностью мужества перед угрозой катастрофических событий, мужества, столь необходимого для мобилизации творческой энергии на обеспечение достойной человека жизни в посткатастрофный период, даже если он и не станет бесконечной длительностью вечного блаженства.

Апокалипсические мотивы дают себя знать не только в религиозной литературе. Их можно проследить практически во всей мировой культуре, особенно в ее выдающихся творениях. Ярким воплощением их в художественной литературе является трагическая линия предчувствия беды, несчастья, катастрофы, идущая через творчество А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, М. А. Булгакова, А. И. Солженицына. В этой потрясающей своим трагизмом линии парадоксалистская поэтика Достоевского стоит как-то особняком, поскольку в ней акцент сделан на прожективной, провидческой стороне предчувствия катастрофы, долженствующей непременно произойти в будущем, а в произведениях Пушкина, Булгакова, Солженицына на передний план выступает художественно-мировоззренческое описание того, как изображаемые ими герои предчувствовали неизбежность предстоящей беды, но для художника она выступала в форме уже совершившегося в прошлом исторического факта.

Вспомним хорошо знакомую каждому из нас со школьных лет пушкинскую «Капитанскую дочку». В ней почти в самом начале остросюжетного и драматически развертывающегося повествования образ надвигающейся катастрофы предстает перед юным героем и его верным слугой Савельичем в виде снежного бурана. Вот его описание: «Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. По-

шел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: бурани!»

Итак, здесь перед нами возникает чувственно осязаемый образ беды, воплощенной в снежном бурани, смешавшем небо с землею и охватившем своими леденящими объятиями мужика-ямщика и барина. Рождающееся в душах обоих предчувствие беды почти сразу же персонафицируется в неожиданной встречной черной точке — незнакомом путнике, оказавшемся Пугачевым. Вот здесь-то и обнажается внутренний нерв надвигающейся катастрофы. Если бурани, превратившийся в «снежное море», захватившее в свою дику стихию и ямщика, и Савельича, и Петю Гринева, — одинаковая беда для всех, то произошедшая в нем встреча с Пугачевым — это уже беда только для одного Гринева, для барина. Ведь Пугачев такой же мужик, как ямщик и Савельич, а поэтому их не тронет. А вот барина он может и не пощадить. Потому что «бурани» в пушкинском повествовании выступает как антропоморфированный образ мужицкого, крестьянского восстания. Именно поэтому земля — извечная мечта крестьянства — смешивается в бурани с небом, вследствие чего все исчезает (для главного героя — дворянина) в белесой и непроглядной мгле. Именно в этой сюжетной завязке повести — в неожиданной встрече главных ее героев, не сулящей ничего хорошего ни одному из них и предрекающей беду обоим, возникает художественно выразительный образ надвигающейся катастрофы. Поэтому-то так зловеще воет ветер, поэтому-то так сумрачно, тревожно на душе у Гринева. Ведь именно для него, для его дворянского сословия неожиданная встреча с предводителем крестьянского восстания грозит катастрофой.

Многовековой мужицкий счет к дворянству не был оплачен ни при Пугачеве, ни при Пушкине, ни при Толстом. Накапливавшиеся от поколения к поколению кровавые долги по этому счету выпали на долю тех дворянских детей, которым было суждено стать героями художественных творений М. Булгакова. Этот сын профессора Киевской духовной академии, знавший об Апокалипсисе не понаслышке и ставший крупнейшим писателем послереволюционной России, в эпитафии к знаменитому роману «Белая гвардия» свел воедино пушкинский

образ надвигающейся беды в виде снежного бурана с апокалипсическим библейским видением катастрофы, когда «судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...» Грех крепостничества в истолковании писателя, ставшего очевидцем беспощадной и кровавой революции, должен быть в конце концов искуплен, и не чем иным, как кровью. Когда Алексей Турбин, только что похоронивший мать, спрашивает у священника церкви, где совершалось отпевание, что их ждет в будущем, тот открывает «Библию» и читает: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод, и сделалась кровь». Это строки из знаменитого Апокалипсиса, предвещающего реки крови за грехи и злодеяния, совершенные людьми.

Но пролитая в результате восстания одних против других кровь — это не только картина неминуемого будущего. Это печальная, ставшая повседневным бытом реальность бытия героев «Белой гвардии». Белый снег в ней залит кровью. Кровью запятнана белая рубашка Алексея Турбина. Кровью сочится белая известка дома, возле которого разъяренная толпа убивает Най-Турса. Само солнце, восходящее над Городом, окрашено в цвет крови, кажется окровавленным. Войска входят в Город — льется кровь, войска выходят из него — льется кровь.

Но эта кровь — совсем не та, в которой рождается новая жизнь. Это кровь распада, исчезновения. Мрачная тень краха, конца, катастрофы повисает над семьей Турбиных, над любимым ими Городом, над дорогой сердцу дворянской Россией. Семья еще собирается в доме, ища спасения от разрушений и разрухи. Но никакие усилия, включая и сверхчеловеческую жертвенную любовь матери, не в состоянии приостановить ее распада и краха. Семья разрушается, гибнет на глазах. Катастрофа ждет и самый Город, который предстает в романе как собирательный образ Государства Российского, история которого началась именно здесь, под высоким берегом Днепра, богословным актом крещения Руси, которое оказалось теперь в кровавой гражданской войне на краю гибели.

В конце романа Булгаков заставляет одного из персонажей вновь обратиться к Апокалипсису — к этой извечной книге жизни, жизни, покупаемой ценой смерти, жизни, приносимой в жертву смерти, и все-таки в конце концов торжествующей над ней. После картины Страшного

суда, введенной в роман через чтение книголюбом-библиотекарем Библии — этой потрясающей книги, превращающей ум метущегося в неразберихе жизни человека в подобие сверкающего Меча, углубляющегося во мглу. Образ меча, позаимствованный из Откровения Иоанна Богослова, возносится над Городом. Этот меч как символ грядущей катастрофы вознес Владимир-креститель. Правда, он поднял высоко в небо крест, но в мрачной ночной мгле казалось, что поперечная перекладина исчезла, слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч. Этот меч плывет в полуночной мгле над грешной и окровавленной снежной землей, где в немыслимой и страшной фантазмагории сливаются страдания и надежды, подлость и любовь, жизнь и смерть, Белая гвардия и Красная армия.

И дело читателя избрать сюжет дальнейшего развития и определить, катастрофой кому угрожает этот священный меч — белым или красным. Сам же писатель настроен оптимистично. Он убежден, что все пройдет: страдания, муки, кровь, голод и мор, меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Задумайтесь, пожалуйста, над этим.

В исповедальных романах А. Солженицына, в первую очередь в грандиозной эпопее «Красное колесо», представляющей собой трагическую летопись российских революций 1917 года, почти все действующие лица то и дело оказываются охвачены роковыми предчувствиями неминуемой катастрофы, угрожающей нормальной жизни, царскому трону, самой великой стране и ее народу. Речь идет об общенациональной катастрофе, но она воспринимается и переживается героями густонаселенных романов писателя как личная, интимная беда, трагедия, гибель. Размышляя над психологическими механизмами тягостных предощущений, писатель делает глубоко прочувствованное и осмысленное замечание: «Дано нам сжаться в предчувствии, не дано нам его разгадать». Да иначе и быть не может, ибо если бы человек был в состоянии предугадать все повороты и зигзаги евоей судьбы, мир был бы совсем неинтересен, однообразен, скучен.

В «Марте Семнадцатого», составляющем третью часть («Узел») «Красного колеса», даны удивительно тонкие психологически художественные описания предчувствий, а также тревожных состояний-людей, их пере-

живающих. Особенно примечательны совпадения как самого содержания, так и тональности, направленности апокалипсических видений, посещающих различных людей. Пользуясь хорошо известным в кинематографе эффектом «рваного сюжета». А. Солженицын описывает однотипные тревожные волнения, возникшие летом Четырнадцатого года у столь разных людей, как императрица Александра Федоровна и премьер-министр Кривошеин. Разумеется, утонченная, экзальтированная женщина переживает свое предчувствие более эмоционально, чувственно, взволнованно, чем грубоватый государственный сановник.

Во время чудесной морской прогулки на яхте, направлявшейся к финским шкерам, совершенно неожиданно сердце императрицы сжало дурное и меланхолическое предчувствие, а вкрадчивый внутренний голос печально наговаривал ей: «Это в последний раз так счастливо мы едем вместе», а внутренняя мелодия, неслышимая всеми остальными, грустно пела ей: «Может быть, мы никогда сюда больше не вернемся». Вот тогда, почти за два месяца до начала мировой войны, ее больно кольнуло в сердце тревожное предчувствие неминуемой и страшной катастрофы.

Совершенно по-иному переживает такое же по содержанию тревожное предощущение Кривошеин. Быстрое скольжение яхты по спокойной глади залива, интересная компания, бодрое оживление после хорошего ужина располагали к возвышенной светской беседе, а он вдруг, неожиданно для самого себя, сказал, обращаясь к признанной красавице — жене великого князя Павла Александровича: «Вы жили так спокойно в Париже, зачем вы приехали в Петербург? Надвигается война, и она не кончится благополучно, будет взрыв, быть может трагичный для трона».

Роковые предчувствия одолевают и брата царя Михаила, председателя Четвертой думы Родзянко, и супругу Керенского, и других героев романа, но средоточием и эпицентром их выступает сам император Николай Второй. Этот еще не старый, крепкого здоровья и телосложения мужчина во время церковной литургии, когда он благостно возносил молитву Господу, вдруг пронзен был необъяснимым сжатием сердца то ли острой болью, то ли острым страхом. В итоге случился припадок, затянувшийся на четверть часа, расходилась в груди тревога,

вкрадчиво вталкивающая в занявшее сердце предчувствие неминуемой катастрофы.

Родившийся в этот миг острый страх, исподволь, постоянно усиливаясь, напоминал о себе, вплоть до самого отречения от престола. И когда оно после долгих колебаний и мучительных сомнений было, наконец, подписано, тот же самый неведомо откуда взявшийся страх ударил по сердцу, и вдруг закружились — снаружи ли вагона, в котором подписано отречение, внутри ли груди — как бы ознобные вихри. Вихри Судного дня? Конца света? Николай вздрагивал от их жгучих холодных ударов, и все глубже входило в него предощущение большой, неотвратимой катастрофы, несущей свои беды не только трону, но и России.

Все эти апокалипсические предощущения, заставляющие содрогаться сердца героев повествования, вплетаются в общую трагическую ритмику революционного марша, сотрясающего великую, разоренную войной и междоусобицей страну. Этот марш драматичен, суров и обезличен, не видно в нем лиц, только слышен стук сапог и прикладов. Неизбежность идет на Россию. «Что бы далее ни случилось, — говорит писатель, — от этого вопроса России уже не уйти».

Художественная углубленность в психологию героев, психологическая мотивированность их чувств, мыслей, поступков позволяют Солженицыну слить воедино индивидуальные переживания людей разных сословий, политических привязанностей, стилей мышления с мировосприятием, мироощущением возбужденной революционной толпы и столь же возбужденной толпы защитников рушащегося царского трона, всех вековых устоев погибающей старой России. Но углубленные характеристики апокалипсических видений, так часто посещавших людей в революционном Семнадцатом году, особенно в преддверии февральской революции, — это не только дань памяти, но и прогноз на будущее. «Февраль, — говорит Солженицын, — нам надо знать... Мы должны думать об опасностях будущего перехода. При следующем историческом переходе нам грозит новое испытание — и вот к нему мы совсем не готовы. Это — совсем новые для нас виды опасностей, и чтобы против них устоять, надо по крайней мере хорошо знать наш прежний русский опыт».

Итак, для А. Солженицына раздумья над апокалипсическими предчувствиями, которые уже реализовались

в событийной ткани исторического бытия, есть поучительный опыт, который должен быть прочувствован и осмыслен, то есть усвоен, для того, чтобы сегодняшние поколения людей оказались духовно, морально подготовленными для понимания и избежания тех опасностей и катастроф, которыми угрожает им новый исторический переход.

Подведем некоторый итог сказанному. Художественные параллели слились, наконец, в одну трагическую линию. История вышла на пугачевский перекресток. «Буря», о котором предупреждал пушкинский Гринева ямщик, был лишь предвестником вознесенного над Белой гвардией креста, обернувшегося карающим острым мечом. Жуткие предчувствия последних властителей российского престола, с такой художественной полнотой воплощенные Солженицыным, померкли перед реальностью кровавой драмы в революционных вихрях Семнадцатого года. Но этим историческая драма не завершилась. Сегодня в вихре политических и социально-экономических трансформаций, низвержения идеалов и кумиров, плюрализации позиций и оценок опять густая снежная мгла окутала многострадальную землю россиян, украинцев, белорусов. Обратится ли острый меч, несущий разрушения и кровь, в благословенный крест, указующий путь к звездам? Ответ на этот вопрос зависит не столько от правителей, сколько от самого народа.

Однако этот итог-размышление никак не может стать завершающим в разговоре о провидческой силе великих творений культуры. Очень важный, пожалуй, в мировой художественной литературе непревзойденный аккорд в провидческую мелодию внес своим творчеством один из величайших ясновидцев духа Ф. М. Достоевский. Эпиграфом ко всему его творчеству могут служить им же высказанные слова: «Великие души не могут не иметь великих предчувствий» [7, т. 24, 208].

Его как художника и мыслителя апокалипсического склада ума и мировоззрения глубоко волновала проблема пророческих способностей человека. «Современная наука, столь много трактующая о человеке и даже уже решившая много вопросов окончательно, как сама она полагает, кажется,— отмечал писатель,— еще не занималась вопросом о способности пророчества в человеке» [10, т. 86, 67—68].

Данный вопрос, особенно в переломные эпохи, вновь и

вновь вторгается в гущу дискуссий, показывая тем самым, что очень многие, в том числе и из людей очень образованных, верят в наличие такой способности. «Если способность пророчества действительно есть в человеке, заключается в самой природе его, в организме его, положим, при известных, особых условиях, но совершенно естественных условиях,— продолжает Ф. М. Достоевский;— то как бы хорошо и полезно было разъяснить, очистить факт, хотя бы только от мистической примеси». В этом рассуждении весьма примечательно стремление очистить случаи предвидений, пророчеств, предощущений от мистического покрова, неизбежно набрасываемого на них склонными к предрассудкам людьми. Не возлагая на себя такую не свойственную художнику слова миссию, Достоевский тем не менее твердо убежден, что «в человеке вообще, и кто бы он ни был, в чрезвычайной силе развито (убеждение) верование, хоть не в пророчество, но, например, в способность предчувствия» [10, т. 86, 69—70].

Итак, позиция писателя предельно ясна. Предчувствие — это не дар божий, не мистическое пророчество, а предощущение, возникающее на способности глубоко вжиться в личность, стремления, действия другого человека. Князь Лев Мышкин не потому сразу узнал, скорее почувствовал, дом Рогожина, что обладал каким-то сверхъестественным чутьем, а потому, что глубоко проник в суть этого человека, разгадал связь между его внутренним миром и миром вещей, которыми он себя окружил.

Вот эта-то убежденность в том, что человек способен предощущать, многократно усиленная непрезойденным умением Достоевского проникать в глубинные пласты человеческой психики, с беспощадной правдой видеть безумную обнаженность хорошего и дурного, доброго и злого в поступках и страстях героев своих произведений, дала ему редкостную возможность высказать в несравненной художественной форме подлинно провидческие идеи. Разумеется, он не придал им систематизированного вида, что свойственно философам, социологам или историкам. Зато он своим художественно-психологическим поэтическим методом раскрыл катастрофическую траекторию жизненных судеб множества людей, а не только Раскольникова, Дмитрия Карамазова, Настасьи Филипповны или Ставрогина в романах «Преступление и наказание»,

«Братья Карамазовы», «Идиот», «Бесы». Такая судьба неизбежна, когда никакая общественная нравственность, никакая религия не властны над человеком, когда он, как Раскольников или Петр Верховенский, взбирается на «вершину» неограниченной вседозволенности, попирающей права, интересы, чувства, стремления личности другого человека, а затем вопреки всем ожиданиям, тщеславным надеждам, высокомерным самолюбованиям своим духом и самообладанию падает с обманчивой победной высоты вниз и разбивается. Человека ждет неминуемая личная драма, духовная катастрофа, когда для него накрепко заперты двери совести и сострадания к другим людям, когда его «съедает» идея вседозволенности.

Однако у этой апокалиптичности в поэтике Достоевского есть два совершенно различных лика. Один из них очень четко подмечен Ю. Бондаревым. «Достоевский — несравненный художник, — отмечает Бондарев, — неминуемо вел своих героев от преступления к осознанию вины, к раскаянию, к открытию самой нравственной природы человека... Да, герои его преувеличены, как и должно быть в искусстве, до предела обострены их чувства. Они живут не любовью, а безоглядностью любви, не игральными страстишками, а страстью всепоглощающей. Им сродни не разочарования, а ненависть и раскаяние, они уходят не в монастырь, а в петлю... Это бесконечный поиск правды, справедливости, когда слезинка ребенка дороже всех богатств, как говорил Иван Карамазов» [4, 111]. Этот поиск правды приводит Достоевского к возвышению личности через страдания, через переживания личной катастрофы, через нравственное самоочищение в раскаянии за содеянное. Через катастрофы и раскаяния Раскольников, Дмитрий Карамазов и другие трагические герои Достоевского начинают понимать, что «всего труднее на свете самим собою стать».

Вседозволенность, попрание человеческой личности, стремление превратить ее в слепое орудие достижения своих антигуманных, античеловеческих, сатанинских целей имеет в романах Достоевского и другой, отталкивающий облик. Достаточно вспомнить, с какой силой предчувствия, провидения он усмотрел в группке Ставрогина и Петра Верховенского всю порочность «бесовства», претендующего на вседозволенность во имя неограниченного властвования над тысячами и миллионами людей. Выра-

жая суть волнующей его проблемы вседозволенности как неизбежной ступени к катастрофическому финалу, писатель подчеркивал: «...раздавленное умирающее существо, слабое, как мелкое насекомое, и вдруг с такими претензиями (не сдаюсь, умру владыкой)... Эту идею я высказал прежде всех в романе «Бесы»... Да, было бы смешно, если б не грозило будущим» [7, т. 24, 149]. Социальной опорой таких людей, готовых ради сомнительной идеи пойти на попрание достоинства многих, даже на их отрешение от жизни, становится господство безличности как комфорта тела над подлинной личностью с ее комфортом духа. Резкое размежевание личности и безличности выведено писателем в противостоянии Верховенского с Кирилловым. Для первого из них вознестись над другими людьми, стать богом для них — значит подмять всех под себя, превратить их в средство для достижения своих целей. Для второго стать богом — значит показать величие человека. Он убежден, что «будет новый человек, счастливый и гордый», тот, «кто победит боль и страх, тот сам бог будет» [8, т. 10, 93].

Теория Кириллова, которой симпатизирует писатель, направлена против провозглашения смысложизненного принципа «иметь» и выдвигает в качестве высшей жизненной ориентации «быть», то есть право личности быть самой собой. Она сродни мировосприятию парадоксалиста, который в «Записках из подполья» утверждает: «Все дело-то человеческое, кажется, и действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик» [9, т. 5, 117]. В этом заключен, согласно Достоевскому, подлинный смысл жизни. Очень четко эту позицию сформулировал Ю. П. Кудрявцев. Он пишет: «Достоевский видит этот смысл в сохранении человеческой личности во всех ее аспектах, способной противостоять безличности, как бы широко последняя ни распространилась. И только преобладание такого понимания смысла человеческого существования обеспечит жизнь человеческой общности. Иначе — ставит общность на грань катастрофы» [12, 293].

К такой именно катастрофе подталкивают общество Петр Верховенский, Николай Ставрогин и выступающие заодно с ними другие герои «Бесов» — этой самой пророческой, провидческой книги Достоевского. Главный герой романа, его нервный узел — Николай Ставрогин, который вроде бы ничего и не делает, но раздаёт свои идеи

трем совершенно разным людям — Кириллову, Шатову, Петру Верховенскому, как бы «растраивается» во всех них. Но это «растрояние» вызывает недоумение и у Шатова, и у Кириллова, которые никак не могут понять, почему Ставрогин оказался в «обществе» Верховенского, действующего по принципу «все позволено».

Как раз в этой, третьей, части пресловутого ставрогинского «растрояния» сконцентрирована суть бесовства — многоликость, умение менять маски. Но при всех внешних проявлениях сущность бесовства остается неизменной: построить всемирное счастье ценой гибели сотен тысяч людей. Именно из размышлений над образом Верховенского выходящий русский философ Николай Бердяев сделал вывод об апокалипсичности мировосприятия и миропередельвания, свойственного русским революционерам. «Русские революционеры, апокалиптики и нигилисты по своей природе, — пишет Бердяев, — пошли за соблазнами антихриста, который хочет осчастливить людей, и должны были привести соблазненный ими народ к той революции, которая нанесла страшную рану России и превратила русскую жизнь в ад... На меньшем, чем всемирное счастье, русский революционер помириться не хочет. Сознание его апокалипсично, он хочет конца, хочет завершения истории и начала процесса сверхисторического, в котором осуществится царство равенства, свободы и блаженства на земле» [3, 266].

Однако такое будущее блаженство искупается ценой подавления личности, принесения ее в жертву безжизненной идее. Оно, по словам Достоевского, означает «отнятие всей личной и духовной свободы у людей, умерщвление личности» [7, т. 24, 126].

В этих словах великого писателя — не только осуждение бесовства, но и удивительное предвидение. Сегодня немало найдется людей, которые усматривают основное пророчество Достоевского в его словах: «Хотя коммунизм наверно будет и восторжествует, но мигом провалится» [7, т. 24, 111]. Но, воздавая должное ему за такое предсказание, нельзя забывать и других, не менее глубоких. Ведь именно он предрек в том же «Дневнике писателя», что настанет время, когда «пойдут брат на брата, а раздором лишь укрепится идея». А разве не пророчески звучат его слова: «Хлестаков по крайней мере врал-врал, да все же хоть капельку да боялся во время вранья, что вот его возьмут да и вытолкают. Современ-

ные Хлестаковы не боятся и врут с полным спокойствием» [7, т. 24, 66].

Однако суть дела не в отдельных высказываниях непревзойденного ясновидца духа, носящих характер провозвестия. Главное в том, что в самом загадочном своем произведении — «Бесах» — он сумел не только раскрыть античеловеческую, антигуманную сущность социального бесовства, порабащающего и умерщвляющего личность, но и предупредил о возможности его победы, пусть и временной, показал его удивительную многоликость и приспособляемость, которая тем не менее всегда оборачивается трагедией для народа, неминуемой катастрофой. А такая катастрофа не только возможна, но и неизбежна, если новоявленные вожди, по словам писателя, оторваны от народа, забывают его истинные нужды и потребности, не хотят даже и знать о них. Следовало бы задуматься над этими пророческими словами великого писателя-гуманиста всем тем, кто возомнил себя современными властителями дум и, взобравшись на высокие ступени власти, сыплет направо и налево обещания лучшей жизни, а народ между тем впадает во все большую нищету, материальную и духовную. Именно в этом (недаром так часто в последнее время в парламентских дебатах звучит всеобъясняющий, но ни к чему не обязывающий аргумент: «бес попутал») проявляется наиболее распространенная в нашей сегодняшней кризисной ситуации разновидность бесовства. Исход его вполне конкретно предсказан провидческим талантом Достоевского — неизбежный и позорный крах.

Творчество Достоевского, как и творчество Пушкина, Булгакова, Солженицына, других выдающихся мастеров культуры, обладающих способностью проникновения в глубинные пласты человеческой психики и вырастающим из этой способности провидческим даром, дает реальное и чрезвычайно ценное приращение того духовного феномена, который в современной катастрофологической литературе получил наименование «субкультура катастроф». Эта специфическая субкультура определяется как «совокупность взаимоувязанных наборов значений, норм, ценностей, организационных и технологических мер, которые возникают в ответ на повторяющуюся угрозу катастрофы» [13, 18]. Важность такой субкультуры заключается в том, что она различными своими компонентами, включая мифы, сказания, художественные образы, не

только предупреждает людей о наиболее вероятных типах возможных бедствий, но и помогает им заранее адаптировать свою психику, свой интеллектуальный и эмоциональный арсенал к катастрофическим явлениям, чтобы, опираясь на «прошлый опыт особого типа катастрофы, помочь людям подготовиться наилучшим образом к чему-то похожему в будущем» [15, 39].

Разумеется, субкультура катастроф, в первую очередь гуманистическая художественная литература, своими произведениями, имеющими характер провозвестия, ориентирована не на то, чтобы запугивать людей, угнетать их психику, парализовать их волю, а, напротив, на то, чтобы предупредить их о возможных опасностях, высветить адаптационные барьеры личности и различных сообществ, подсказать наиболее эффективные и безболезненные пути противодействия катастрофическим явлениям и процессам. Она учит людей, призывает их быть не рабами трагического стечения обстоятельств, а властелинами и творцами бытия, достойного человека.

Раздел IV

ЧЕРНОБЫЛЬ — КРУПНЕЙШАЯ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СОЦИО-ЭКОЛОГО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

Глава I

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ УРОКИ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

В завершающей главе предыдущего раздела читателю был представлен один из возможных вариантов истолкования культуры (вернее сказать — такой важной ее части, каковой является художественная литература) как фактора осмысления, предсказания, предчувствия катастроф. Предугадывая наступление катастрофы, художественная литература в силу своего огромного воздействия на мысли и чувства людей выступает мощным фактором духовно-нравственной подготовки людей к возможным катастрофическим событиям и соответствующего снижения масштабов и степени их разрушительного воздействия на жизнь человеческих сообществ.

Но, будучи в сущности своей общемировым, общечеловеческим процессом, культура имеет множество дифференциаций. Одна из таких дифференциаций связана с этнической самобытностью культур тех или иных народов. Фактически всякая культура несет на себе печать национального своеобразия и только в таком, национально-самобытном облике входит в сокровищницу мировой культуры. Поэтому культура и этнос имеют огромное, можно сказать, неисчислимое множество взаимопересечений.

Обладая большим количеством «общих пространств» с культурой, этнос тем не менее несет в себе специфические черты, которые и определяют его своеобразную роль в цивилизационном развитии человечества. Известный этнолог Л. Н. Гумилев прекрасно раскрыл роль этноса в повышении катастрофоустойчивости различных чело-

веческих сообществ — родовых, национальных, государственных и т. п.

При подъеме этногенеза на более высокие ступени возрастает гармоничность цивилизационного развития, вследствие чего этнос достигает своей акматической фазы. От нее же развертывается процесс перехода к «золотой осени» цивилизации, то есть плодотворному ее развитию, в котором важнейшие ее достижения — техносфера и культура — выступают как своеобразные индикаторы развития этноса [5, 402—427].

Чем выше согласованность этих двух составляющих цивилизационного развития, тем более катастрофоустойчив соответствующий социальный организм. Когда же техносфера вырывается из смягчающих ее твердую поступь по пути технико-экономического прогресса объятий культуры, баланс сил в обществе нарушается, возникают диспропорции, внутреннее напряжение в социальной системе превышает допустимый с точки зрения сохранения ее целостности предел, а неизбежным следствием этого становится катастрофа. Если взглянуть именно с этой несколько необычной, а потому и непривычной точки зрения на процесс этногенеза, становится очевидной огромная позитивная роль этноса как специфического социально-природного феномена, резко снижающего опасность катастрофического развития событий в определенных территориальных общностях, где гармонизированы или хотя бы согласованы техносферные, социокультурные, национально-государственные отношения.

Однако этнос, интересы его сохранения и развития способен выполнить и противоположительную функцию — повышение катастрофоопасности в тех территориальных общностях, в недрах которых возникают и разрастаются противоречия между национально-культурным своеобразием определенных народов и их государственно-самостоятельными устремлениями, между развитием техносферы и культуры (в первую очередь национальной) и т. п. Множество проявлений второго варианта развития событий в этнонациональной сфере мы видим в настоящее время во многих так называемых «горячих точках» бывшего Советского Союза, где межнациональные конфликты достигли остроты и масштабов военного противостояния, создавая тем самым опасность экономической, политической, духовно-нравственной катастрофы соответствующих регионов, существующих в них терри-

ториальных общностей. Нагорный Карабах и связанный с решением проблем его национальной автономии или государственной независимости армяно-азербайджанский вооруженный конфликт, почти такой же по степени разрушительных последствий конфликт грузино-абхазский — вот только единичные примеры этой трагической тенденции, втягивающей в свою всепожирающую воронку все новые народы и территории.

И культура, и техносфера, и этнос выступают очень важными компонентами, входящими в состав более обширного и многомерного образования, каковым является цивилизация. Поэтому она в истории человечества играет очень важную роль как в возникновении катастроф, так и в их предупреждении, смягчении их отрицательных последствий. В своем реальном функционировании цивилизация предстает как системная организация общественной жизни, включающая в себя технологическую основу общества, его социально-экономическое, социокультурное и политическое развитие и интегрирующая в единую целостность общественные отношения людей и их деятельность, ориентированные на такое взаимодействие, в процессе которого возрастает организованность общественной жизни. В этом смысле цивилизация имеет антиэнтропийную направленность и в своем развитии вырабатывает пути, способы и методы сосуществования и интеграции разнонаправленных социальных процессов, способствуя тем самым возникновению социального порядка из хаоса интересов, стремлений, поступков и поддержанию первого в целях оптимизации социальных взаимодействий людей [1, 20—21].

Если исходить из такого понимания цивилизации, то становится очевидным, что Чернобыльская катастрофа могла стать событием, свойственным специфической форме цивилизации — техногенной. Одной из характерных особенностей последней является технологический детерминизм с его представлениями о решающем значении технологической основы производства в развитии социально-экономических структур, перерастающими нередко в технократическую иллюзию о всемогуществе техники и ее неоспоримом приоритете среди всех сторон жизнедеятельности человеческих сообществ. Поэтому весьма актуальным не только в теоретико-методологическом, но и в прикладном смысле представляется рассмотрение драматических предпосылок и последствий Чернобыль-

ской катастрофы в рамках и понятиях цивилизационного развития.

Когда предметом социологического рассмотрения становятся цивилизационные уроки Чернобыля, необходимо эту проблему рассматривать в общем контексте исторической ритмики становления и смены цивилизации. Сегодня можно считать общепризнанным, что на рубеже XX и XXI столетий происходит сложный процесс увядания индустриальной цивилизации и смены ее цивилизацией постиндустриальной (ее еще называют цивилизацией ноосферного типа) [3, 102].

На стыке двух смежных цивилизаций (а он по времени может занимать несколько десятилетий) начинается период кризисов и революций, противоборства уходящей и приходящей систем, усиливаются процессы дезорганизации, цивилизационного кризиса [11, 5]. Этот кризис становится всеохватывающим, втягивает в свою гигантскую воронку и технологическую сферу, что проявляется в резком увеличении количества и масштабов технологических катастроф, крупнейшей из которых, несомненно, стала Чернобыльская. Она наиболее рельефно, с неподдающейся описанию и точной теоретической экспликации трагической масштабностью высветила сложность, противоречивость и опасность для жизни и здоровья людей глубинной трансформации в технологических основаниях цивилизационного развития, когда на передний план выдвигается не экономическая эффективность новейших технологий и человекомашинных систем, а степень их безопасности, мера подчиненности их человеческому разуму и контролю или, напротив, их выхода из-под разумного контроля.

Одной из фундаментальных проблем цивилизационного развития является энергетическое обеспечение производства. В современном высокотехнизированном и в столь же высокоэнергетически насыщенном производстве потребность в энергоносителях столь велика, что обычными, традиционными источниками получения энергии — гидроэнергетика, сжигание каменного угля, торфа и т. п., равно как и альтернативными видами энергии — ветровой, солнечной, морских приливов, не обойтись. Поэтому потребность в ядерной энергетике не только сохраняется, но и возрастает. Но авария на Чернобыльской АЭС, крупнейшая в истории человеческой цивилизации технологическая катастрофа, поставила энергетическую про-

блематику в новую, ранее не очень беспокоящую нас плоскость — обеспечение приемлемой степени риска и необходимой меры безопасности.

Принципиально важным требованием системного подхода к анализу действия различных систем — экологических, технологических (ядерных в первую очередь), социальных и др. — является обеспечение оптимума во взаимодействии и согласовании отдельных негативных и позитивных обратных связей, возникающих как в самой системе, так и в ее взаимосвязях с окружающей средой. Чем более сложной оказывается система, тем более важной становится задача такого оптимума, ибо его отсутствие почти неизбежно приводит данную систему в состояние опасности. Как раз отсутствие такого оптимума, выразившееся в конечном счете в многократных нарушениях техники безопасности, недопустимых в эксплуатации столь сложного технологического сооружения, как атомная электростанция, явилось основной причиной Чернобыльской трагедии.

Разумеется, абсолютной безопасности не существует нигде, но когда речь заходит о ядерной энергетике, то здесь проблема технологической безопасности становится основной. Было бы большим упрощением считать, что Чернобыль стал свидетельством существования тупиковых путей развития технической цивилизации, к каковым некоторые авторы относят в последнее время ядерную энергетiku [10, 17]. Трудно согласиться с утверждением, что ядерная энергетика — тупиковая ветвь в технологическом развитии современной цивилизации, но абсолютно обосновано (в том числе и результатами анализа причин и последствий Чернобыльской катастрофы) требование гарантированного обеспечения технологической безопасности всех объектов, связанных с добычей энергии в атомных реакторах. Ведь Чернобыль в его цивилизационном контексте стал не только местом грандиозной технологической катастрофы, но и символом выхода техники из подчинения человеку. А это ставит в качестве первоочередной не просто проблему обеспечения технологической безопасности, но и выработку научно обоснованной концепции интегральной безопасности (технологической, экологической, социальной, политической, военной и т. п.) с последующим определением и осуществлением стратегии безопасности.

Если взглянуть на Чернобыльскую трагедию под этим

углом зрения, то по прошествии восьми лет после нее становится ясно, что апрельский день 1986 года, когда произошел взрыв на атомной электростанции, стал рубежом двух эпох в развитии технологическо-энергетической основы цивилизации: до- и постчернобыльской. Прошедшие после этого восемь лет дали возможность общественности Беларуси, Украины, России, других стран с трудом, с преодолением явного и скрытого сопротивления узнать правду (далеко еще не полную) об этой катастрофе и ее разрушительных последствиях, осознать глубину утрат и потерь, неизбежность и необратимость случившегося. Становится ясно, что взорвавшийся той трагической ночью атомный реактор источал не только смертельно опасные радионуклиды. В условиях сохранявшегося после этого взрыва еще на протяжении более пяти лет тоталитарного режима и идеологического диктата от Чернобыля исходило страшное поле лжи и дезинформации. И только постепенно, шаг за шагом потрясенному этим величайшим бедствием человечеству становится понятно, что в ту ночь произошла самая крупная в истории человечества технологическая ошибка, которая в антигуманных социально-экономических условиях недооценки человека неизбежно превратилась в самую тяжелую технологическую и экологическую катастрофу.

Однако прошедшие годы высветили не только многогранность Чернобыльской трагедии как знака беды технологической и экологической, как испытания на прочность социально-экономической системы и господствовавшей в ней идеологии, политики и морали, основательности устоев культуры и мотивации человеческих поступков. Они медленно, исподволь выдвинули одну из драматических проблем современной цивилизации — проблему привыкания. Человечество на протяжении самого милитаризованного в своей истории XX века, обернувшегося двумя мировыми войнами, постепенно привыкло к гонке вооружений, сокращение которой дается ему с такими трудностями. Оно привыкло к голоду, от которого ежегодно в разных концах планеты умирают миллионы людей. В постоянных заботах о хлебе насущном многие наши современники, в том числе и в самой пострадавшей от Чернобыля стране — Беларуси, начинают привыкать к этой величайшей трагедии и ее неисчислимым отрицательным последствиям. Мы забываем о геракловых подвигах тех, кто ценой своего здоровья и даже жизни су-

мел захоронить огнедышащее пекло реактора, извергавшего смерть, кто предотвратил второй его, еще более ужасающий по разрушительным последствиям взрыв, что дало академику Е. В. Велихову основание в конце первой декады мая 1986 г. заявить: «Самое страшное уже миновало».

Сегодня в нашем распоряжении множество опубликованных и неопубликованных воспоминаний и раздумий тех людей, которые приняли непосредственное участие в ликвидации последствий этой гигантской катастрофы, начиная с самых первых ее дней. При всем различии оттенков, конкретных случаев, оценок и выводов их объединяет одно: ощущение какого-то мучительного перелома, краха надежд и стремлений, жизненных планов и того дела, которому посвящена вся жизнь. Прочитируем одно из таких воспоминаний, принадлежащее одному из главных действующих лиц Чернобыльской трагедии — бывшему заместителю министра энергетики и электрификации СССР, ответственному за атомную энергетику, Г. Шашарину. «Мысль, что жизнь прожита как-то не так, появлялась у меня не раз. Неужели никто из нас не представить, что аварии, подобные этой, в принципе возможны? Никто не может знать, как себя чувствует человек, когда дело его жизни заканчивается крахом и при этом не только гибнут товарищи по работе, но и последствия деятельности, которой ты посвятил жизнь, оказываются столь трагическими... Долг всех участников в ликвидации аварии — сделать все, чтобы подобное не повторилось» [9, 171].

В этих словах мы видим острое восприятие трагедии сотен тысяч, даже миллионов людей через свою личную катастрофу, побуждающую задуматься о том, как и почему такая беда могла произойти, о том, что она в корне переворачивает прежние представления о смысле жизни, работы, карьеры, благополучия. И таких свидетельств — самообвинений и обвинений системы, в условиях которой ядерная катастрофа стала неизбежной, неотвратимой, не одно и не два, а десятки и сотни.

Когда примешь во внимание все это, невольно возникает вопрос: неужели мы можем позволить себе привыкнуть к Чернобыльской трагедии, к ядерной катастрофе? Если мы способны на это, тогда мы предадим своих детей и внуков, и никогда нам не будет прощения от наших потомков.

Рамки социологического осмысления социальной сущности Чернобыльской катастрофы могут быть весьма широкими и подвижными: от общецивилизационного понимания ее места и роли в развитии человечества до выявления уникальности индивидуализации поведения личности, оказавшейся в условиях радиоактивного загрязнения среды в экстремальной ситуации, угрожающей незаметно, а потому более страшно, чем обычно, отнять самую высшую из ценностей — человеческую жизнь.

С точки зрения общецивилизационного подхода, трактуемого с позиции социологий катастроф, несомненен вывод о том, что произошедшая в апреле 1986 г. ядерная авария — самая крупная по своим масштабам, по силе воздействия на человека и окружающую среду, по своим многоплановым негативным последствиям технологическая катастрофа в истории человечества. Она обусловлена не только технологическими просчетами и нарушениями техники безопасности, которых было допущено чрезмерно много, но и свойствами социально-политической системы, приведшей к ее возникновению. Система, провозгласившей примат человека в ряду всех ценностей, а по существу обесценившей человеческую жизнь и достоинство личности. Недаром ведь лучше других информированные люди, такие, в частности, как бывший председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, академик В. А. Легасов, бывший заместитель министра энергетики и электрификации СССР по атомной энергетике Г. Н. Шашарин, в один голос признавали неизбежность столь трагического исхода. Нельзя в связи с этим не задуматься над трагической судьбой выдающегося ученого-ядерщика В. А. Легасова, под тяжестью неразрешимых проблем Чернобыльской беды добровольно ушедшего из жизни. Нельзя оставить без внимания признание Г. Шашарина, который ярко показал, какими страшными последствиями обернулось тридцатилетнее засекречивание в СССР всего того, что было связано с атомной энергетикой, когда все здесь вершилось при полном игнорировании опыта других атомных держав и мнения широкой научной общественности. «В этих условиях трагедия, подобная той, что произошла в Чернобыле, рано или поздно должна была случиться. И это горький урок всем нам на будущее» [9, 179].

Приведенные свидетельства, да и многочисленные другие материалы, дают основания для вывода, что спе-

цифика Чернобыльской трагедии состоит не только в несопоставимости масштабов с другими катастрофами, которые не могут с нею сравниться ни своими размерами, ни величиной негативных воздействий на человека. Особенность ее заключается и в том, что наряду с технологической в ней переплетаются экологическая и социальная катастрофы. Что касается экологического ее аспекта, то, видимо, он не нуждается в пояснении; очевидно ужасающее по мощи и масштабам катастрофическое влияние данного события на экосистему со всеми ее составляющими: земля, вода, воздух, растительность, животный мир и т. п.

Отнесение же рассматриваемой трагедии к числу социальных катастроф требует некоторых пояснений. Одно из них сводится к следующему. Эта величайшая в мире катастрофа обусловлена не только технологическими просчетами и вопиющими нарушениями техники безопасности, неопишимо низкой социальной ответственностью разработчиков столь сложного и жизнеопасного сооружения и специалистов, осуществлявших его эксплуатацию, но и (пожалуй, в первую очередь) теми социально-экономическими условиями, в которых происходило развитие атомной энергетики в 70—80-е годы в нашей стране. И дело не только в том, что высшими органами партийного и государственного руководства задолго до Чернобыльской трагедии, еще в 1977 г., не было принято во внимание тревожное донесение от работавшего тогда Председателем КГБ СССР Ю. А. Андропова (ставшего впоследствии Генеральным секретарем ЦК КПСС) о серьезных недостатках в проектировании и строительстве атомной станции, угрожающих грандиозной технологической катастрофой.

Дело скорее всего в том, что в противовес теоретическим положениям и социальным идеологическим лозунгам о безусловном приоритете человека и его интересов на протяжении десятилетий человек практически рассматривался в Советском Союзе не в качестве высшей цели и ценности социально-экономического и политического развития, а только как средство для достижения целей этого развития. Поэтому экономили на всех ресурсах, в т. ч. на самом важном — ресурсе человеческого здоровья. Именно такая социальная установка, пусть негласная, но в силу этого не менее жесткая, не могла не привести к удешевлению, следовательно, к снижению

эффективности защитных приспособлений в различных технологических системах, включая и конструкцию атомных энергетических объектов. В таких условиях подобного рода катастрофа (пусть даже и меньшего масштаба) не могла не произойти, если и не в Чернобыле, так в другом месте. Суть дела именно в том, что не технология, а сама система, обрекающая человека на роль средства ради достижения некоей вознесенной над ним и чуждой ему цели, а следовательно, побуждающая его на постоянную жертвенность, делает его в конце концов жертвой политических, социальных, технологических ошибок. Поэтому сущность Чернобыльской трагедии определяется не столько ее технологическими компонентами, сколько социально детерминированными процессами, определяющими из которых — пренебрежение к человеку, отсутствие его реальной социальной защищенности.

Второе пояснение, помогающее понять, почему мы в случае с Чернобылем имеем дело не просто с технологической, но и социальной катастрофой, можно изложить таким образом. Разрушительное влияние этой катастрофы и ее последствий на обширные пространства экосистемы и социосферы столь велико по масштабам и длительности действия, что в данном процессе социальные компоненты, несомненно, превалируют над технологическими. По сравнению с видимыми и чаще всего грохочущими технологическими разрушениями невидимая и немая, а потому и более страшная опасность для человека, его жизни и здоровья, причем не только отдельных индивидов, но и для миллионов людей и их потомков (недаром в Беларуси нередко говорят о национальной катастрофе, о необходимости спасения нации и ее генофонда) разрушительная мощь и масштабность социальных последствий данного бедствия в сотни, а может быть, и в тысячи раз коварнее и злее. Поэтому данную катастрофу следует трактовать преимущественно как социотехнологическую с акцентированием внимания на первой части данного составного термина.

Но, пожалуй, самым важным для интерпретации рассматриваемой катастрофы в качестве социальной выступает третье пояснение. Вкратце его можно сформулировать так. В отличие от множества других катастроф (аварий поездов и самолетов, кораблекрушений, землетрясений и т. п.) наиболее разрушительным, особенно в смысле жизнеопасности для человека, в данном случае

становится не столько сам период катастрофы, обычно локализуемый в ограниченном интервале времени, сколько посткатастрофное протекание процессов, губительных для человека, его здоровья, генофонда, окружающей социальной, природной среды, различного рода сооружений, сооружений, сельхозугодий и т. п. Здесь особенно рельефно выступает на передний план социальная составляющая посткатастрофного развития, поскольку ограничение масштабов бедствия в решающей степени зависит не от технологических и иных материально-вещественных факторов, а прежде всего от факторов социальных — способности социальной системы быстро, адекватно и эффективно отреагировать на создавшуюся ситуацию. Это во-первых. А во-вторых, при нейтрализации негативных, в том числе побочных, влияний посткатастрофных процессов наибольшую трудность и вместе с тем наибольшие затраты финансовых, материально-технических и иных ресурсов вызывают именно социальные факторы — сохранение жизни и здоровья людей, преодоление дезадаптационных ситуаций, порождающих стрессогенные, депрессивные, радиофобильные и другие негативные формы поведения индивидов, различных общностей, их социальная реабилитация.

Трагический опыт Чернобыльской катастрофы и ее последствий ставит в повестку дня несколько взаимосвязанных и новых социологических проблем. Во-первых, он побуждает к осознанию того, что совместными усилиями человеческого сообщества, по крайней мере, высокоразвитых в научно-техническом и индустриальном отношении стран, необходимо внести существенные коррективы в создание и освоение технологических основ перехода человечества к новым цивилизационным системам, в частности к информационному обществу, где первостепенная роль энергетического обеспечения жизнедеятельности людей, в том числе за счет атомной энергетики, сохраняется. Бесспорно, что при всех условиях (масштабы, степень развитости, технологическая эффективность и т. п.) атомных энергетических объектов должна быть обеспечена высокая степень безопасности людей, их обслуживающих, а также экологической и социальной среды (среды обитания людей), к ним прилегающей.

Во-вторых, он требует максимальных усилий, способных обеспечить минимизацию технологических, экологических, социально-психологических последствий Черно-

быльской катастрофы для нынешнего и последующих поколений, прежде всего с точки зрения спасения жизни и здоровья людей, оказавшихся в зоне бедствия, а также с позиций сохранения и избавления от неблагоприятных воздействий генофонда той многочисленной когорты населения, насчитывающей ныне около полутора десятков миллионов людей, которая проживает в обширном ареале, охватывающем собой почти всю территорию Беларуси, значительную часть Украины и часть западных областей России.

В-третьих, он высвечивает необходимость совместными усилиями специалистов естественных, технических и гуманитарных наук разработать пути и методы адаптации человека, человечества в целом к новому, гораздо более широкому по своим масштабам и цивилизационному значению постчернобыльскому состоянию, в котором забота о высокой эффективности и безопасности сложных технологических систем должна органически сочетаться с еще более отчетливо выраженной озабоченностью о принципиальном недопущении такой ситуации, которая бы угрожала здоровью человека, негативному в нравственно-психологическом плане воздействию на него, а тем более — его жизни. Освоение этого трагического опыта заставляет принципиально по-иному подойти к проектированию и функционированию всех видов человекомашинных систем, которые играют все более важную роль в условиях углубляющейся и расширяющейся своей масштабы социотехнологической революции, создающей материально-технические основы перехода человечества к новой, более гуманной ступени цивилизационного развития. Во всех вариантах новых технологических решений должен быть обеспечен бесспорный приоритет личностных интересов человека по отношению к техническим, технологическим, экономическим и иным материальным факторам современного, высокотехнизированного производства.

Если взглянуть на проблему Чернобыля и его трагических последствий сквозь призму надежд, разочарований и тревог, обуревающих наших сограждан, то назрела острейшая необходимость принятия закона о развитии ядерной энергетики, который призван регулировать допустимые пределы (не только технологические) проектирования, строительства и эксплуатации атомных объектов. Нельзя упускать из вида, что взорвавшийся в Черно-

быле ядерный реактор РБМК только по одному из девятнадцати параметров соответствует международному стандарту, что при его эксплуатации было нарушено 36 пунктов техники безопасности, что на территории СНГ и сегодня действует еще около полутора десятков таких реакторов. Все это говорит о необходимости срочных, причем законодательно закрепленных, мер по обеспечению безопасного действия ядерных энергетических объектов, по гарантированной защищенности человека, экологической и социальной среды от возможных энергетических трагедий. Здесь жизненно важна разработка целой системы мер, способных ввести развитие ядерной энергетики в безопасное и гуманное русло, которые были бы разработаны в условиях вневедомственной научной экспертизы, реальной гласности и сопоставимости различных проектов, квалифицированного парламентского рассмотрения и всенародного обсуждения.

Не следует забывать и международного аспекта обсуждаемой проблемы. Чернобыльский ядерный смерч сопровождался распространением вредоносных выбросов вплоть до Швейцарии, а йодистые новообразования мигрировали почти по всей планете. Поэтому важнейшее значение приобретает тот факт, что большинство стран, эксплуатирующих атомные электростанции, существенно уточнили и ужесточили в постчернобыльский период принципы ядерной безопасности и критерии ее обеспечения. Если синтезировать основные положения философии ядерной безопасности, законодательно закрепленные в США, Германии и ряде других высокоразвитых в промышленном отношении стран, то их сущность можно свести к следующему. Основные принципы безопасности воплощаются в двух взаимосвязанных тезисах: а) адекватность радиологической защиты, гарантирующей способность атомной электростанции выдерживать воздействие предельных радиологических нагрузок; б) отсутствие чрезмерного риска.

Реализации этих принципов служит иерархическая система соподчинения нормативных документов, начиная от закона об атомной энергии, утвержденного парламентом положения о радиационной безопасности и кончая административными предписаниями о критериях безопасности для атомных электростанций. Основанная на этих нормативных актах система защиты от радиационной опасности должна поддерживаться в состоянии, без-

условно обеспечивающем безопасность станции в любое время.

Отсутствие чрезмерного риска от эксплуатации атомных электростанций обеспечивается предельно жестким регулированием в смысле потребительских требований к ядерной безопасности. Поэтому верхние критерии регулирования должны содержать необходимый и достаточный набор нормативов, обеспечивающих здоровье как персонала атомной электростанции, так и населения прилегающих к ней территорий, безопасных последствий функционирования этого сложного и потенциально опасного технологического объекта, минимальную степень индивидуального и коллективного риска. Такой набор критериев обеспечивается за счет реализации принципа глубоко эшелонированной защиты от угрозы радиоактивного воздействия на людей и окружающую природную и социальную среду с учетом вероятностной оценки риска, сведенного к минимуму.

Чернобыльский цивилизационный урок заключается не только в глубоком осознании общественностью промышленно развитых стран необходимости резкого ужесточения требований и критериев безопасности в отношении объектов атомной энергетики и вызываемой ими степени риска для человека и окружающей среды. Речь идет о необходимости выработки новой интегральной концепции безопасности, которая включала бы в себя не только технологическую, но и экологическую, социальную, политическую, военную безопасность. Каждый из этих компонентов интегральной безопасности, как показали острые дебаты в Верховном Совете Республики Беларусь в апреле — июне 1993 г., несет в себе множество элементов драматизма и может быть осмыслен, правильно оценен только в совокупности со всеми остальными. Да и может ли быть иначе, если разрушительные последствия аварии на атомной электростанции сопоставимы с последствиями атомной бомбардировки крупного города?

Выработка концепции интегральной безопасности, в чем решающая роль принадлежит науке, должна сопровождаться разработкой и практическим осуществлением эффективной стратегии безопасности. А в выработке такой стратегии нельзя ограничиться только научными концепциями, поскольку наука по своему назначению может дать только достаточно узкий спектр основных принципов стратегии обеспечения безопасности. В такой важной

сфере бытия в условиях техногенной цивилизации, какой является обеспечение безопасности, недостаточно опираться только на научные достижения и технологические средства. Здесь важное значение принадлежит катастрофической субкультуре, которая включает в себя многовековой опыт людей, их традиции, культуру, развитое чувство опасности, возникающее в нестандартных, непредсказуемых ситуациях (о значимости провидческой роли художественной литературы в этом процессе мы уже говорили). Но следует в полной мере использовать и такие вненаучные средства знания, как интуиция. Именно интуиция прежде всего способна предупредить человека о надвигающейся опасности и тем самым подготовить его к ней.

Когда мы говорим о роли опыта и интуиции в подготовке человека к надвигающейся опасности, нельзя забывать о том, что создание и использование орудий, технических средств предполагало некоторую опасность и связанную с ней долю риска для человека во все времена с самого начала его орудийно-производственной деятельности. Однако Чернобыльская катастрофа не только развеяла миф о безопасности ядерной энергетики, но и поставила на повестку дня проблему безопасности не только для персонала атомных станций и населения ближайших территорий, но и глобализировала саму проблему безопасности. Резко раздвинув привычные дотоле представления о локальной технологической опасности вследствие распространения радионуклидов на громадные пространства практически всех стран Северного полушария, она превратила в жертвы ядерной опасности не только ныне живущие, но и будущие поколения людей.

Поэтому в создании и осуществлении стратегии глобальной ядерной безопасности, а в более широком контексте — интегральной безопасности должен быть использован не только мощный потенциал современной науки и техники, но и трудно поддающиеся научному, дискурсивному анализу, но тем не менее могущественные творческие силы интуиции и опыта. Именно эти силы способны сыграть роль сильнейшего средства, порождающего у человека предощущение, предчувствие возможной беды от использования технологических и иных средств воздействия на окружающий мир.

Один из важнейших цивилизационных уроков Чернобыльской катастрофы состоит в том, что она поставила

перед современной цивилизацией ряд принципиально важных и трудно решаемых проблем, тесно связанных с обеспечением безопасности. К ним относятся, в частности, такие: существует ли предельная величина риска и чему она равна? Какова должна быть оценка риска, каков его критерий? Можно ли регламентировать недопустимый уровень риска?

Если исходить из понимания риска как вероятности возникновения конкретного нежелательного события в пределах конкретного периода времени или в конкретных обстоятельствах, то можно с определенностью сказать, что любая ядерная установка — это уже риск. Насколько это возможно, люди стремятся выразить степень риска числовыми величинами. Поэтому двумя основными параметрами нежелательного результата деятельности технологической системы (скажем, ядерного реактора) являются вероятность возникновения нежелательного (угрожающего человеку) события и размер его последствий, причем оба нуждаются в оценке. В различных областях производственно-технической деятельности (например, в машиноведении) величину риска можно получить арифметическим путем умножения вероятности результата на степень его тяжести. Величина риска в таком случае представляет собой некоторую ожидаемую величину. Математическое ожидание представляет собой удобное понятие во многих обстоятельствах из-за его простоты: концепция риска сводится к одномерному распределению величин.

Однако в тех случаях, когда результат развития нежелательных событий приобретает катастрофический характер, как это случилось на Чернобыльской атомной электростанции, такая простота не только не срабатывает, но может ввести в заблуждение. Трагический опыт Чернобыля доказал, что риск в случае крупной катастрофы не может быть сведен к единственной числовой величине. Если пользоваться рассмотренной ранее логикой количественного выражения риска, то он ассоциируется с целым рядом числовых величин, количество которых должно равняться количеству рассматриваемых негативных последствий нежелательного события (смертельные случаи, телесные повреждения, количество человеко-дней нетрудоспособности в связи с заболеваниями, стоимость причиненного ущерба, стрессовые ситуации, операции по ликвидации последствий катастрофы и т. п.).

В таком случае процедура одномерного распределения величин должна заменяться методом агрегирования, при котором различным последствиям присваивается определенное числовое значение в одних и тех же единицах, и тогда риск выражается следующим триплетом: вероятность, последствия и значимость последствий.

Но риск всегда затрагивает жизненные интересы людей, чьи индивидуальные восприятия определенных событий как нежелательных, угрожающих их благосостоянию, здоровью или жизни отнюдь не всегда совпадают с обеспокоенностью отдаленного или близкого риска тех или иных социальных общностей. Поэтому важнейшей составляющей в количественном и качественном определении риска становится субъективное восприятие риска, которое должно рассматриваться и оцениваться в единстве с объективно существующей вероятностью той или иной опасности. Если второе (объективно существующий риск) можно квалифицировать в определенных величинах сравнительно легко, то первое в большинстве случаев (в силу большой разбежки восприятий и оценок у различных индивидов и их групп) практически невозможно. Дело в том, что воспринимаемый риск для того или иного конкретного индивидуума — это своеобразное, только ему свойственное сочетание его личной оценки возможности неблагоприятного события в будущем и столь же субъективно окрашенного индивидуального ожидания вероятных последствий такого события. Как именно происходит такая оценка и как формируются подобные ожидания, внешнему наблюдателю описать не под силу, и даже соответствующий индивидуум испытывает трудности в проведении самоанализа, если его попросить об этом. Поэтому у социолога и психолога оказывается очень мало шансов предвидеть поведение данного индивидуума, когда он столкнется с рискованной ситуацией, ибо слишком велико здесь число неизвестных и непредсказуемых факторов.

И тем не менее было бы опрометчиво назвать восприятие риска «черным ящиком». Социологические, психологические, антропологические исследования, проведенные со множеством людей в катастрофных и посткатастрофных ситуациях, включая и Чернобыльскую зону, дают основание для представления содержания и структурной схемы восприятия риска. Сейчас можно считать общепризнанным, что восприятие риска возникает из

взаимодействия трех компонентов: 1) вероятность того, что данного индивида затронет конкретный эффект радиационного воздействия; 2) возможность отрицательных последствий такого воздействия; 3) значимость этих последствий с точки зрения нетерпимости для отдельных лиц и общества в целом. На основе воспринимаемой реальности, таящей в себе угрозу безопасности, благополучию или здоровью человека, индивиды и их группы строят образы риска, которые в свою очередь приводят к формированию отношения к риску, соответствующих мнений, оценок и поведенческих реакций.

Чернобыльский опыт убедительно показал, что возникающие в посткатастрофических условиях ошибки и неточности в восприятии риска непосредственным образом связаны с искажением или сознательным утаиванием информации о реальной степени опасности, возникшей вследствие катастрофы. Ошибочное восприятие риска или неэффективный контроль риска могут быть исправлены только объективной, оперативной и достоверной информацией о подлинных размерах катастрофы, вызываемых ею последствий и степени их опасности для людей — здоровья, благополучия, жизни. Разнообразные виды такой информации, дополняя объективно существующую картину реального риска, составляют своеобразную «переданную реальность», которая может кардинальным образом отличаться от объективной реальности в отношении той ситуации, которая была определена раньше. Поэтому первостепенное значение приобретает адекватность информации о степени риска той объективно существующей ситуации, которая реально несет в себе угрозу жизненным интересам людей. Но, чтобы добиться такой адекватности, базирующейся на способности выявить, определить и точно охарактеризовать степень реальной угрозы, необходимо, чтобы в определение и оценку риска были вовлечены не только отдельные индивиды и их группы, но и общественные институты, прежде всего научные [13, 32—33].

Одним из важнейших цивилизационных уроков Чернобыльской трагедии становится проблема оперативной и достоверной информации о катастрофических явлениях и процессах. Чернобыль показал весьма красноречиво, что любое ведомство, повинное в катастрофе, заинтересовано в преуменьшении ее масштабов и отрицательных последствий. Он же показал, что любая властная струк-

тура — будь то местная власть или правительство — в случае катастрофы опасается возникновения массовой паники среди населения, а потому заинтересована в сокрытии подлинных масштабов бедствия.

Однако то, что произошло в апреле 1986 г. и последующие за ним месяцы в бывшем Советском Союзе, убеждает, что Политбюро ЦК КПСС и Советское государство совершили беспрецедентную по масштабам и лицемерию акцию по блокированию информации о степени и масштабах радиоактивного загрязнения местности и опасности его последствий для здоровья и жизни людей. Контент-анализ публикаций по чернобыльской проблеме в газетах Беларуси показывает, что в течение первых двух месяцев, когда необходимо было принимать срочные меры по спасению населения, подвергшегося радиоактивному воздействию, оценка опасности в прессе замалчивалась или представлялась в виде процесса, который идет на убыль, к полной ликвидации последствий катастрофы. В сообщениях говорилось о том, что выделение радиоактивных веществ уменьшилось, обстановка контролируется и нормализуется, радиоактивность уменьшилась в 1,5—2 раза, радиоактивная обстановка на Украине и в Беларуси улучшается. Только в июне 1986 г. появляются более жесткие оценки, а в газете «Звезда» корреспондент по Гомельской области А. Усеня впервые получает возможность опубликовать слова «опасно и смертельно». Однако к декабрю того же года интерес к катастрофе в публикациях газет заметно снижается.

Только спустя четыре года важность чернобыльской проблематики становится для республиканской прессы свершившимся фактом. Резко меняется тональность публикаций. Оценка ситуации становится однозначной: катастрофа — самая крупная в истории человечества, угрожающая жизни белорусской нации, ее будущему и т. п. Появляются статьи с высокой степенью информативности, базирующиеся на радиологических, социологических, психологических исследованиях [6, 103—131].

Аналогичные материалы получены и другими исследователями. Они позволяют сделать однозначный вывод: в течение четырех лет большинство сведений о загрязненности огромных территорий и пищевых продуктов радионуклидами были засекречены, информация строго дозировалась и контролировалась, а потому и не была адекватной реально складывающейся ситуации в зоне Черно-

быльской катастрофы. Характерно, что даже в отдаленной от Чернобыля Германии журналистами было введено в употребление понятие «двойная катастрофа». Речь шла о существовании рядом с ядерной катастрофой еще одной — «информационной катастрофы», под которой понималось сокрытие правды о первой. Даже в Германии год спустя после Чернобыльской трагедии, в мае 1987 г., почти половина респондентов (49,8%) высказалась в том смысле, что реальная опасность радиационного воздействия на людей гораздо больше, чем о том информировано население [12, 301—302].

Что уж в таком случае говорить о Беларуси, Украине или Брянской области России, где такое мнение господствовало у большинства населения? Исследования, проведенные в Брянской и Гомельской областях, показали, что полностью или в основном доверяют информации о степени загрязненности соответственно 19 и 18% от общего количества опрошенных, мало доверяют 58 и 60, а совсем не доверяют 23 и 22% [8, 24]. Если суммировать последние цифры, то станет ясно, что почти 80% населения настроены весьма скептически или отрицательно (в смысле доверия) по отношению к официальной информации о масштабах и последствиях ядерной катастрофы.

Посткатастрофные процессы, возникшие в результате аварии на Чернобыльской атомной электростанции, и их освещение в официальных документах, в средствах массовой информации показали, что существуют два вида дезинформации о бедствиях, сопровождающих крупномасштабную ядерную катастрофу. Первый из них заключается в том, что большим массам людей дают строго дозированную, а подчас и заведомо ложную информацию о размерах, реальных последствиях катастрофы и степени их реальной угрозы безопасности тем или иным группам населения — детям, женщинам и т. п. Именно этот тип дезинформации был преобладающим в первые два-три года после Чернобыльской катастрофы.

Однако существует и второй, более завуалированный вид дезинформации. Суть его состоит в том, что людям, неподготовленным к ее восприятию и адекватной оценке, предоставляют вполне достоверную информацию, но, поскольку очень многие не подготовлены к ее оценке и, следовательно, не в состоянии ее осмыслить, сделать из нее соответствующие выводы, она превращается в своеобразную дезинформацию. На наш взгляд, такой именно

формой дезинформации стала предложенная группой специалистов-медиков 35-бэрная концепция, исходящая из того, что ничего страшного с людьми, проживающими в зоне бедствия, не произойдет, если радиационная загрязненность не превышает 40 кюри на квадратный километр, а доза облучения составит 35 бэр за 70 лет жизни. Эта информация социально неприемлема не только потому, что ставит условно выведенный физико-математический символ выше человека, интересов его здоровья и безопасности. Она ущербна и дезинформационна еще и потому, что рассматривает человека в качестве некоего одномерного существа, предельно допустимая доза облучения которого устанавливается только по одному из многих возможных, правда, наиболее распространенных радионуклидов — цезию-137. Но ведь в действительности человеческий организм действует как многомерное и сложноорганизованное целое, воспринимающее в совокупности все факторы окружающей радиационно загрязненной среды, в силу чего возникает так называемый «синергизм», при котором отрицательное воздействие каждого из многих радионуклидов (стронция, плутония и др.) многократно усиливается их совокупным влиянием на человека. Здесь вступает в действие научная этика: каждый человек должен быть проинформирован о реальной степени риска, которой он подвергается в том случае, если решает остаться жить на радиоактивно загрязненной территории. Только получив объективную, полную и достоверную информацию о реальной степени угрозы его безопасному проживанию на этой территории, он сможет самостоятельно решить вопрос о допустимой для него степени риска и цене, которой за него придется заплатить. Всякий иной подход негуманен, нецивилизован.

Чернобыльская катастрофа преподала человечеству еще один цивилизационный урок — необходимость технологической взаимопомощи и сотрудничества стран, на территории которых или вблизи территории которых расположены и действуют ядерные промышленные объекты. Одна из возможных форм взаимодействия, причем с привлечением широкой общественности, — составление подробных карт наиболее опасных с точки зрения вероятности возникновения катастроф технологических объектов и разработка соответствующего банка данных наиболее приемлемых и эффективных мер по обеспечению их без-

опасного функционирования. Все сегодня согласны с утверждением, что Беларусь оказалась заложницей Чернобыльской катастрофы. Но мы порой склонны забывать, что в непосредственной близости от нее действуют не только Чернобыльская, но и Игналинская, Смоленская, Ровенская атомные электростанции. И волей-неволей мы оказываемся заложниками и этих станций. Но поскольку отказаться от ядерной энергетики в настоящее время не представляется возможным, то возникает животрепещущая проблема: организация международного сотрудничества с целью блокировки и недопущения возможных катастрофических последствий эксплуатации этих сложных технологических объектов, безопасность работ которых не представляется гарантированной.

Но дело не только в географической близости названных станций друг от друга, где центром пересечения линий, их соединяющих, является Беларусь. Дело еще и в геополитическом аспекте проблем ядерной безопасности. Не будем забывать, что Чернобыльская катастрофа изменила масштаб и критерии оценки эффективности и безопасности функционирования ядерных установок, резко сблизила расстояния, изменила представление об отдаленности нежелательных событий. Страны, разрабатывающие и осуществляющие свои энергетические программы, особенно связанные с использованием атомной энергии, должны в современных условиях учитывать интерес большей степени, чем это было когда-либо в прошлом. Поэтому важнейшее значение приобретает сегодня международное сотрудничество в целях предотвращения технологических катастроф и нейтрализации их отрицательных последствий с участием таких влиятельных международных организаций, как ООН, МАГАТЭ, ЮНЕСКО, с привлечением международных фондов, корпораций и фирм. Такое сотрудничество не может быть эффективным, если оно станет развиваться только на коммерческой основе. Его основополагающим принципом должна стать забота о сохранении и развитии человеческой цивилизации, ее достижений и ценностей, среди которых несомненный приоритет принадлежит сохранению здоровья и жизни человека, обеспечению его благосостояния.

Глава 2

ЯДЕРНЫЙ ВЗРЫВ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС — ИСТОЧНИК КРУПНЕЙШЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ

При несомненном приоритете техногенно-ядерной детерминации истоков, масштабов и последствий Чернобыльской катастрофы ядерный взрыв на ее четвертом блоке в апреле 1986 г. стал источником крупнейшего в мире экологического бедствия. Это в решающей степени обусловлено особенностями взрыва. При атомной бомбардировке американскими военно-воздушными силами японских городов Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г., а также при последующих испытаниях ядерного оружия температура в эпицентре взрыва достигла миллиона градусов. В этих условиях происходило быстрое испарение радионуклидов. В отличие от этого при взрыве атомного реактора в Чернобыле в атмосферу было выброшено огромное количество радиоактивного топлива в диспергированном виде и в форме аэрозолей, состоящих из оплавленных частиц разного размера и разного состава. Кроме того, оказалось, что в выбросе содержались и радионуклиды, которые не являются продуктами деления урана, например радиоактивное серебро. Причиной появления таких изотопов стала своеобразная «наведенная» радиоактивность из-за нейтронного облучения различных материалов. В результате совокупного действия этих разнородных факторов вследствие ядерного взрыва на Чернобыльской АЭС на окружающие территории было выброшено радиоактивных веществ с активностью не менее 180 млн. кюри (без учета активности нескольких тонн ядерного горючего, выброшенного вблизи АЭС). Величайшее экологическое бедствие возникло и быстро распространилось на огромные территории. Площадь территории Беларуси, Украины и России с плотностью загрязнения радиоактивным цезием более 185 кБк/кв. км составляет в пострадавших от Чернобыльской катастрофы районах 2449,7 тыс. га, в том числе в Беларуси 1347,2

тыс. га, на Украине — 377,5 тыс. га, в России — 725 тыс. га [12, ч. 3, 14—15].

Наиболее значительные разрушительные экологические воздействия Чернобыльской катастрофы пришлось на Беларусь. Так, 45,6 тыс. кв. км, или 23% территории республики (почти четвертая ее часть), по цезию-137 имеют уровень загрязненности свыше 37,0 кБк/кв. км. Максимальные величины загрязнения почв цезием-137 за пределами зоны эвакуации иногда превышают 5000 кБк/кв. км. Экологическое бедствие приобретает особый драматизм, когда оно захватывает в свою орбиту не только окружающую природную среду, но и самого человека. Поэтому представление о колоссальных масштабах экологической трагедии, порожденной ядерным взрывом на четвертом блоке Чернобыльской АЭС, будет далеко не полным, если не учесть, что сегодня под радиацией проживает около 2,2 млн человек, в том числе почти 800 тыс. детей. В республике в зоне загрязнения цезием-137 с плотностью до 15 кюри на кв. км находится 922 населенных пункта, в которых проживает 364,7 тыс. человек, а на Украине таких населенных пунктов только 139, в прилегающих к Чернобыльской зоне областях России — 450. На тех территориях, где плотность загрязнения цезием-137 составила более 60 кюри, в Беларуси оказалось 22 населенных пункта, в России — 8, на Украине — ни одного.

За прошедшие после катастрофы восемь лет экологически угрожающая радиационная обстановка в Беларуси изменялась в основном за счет естественного распада радионуклидов с относительно коротким периодом полураспада и в меньшей мере вследствие миграционных процессов. Если в начальный посткатастрофный период наибольший экологический ущерб наносили радионуклиды с короткими периодами полураспада (йод-131, ксенон-133, барий-140, теллур-132 и др.), то в настоящее время и в ближайшие десятилетия наиболее серьезная угроза исходит и будет исходить от цезия-137 (период полураспада 30 лет) и стронция (период полураспада 28 лет). Наибольший экологический ущерб окружающей среде наносится радиоактивно загрязненными почвами. Именно в верхнем пятисантиметровом слое почв сосредоточено в настоящее время основное количество радионуклидов. Во всех проанализированных пробах почв цезий-137 присутствует преимущественно в «фиксирован-

ном» состоянии (70—98%), доля же водорастворимого цезия-137 не превышает 2—3% [10, 29].

Следует иметь в виду, что на долю Беларуси приходится не только основная площадь всех загрязненных в результате Чернобыльской катастрофы земель, но и подавляющая часть сильно загрязненных почв. В частности, из общего количества земель с уровнем загрязнения 5 кюри на кв. км и выше на территории Беларуси размещается 58,8%, с загрязнением от 15 до 40 кюри — 59,3%, с загрязнением свыше 40 кюри на кв. км — 69,4%. Суммарная же площадь земель с уровнем загрязнения свыше 5 кюри на кв. км в Беларуси в 4,8 раза больше, чем на Украине [6]. В этих условиях становится жизненной необходимостью создание в республике специальной экологической инфраструктуры, призванной предотвратить, уменьшить и в конце концов прекратить расползание на все новые и новые территории радиоактивного загрязнения, способствовать реабилитации пострадавших от катастрофы экологических систем.

В результате обобщения материалов полевых исследований специалистами сделан предварительный прогноз, согласно которому в ближайшие 30 лет самоочищения почв в результате миграции радионуклидов в нижележащие горизонты не произойдет [13, ч. 3, 45]. А это означает, что экологическое бедствие, порожденное Чернобыльской катастрофой, имеет огромную протяженность не только в территориально-пространственном, но и во временном отношении.

Конечно, земля — наша основная кормилица. Однако когда речь идет об экологическом бедствии, то оно реализует свою жизнеопасную сущность не только в загрязнении почвы, но и в неблагоприятных для жизни изменениях воды и воздуха. Проведенные исследования неопровержимо свидетельствуют, что содержание радионуклидов цезия-137 и стронция-90 во всех обследованных поверхностных водостоках и водоемах превышает дочернобыльский уровень. По степени плотности радиоактивного загрязнения компоненты водных экосистем выстраиваются в следующем порядке (в сторону уменьшения): донные отложения > водная растительность > рыба > вода. Донные осадки на территории техногенного ареала загрязнения цезием-137 колеблются в пределах 7,5—231,0 Бк/кг и стронцием-90 в пределах 2,03—304,4 Бк/кг. Максимальные концентрации обнаружены в

р. Несвиж у д. Кулажин (зона отчуждения), где активность цезия-137 и стронция-90 составила соответственно 49,58 и 3,585 Бк/кг. Аналогичные изменения обнаружены и в других компонентах водных экосистем [8, 173].

В результате Чернобыльской катастрофы произошло существенное радионуклидное загрязнение поверхностных и подземных вод Беларуси. Поскольку в водных экосистемах, особенно в непроточных водоемах, основная часть радиоактивных веществ сосредоточена в донных отложениях, постольку сохраняется угроза вторичного загрязнения водной массы при взмучивании или иных нарушениях донных отложений. Все это осложняет экологическую ситуацию, делает ее трудно предсказуемой, ведет к увеличению дозовых нагрузок на население. Более того, в 1991—1993 гг. зафиксировано наличие загрязненных радионуклидами водоемов на тех территориях Беларуси, которые не подвергались радиоактивному загрязнению. Наблюдается отчетливо выраженная тенденция к расширению территориальных пределов экологического бедствия Чернобыльского происхождения, что является результатом перемещения водотоками взвесей и твердого стока с площадей водосборов.

Резко отрицательное воздействие на экологическую ситуацию оказывают и изменения в атмосфере, вызванные Чернобыльской катастрофой. Под воздействием последней радиоактивность приземного слоя воздуха в мае 1986 г. на всей территории Беларуси возросла в десятки и сотни раз. Максимальные концентрации радионуклидов в воздухе наблюдались 27—28 апреля и 15—16 мая 1986 г. (для цезия-137 эти показатели составили 7—9 Бк/куб. м, для йода-131 — 150—200 Бк/куб. м, плутония-239 и 240 — 100—150 мк Бк/куб. м в районе Березинского заповедника). В 1990 г. среднегодовые концентрации радиоактивности в воздухе крупных городов Беларуси колебались от 7,210 Бк/куб. м в Минске до 18,310 Бк/куб. м в Гомеле. Наиболее высокая суммарная радиоактивность воздуха (410 Бк/куб. м) была зарегистрирована в 1990 г. в Хойникском районе, когда в конце марта—начале апреля стояла сухая ветреная погода и велись полевые работы.

Установлена тенденция аэрозольного перераспределения радионуклидов между загрязненной юго-восточной и относительно экологически чистой северо-западной частями Беларуси. Этому процессу способствуют малый размер

(0,1—100 мкм) частиц диспергированного топлива и шаровидных радиоактивных частиц различной природы, пылевые бури при производстве пахоты и уборке урожая в зоне радиоактивного загрязнения и благоприятствующие северо-северо-западному переносу радионуклидов направления воздушных течений. Сказывается здесь также и влияние двух различных, но связанных с жизнедеятельностью местных массивов факторов. Во-первых, продолжающаяся интенсивная рубка лесов — этой эффективнейшей фильтровой природной системы, во-вторых, все более частые (особенно характерно это для засушливого жаркого лета) на территории Беларуси и прилегающих стран лесные пожары.

Существует немало реальных путей воспрепятствования дальнейшему обострению столь неблагоприятной для Беларуси экологической ситуации в постчернобыльский период. Важнейшие из них: прекращение всей хозяйственной деятельности на радиоактивно загрязненных землях и широкомасштабное восстановление лесных массивов.

Зловещий Чернобыльский след остался не только на территории Беларуси, Украины и западной части России, но и вышел далеко за пределы их территорий. Хотя, по авторитетному заключению научного сотрудника Британского Национального института медицинских исследований (Лондон) Ж. А. Медведова, радиоактивное загрязнение обширных территорий Украины, Беларуси и Брянской области России превышает максимальные уровни, обнаруженные в Польше, Румынии, Венгрии или в Германии, в 100 и более раз, тем не менее значительное количество радионуклидов распространилось далеко за пределы бывшего СССР. Так, общее выделение радиоактивного йода-131 в результате Чернобыльского ядерного взрыва, по советским официальным данным 1989 года, составило 17 млн. кюри, из которых 66% выпало на территории СССР (то есть 11,2 млн. кюри), на территории остальной части Европы — около 5 млн. кюри и 0,68 млн. кюри ушло в глобальные выпадения за пределами Европы и СССР. Из общего количества радиоактивного цезия-137, составившего 1,9 млн. кюри, 44% — около 1 млн. кюри — выпало на территории СССР, 38% — в остальной части Европы, а 18% — за пределами Европы и СССР.

Однако, учитывая стремления официальных правительственных органов бывшего СССР резко снизить вы-

падение радионуклидов на своей территории, Ж. А. Медведев полагает, что на европейской территории СССР выпало цезия с радиоактивностью не менее 2—3 млн. кюри, но значительная часть его, как и других радионуклидов, выпала на территории Польши, Румынии, Венгрии, Германии, Финляндии, Швеции, Норвегии и других стран [11, 46—85].

Таким образом, негативные экологические последствия Чернобыльской катастрофы затронули практически все страны Европы, нанеся, естественно, самый крупный экологический ущерб ее восточноевропейским странам. В результате не только в странах Европы, но и за их пределами возникло специфическое для нашего времени состояние экологической озабоченности широких кругов общественности. В частности, проведенное в Германии исследование показало, что под воздействием Чернобыльской катастрофы в мае 1986 г. радиоактивность воздуха возросла с обычных фоновых значений в 0,3 минибеккереля на кубический метр воздушной массы до 10 000 миллибеккерелей (мБк/куб. м), то есть более чем в 3 тыс. раз, а радиоактивность атмосферных осадков — примерно с 1 мБк/куб. м до 10 000 мБк/куб. м — почти в 1 тыс. раз. Правда, к началу июня она резко снизилась, а в сентябре того же года подошла к обычным фоновым значениям [15, 71].

Результаты подобного рода исследований, широко освещаемые в средствах массовой информации, в огромной степени способствовали формированию у широких масс населения европейских стран чувства глубокой экологической озабоченности и тревоги. Троекратно проведенное германскими социологами исследование (ноябрь 1986, май 1987 и май 1988 гг.) показало, что примерно шестая часть опрошенных немцев (соответственно 15,1, 16,8 и 15,0%) обеспокоена возможным ущербом для их здоровья вследствие Чернобыльской катастрофы и более одной пятой (17,2, 22,7 и 23,2% соответственно) озабочены возможным негативным радиоактивным воздействием на здоровье их детей [14, 6]. Подобные же данные были получены социологами Финляндии, Швеции и других европейских стран.* Если распространение радионуклидов аэрозольным путем перешагнуло далеко за пределы бывшего СССР и затронуло страны Европы, кое-где выйдя даже за ее территорию, то экологическое потрясение флоры и фауны, вызванное Чернобыльской катастро-

фой в своей подавляющей части стало исключительным уделом Беларуси, Украины и сопредельных с ними западных областей России, главным образом Брянской. И здесь на передний план в экологическом смысле опять-таки выдвигаются почвы, поскольку именно они представляют собой среду, наиболее насыщенную жизнью, где биологическое разнообразие животных организмов и растений, а также экологических связей между ними максимально. В экосистемах почвы, как установлено американскими экологами, можно обнаружить до 1000 видов различных групп живых организмов на один квадратный метр почвы. Эти организмы относятся к микрофлоре (бактериям, актиномицетам, водорослям), грибам, высшим растениям, животным, то есть группам, радиочувствительность которых совершенно различна и реакция на действие ионизирующей радиации для которых становится заведомо неоднозначной.

На эту специфическую экологическую характеристику почвенной среды накладывается своеобразие самого времени Чернобыльской катастрофы — 26 апреля 1986 г. — период, когда на прилегающих к месту взрыва территориях по прошествии более месяца со времени схождения снега установилась теплая солнечная погода. Почвенные обитатели в это время, отойдя от зимнего оцепенения, переместились к самой поверхности в наиболее нагретые горизонты почвенного профиля. Многие из них вступили в период размножения, другие — в период линек при переходе на следующую стадию жизненного цикла. С точки зрения радиоэкологии такое стечение обстоятельств было наименее благоприятным для того, чтобы почвенные обитатели вынесли массивированный удар радиации и оказались особенно уязвимыми для действия радиации. В результате, как показали экологические обследования, количество самой массовой группы почвенных животных — панцирных клещей — уменьшилось в районе АЭС вдвое, в радиусе 30-километровой зоны — на 25 видов, а за ее пределами — на 33 вида [9, 220—224].

Чернобыльская катастрофа на территории Беларуси нанесла различным видам флоры и фауны существенный экологический ущерб. В частности, радиоактивному загрязнению подверглось около четвертой части площадей лесов республики. Это составляет 1,7 млн. га, из них 188 тыс. га расположены в зоне с плотностью загрязнения от 555 до 1480 кБк/кв. м и 28,7 тыс. га в зоне с плот-

ностью загрязнения более 1480 кБк/кв. м. Единственным благоприятным фактором в этой экологически сложной ситуации является то обстоятельство, что из суммарного количества радионуклидов, выпавших в лесах, в древесное сосредоточено всего 3—4% (диапазон 0,3—5,7%), в подстилке 50—85%, остальное — в минеральном слое почвы (радиационные характеристики приведены выше). Однако наблюдается тенденция перераспределения радионуклидов с увеличением их доли в минеральном слое и древесное. За прошедшие после Чернобыльского ядерного взрыва годы определилась решающая доля в радиоактивном загрязнении лесных массивов долгоживущих гамма-излучателей, в которую наибольший вклад вносит изотоп цезий-137, суммарная активность которого находится в диапазоне 50—80%. По расчетам специалистов, для снижения радиоактивности продуктов естественного распада стронция-90 и цезия-137 примерно в 1000 раз, то есть приближения к обычной, докатастрофной экологической ситуации, понадобится около 10 циклов (300 лет) [1, ч. 3, 87—88].

Колоссальный урон нанесен Чернобыльской катастрофой и животному миру. Исследованиями, проведенными сотрудниками Института генетики и цитологии, установлены губительные изменения хромосомных структур у грызунов и лягушек. Частота повреждений хромосом у этих видов животных возросла в 3, а в некоторых случаях даже в 10 раз по сравнению с дочернобыльским периодом [7, 30], что приводит к резкому возрастанию наследственных заболеваний, общему снижению жизнеспособности организмов.

Под воздействием Чернобыльской катастрофы произошло существенное нарушение воспроизводительной функции сельскохозяйственных животных. В частности, начало проявляться снижение естественной резистентности животных, вследствие чего в хозяйствах радиоактивно загрязненной зоны до 80% коров и телят являются носителями ротавирусной инфекции. У животных нарушаются обменные процессы, обусловленные изменениями функционального состояния желез внутренней секреции. Эти и другие патологические изменения в организме сельскохозяйственных животных делают весьма проблематичной задачу получения экологически чистой продукции, вследствие чего белорусские специалисты пришли к выводу, согласно которому радиоактивное загрязнение

территории цезием-137 плотностью более 555,0 кБк/кв. м делает практически нецелесообразным ведение животноводства в этой зоне [8, 187].

С учетом подобного рода заключений и рекомендаций на сельхозугодьях Беларуси с плотностью загрязнения от 555 до 1480 кБк/кв. м в 1990 г. прекращено ведение молочного скотоводства и овцеводства, выращивание льна, гречихи, зернобобовых и др. культур.

Поскольку большинство населения Беларуси, проживающего не только в районах радиоактивного загрязнения, но и за их пределами, продолжает подвергаться внутреннему облучению радионуклидами через продукты питания, необходимо повсеместно внедрить в жизнь трехэтапную систему снижения радионуклидов в этих продуктах. Составляющие данной системы таковы: а) почва — растения; б) корм — животные; в) доработка и переработка сельскохозяйственного сырья. Если удастся связать радионуклиды в почве, станет возможным прерывание их движения во всей цепи. Контрмеры, применяемые на данном этапе, являются наиболее рациональными и оправданными. Существенных усилий требует и второй этап, ибо с точки зрения интенсивности перехода радиоактивных веществ в растения и далее по цепочке питания самыми опасными являются некультуренные сенокосы и пастбища, особенно заболоченные. Возведенная в ранг первостепенной работа по окультуриванию и мелиорации загрязненных сенокосов и пастбищ дает снижение перехода радиоактивного цезия из почвы в растения в 6—8 раз. Оказалось, что проведение агротехнических, агрохимических и организационных мероприятий снижает способность растений накапливать радионуклиды. Так, внесение в почву двойных и полудвойных норм фосфорных и калийных удобрений, известкование по двойной гидролитической кислотности позволили в 1,5—2 раза снизить переход радиоактивного цезия и стронция-90 в растения. А изменение структуры рационального кормления скота за счет увеличения доли концентратов с 30 до 70% по питательности увеличивает в 1,5 раза суточные привесы животных и в такой же степени скорость выведения радиоактивного цезия из их организма [4, ч. 3, 63—64].

Однако принимаемые в Беларуси меры по радиационно-экологической защите потерпевших от Чернобыльской катастрофы территорий, и в первую очередь населе-

ния, ни в коей мере нельзя признать достаточными. Прошедшие после катастрофы восемь лет по темпам и масштабам экологически защитных мероприятий побуждают прийти к заключению, что еще не одно поколение населения республики будет жить в условиях радиационного загрязнения значительной части ее территории и природных ресурсов. Экологическая ситуация и ее тревожное восприятие различными группами населения в существенной мере осложняются и усугубляются вследствие отсутствия надежных и достоверных данных как о радиационном состоянии среды обитания людей, так и прогнозных оценок динамики ее развития как на близкую, так и на более отдаленную перспективу. Картина ещё более драматизируется в связи с тем, что пока отсутствуют научные данные о последствиях длительного воздействия малых доз радиации на человеческий организм, растительный и животный мир. Это объясняется отсутствием до сих пор четко скоординированной в пределах Беларуси и последовательно осуществляемой системы радиационно-экологического мониторинга.

К тому же в связи с медленным разворачиванием отселения жителей с загрязненных радионуклидами территорий там продолжается производственная деятельность, в том числе и в сфере сельского хозяйства. Из-за крайне малого количества радиометрической аппаратуры население может получать продукты более грязными, чем это допустимо установленными нормами. Вследствие этого возникает опасность возрастания коллективной дозы облучения, а следовательно, и рисконепредвиденных стохастических эффектов негативной направленности.

Социологические и социально-психологические исследования, проведенные в 1991—1994 гг., показывают, что подавляющее большинство опрошенных в Гомельской и Могилевской областях склонны не только высоко оценивать, но и преувеличивать степень радиационно-экологической опасности, существующей на территориях, пострадавших от радиоактивного воздействия либо прилегающих к ним. Очень часто, особенно в сельской местности, высказываются предположения, что опасность существует в загрязненном воздухе, которым приходится дышать, в питьевой воде, в загрязненной почве, на огородах и в садах, в самой земле, на которой живут люди. Нередко возникает тревожное восприятие всего окружающего как опасного для здоровья и жизни людей.

Подобного рода опасения высказываются порой не только в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, но и на значительном удалении от них, в том числе в Минске, Борисове, Пинске и других городах.

Итак, прошедшие восемь лет после Чернобыльской катастрофы убеждают нас в том, что негативные экологические и социально-экологические последствия ядерного взрыва носят трансграничный и обширный по территории распространения и длительный по времени действия характер. А это в свою очередь вызывает у значительной части населения, проживающей не только непосредственно в зоне радиоактивного загрязнения, но и далеко за ее пределами, социально-негативные психические состояния, связанные с переживаниями возможного экологического риска для здоровья не только своего собственного, но главным образом для здоровья детей.

В ряде случаев, особенно в районах, подвергшихся более интенсивному радиоактивному воздействию, возникают специфические явления социорадиоэкологического стресса, то есть массового чувства тревоги, ощущения экологической опасности, обусловленного серьезными негативными сдвигами в конкретной среде проживания большой совокупности людей.

Какова же детерминация подобных стрессовых явлений, имеющих отчетливо выраженную экологическую составляющую? Социологические, социозкологические и социально-психологические исследования, проведенные в постчернобыльский период в регионах Беларуси, пострадавших от катастрофы, позволяют сделать вывод, что возникновение такого специфического социорадиоэкологического массового стресса обусловлено не столько чисто радиационными причинами, сколько длительным интегральным воздействием так называемого «Чернобыльского фактора». Три его основных компонента состоят в следующем:

1. Совокупное воздействие радиации и тяжелых металлов, которые появились в результате ликвидации аварии реактора (свинцовые анемии в Краснопольском и Славгородском районах Могилевской области, аллонедии в результате сочетанного воздействия радионуклидов с бором в Столинском и Пинском районах Брестской области, свинцовые гипертензии в Хойникском районе Гомельской области и т. д.).

2. Воздействие на организм «горячих» частиц — мел-

них частичек ядерного топлива, которым многие медики объясняют рост заболеваемости туберкулезом на 14,4% в Гомельской области.

3. Выпадение основной массы радионуклидов на южные богатые сельскохозяйственные районы Беларуси, где для увеличения урожайности зачастую бесконтрольно и в больших количествах применялись калийные удобрения и всевозможные пестициды, совокупное взаимодействие которых с радионуклидами значительно осложняет экологическую обстановку [12, ч. 3, 18].

Естественно поэтому, что массовые социологические опросы в районах, подвергшихся наиболее интенсивному воздействию Чернобыльской катастрофы, выявили очень высокий удельный вес людей, высказывающих серьезную экологическую обеспокоенность. Так, проведенное в апреле 1991 г. социологическое исследование в Гомеле показало, что среди нескольких факторов (экономических, социальных, бытовых и др.), отрицательно влияющих на повседневную жизнь, первые два места с большим отрывом от других занимают радиационные и экологические. Первые из них в качестве решающего негативного фактора назвали 79,4% от общего количества респондентов, вторые — 62,5%. Только на третье место в иерархии негативных факторов, осложняющих повседневную жизнь гомельчан, вышли экономические проблемы — их выделили в качестве важнейших 32,1% опрошенных (сумма процентов здесь превышает 100, так как каждый респондент мог назвать два-три фактора, существенно осложняющих его жизнь) [5, 32].

Правда, за прошедшие после этого три года резкое ухудшение социально-экономической и политической ситуации, углубление экономического кризиса, прогрессирующее обнищание населения чуть приглушили тревожные нотки в отношении к радиационно-экологической опасности. В том же Гомеле, да и в области в целом, на первый план выдвинулись тревожные ожидания, связанные с безудержным ростом цен. Второе ранговое место в структуре обеспокоенности (в Гомельской области в апреле 1994 г. этим было обеспокоено 86, а в Могилевской — 92% респондентов) различными социально-экономическими факторами, осложняющими жизнь, занимает ныне беспрецедентный рост преступности, чему в немалой степени способствует обострение криминогенной обстановки в районах, пострадавших от Чернобыльской

катастрофы. Что же касается экологической ситуации, сложившейся здесь, то она в структуре тревожной обеспокоенности жителей Гомельской области в ноябре 1993 г. занимала четвертое место. Ее в качестве основного фактора беспокойства выделило 70% респондентов. Для сравнения укажем, что в более чистых в радиологическом отношении Гродненской и Витебской областях обеспокоенность экологической ситуацией выражают соответственно 25 и 34% опрошенных (см. табл. 2).

Сопоставление этих оценок дает основание утвер-

Таблица 2. Удельный вес факторов, вызывающих беспокойство населения в радиоактивно загрязненных и экологически чистых районах Беларуси (в ответах первая строка — Могилевская обл., вторая строка — Гомельская обл., третья строка — Витебская обл.)

Причины	Сильно обеспокоен	Средне	Не обеспокоен	Затрудняюсь ответить
Ростом цен	92	4	1	3
	86	9	2	3
	87	8	1	4
Ростом преступности	85	6	2	7
	74	11	5	10
	77	14	3	6
Отсутствием эффективной социальной защиты людей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы	80	10	1	9
	78	14	3	5
	41	26	8	25
Состоянием окружающей природной среды	81	10	0	9
	70	17	4	9
	34	21	23	22
Состоянием собственного здоровья	58	33	6	3
	58	33	6	3
	25	53	11	11
Состоянием здоровья детей	71	16	5	8
	69	13	5	13
	32	45	10	13
Содержанием и условиями труда	39	34	13	14
	36	34	15	15
	17	34	33	16
Качеством медицинского обслуживания	62	28	4	6
	62	25	8	5
	42	38	11	9
Работой детских дошкольных учреждений	20	33	25	22
	18	29	25	28
	9	30	32	59
Плохим санаторно-курортным оздоровлением взрослых и детей	55	33	4	8
	38	32	11	19
	28	32	14	26

ждать, что возникла жизненная необходимость на государственном уровне использовать более гибкие и одновременно более эффективные меры для оптимизации радиационно-экологической ситуации в загрязненных районах для обеспечения экологической безопасности населения. Важным составным компонентом этой работы должно стать осуществление эффективной системы радиационно-экологического мониторинга как в республиканском масштабе, так и региональных, в том числе локальных, мониторингов для наиболее опасных с точки зрения радиационного риска районов. Эта система должна включать банки данных и знаний о состоянии биосферы, окружающей среды и происходящих в ней процессах, экспертные варианты диагностики и прогнозирования возможных экологически негативных явлений и процессов, единые экологические паспорта контролируемых регионов и объектов. Нельзя забывать, что радиационно-экологическая ситуация и дозовые нагрузки на людей находятся в динамическом состоянии, с течением времени они изменяются, поэтому столь необходима эффективно действующая система радиационно-экологического мониторинга, позволяющая вносить необходимые корректировки в социально-экологические защитные мероприятия.

Второе направление деятельности по усилению экологической безопасности связано с более эффективным контролем за проводимой паспортизацией радиационной ситуации в населенных пунктах, в ходе которой предстоит завершить работу по измерению содержания радионуклидов в почвах, водах, продуктах питания более чем в 2500 населенных пунктах Беларуси. При проведении этой работы следует учесть, что до сих пор некоторая часть населения, проживающая в районах радиоактивного загрязнения, не получила данных о радиационном фоне на подворье, хотя в 1991—1993 гг. проведено огромное количество соответствующих замеров и каждый должен получить такой паспорт. Большинство населения в пострадавших районах справедливо считает, что информированность с учетом конкретной ситуации должна содержать рекомендации как по правилам ведения личного хозяйства, так и о соблюдении личной гигиены. Это явится важной мерой по организации безопасного проживания на загрязненных территориях. Особо следует выделить те населенные пункты, которые расположены на стыках

различных по степени загрязненности зон и население которых не желает отселяться в экологически чистые районы. Таких населенных пунктов в Гомельской области, например, насчитывается 24. Хотя подворные обследования радиационно-экологической ситуации в этих населенных пунктах проведены в 1992 г., еще к концу 1993 г. большинство людей, проживающих в них, не имело радиационно-экологических паспортов своих подворий, не было к тому времени и соответствующих сведений о локализации различных степеней радиационного риска. А это — жизненно важная для людей, для их радиационно-экологической защиты информация.

Жители пострадавших от Чернобыльской катастрофы регионов Беларуси понимают, какие дополнительные трудности возникают для финансирования и реализации программ по радиационно-экологической защите населения, подвергшегося радиационному воздействию, в новых условиях независимого политического и экономического развития республики, но они не считают возможным допустить изоляцию страны в решении этих проблем. Большинство опрошенных в этих районах считают, что нужны совместные действия правительства Беларуси с правительствами и другими организациями Украины и России, включая и совместную разработку особого статуса регионов экологического бедствия. Только объединение усилий в международном сотрудничестве дает возможность учитывать трансграничную и длительную во времени сущность радиоэкологической катастрофы, вызванной взрывом ядерного реактора на Чернобыльской АЭС, и создавать условия для обеспечения экологической безопасности населения на обширных территориях.

Прошедшие после Чернобыльской катастрофы восемь с небольшим лет можно с полным основанием назвать годами неуклонно нарастающей экологической озабоченности как в Беларуси, так и в прилегающих к ней регионах России и Украины. В мае 1992 г. из общего количества 1819 опрошенных во всех шести областях Беларуси высказали серьезное беспокойство сложившейся в республике экологической ситуацией 32,2% респондентов, а сама эта проблема занимала 11-е ранговое место в числе проблем, волнующих население. Год спустя, в мае 1993 г., из 1496 опрошенных уже 39,2% респондентов, то есть на 7% больше, выразили серьезную озабоченность ухудшением экологической ситуации, причем проблема экологи-

ческой безопасности с 11-го места в иерархии остро волнующих население республики проблем переместилась на 4-е место, прочно закрепившись после озабоченности ростом цен, ростом преступности и отсутствием реальной социальной защиты людей. Столь существенный сдвиг в общественном мнении населения республики ни в коей мере нельзя недооценивать, тем более, что в ряде регионов, в частности в сильно пострадавшей от Чернобыльской катастрофы Гомельской области, обеспокоенность состоянием окружающей среды достигла критического уровня, ибо там экологическая проблема тревожит 83% опрошенных.

Такой негативный сдвиг обусловлен целым рядом объективных и субъективных факторов. Среди них бесспорное приоритетное место принадлежит нарастающей тревоге значительных масс населения, в первую очередь женщин-матерей, за состояние здоровья детей вследствие достаточно высокой степени радиологического риска в ряде районов республики. За послечернобыльский период показатель заболеваемости раком щитовидной железы у детей возрос почти в 7 раз в масштабах республики и в 22 раза в Гомельской области. К тому же установлено, что радионуклиды присутствуют в 70% образцов легочной ткани умерших людей из южных районов Гомельской области и в 50% образцов из Могилевской области.

Анализ состояния психического здоровья у детей и подростков, проживающих в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, выявил формирование у них социально-психологической дезадаптации с развитием пограничных нервно-психических расстройств. У детей, проживающих на загрязненных территориях, гораздо чаще, чем в контрольной группе из экологически чистых районов, отмечаются стойкие астенические состояния (в 2 раза), ипохондрический синдром (в 4,6 раза), фобильный синдром (в 2,3 раза).

Социологические и социально-психологические исследования в ряде районов Гомельской и Могилевской областей показали, что субъективному восприятию радиоэкологического риска многими людьми неизбежно свойственно достаточно существенное смещение в сторону завышения в оценках степени риска, обусловленное особенностями индивидуального и группового сознания и степенью развитости экологического сознания. Если мы

обратимся ко второму из названных факторов, то нет нужды убеждать кого-либо в том, что у большинства населения республики, как и в других странах СНГ, экологическое сознание и соответствующее ему повседневное поведение находятся на крайне низком, фактически на зачаточном уровне. В этом легко убедиться, побывав во дворе любого промышленного предприятия, строительной организации или на месте загородного пикника группы минчан, гомельчан, витебчан и представителей любого другого города Беларуси.

Что же касается особенностей индивидуального и группового сознания, в частности такой важной его составляющей, как восприятие радиозкологического риска и удовлетворенность принимаемыми властными структурами различных уровней мерами по смягчению последствий Чернобыльской катастрофы, то об этом следует сказать подробнее. Только 2% опрошенных в радиоактивно загрязненных районах принятые государством и местными органами власти меры по социальной поддержке лиц, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, считают достаточными, а 76,6% характеризуют их как недостаточные. Поскольку 21,4% респондентов не дали на этот вопрос однозначного ответа, то можно предположить, что не менее половины из них оценивают такие меры как недостаточные. Если принять такое допущение за достоверное, то окажется, что из каждых десяти человек, проживающих в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, каждые восемь или даже девять высказывают негативные суждения относительно мер, принимаемых органами власти по преодолению последствий крупнейшей в истории человечества ядерной катастрофы.

Возьмем другой важнейший компонент индивидуального и группового сознания людей, пострадавших от радиоактивного воздействия, — доверие официальным источникам информации о степени радиоактивного загрязнения. Оказывается, что в Гомельской области полностью доверяют официальной информации о степени радиоактивного загрязнения их местности только 3% опрошенных граждан, в основном доверяют — 15; мало доверяют — 59; совсем не доверяют — 23%. Если мы суммируем два последних показателя, то получим цифры, сопоставимые с теми, которые мы только что охарактеризовали. Если 8—9 человек из 10 не доверяют офи-

циальной информации о реальной степени радиоактивного загрязнения местности, если столько же выражают неудовлетворенность мерами, принимаемыми властными и управленческими структурами по преодолению последствий катастрофы, то становится очевидным преобладание негативного отношения большинства населения пострадавших районов к органам власти. И действительно, наибольшее количество респондентов (66,6%) рассчитывают в борьбе со свалившимися на них бедами и тревогами только на собственные силы. Более чем вдвое меньше (32%) готовы ждать помощи от республиканских властей, еще более чем вдвое меньше (11%) надеются на заботу местных органов власти, еще вдвое меньше — на помощь профсоюзов (6,6%), еще меньше (5,3%) — на поддержку благотворительных фондов.

В результате такой ситуации (а она усугубляется) неудовлетворенность большинства жителей радиоактивно загрязненных районов действиями властей и управленческих структур по минимизации негативных последствий катастрофы, сохраняющийся высокий уровень тревоги за состояние своего здоровья и здоровья своих детей, за жизнеобеспеченность семьи порождает у многих жителей возникновение и обострение специфического социально-радиоэкологического стресса. Его характеризует массовое ощущение тревожности, переживание радиационного риска и опасности для здоровья и жизни, возникающее и устойчиво сохраняющееся длительное время на обширных территориях проживания больших масс людей. Он порождает несколько видов адаптационных синдромов, которые будут проанализированы в четвертом разделе данной книги.

В общей структуре социально-психологических состояний населения, пострадавшего в той или иной степени от радиоактивного воздействия, количество людей, находящихся во власти тех или иных проявлений радиоэкологического стресса, примерно вдвое превышает долю тех лиц, которые характеризуются достаточно сильными устойчивыми и динамичными адаптационными возможностями. Вот здесь-то и раскрывается специфическая для радиоактивно загрязненной зоны сторона экологической безопасности. Она характеризуется несколькими весьма своеобразными особенностями.

Во-первых, радиоэкологический стресс, как и любые другие стрессы, связанные с физическими, нервными и

психическими перегрузками в опасных для жизни экологических условиях, только в еще большей степени, чем они, наносит огромный ущерб здоровью человека, а это в свою очередь сказывается негативно на эффективности труда, всех сфер жизнедеятельности больших групп людей.

Во-вторых, радиоэкологический стресс может спровоцировать и нередко провоцирует непредсказуемую поведенческую реакцию, которая, хотя и проявляется по-разному у людей в зависимости от их пола, возраста, культурного уровня и т. п., тем не менее все чаще становится источником социальной напряженности, способной перерасти в деструктивные по своему содержанию и направленности действия, а это напрямую связано с проблемами общественной безопасности.

В-третьих, радиоэкологический стресс делает массовое сознание более восприимчивым к ультрарадикальным лозунгам, ко всякого рода слухам и мифам, что превращает его в предмет политических манипуляций, с чем мы столкнулись на предыдущих выборах в Верховный Совет и местные органы власти республики и с чем, несомненно, в еще более активной популистской форме столкнемся во время очередных выборов. Следует иметь в виду, что в условиях социально-экономической и политической нестабильности, роста социальной напряженности, характерных для Беларуси, как и для других стран СНГ, радиоэкологический стресс становится той благоприятной массовой социально-психологической почвой, на которой способны с успехом паразитировать и социальная демагогия, и политическое местничество, и региональный эгоизм, и консерватизм, способные нарушить неустойчивое и без того равновесие сил и составить угрозу общественной безопасности.

В-четвертых, длительное интенсивное давление стресса на психику людей (а в этом состоит самая характерная особенность радиоэкологического стресса) приводит в конечном счете к заметной деформации их психического состояния и душевного мира, а иногда способно вызывать массовый психоз, что угрожает безопасности не только отдельных индивидов и их групп, но и целых поселенческих общностей. В таких ситуациях люди становятся чрезмерно капризными и требовательными, предъявляют постоянные, зачастую непомерные претензии к властям, у них чрезвычайно выражено стремление найти

внешнего виновника за свои личные неурядицы, а это приводит к откровенным, часто демонстративным проявлениям озлобленности и агрессивности, что тоже чревато серьезными осложнениями общественной безопасности.

В подтверждение сказанному приведем только один факт — нарастающее негативное, подчас враждебное отношение жителей районов, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, к органам власти. Проведенные нами исследования показали, что в районах радиоактивного загрязнения в Могилевской области отношение к органам власти в постчернобыльский период ухудшилось у каждого третьего (34%) из числа опрошенных.

Из сказанного можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что в сложных социально-экономических и экологических условиях, в которых оказалась Республика Беларусь в своем движении к посттоталитарной рыночно-демократической системе, в сильнейшей степени осложняющейся вследствие развития посткатастрофных процессов, рожденных Чернобыльской трагедией, одним из важнейших компонентов управленческой деятельности является эффективное управление экологической безопасностью.

В условиях Беларуси в управлении экологической безопасностью следует выделить два основных компонента. Первый из них является общим для всех стран СНГ. В него входят:

1. Более активное принятие мер по защите окружающей среды, усиление ассигнований на природоохранную деятельность.

2. Обеспечение экологически устойчивого развития, включая переход от традиционного социально-экономического к социально-экономико-экологическому развитию, базирующемуся на природонеразрушающем экономическом механизме удовлетворения потребностей (с возможным достижением экологической «достаточности» на национальном уровне и международного паритета в состоянии окружающей среды).

3. Активный и целенаправленный перевод оборонных отраслей экономики на решение мирных задач (конверсия), который должен носить экологически приемлемый характер, дающий возможность не только уменьшить чрезмерное техногенное давление на окружающую среду, но и добиться высвобождения средств на принятие

природоохранных мер на национальном уровне, создания международных экологических фондов и программ совместных действий.

4. Заключение международных договоров (имея в виду радиационную угрозу, исходящую от Игналинской и Ровенской атомных электростанций) о совместном управлении экологическим риском, исключающем возможность возникновения международных экологических конфликтов.

Второй компонент управления экологической безопасностью определяется специфическими условиями страны, понесшей наибольшие потери от крупномасштабной ядерной катастрофы и вызванного ею экологического бедствия на обширных территориях.

Прежде всего необходимо, чтобы Кабинет Министров Республики Беларусь выделил проблему стабилизации и улучшения социально-экономического и экологического положения, социально-психологического состояния населения в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, в качестве приоритетных задач на 1995—1996 гг. и последующую перспективу, обратив особое внимание на обеспечение жителей экологически чистыми продуктами, средствами определения реального экологического риска, усиление работ по прекращению тех видов хозяйственной деятельности, которые способствуют миграции радионуклидов и тем самым расширяют ареал экологического бедствия.

Во-вторых, Госкомчернобылю, Гомельскому и Могилевскому облисполкомам целесообразно поставить перед правительством республики вопрос о предоставлении пострадавшим от катастрофы регионам статуса зоны социально-экономического и экологического бедствия, а в связи с этим осуществить переспециализацию хозяйств Наровлянского и Хойникского районов Гомельской области, Быховского и Костюковичского районов Могилевской области, обеспечив одновременно в указанных районах льготное налогообложение промышленных производств и льготное снижение поставок сельхозпродукции, что содействовало бы уменьшению техногенной нагрузки на существенно ослабленную экосистему.

В-третьих, необходимо осуществить радикальное улучшение информированности населения об основных факторах негативного воздействия посткатастрофических процессов на экологическую ситуацию, состояние здо-

ровья и социального самочувствия человека, о возможных направлениях экологически безопасного развития пострадавших районов.

В-четвертых, опираясь на результаты радиологических, социологических, социально-психологических исследований, целесообразно начать работу по составлению карт наибольшего экологического риска в Беларуси, совместив ее с аналогичной по направленности деятельностью по социально-психологическому картированию местностей, характеризующихся высокими показателями социальной напряженности, состояний тревожности, превалирования различных видов посткатастрофных радиологических стрессов, что поможет перевести многообразную деятельность по развитию производства, социальной, культурной сферы в биосферосовместимую, природоохранную форму, резко расширив тем самым возможности обеспечения реальной экологической безопасности.

Осуществление названных мероприятий в их системном единстве и взаимодействии поможет сделать реальные шаги по пути обеспечения экологической безопасности не только в интересах субъекта экосистемы — человека и общества, но и в интересах ее объекта — окружающей среды, сохранения ее динамического равновесия. Если к тому же эти мероприятия будут претворяться в жизнь с учетом факторов, способствующих недопущению кризисных и конфликтных ситуаций в социально-экономической и политической сферах, то это позволит существенно упрочить экологическую безопасность Республики Беларусь, ее населения, сделать более эффективным управление экологической безопасностью. Достижение же высокой степени эффективности экологической безопасности как раз и является основной характеристикой интенсивно-коэволюционного пути развития, обеспечивающего подлинную гармонию общества и природы, а тем самым главным социальным механизмом становления цивилизации ноосферного типа.

Глава 3

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ: ДЕСТРУКТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

У каждого народа, как и у каждого человека, бывают раны, которые довольно быстро заживают, и память редко возвращается к ним. Но есть такие раны, боль от которых не проходит, а сопровождает людей вечно. Такие раны дважды выпали на долю белорусского народа за последние полстолетия. Первую из них нанесла Великая Отечественная война, унесшая с собой 2 млн. 200 тыс. жизней людей разных национальностей, проживавших на территории Беларуси накануне ее. А вторую — самая крупная в истории человечества социо-техно-экологическая катастрофа — взрыв на Чернобыльской атомной электростанции. Под черной тенью ее радиации сегодня проживает на территории республики точно такое же количество людей — 2 млн. 200 тыс. человек, из которых 800 тыс. — дети.

К сожалению, непростительно долго как в руководстве бывшего Советского Союза, так и нашей республики, тешили себя иллюзией, которая по указанию идеологических служб широко распространилась в средствах массовой информации, иллюзией, будто в Чернобыле произошла просто крупная авария. Это была подлинная и, к нашей беде, гигантская, величайшая не только в XX веке, но и во всей истории человечества катастрофа. Катастрофа не только технологическая и экологическая, но и социальная. Конечно, она обусловлена технологическими просчетами и вопиющими нарушениями техники безопасности. Да, приходится признать, что взорвавшийся в Чернобыле ядерный реактор только по одному из 19 важнейших параметров соответствует международному стандарту, что при его эксплуатации было нарушено 36 пунктов техники безопасности, что на территории СНГ и сегодня существует около полутора десятков таких реакторов. Но дело не только и даже не столько в этом.

Необходимо признать, наконец, что подобной катастрофы не могло ~~не~~ случиться, если не в Чернобыле, то в другом месте, ибо она является социально детерминированным событием. Она стала не только концентрированным воплощением вопиющей бесхозяйственности, рожденной эпохой сталинщины и застоя, но и логическим порождением системы, которая низводила человека до роли атомизированного и омассовленного винтика бездушной, бессердечной социальной мегамашины. Превыше всего ставились интересы этого социального монстра всеобщего отчуждения и подавления личности, а ее чувства, интересы, порой даже жизнь превращались в разменную монету безусловного и досрочного выполнения планов «коммунистического строительства». Суть дела именно в том, что не технология, а сама система обрекала человека на роль средства достижения некоей цели, побуждала к постоянной жертвенности. Пора, наконец, осознать это и прервать трагическую цепь ошибок, оплачиваемых множеством человеческих жизней, иначе нам никогда не избавиться от тоталитаризма и бездушия, не построить подлинно демократического общества, в котором, наконец, человек станет тем, кем он и должен быть — высшей ценностью и самоцелью общественного развития.

Мы привыкли считать, что беда одного человека — это трагедия, беда тысяч — статистика. Беда «чернобыльцев» — не статистика, а тысячекратно усиленная беда. Известный афоризм «Время лечит» здесь не применим. Конечно, под воздействием таких крупных потрясений, как разрушение тоталитарно-монистической системы, развал некогда великой державы СССР, многократное возрастание цен, ввергнувшее миллионы людей в нищенское состояние, за восемь лет, истекших после аварии на ЧАЭС, кое у кого притупилось восприятие Чернобыльской трагедии. Но так может быть только с теми, кто ни разу не был на загрязненной радиацией территории, не видел страдающих от нее людей, в первую очередь детей. Кто же видел, а тем более пережил (и сегодня переживает!) все это, у того боль не проходит.

Именно поэтому сотрудники Института социологии Академии наук Беларуси в содружестве со своими коллегами из сопредельных областей России и Украины, а также с психологами, радиобиологами, физиками, медицинскими работниками уже несколько лет проводят

комплексное мониторинговое исследование социальных последствий Чернобыльской катастрофы. Вначале в 1989 г. было проведено пилотажное исследование в одном из сильно загрязненных районов Могилевской области — Краснопольском, где степень загрязнения составляет свыше 40 кюри на кв. км — с небольшой выборкой, в которую попало 202 человека. В следующем 1990 г. исследование проведено в четырех районах Гомельской и Могилевской областей — Кармянском, Славгородском, Чечерском, Чериковском, где загрязнение колеблется в пределах 15—40 кюри на кв. км, а выборка включала в себя 930 человек, пропорционально представлявших все социально-профессиональные группы населения. Затем в ноябре 1991, ноябре 1992, мае и ноябре 1993 г., в августе—сентябре 1994 г. было проведено исследование не только в нескольких районах обеих этих областей, характеризующихся различной степенью загрязнения, но и в экологически чистых районах Гродненской области — для сравнения результатов. Наконец, в октябре—ноябре 1993 г. масштабы исследования были расширены на несколько районов Минской и Витебской областей, что дало возможность рельефнее выделить объекты сравнения. Количество респондентов во всех четырех последних исследованиях было примерно одинаковым и колебалось в пределах 1500—1700 человек. Кроме того, в 1991—1993 гг. проводилось интервьюирование экспертов как по стандартным опросным листам, так и методом нестандартного интервьюирования. На всех шести этапах отбор единиц наблюдения и оценки проводился по квотной выборке методом случайного репрезентирования, что дает основания говорить о типичности мнений, суждений, оценок и предложений, высказанных как рядовыми респондентами, так и экспертами, в качестве каковых выступали руководители районного, городского, областного и республиканского уровня, директора медицинских исследовательских и лечебных учреждений, заведующие и ведущие врачи районных поликлиник, директора и учителя школ, работники районных отделов здравоохранения, образования, культуры, внутренних дел.

Более чем, восьмилетний срок, прошедший после трагической ночи 26 апреля 1986 г., убеждает в том, что чем дальше отодвигается от нас в историю Чернобыльский ядерный взрыв, тем масштабнее и страшнее проявляют-

ся все новые и новые грани последовавшего за ним гигантского бедствия. В Беларуси за восемь лет заболевания щитовидной железой у детей в постчернобыльский период возросли в 10 раз; в России за то же время легли в могилы более 5 тыс. ликвидаторов. Каждый день приумножает число жертв Чернобыльской катастрофы. Поэтому так важно не просто дать одномоментный снимок того, что происходило когда-то или происходит сейчас в зоне бедствия, а выявить основные тенденции социально-экономического и социально-психологического развития пострадавших от катастрофы районов, отследить траекторию социальных ожиданий и установок различных групп населения этих районов, особенности их адаптации к совершенно новой для них ситуации, к резко изменившемуся в посткатастрофном обществе образу жизни, их отношений к соседям и друзьям, к властным структурам и к самим себе. Только проведение мониторингового (повторяющегося через определенные интервалы) социологического исследования способно дать эмпирические материалы для отележивания и теоретического анализа развития адаптационных и дезадаптационных процессов, изменений личностной сферы и групп, новых взаимодействий, необходимых для составления прогнозных оценок и разработки системы коррекционных и реабилитационных мер по оказанию помощи пострадавшим от катастрофы людям.

Несмотря на то, что проведенные в 1986—1994 гг. мероприятия позволили несколько снизить суммарную дозу облучения населения в пострадавших районах (из зоны радиоактивного загрязнения переселено более 46 тыс. семей, на протяжении только 1992 г. на преодоление последствий катастрофы в Беларуси израсходовано свыше 23% ее национального бюджета), здесь не только сохраняются, но и усиливаются неблагоприятные тенденции в динамике основных социально-демографических процессов и социально-психологических состояний, характеризующих социальное самочувствие и здоровье людей. Существенно снизились рождаемость и естественный прирост населения, чаще стали регистрироваться эндокринологические, онкологические, психоневрологические, кардиологические и иные заболевания, особенно у детей.

Разнообразные и во многом непредсказуемые по своим социальным последствиям посткатастрофные про-

цессы, вызванные аварией на Чернобыльской АЭС, накладываясь на неблагоприятный социально-экономический фон, связанный с разрывом множества хозяйственных связей, обусловленным распадом Советского Союза как единого государства, попытками коренного реформирования экономической и политической сфер жизнедеятельности в независимом Белорусском государстве, входящем в состав СНГ, падением объемов производства и нехваткой важнейших товаров, услуг, медикаментов, инфляцией, значительным снижением уровня жизни большинства населения, угрозой безработицы, резко актуализировали исследование проблем восприятия радиационного риска, социальной реабилитации лиц, пострадавших от катастрофы, в первую очередь детей. При этом чрезвычайный характер экономической, социальной и социально-психологической ситуации, возникшей в результате Чернобыльской катастрофы, а также масштабность, долговременность и необычайная разрушительная мощь ее воздействия на организм человека, его генные структуры и поведенческие акты вызывают необходимость многоаспектного, крупномасштабного социологического исследования всего комплекса жизнеобеспечения людей и их общностей (семья, школа, трудовой коллектив, территориальное поселение, этническая группа и т. п.) в экстремальных условиях посткатастрофного развития.

Речь в данном случае ведется о таком интегративном понятии, охватывающем все стороны жизнеобеспечения и жизнедеятельности человека, которое именуется образом жизни. В этом многогранном понятии в концентрированно-обобщенном виде отражены не только все способы и формы жизнедеятельности людей, способствующие или препятствующие их осуществлению условия окружающей природной и социальной среды, но и онтологически определяющие модусы бытия — социально-пространственные и социально-временные. Как раз эти модусы и испытывают колоссальную, чаще всего разрушительную нагрузку в результате ядерной катастрофы.

Изменение в результате ядерного взрыва пространственного модуса человеческого бытия (индивида и социальной общности) предопределяется тем, что катастрофа, а особенно посткатастрофная ситуация, не ограничиваются только местом непосредственного воздействия самого взрыва и выпадения радиоактивных осадков.

В этом случае на огромные территории распространяются радиоактивно загрязненные продукты питания, значительно преувеличивающие реальную опасность, слухи, панические настроения и фобические расстройства. Кроме того, множество людей, переезжая из радиоактивно загрязненных районов, транслируют свое состояние (стресса, тревожности, неуверенности в будущем и т. п.) в места новых поселений.

Изменение модуса времени заключается в том, что для множества людей усиливается неопределенность восприятия катастрофы во времени: для одних она началась с момента взрыва реактора, для других точкой отсчета явилось получение информации о радиационной ситуации и ее опасности, для ребенка — после каких-либо ограничений (не играть в песке, не собирать грибов, ягод и т. п.) со стороны родителей, учителей, врачей. Кроме того, происходит еще один деструктивный сдвиг в индивидуальном и групповом восприятии времени катастрофы — реальная опасность радиационного риска, возникшая в прошлом, усиленная тревожными ожиданиями и опасениями, трансформируется в подавленное состояние в настоящем и экстраполируется, подчас с неоправданным психологическим усилением, в будущее, превращается в чрезмерно пролонгированную длительность.

Реальным носителем образа жизни выступает социальный субъект, жизнедеятельность которого реализуется в общностях различного уровня. Поэтому можно вычлени́ть образ жизни отдельного индивида, различных социальных групп, класса, нации, а также общества в целом. Однако все это функционирует в определенной процессуальной заданности, развертывается как в социальном пространстве, так и в социальном времени, следовательно, в непрерывно изменяющихся природных и социальных условиях. Поэтому позитивные, благотворные или негативные для индивида и общности изменения образа жизни можно выявить и объяснить только в пространстве многих измерений, охватываемых многомерной системой социальных показателей. Главное же в этой теоретико-методологической процедуре — выбрать из реального множества возможных измерений наиболее важные, отражающие самые существенные стороны многообразия социальных процессов деятельности и общения, в которые включены реальные индивиды и их общ-

ности в конкретных условиях их повседневной жизнедеятельности. [2, 96—98].

Нормальное развёртывание жизнедеятельности людей во всех своих компонентах в экстремальной ситуации крупномасштабной социо-эколого-технологической катастрофы, вызванной взрывом на атомном реакторе, внезапно прерывается и приобретает чрезвычайный характер, причём доминантой этой всеохватывающей экстремальности становится радиационная опасность и связанное с ней обостренное восприятие радиационного риска. Поэтому все блоки показателей образа жизни в такой ситуации существенно трансформируются и группируются вокруг новой парадигмы, средоточием которой становится угнетающая человека озабоченность состоянием своего здоровья и личной безопасности (а если это родители, имеющие детей, то еще более рельефно выраженная тревога за здоровье ребенка и его будущее). Условия окружающей среды (социальные, экологические и др.), важные при любом образе жизни, при наличии экстремальной ситуации резко усиливают свое детерминирующее, в основном деструктивное, воздействие на жизнедеятельность людей, становятся доминантой их социально-психологических состояний — чувств, сознания, ожиданий, мотиваций, волевых импульсов, поступков и т. д. Следует иметь в виду, что первоначальная, внезапная и неожиданная информация о катастрофе и ее возможных последствиях вызывает у большинства людей чувство потрясения, травмирующий эффект, приводит их в шоковое состояние, у многих порождает панические настроения. Отличие Чернобыльской катастрофы от многих других — природных, технологических и т. п. — заключается в том, что вследствие больших масштабов (пространственных ее характеристик) и длительности (временных характеристик), возникших вследствие ее посткатастрофных процессов, травмирующее психику человека состояние тревожности за свою безопасность, за свое здоровье и особенно за здоровье своих детей не только не ослабевает (прекращается) через сравнительно небольшой временной промежуток, а, напротив, с течением времени у многих индивидов даже усиливается. Именно это социально-психологическое состояние составляет доминантный очаг деструктивных изменений в образе жизни индивидов и их общностей в условиях посткатастрофного развития.

Сопоставление эмпирических данных, полученных на различных этапах исследования, позволяет сделать вывод, что как сама Чернобыльская катастрофа, так и порожденные ею посткатастрофные процессы вызвали на загрязненных территориях крутую ломку устоявшегося здесь образа жизни, ценностных ориентаций и повседневного поведения людей. Исследования показывают неуклонно углубляющуюся неудовлетворенность населения практически всеми сторонами жизни и труда, рост недоверия к органам власти и неверия в их способность эффективно преодолевать негативные последствия радиации, связанное с этим обострение социальной напряженности. Деструктивные трансформации рельефно проявляются и в воспроизводстве жизни (психологические изменения в организме, резкое ослабление репродуктивных установок, общая ослабленность и восприимчивость к болезням и т. п.), и в социально-бытовой сфере (отчуждение от природы, изменение гигиены жилища, дополнительные усилия по приобретению экологически чистой продукции и др.), и в труде (необходимость смены места работы, режима труда, получение денежных компенсаций — так называемых «гробовых» и др.), и в организации отдыха (медицинский контроль, необходимость проведения отдыха в экологически чистых районах, отрыв детей от родителей и т. п.).

Но все эти деструктивные трансформации, обусловленные катастрофическим изменением среды обитания, т. е. условий жизни, преломляются, как в фокусе, в тревожном состоянии, вызванном опасением за свое здоровье (а если это взрослый, имеющий детей, то на первое место выдвигается забота о здоровье ребенка). Причем озабоченность состоянием здоровья с течением времени не снижается, а чаще всего возрастает, в чем состоит специфическая черта посткатастрофных переживаний людей, проживающих в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению. Обеспокоенность состоянием здоровья в 1989 г. высказывало 55,5% респондентов, два года спустя — уже 57,8%, а в августе 1994 г. — 83,2%. Таким образом, у каждого восьмого из десяти опрошенных проявляется тревожность, вызванная наличием реальной (или мнимой) радиологической опасности и обусловленным ею радиологическим риском.

Для большинства жителей загрязненных районов характерна преувеличенная озабоченность своим здоровьем.

ем. Характерно, что в августе 1994 г. почти 73% респондентов констатировали ухудшение своего здоровья за последние 5—7 лет. Женщины гораздо сильнее озабочены своим здоровьем по сравнению с мужчинами, разница в самооценках составляет 12 пунктов: 78,4% против 66,4%. Естественно, что из всех социально-демографических групп в наибольшей степени обеспокоены состоянием своего здоровья пенсионеры, среди которых более 90% утверждают, что их состояние здоровья ухудшилось, что объясняется не только радиационным воздействием и связанными с этим страхами, но и возрастными особенностями. Среди профессиональных групп в наибольшей степени обеспокоены состоянием здоровья руководители (81,9%), инженерно-технические работники и служащие (78,2%), в наименьшей — крестьяне (61,5%). Здесь, видимо, сказывается традиционная выносливость и терпеливость людей, работающих на земле.

Среди факторов, детерминирующих ухудшение здоровья, большинство респондентов (более 60%) называют радиационное загрязнение местности. Характерно, что такие суждения коррелируют с уровнем загрязненности районов и степенью оценки ее в качестве опасной для нормальной жизнедеятельности. В районах с уровнем радиационного загрязнения до 5 кюри на кв. км оценивают радиационную обстановку как крайне опасную или довольно опасную 55,6% опрошенных, в районах до 15 кюри — 63,4, до 40 кюри — 76,6, а в экологически чистом районе — только 9% респондентов. До 60% опрошенных (59,4%) утверждают, что на ухудшение их здоровья влияет отсутствие экологически чистого и качественного питания (см. табл. 3).

Необходимо иметь в виду, что медицинские и социально-психологические исследования, проведенные в Гомельской и Могилевской областях, выявляют, что далеко не каждый человек, встревоженный своим здоровьем, имеет для этого веские основания. Объективные показатели свидетельствуют, что психосоматическими расстройствами страдают менее трети обследованных — 27%, но и этого достаточно для возникновения у гораздо большего количества людей резких нарушений личностной и групповой адаптации, значительного роста невротических реакций — нарушений сна, состояний подавленности, слабости. Совокупное действие названных объективных и субъективных стрессогенных факторов оказывает

Таблица 3. Причины ухудшения здоровья за последние 7 лет (в оценке респондентов) в радиоактивно загрязненных и экологически чистых районах Беларуси

Причины	Оценка	
	Да	Нет
Радиационное загрязнение	71	29
	66	34
	17	83
Отсутствие необходимых лекарств	48	52
	46	54
	29	71
Плохое медицинское обслуживание	34	66
	30	70
	6	94
Отсутствие экологически чистого и качественного питания	60	40
	52	48
	22	78
Плохие условия труда	17	83
	14	86
	5	95
Неудовлетворительные бытовые и жилищные условия	17	82
	13	87
	9	91
Возраст	8	92
	7	93
	19	81

существенное деструктивное влияние на психическое состояние и социальную деятельность людей, снижает эффективность их труда, включения в сферу культуры, резко усиливает тревогу за состояние здоровья и будущность как свою, так и особенно своих детей. В период опроса в августе 1994 г. 62,6% респондентов испытывали чувство утраты личной безопасности, неуверенности в будущем. Да и может ли быть иначе, когда только 12% опрошенных в Гомельской и Могилевской областях оценивают состояние своего здоровья как нормальное, а свыше 37% — как неудовлетворительное? (В табл. 3 первая строка — Могилевская, вторая — Гомельская, третья — Витебская обл.).

Наблюдается значительная пестрота в самооценках своего здоровья жителями различных районов. Если в Чаусском районе количество людей, считающих свое здоровье нормальным, составляет 7,8% от общего количества опрошенных, в Быховском — 8,3%, то в Жлобинском районе оно возрастает до 12,9%, а в Речицком —

до 14,1%. Таким образом, количество положительных самооценок состояния здоровья жителями Речицкого района почти вдвое превышает количество таких же самооценок в Чаусском районе.

Чтобы выяснить причину столь существенного расхождения в оценках, было решено уточнить ряд позиций респондентов по смежным вопросам, касающимся организации и эффективности медицинской помощи населению, пострадавшему от радиоактивного воздействия. Оказалось, что из всего контингента опрошиваемых только 2,1% отметили регулярность проведения профилактических медосмотров взрослых людей в их местности, 33,4% заявили, что такие медосмотры у них проводятся нерегулярно, а почти половина респондентов — 48,6% утверждают, что профмедосмотры вообще не проводятся. Если к тому же добавить, что 15,2% опрошенных вообще ничего не знают о профилактических медосмотрах, то становится вполне ясной крайне неудовлетворительная ситуация, в которой оказалось большинство населения загрязненных районов с точки зрения регулярности и эффективности осуществления здесь медицинских профилактических осмотров.

Если эту неудовлетворенную картину медицинской помощи населению, пострадавшему от аварии на Чернобыльской АЭС, ранжировать по районам, где проводилось социологическое исследование, то оказывается, что в Речицком районе почти 60% респондентов, а в Жлобинском — 51,7% отмечают полное отсутствие медицинских профилактических осмотров, в то время как в Быховском районе такую оценку высказывают только 46,5% опрошенных, а в Чаусском — 26,2%. Как видим, проблема неудовлетворенности больших групп населения, пострадавших от радиоактивного воздействия, уровнем медицинского обслуживания — это прежде всего проблема недостаточности профилактических мероприятий, низкого их качества и полного отсутствия информации о реальной степени риска от проживания на загрязненной территории. В итоге возникает парадоксальная с точки зрения медицины, но вполне понятная с психологической точки зрения ситуация: чем меньше люди вовлечены в профилактические медицинские осмотры, тем больше они уверены, что со здоровьем у них все в порядке.

Еще более критично настроено население пострадав-

ших районов в отношении профилактических медосмотров детей. Только 6,2% респондентов констатируют регулярность медосмотров детей, зато почти в семь раз больше респондентов отмечают их нерегулярность, 24,1% убеждены, что такие осмотры вообще не проводятся, а 27,8% ничего не знают об этом (остальные респонденты, чуть больше 3%, не дали однозначного ответа на данный вопрос).

Существенный фактор, резко ухудшающий социально-психологический фон в районах радиоактивного загрязнения, состоит в том, что запросы к медицинскому обслуживанию резко возрастают, а качество последнего в связи с обостряющейся нехваткой врачей, медсестер, другого персонала, а также необходимых лекарств и препаратов существенно снижается. Поэтому работой медицинских учреждений удовлетворены только 12,5% жителей; количество же не удовлетворенных их деятельностью составляет 28,2%, частично не удовлетворенных — 57,8%. Наибольшие нарекания жителей загрязненных районов в деятельности учреждений здравоохранения вызывают отсутствие необходимых лекарств, низкая квалификация врачей, их невнимательное отношение к пациентам.

Если принять во внимание не отдельные показатели медицинской помощи населению в пострадавших районах, а выделить общую тенденцию в восприятии этой деятельности различными группами населения, включая и самих медработников, то картина складывается малоутешительная. Синдром тревожности не ослабевает, а усиливается. Вследствие этого, а также отсутствия достаточно полной информации о степени реального радиационного бедствия в тех или иных местностях (а она существенно различна даже в пределах одного района), связанного с этим большого количества слухов и панических настроений, часто совершенно беспочвенных, объективные показатели подлинной радиационной опасности и субъективное ее восприятие, в первую очередь женщинами, имеющими малолетних детей, зачастую существенно расходятся. Такое расхождение весьма опасно в социальном смысле: радиационными фобиями охвачена почти третья часть молодых родителей, их тревожное состояние (далеко не всегда обоснованное) передается детям, снижая их уверенность в себе.

Неблагоприятный социально-психологический фон в

зонах радиоактивного загрязнения отнюдь не способствует формированию социально активной, духовно развитой личности. И дело не только в том, что формирующиеся в социально апатичной и тревожной социальной среде подростки в большинстве случаев не вырабатывают в себе интерес к окружающему, развиваются с приземляющим человека ощущением себя в качестве жертвы, у которой на роду написано получать помощь, а не помогать другим в учебе, в работе, в жизни в целом. Дело еще и в том, что экстраполируемые в будущее страхи за здоровье «детей Чернобыля» могут сформировать через 10—15 лет своеобразную «секту отверженных» в сфере бракосочетания. В нее войдут не только те, кто в детском возрасте получил значительные дозы облучения, но и те, кто длительное время проживал на пораженной территории [1, 58]. Реальная генетическая опасность, обусловленная тем, что при хроническом воздействии ионизирующих излучений через ряд последовательных поколений уровень неблагоприятных мутаций может увеличиваться, приобретает сегодня, по крайней мере в социально-психологическом восприятии родителей и их взрослеющих детей, вполне реальное воплощение. Только 16,6% респондентов в Гомельской и 12,8% — в Могилевской областях утверждают, что их дети проходят регулярный медицинский осмотр, а соответственно 13,9 и 24,7% заявляют, что такие осмотры вообще не проводятся.

Длительные стрессогенные реакции, перешедшие у многих женщин под воздействием Чернобыльской катастрофы в хронически воспроизводимые, резко осложнили и без того трудную ситуацию с охраной материнства и детства во многих районах Гомельской и Могилевской областей Беларуси. Проведенный в июне 1993 г. опрос показал, что состояние тревожности у женщин-матерей здесь выражено в полтора-два раза сильнее, чем у всех остальных групп населения. Только 3,6% опрошенных женщин удовлетворены полностью масштабами и результативностью работы по ликвидации последствий катастрофы в зоне их проживания, частично удовлетворены — 11,5%, совершенно не удовлетворены — 63,2%. Остальные не смогли дать однозначной оценки. Главный объект тревожности — здоровье и будущее детей. Две трети опрошенных матерей выражают сильную обеспокоенность по этому поводу. Чем выше социальный статус

женщины — ее образовательный, профессионально-квалификационный уровень, степень культурного развития, тем сильнее озабоченность здоровьем своего ребенка и его будущим [3, 32—33].

Подавляющее большинство женщин не удовлетворены работой территориальных поликлиник и регулярностью медицинских профилактических осмотров детей. В Речницком районе, например, количество настроенных таким образом женщин достигает 74% от общего количества опрошенных. Особенно много нареканий вызывает качество детского питания. От 48,3% женщин в Костюковичском районе Могилевской области до 73% в г. Речице Гомельской области обеспокоены этим.

Отчетливо и сильно выраженное состояние тревожности матерей передается по механизму эмоциональной карусели и детям. От трети до половины школьников в зоне радиоактивного загрязнения, как и их мамы, опасаются за свое здоровье. Зачастую уровень их угнетенности зависит не столько от объективно складывающихся условий жизнедеятельности, включая уровень загрязнения, сколько от психологического состояния, эмоциональной надломленности ближайшего окружения, главным образом семейного. В Костюковичском районе, где уровень загрязненности превышает местами дозу в 40 кюри на кв. км, боятся заболеть один из трех опрошенных школьников, а в Чаусском, где загрязненность значительно ниже, — каждый второй. Резко деформированы в негативную сторону прожективные ожидания и ориентации детей. Каждые четверо из десяти опрошенных школьников Гомельской и Могилевской области убеждены, что раз они в будущем имеют больше шансов заболеть, чем их сверстники, то им, конечно, «не светит» интересная, привлекательная работа. Только 6% из них считают достаточно большими свои возможности поступить в вузы, зато в четыре раза большее количество ставит в качестве своей жизненной установки стремление найти любую работу. Так формируется опасная для социального развития личности психология жертвы. Чтобы противодействовать этому, необходима широкая программа мероприятий по социальной поддержке и социально-психологической реабилитации матерей и детей, проживающих в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы.

Нарастающие трудности в сохранении здоровья детей

и их воспитании порождают довольно критичные оценки населением пострадавших районов тех мер, которые принимаются различными органами и учреждениями по охране материнства и детства. Только 7% опрошенных жителей этих районов считают, что проявляют достаточную заботу о материнстве и детстве районные и городские органы власти, только 5,2% — профсоюзы, только 5,3% — общественные фонды, 8,4% — школы, 4,3% — детские сады. От 22 до 16% опрошенных убеждены, что все перечисленные органы, фонды, учреждения проявляют совершенно недостаточную заботу об этом важнейшем направлении деятельности, а еще от 22 до 17% отрицают наличие какой бы то ни было заботы с их стороны о материнстве и детстве. Такая ситуация чревата серьезными социальными осложнениями, поэтому требуется срочная разработка мероприятий по совершенствованию охраны материнства и детства в зоне Чернобыльского бедствия.

Социологические и социально-психологические исследования, к сожалению, свидетельствуют, что в зоне радиоактивного загрязнения происходят существенные негативные отклонения в социализации формирующейся личности. Сопоставление самооценок, сделанных старшеклассниками Могилевской и Гомельской областей, с такими же самооценками школьников в Гродненском районе показывает, что дети в загрязненных регионах больше осознают важность здоровья (86% против 76%) и здоровой экологии (62% против 46%), чем их сверстники из экологически чистых районов.

В отношении школьников к учебе отмечается снижение успеваемости по сравнению с зафиксированной в тех же загрязненных районах в ноябре 1991 г. и по сравнению с экологически чистым районом. Так, в радиоактивно загрязненных районах в 1991—1992 учебном году учились на «хорошо» и «отлично» 30,6% опрошенных школьников, в 1992—1993 — 17, в 1993—1994 — 18, а в экологически чистом Гродненском районе в 1992—1993 учебном году — 24,2%. Учились в основном на тройки в загрязненных районах в 1991 г. — 16,6%, в 1993 г. — 24,9, а в экологически чистом в 1992 г. — 21,2%. Следовательно, жизненная ценность образования снижается повсеместно, но особенно заметна эта тенденция в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Все это приводит к деструктивным изменениям в

проективных ориентациях школьников, а также в представлениях их родителей о возможностях благополучия детей в будущем [4, 6—8].

Одновременно в среде учащихся распространяется моральный нигилизм. В 1991 г. в загрязненных районах считали очень важным материальный достаток 46% школьников, в 1993 г. — 50%, в экологически чистом районе в 1992 г. — 47%, жить по совести соответственно 31; 25; 21%. В связи с резким увеличением транспортных расходов, сложностями с обменом валют ухудшаются возможности организации полноценного отдыха школьников, проживающих в загрязненных районах. В 1991 г. провели все время каникул дома 21,8%, а в 1992 г. — 35,4; в 1993 г. — 48% учащихся, отдыхали за границей соответственно 18; 6,9; 13%.

В социальном развитии детей и подростков решающую роль играет семья. Поэтому можно с удовлетворением констатировать, что у большинства опрошенных нами подростков, проживающих в регионах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, с родителями сложились хорошие отношения (у 64,4%). Только 4,6% опрошенных детей оценили отношения с родителями как плохие. Причем среди девочек такая оценка встречается несколько чаще, чем среди мальчиков (4,8% и 3,8%).

В контрольной группе подростков, проживающих в экологически чистом Гродненском регионе, количество плохих отношений с родителями составляет только 1,0%. В характере отношений подростков и родителей значимых различий между семьями с разным культурно-образовательным уровнем не наблюдается. При опросе детей в 1991 г. число плохих отношений с родителями составляло 1,8%. Таким образом, можно констатировать некоторое, хотя и небольшое, ухудшение семейной обстановки в регионах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы.

Вместе с тем по оценкам опрошенных в 1992 г. детей у 10,9% отношения с родителями за последний год ухудшились (по данным опроса 1991 г. ухудшение отношений с родителями имело место у 7% опрошенных). Произошло некоторое увеличение уровня конфликтности в семьях, проживающих в регионах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы.

Социологический опрос, проведенный в 1993 г., показал, что почти в каждой шестой семье часто возникают

конфликты и ссоры (в семьях, проживающих в «чистом» регионе, уровень семейных конфликтов несколько ниже — здесь только в каждой девятой семье часто возникают конфликты). При этом если в 1992 г. по сравнению с 1991 г. отмечалось некоторое увеличение уровня конфликтности в семьях, проживающих в регионах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, то в 1993 г. можно констатировать стабилизацию и даже некоторое снижение распространенности семейных конфликтов (с 17,9%, происходящих регулярно, до 16,1%). Вместе с тем в контрольной группе «чистого» региона регулярные конфликты были зафиксированы только у 11,1% опрошенных семей. Особенно высокий уровень конфликтности был зафиксирован в семьях, проживающих в регионах со средним уровнем радиации (от 5 до 15 кюри), в них регулярные конфликты встречаются в 18,5% случаев, а также в регионах с высоким уровнем радиации (от 15 до 45 кюри) — в 17,7% случаев (в регионах с уровнем радиации до 5 кюри — в 6,5% случаев). Это свидетельствует о том, что одним из негативных проявлений последствий Чернобыльской катастрофы является возрастание уровня психологической напряженности, состояния стресса и конфликтности в семьях.

Следует обратить особое внимание на значительный рост по сравнению с 1991 г. числа детей, которые связывают семейные конфликты со злоупотреблением спиртными напитками (с 13,8% до 21,2%). В чистом регионе только 10,1% детей назвали эту причину. Особенно часто конфликты в семье на почве злоупотребления алкоголем имеют место в семьях с низким и средним уровнем образования родителей (соответственно у 22,3% и 23,2%). Возможно, имеет место тенденция к усилению алкоголизации населения, проживающего в регионах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Этот вывод требует дополнительной информации и анализа ситуации.

По мнению опрошенных подростков, проживающих в Чернобыльском регионе, в наибольшей степени мешают им чувствовать себя спокойными и уверенными в жизни следующие обстоятельства: непредсказуемость политических и экономических условий жизни (33,9%), хамство и агрессивность окружающих (24,8%), а также проживание на радиоактивно загрязненной территории (19,4%).

У подростков контрольной группы, проживающих в чистом регионе, перечень важнейших препятствий, не позволяющих чувствовать себя спокойным и уверенным в жизни, во многом такой же (кроме, конечно, проживания на радиоактивно загрязненной территории). При этом если судить по величине процентного выражения, то у подростков контрольной группы степень интенсивности влияния этих препятствующих обстоятельств несколько меньше. Это свидетельствует об определенном стрессовом состоянии, в котором пребывают подростки, проживающие в экологически вредных условиях.

Сложившийся в экстремальных ситуациях посткатастрофного развития общий социально-психологический фон, характеризующийся неустойчивостью, тревожностью, неуверенностью, оказывает негативное влияние на формирование ценностных ориентаций и прожективных устремлений формирующейся личности подростка. Об этом наглядно свидетельствует сопоставление мнений и оценок, высказанных старшеклассниками в радиоактивно загрязненных районах Гомельской и Могилевской областей, с мнениями их сверстников в экологически чистом Гродненском районе. У первых из них количество озабоченных неподготовленностью к жизни составляет 18%, у вторых — только 10%, утратой надежды на хорошее будущее — 22% у первых и 16% у вторых, угрозой оказаться жертвой насилия, преступных действий — соответственно 17 и 7%. Среди первых число лиц, испытывающих тревогу по поводу непредсказуемости ситуации, составляет почти 34% из общего количества опрошенных; а среди вторых — на 11 пунктов меньше.

Приведенные данные эмпирических социологических исследований дают основание для вывода, согласно которому сложности и трудности в процессе социализации детей и подростков, вхождения их в самостоятельную жизнь придают новые грани более широкой проблеме — социальной защищенности граждан, проживающих на радиоактивно загрязненных территориях или переселившихся оттуда в экологически чистые районы.

Проведенные начиная с 1989 г. социологические исследования в мониторинговом режиме позволяют утверждать, что и в настоящее время, спустя восемь лет после ядерного взрыва, социальная защита населения, пострадавшего от катастрофы, остается основным полюсом напряжения в социальных ожиданиях населения.

Эффективная социальная защита людей, оказавшихся волею судьбы на пострадавшей от ядерной катастрофы территории, немыслима без неуклонного и последовательного осуществления ряда крупномасштабных и дорогостоящих мероприятий. К их числу в первую очередь относятся обеспечение населения чистыми продуктами питания, постоянный дозиметрический контроль за потребляемыми продуктами, выполнение дезактивационных работ (снижение уровня загрязнения почв), обеспечение достоверной и своевременной информацией о состоянии радиационного фона и мерах по оптимизации условий проживания на загрязненной территории, улучшение медицинского обслуживания и диагностики заболеваний в данной местности, социальное благоустройство населенных пунктов.

Однако большинство из этих мер, применявшихся в начальный период развития посткатастрофных процессов, носили не долговременно ориентированный, рассчитанный на перспективу, а чрезвычайный экстренный характер. В силу этого многие из них оказались неэффективными, не учитывали структуру потребностей и запросы пострадавшего населения, не были ориентированы на восприятие их реальным человеком, живущим в экстремальных условиях, не компенсировали его социальный, морально-психологический, а в ряде случаев и прямой экономический (оставленные навсегда дом, сад, огород) или физический (потеря здоровья) ущерб. Поскольку экстремальная ситуация, вызванная Чернобыльской катастрофой, оказалась не кратковременной, а приобрела затяжной, хронический характер, неэффективное выполнение столь необходимых мероприятий резко усилило негативную направленность социальных ожиданий и прожективных ориентаций пострадавшего населения.

В результате по истечении восьми лет после Чернобыльского ядерного взрыва большинство людей, проживающих под черной тенью радиации, ощущают себя обездоленными, обделенными вниманием и заботой, особенно со стороны органов власти и здравоохранения.

Около половины опрошенных не удовлетворены обеспечением нормальных условий труда и его радиационной безопасности (50,6%), увеличением продолжительности отпуска, положенного для лиц, пострадавших от радиационного воздействия (52,8%), системой оздоровительных мер (48%), дополнительными выплатами для

населения, проживающего в радиационно загрязненных районах (44,4%). Количество частично удовлетворенных этими важнейшими сторонами социальной защиты людей, пострадавших от катастрофы, колеблется в пределах 32—44%, а вполне удовлетворенных еще меньше: от 4 до 15% от общего количества опрошенных.

Множество нареканий у людей, продолжающих проживать на радиоактивно загрязненной территории, вызывает не только обеспечение чистыми продуктами, но и сама организация продовольственного снабжения. Только 54% респондентов утверждают, что этой важнейшей стороне жизнеобеспечения людей в Чернобыльской зоне уделяется достаточно внимания. Почти столько же опрошенных (49,5%) считают, что проведенные в их населенных пунктах дезактивационные работы не оказали никакого влияния на оптимизацию условий их жизни. Только 10,5% респондентов отмечают, что за последнее время несколько улучшилась материальная помощь лицам, пострадавшим от катастрофы, в виде дополнительных выплат, а 34% занимают противоположную позицию (55,8% опрошенных полагают, что сдвиг в лучшую сторону здесь столь незначителен, что он ни в коей мере не покрывает ту часть доходов, которая «съедается» галопирующей инфляцией).

Анализ последней из охарактеризованных позиций убеждает, что решение проблемы социальной защиты населения, пострадавшего от Чернобыльской катастрофы, само по себе достаточно трудное, резко осложняется общей кризисной ситуацией, в которой оказалась ныне Беларусь, как и другие государства СНГ, переживающие глубокий социально-экономический кризис. Его характерные черты: развал экономических связей и спад производства, в первую очередь потребительских товаров, стремительный рост цен, обнищание населения.

Вызванные Чернобыльской катастрофой многообразные негативные посткатастрофные процессы радиоэкологического, экономического, социального, социально-психологического, политического характера создают крайне неблагоприятный фон для повседневной производственно-трудовой деятельности, оказывают на нее усиливающееся деструктивное воздействие. Происходит значительная деформация социально-профессиональной структуры совокупного работника практически во всех сферах занятости. Повсеместно проявляется острая не-

хватка квалифицированных кадров, а также работников массовых профессий сельскохозяйственного производства. Так, в одном из сильно загрязненных районов Могилевской области — Краснопольском — в половине хозяйств нет бухгалтеров, во многих не хватает зоотехников, инженеров, экономистов. Еще хуже обеспеченность квалифицированными рабочими кадрами: имеется свыше 400 вакансий механизаторов, более 250 — животноводов. В результате соответствующие участки производственной деятельности поручаются кадрам, которые по своим профессиональным и нравственным качествам в нормальных условиях к такой работе не были бы допущены. Социологический опрос в этом районе (226 респондентов) показал, что свыше половины опрошенных (51,4%) констатируют ухудшение в содержании и условиях труда. В итоге 45,5% респондентов выражают неудовлетворенность своей нынешней работой, 63% — оценивают условия жизни и труда за последние восемь лет как неудовлетворительные. Каждый четвертый из опрошенных ставит в качестве важнейшего условия своего дальнейшего проживания и работы в данной зоне обеспечение безопасных условий трудовой деятельности, 35,7% выражают неудовлетворенность возросшей интенсивностью труда, вызванной значительным оттоком квалифицированных кадров из загрязненных районов.

Названные особенности деструктивного воздействия посткатастрофных процессов на сферу производственно-трудовой деятельности особенно рельефно проявляются в сфере здравоохранения. Это в значительной мере обусловлено тремя обстоятельствами. Первое из них заключается в том, что в посткатастрофный период резко возросла нагрузка на медицинских работников. Количество обращений по сравнению с докатастрофным периодом увеличилось в различных по степени загрязнения районах в 4,5—6,3 раза (в зависимости от группы заболеваний). Во-вторых, в условиях недостаточной информированности населения о реальной степени радиационного риска, радиационного невежества его большинства, включая и многих ответственных работников, существует большой разрыв между объективно фиксируемой мерой опасности и ее субъективным восприятием, что порождает невротические состояния, фобические расстройства психики, отрицательно сказывающиеся как на трудоспособности, так и на жизненных ориентациях

больших масс людей, проживающих в загрязненных районах. В-третьих, низкая обеспеченность медицинских учреждений необходимым оборудованием, препаратами, недостаточная квалификация многих врачей вызывают высокую неудовлетворенность населения медицинским обслуживанием и здравоохранительными мероприятиями.

Эти три фактора, взаимно усиливая друг друга, вызывают усиленное внимание как к профессиональной деятельности медицинских работников, так и к их ценностным ориентациям и смысловым установкам. Оценивая ситуацию, сложившуюся в сфере трудовой деятельности медицинских работников, следует иметь в виду наименее благоприятный по сравнению с другими категориями работников, социально-психологический фон, на котором разворачивается их повседневная работа. Только 8,3% опрошенных жителей Могилевской области утверждают, что у них медосмотры проводятся регулярно, зато 31,7% считают, что такие осмотры проводятся нерегулярно, а 32,4% утверждают, что медосмотры вообще не проводятся. Работой поликлиник здесь удовлетворены только 3,8% респондентов, удовлетворены отчасти 47,7%, совсем не удовлетворены 43,8% опрошенных. В качестве нормального характеризуют свое здоровье только 11% респондентов, считают его неудовлетворительным почти вчетверо больше — 42,7%.

Такая ситуация резко снижает степень доверия больших масс населения к деятельности медицинских учреждений, существенно осложняет работу медперсонала.

Кстати сказать, даже в среде экспертов, в качестве которых выступали руководители районных и городских отделов здравоохранения, ведущие врачи поликлиник, работающие в зоне постоянного радиационного контроля, 39,6% характеризуют деятельность учреждений здравоохранения как неудовлетворительную. Среди же остального населения этих районов такую оценку высказывают 49% опрошенных. Причем разбежка степени неудовлетворенности населения работой медицинских учреждений в разрезе различных районов весьма существенна: от 48,3% в Славгородском районе Могилевской области до 73,7% в Речицком районе Гомельской области.

Основные причины неудовлетворенности медицинским обслуживанием в оценках населения выстроились в та-

кой последовательности: отсутствие необходимых лекарств и препаратов, низкая квалификация врачей, трудности (в первую очередь в сельской местности) в получении необходимой врачебной помощи.

Но попробуем уточнить ситуацию, взглянув на нее не с точки зрения пациента, который далеко не всегда даже в нормальных, а тем более в чрезвычайных условиях удовлетворен работой больницы, а с позиции самого врача, вынужденного обслуживать пациентов в гораздо более трудных условиях (радиационных, материально-технических, психологических и т. п.), чем его коллеги в «чистых» районах. Чтобы эта позиция была достаточно репрезентативной, наши сотрудники опросили 550 врачей и других медработников, провели индивидуальное и групповое интервьюирование свыше 70 экспертов, в качестве которых выступали руководящие работники областных, городских отделов здравоохранения, главврачи районных больниц, сотрудники медицинских исследовательских и диагностических центров, функционирующих в Гомельской и Могилевской областях.

Большинство опрошенных — 79,2% — работают в зоне радиоактивного загрязнения восемь и более лет, т. е. с момента ядерного взрыва на Чернобыльской АЭС. Более 40% из них имеют возраст 41 год и старше, с большим стажем работы по специальности, со сложившимися устойчивыми социальными связями, а потому и менее других склонные к перемене жительства. Наиболее последовательные из тех, кто решил остаться независимо от каких бы то ни было обстоятельств, руководствуются в своих поступках стремлением быть там, где больше нуждаются в его работе, где он больше всего нужен как специалист. Четверо из каждых пяти опрошенных данной группы не намерены менять место работы и жительства в ближайшей перспективе, по крайней мере в течение трех предстоящих лет. Однако удельный вес таких работников в общем массиве респондентов невелик — всего 8,9%. Невысок также удельный вес врачей, которые полагали, что, работая в зоне радиоактивного загрязнения, смогут приобрести необходимый опыт, квалификацию, — 3,3%.

Гораздо больше по численности те группы медперсонала, которые не ожидали, что, живя и работая в зоне радиоактивного загрязнения, столкнутся с такими боль-

шими сложностями и нерешенными проблемами (39,4%), или же те, которые знали, в сколь трудных условиях им придется работать, но суровая действительность превзошла их ожидания (34,4%).

Такая направленность саморефлексии и самооценок большинства респондентов самым непосредственным образом связана с неудовлетворенностью их важнейшими сторонами трудовой деятельности и бытовой устроенности. Наибольшую степень неудовлетворенности вызывает у медработников обеспечение радиационной и экологической безопасности. Такую позицию разделяют почти три четверти опрошенных — 72,4%, противоположную же (то есть удовлетворены вполне этой важнейшей стороной жизнеобеспечения в загрязненной зоне) занимают только 1,2% респондентов. Слишком высок в этой среде и удельный вес неудовлетворенных обеспеченностью и чистотой продуктов питания в соответствии с медицинскими требованиями — 66,6%. Больше половины респондентов не удовлетворены социально-бытовыми условиями жизни (сферы услуг, службы быта, общепита) — 54,1% и социально-культурными условиями жизни — 55,4%. Много нареканий вызывает состояние жилищных и коммунальных условий (38,2% неудовлетворенных), условия социальной безопасности — 32,4%, взаимоотношения с местными органами власти и управления — 28%.

Приведенный анализ социального самочувствия, а точнее говоря, социального неблагополучия медработников и их семей в районах радиоактивного загрязнения, позволяет понять, почему столь велик отток квалифицированных врачей из этой жизнеопасной зоны. Если эту общую и социально негативную тенденцию рассмотреть в разрезе отдельных районов, то получается достаточно пестрая, мозаичная картина. Как правило, миграционная подвижность врачей, как и квалифицированных работников других специальностей, гораздо интенсивнее в тех районах, где степень радиоактивного загрязнения выше.

Результаты социологического опроса врачей, медсестер, другого медперсонала, а также стандартизированного интервью экспертов свидетельствуют, что самым уязвимым звеном в системе социальной защищенности работников здравоохранения является недостаточный уровень материального вознаграждения за их труд.

Подавляющее большинство обследованного медперсонала (78—87%) и все опрошенные нами эксперты считают, что размер заработной платы работника здравоохранения находится ниже социально приемлемого уровня и не в состоянии компенсировать экстремальные условия труда и проживания в подвергшихся воздействиям последствий Чернобыльской катастрофы регионах. Согласно экспертной оценке, необходимый уровень по меньшей мере должен быть в несколько раз выше ныне существующего.

Если первый период перехода здравоохранения на новые тарифные ставки и оклады сказался положительно на усилении социальной защищенности работников, то в последние месяцы в связи с новым витком инфляции, последовавшим за ним увеличением заработной платы в других отраслях и наметившейся тенденцией выравнивания ее в здравоохранении без учета существующих различий в условиях труда, медперсонал, работающий в зоне радиоактивного загрязнения, ставится в неравное положение по сравнению с теми, чей труд не сопряжен с воздействием экстремальных ситуаций. В силу этого размер окладов и тарифных ставок не устраивает 78,8% медперсонала в обследованных районах, для 8,7% он лишь частично удовлетворяет потребности работников, но только 6,2% опрошенных могли ответить, что размером существующих окладов и ставок они удовлетворены. Многие медработники (по нашему исследованию 72%) вынуждены работать по совместительству на полторы-две ставки, искать дополнительные заработки. Однако, как считают две трети экспертов, это лишь в незначительной мере способствует решению проблемы, связанной с недостаточным материальным стимулированием труда медперсонала. Подтверждением тому являются такие результаты опроса: дополнительная заработная плата устраивает лишь одного из каждых четырех опрошенных. В то же время работа по совместительству, как считает часть экспертов (20%), несмотря на то, что в какой-то степени решает проблему дефицита кадров, порождает ряд трудностей, связанных с чрезмерной напряженностью труда, большими нервно-психологическими и физическими нагрузками, которые неизбежно сказываются на результатах и качестве труда работников.

Наименьшую удовлетворенность (5,2%) респонденты высказали относительно мер, принимаемых в связи с ро-

стом цен, удорожанием стоимости жизни. Абсолютное большинство опрошенных (92,1%) считает, что существующая система мер (выплаты, компенсации и индексации) не в состоянии защитить их от негативного воздействия нарастающих инфляционных процессов.

Проблема привлечения медицинских кадров, их стабилизации и закрепления на территориях, подвергшихся радиационному загрязнению, тесно связана с размером и обоснованностью компенсационных доплат и льгот, предоставленных им в этой связи. Но отнюдь не способствует ее решению то обстоятельство, что переход здравоохранения на новые оклады и ставки повлек за собой снижение доли этих выплат в общем заработке работника почти вдвое, поскольку компенсации исчисляются из прежних окладов и ставок. И как показал опрос, размером компенсаций и льготами за работу в зоне в той или иной степени не удовлетворены девять из десяти опрошенных. Необходимо, на наш взгляд, не только изыскать средства и направить их на исправление существующего положения, а изменить сам механизм определения компенсации работающему в загрязненных районах медперсоналу. Первоочередной шаг здесь, по нашему мнению, должен состоять в том, чтобы положить в основу общегуманистический принцип самооценки здоровья любого работника, какое бы социальное положение он ни занимал, заменить ныне действующую систему процентных надбавок к ставкам и окладам фиксированными компенсациями, зависящими не столько от уровня квалификации, должности, сколько от уровня радиационного загрязнения местности, в которой трудятся медработники.

Полученная путем опроса и экспертной оценки социологическая информация позволяет сделать вывод, что без существенного улучшения материального стимулирования труда медработников (рост заработной платы, надбавки, доплаты, другие преимущества) и снижения степени их риска от негативного воздействия радиоактивного загрязнения проблему преодоления отрицательных последствий Чернобыльской катастрофы решить будет очень трудно. Нельзя забывать, что медработники трудятся в зоне экологического бедствия в условиях, далеко не всегда отвечающих требованиям. Это еще больше обостряет ситуацию, вызывая неудовлетворенность и отток кадров. Согласно проведенному опросу, более двух

третьей (68,5%) персонала не удовлетворены организацией питания по месту работы, примерно столько же — санитарно-бытовыми условиями труда, каждый второй опрошенный сослался на неудовлетворительную работу и обеспеченность медучреждения специальным автотранспортом. Много нареканий со стороны медперсонала, как показал опрос, на обеспечение работников спецодеждой, обувью, отвечающими сложившимся условиям работы в экстремальной ситуации.

Более половины (55,4%) респондентов в той или иной степени неудовлетворены укомплектованностью рабочих мест оборудованием, инструментами и другими средствами для оказания медпомощи.

Следует отметить, что, оценивая материально-техническую оснащенность медучреждений региона, эксперты единодушно охарактеризовали ее состояние в определениях «низкая», «плохая», «неудовлетворительная», «недостаточная». Только два эксперта из 70 оценили материально-техническую оснащенность медучреждений загрязненной зоны как удовлетворительную.

Отсутствие надлежащей бытовой комфортности, технической оснащенности и санитарно-гигиенической обеспеченности работающего в Чернобыльской зоне медперсонала делает этот труд не только малопривлекательным, но и создает тот отрицательный эмоционально-психологический «фон», на котором формируется установка на снижение дисциплины, результативности и качества труда.

И все-таки трудовая деятельность, составляя важную сферу образа жизни, не исчерпывает ее целиком. Если же она протекает в экстремальной ситуации, угрожающей здоровью и жизни людей, то опасения за благополучие близких и свое собственное постепенно, но неуклонно отесняет озабоченность содержанием и условиями труда на третье, четвертое и более отдаленные места в структуре факторов, определяющих общую панораму условий жизнедеятельности. Эта тенденция еще более усиливается нарастанием кризисных явлений в социально-экономической сфере.

Рассмотрим под этим углом зрения динамику обеспокоенности населения радиоактивно загрязненных районов Беларуси важнейшими факторами их жизнеобеспечения. Обеспокоенность содержанием и условиями труда сохраняется почти неизменной: в 1991 г. ее выразило

50,6% респондентов, в октябре 1994 г. — 52,9%. Зато существенно возросла встревоженность резким ухудшением материально-экономических условий жизни, прежде всего ростом цен и падением реальной заработной платы. В мае 1992 г. количество обеспокоенных ростом цен составило 76,3%, годом позже оно возросло до 78,5%, еще годом позже — до 87%, а в октябре 1994 г. достигло 93,4%.

Продолжающийся рост цен и падение курса белорусского рубля неизбежно подталкивают вверх инфляционные ожидания людей. Эта неблагоприятная ситуация осложняется большим и все более увеличивающимся отставанием уровня денежных доходов большинства населения от темпов роста цен. Между тем, по мнению почти трети опрошенных (32,2%), важнейшее значение для поддержания жизненного уровня их семей имеет зарплата на основной работе. Еще 23% респондентов считают более важной для этих целей работу в личном хозяйстве, 16,8% — пенсии и другие выплаты (включая и льготы).

Причем свыше 90% опрошенных утверждают, что общего дохода их семьи хватает только на необходимые продукты питания. В таких условиях становится ясно, почему на третье место по степени тревожности для людей, проживающих в зоне радиоактивного загрязнения, вышла обеспокоенность низким уровнем заработной платы. (Заметим в скобках, что второе место в этой иерархии занимает обеспокоенность ростом преступности — тревогу по этому поводу выражают 87,5% опрошенных.) На четвертом месте среди факторов, вызывающих беспокойство людей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, находится встревоженность состоянием окружающей природной среды — ее разделяют 83% респондентов. Снабжением пострадавших районов продовольственными товарами обеспокоено 76,4% опрошенных, а состоянием здоровья — 76,1%. Как видим, состояние здоровья и снабжение экологически чистыми продуктами питания; занимавшие приоритетные места в структуре обеспокоенности людей на первом этапе развития постчернобыльских процессов, спустя восемь с половиной лет после катастрофы уступили пальму первенства факторам материально-экономическим — росту цен и снижению реальной зарплаты.

Что же следует предпринять для улучшения социально-психологического фона в зоне радиоактивного загряз-

нения и усиления социальной защиты лиц, пострадавших от Чернобыльской катастрофы?

Самое первое и самое простое, что необходимо сделать, — это предоставить населению полную и объективную информацию о степени загрязненности окружающей среды, мере реальной радиационной опасности в разрезе конкретных районов и населенных пунктов. Это позволит резко сузить сферу распространимости различных слухов, снизить напор фобических расстройств, не только успокоить в значительной мере общественное мнение, но и оказывать формирующее влияние на него.

Учитывая, что одной нашей республике не справиться с навалившейся на нее тяжестью Чернобыльской беды, следует на уровне Верховного Совета и правительства Беларуси предпринять энергичные меры по координации усилий, средств и ресурсов с соседними независимыми государствами — Россией и Украиной в решении общей проблемы социальной защиты граждан, пострадавших от катастрофы.

В целях повышения качества медицинского обслуживания всех групп населения, а также обучения и воспитания детей, проживающих в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, улучшения их социальной адаптации необходимо на правительственном уровне предусмотреть стимулирующие меры по закреплению специалистов в этих районах, вплоть до установления персональных окладов и льгот высококвалифицированным врачам и учителям как носителям образования, медицинских знаний, культуры и социально-гуманного опыта, жизненно необходимых для формирования полноценной в физическом, психическом и социальном смысле личности.

Принимая во внимание существенное расхождение между объективной степенью радиационной опасности в различных районах и субъективным восприятием этой опасности, особенно сильно преувеличенным у женщин-матерей, что сказывается негативно на социально-психологических качествах подрастающего поколения, стало жизненной потребностью создание сети специализированных центров и консультационных пунктов психологической помощи, социальной реабилитации и адаптации пострадавшего от катастрофы населения, в первую очередь детей.

В целях преодоления социально-негативного самосо-

отнесения многих лиц, подвергшихся воздействию радиации, с мироощущением жертвы, ориентированной преимущественно на помощь извне, в том числе и социальную, на подавание и потребительство, предстоит разработать и внедрить в практику реабилитационной и реадaptационной деятельности новые, более высокие стандарты медицинской, социальной, психологической и правовой помощи людям, оказавшимся в зоне бедствия.

Целесообразно также более активно и последовательно осуществлять следующие мероприятия:

1. Обеспечить доступность на районном, областном и республиканском уровнях всех видов специализированной медицинской и социально-психологической помощи детям и беременным женщинам, а также женщинам, имеющим малолетних детей (эндокринологической, онкогематологической, психологической, социально-реабилитационной и др.), за счет изменения структуры и улучшения оснащенности районных, областных больниц и республиканских спецдиспансеров, учреждений социально-психологической помощи и социальной реабилитации современным лечебно-диагностическим и экспериментальным оборудованием, включая передвижное оборудование, специально оснащенные автобусы и т. п.

2. Предусмотреть создание на районном, областном и республиканском уровнях эффективно действующей системы круглогодичного оздоровления и социальной реабилитации детей, беременных женщин и матерей с малолетними (до трех лет) детьми, пострадавших в результате посткатастрофных процессов, вызванных аварией на Чернобыльской АЭС, учитывающей реальное состояние их здоровья, а также объективные и субъективные факторы индивидуального риска возникновения ближайших и отдаленных медицинских, психологических и социальных последствий катастрофы для здоровья и социального самочувствия с учетом полученной дозы радиации.

3. Обеспечить реальное улучшение информированности населения об основных факторах негативного воздействия посткатастрофных процессов на здоровье и социальное самочувствие человека, степени реального риска проживания в районах с различной степенью радиоактивного загрязнения, широко привлекая для информационной работы специалистов в области радиобиологии, социологии, психологии, юриспруденции, а

также практикующих врачей, учителей школ, работников органов управления.

4. В целях повышения качества обучения и воспитания, социального развития детей, проживающих в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, улучшения их социальной самоидентификации разработать и осуществить стимулирующие меры по закреплению учителей в этих районах, вплоть до установления персональных окладов и льгот высококвалифицированным преподавателям и другим специалистам как носителям образования, культуры и социального опыта, жизненно необходимых для формирования полноценной в физическом, психологическом и социальном смысле личности.

Глава 4

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПОСТКАТАСТРОФНЫХ ПРОЦЕССОВ В РАЙОНАХ РАДИОАКТИВНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ

Нарастающий поток разрозненных, часто с трудом поддающихся сопоставлению и сравнению материалов эмпирических исследований сложных и противоречивых социально-психологических последствий Чернобыльской катастрофы делает все более настоятельной проблему формирования специфической феноменологии посткатастрофного адапционного поведения индивидов и социальных общностей [6, 7]. Речь идет в первую очередь о философско-социологическом введении в систему понятий и категорий, отражающих своеобразие социально-психологических явлений и процессов, возникающих в результате крупномасштабной ядерной катастрофы и вызванных ею трагических посткатастрофных ситуаций. Разумеется, эта категориальная система теоретических концептов должна быть выведена из теоретического обобщения и осмысления эмпирических социологических и социально-психологических исследований целей, ценностных ориентаций, представлений, жизненных устремлений, мотивов поведения индивидов и социальных групп, оказавшихся в экстремальных ситуациях ядерной катастрофы и обусловленных ею посткатастрофных процессов. А это означает, что сами исследования такого характера предполагают прежде всего вычленение возможно более глубоко детализированного описания и интерпретации различных реакций индивидуального и группового адапционного и/или дезадапционного поведения людей, подвергшихся радиационному воздействию, связанного с этим их субъективного восприятия объективно существующего радиационного риска.

При таком подходе становится очевидно, что категориальный аппарат социологии и социальной психологии (равно как и смежных с ними дисциплин: антропологии, психиатрии и др., а тем более философии) в его сего-

дняшнем состоянии для описания и интерпретации повседневной жизнедеятельности людей, перенесших радиационное воздействие или проживающих в настоящее время в загрязненных районах Беларуси, Украины и России, разработан явно недостаточно. В районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, отчетливо ощущается отсутствие базисных категорий и методик их квантификации, позволяющих создать адекватную понятийную сеть для выявления и объяснения причин, особенностей, разнообразия форм проявления, массовости и длительности действия стрессогенных факторов, резкого изменения социального и социально-психологического статуса различных групп населения, возрастания социально-психологической напряженности, углубления дезадаптационных процессов и состояний, необходимой в таких случаях психотерапевтической и психо-коррекционной работы.

Но даже и при недостаточной концептуально-категориальной проработке социальных и социально-психологических проблем, возникших в связи с Чернобыльской катастрофой, отчетливо выявляется в качестве приоритетного следующее утверждение. Основным фактором, детерминирующим общую направленность социально-психологического фона в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, явилось возникшее в первые посткатастрофные дни и остающееся до сих пор стабильно устойчивым (в некоторых случаях даже возрастающим) состояние длительно действующего посттравматического стрессового синдрома и связанного с этим дезадаптационного поведения больших масс людей, подвергшихся радиоактивному воздействию. Неоднократные исследования (в том числе и повторные), проведенные белорусскими социологами и социальными психологами, а также их российскими и украинскими коллегами, убеждают, что специфические особенности социально-психологических последствий Чернобыльской катастрофы заключаются в том, что наряду с типичными психическими расстройствами, общими для пострадавших от различных бедствий и катастроф, у огромного количества людей, подвергшихся радиоактивному воздействию, возникают специфические психогенные расстройства хронического, длительного действия. Основная специфика состоит в том, что стрессор в зоне радиоактивного загрязнения носит комплексный характер и в течение дли-

тельного времени не редуцируется и не исчезает, а превращается практически в постоянно действующий фактор жизнедеятельности. У большинства людей, пострадавших от этой катастрофы, развиваются различные психогенные расстройства в условиях хронического стресса.

Обобщение многочисленных, но, к сожалению, пока в большинстве случаев разрозненных исследований по различным программам дает тем не менее возможность выделить основные составляющие этого сложного и комплексного стрессора. К ним относятся следующие стрессогенные факторы:

а) значительное радиационное воздействие на людей, принимавших непосредственное участие в ликвидации последствий взрыва на Чернобыльской АЭС в первый период развертывания этой трагедии, — так называемых «ликвидаторов»;

б) непосредственное влияние на огромное количество населения (только в Беларуси около 2,2 млн. человек) радиационного облучения в малых дозах, последствия которого фактически до сих пор не изучены;

в) постоянно существующее опасение за здоровье и благополучие свое и близких, особенно детей;

г) резкое изменение жизненного стереотипа (переселение, изменение места работы, ломка устоявшегося уклада жизни и т. п.);

д) необходимость постоянного соблюдения мер предосторожности и профилактических медосмотров;

е) определенная утрата степени личной свободы;

ж) сужение возможностей социально-профессионального самоопределения, особенно у молодежи;

з) недостаточность и неодинаковость социальных льгот для различных категорий лиц, пострадавших от катастрофы;

и) возрастающее недоверие и недовольство деятельностью властных структур и органов управления по ликвидации или/и смягчению последствий катастрофы;

к) когнитивный диссонанс, связанный с противоречивой информацией как о реальной радиационной обстановке, так и возможных ее негативных последствиях;

л) эмоциональный диссонанс, вызываемый периодически возникающими и широко курсирующими слухами, сплетнями, предположениями, тревожными ожиданиями и т. п.

Все эти факторы, каждый из которых оказывает стрессогенное воздействие на большие массы людей, в своем совокупном, а от того резко усиленном влиянии на социальное самочувствие и психическое состояние индивидов и их групп создают обширное социально-психологическое пространство длительного и сильно действующего комплексного стрессора, вызывающего значительное количество психосоматических расстройств у пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Именно этим объясняется необычайно широкая, в других видах катастроф не встречающаяся распространенность посттравматических стрессовых нарушений. Как правило, цифры распространенности психопатологических расстройств, возникающих в результате стихийных бедствий, аварий и катастроф, колеблются в широких пределах: от 10% среди жертв торнадо и наводнений до 55% у пострадавших вследствие извержения вулкана в Армерфо (Колумбия) и даже до 75% среди пострадавших от крупных землетрясений в Югославии и Ташкенте [4, т. 90, 5, 42]. В результате же проведенного московскими психиатрами обследования в ряде населенных пунктов Могилевской области 300 пострадавших от Чернобыльской катастрофы, проживавших в зоне радиоактивного загрязнения в течение 4 лет, выяснилось, что только у 5% от общего количества обследованных отсутствовала психическая патология, а 95% страдали различными неврозами, неврозоподобными проявлениями и психопатологическими расстройствами [1, т. 91, 4, 12].

Одна из существенных особенностей психотравматических расстройств у всех обследованных в районах радиоактивного загрязнения состоит в том, что по истечении нескольких лет после катастрофы выявлен высокий уровень болезненности хроническими соматическими заболеваниями — гипертонической болезнью, заболеваниями желудочно-кишечного тракта, опорно-двигательного аппарата, легочной патологией и т. п. Характерна также высокая частота заболеваний, которая в значительной мере зависит от возраста пациентов. Если у молодых людей в возрасте до 30 лет на одного больного в среднем приходится 1,7 хронической соматической болезни, в возрасте 31—50 лет — 2,6, 51—60 лет — 3,6, то в возрасте свыше 60 лет — 5,0. Эти данные свидетельствуют о значительном соматическом неблагополучии обследуемых, которое создает почву для формирования многих

форм психопатологических нарушений. Здесь возникает двусторонняя взаимозависимость: возникновение невротической симптоматики во всех случаях ухудшает соматическое состояние, а обострение соматической патологии углубляет психические расстройства [1, т. 91, 5—7].

Вторая социально-психологическая особенность состояния людей, переживших Чернобыльскую трагедию, заключается в том, что у всех обследованных выявлена высокая степень беспокойности за свое здоровье или здоровье своих близких, особенно детей. Проведенные социологами и психологами Института социологии Академии наук Беларуси исследования в ряде пострадавших от радиоактивного загрязнения районов Гомельской и Могилевской областей доказали, что абсолютное большинство опрошенных выражают сильное опасение за свое здоровье, а в еще большей степени — за здоровье своих детей. Причем опасения обычно не оформляются в страх конкретного заболевания, а выражаются в боязни возможного негативного влияния радиации на здоровье вообще, особенно здоровье детей. Такое размытое в социально-психологическом отношении состояние может быть охарактеризовано как тревожное напряжение, формирующее благодатную почву для развития посттравматического стрессового синдрома и связанного с этим состояния дезадаптации. В ходе обследования, проведенного в ноябре—декабре 1993 г. специалистами Института социологии АН Беларуси, 74% опрошиваемых находилось в состоянии тревожного напряжения. Доминантой такого напряжения является опасение связи своего реально существующего или возможного заболевания с радиацией, а также тревожное ожидание ухудшения условий жизни.

Социально-психологические исследования позволяют утверждать, что большинство респондентов в районах, подвергшихся радиоактивному воздействию, демонстрирует нарастающий сдвиг в сторону тревожных ожиданий, связанных с предполагаемым или реальным ухудшением своего здоровья. Причем динамика психологических состояний свидетельствует о смещении их у большинства опрошенных в негативную сторону. За период с ноября 1992 по ноябрь 1993 г. значительно участились факты переживания неудовлетворенности собой (с 23 до 42%) — возможный симптом невротизации значительной массы населения, отсутствия позитивного

опыта адаптации к резким изменениям в социально-экономическом, экологическом и социально-психологическом окружении.

Почти 22% обследованных в декабре 1992 г. жителей загрязненных районов характеризуются отчетливо выявленными ипохондрическими тенденциями (склонностью к чрезмерной озабоченности состоянием своего здоровья). Преувеличенная тревожность за свое самочувствие сильно коррелирует с возрастом и растет от 6,2% в группе младших возрастных когорт (не более 20 лет) до 34% у людей старше 50 лет. Среди мужчин доля таких лиц составляет 13,6%, среди женщин — 27,7%, т. е. более чем в два раза превышает показатели ипохондрической ориентированности мужчин. Ипохондрические состояния могут быть следствием как реально существующих симптомов ухудшения здоровья, так и склонности преувеличивать значимость этих проблем для себя и особенно для своих детей. Очевидно, что в условиях длительного действия негативных тенденций, вызванных Чернобыльской катастрофой, оба эти фактора оказывают сильное воздействие на социально-психологические состояния индивидов и их групп, причем взаимно усиливают отрицательное влияние одного и другого на возникновение и сохранение посткатастрофных синдромов.

Одной из характерных черт длительно действующего посттравматического синдрома в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, является не снижение, а нарастание масштабов и интенсивности состояний тревожности у значительной массы проживающего там населения. Так, социально-психологические исследования, проведенные белорусскими специалистами в ноябре—декабре 1992 г. в Гомельской и Могилевской областях, показали, что 59% обследуемых в самооценках своего здоровья констатировали нарастание тревожности. Аналогичная тенденция выявлена группой сотрудников Института психологии Российской Академии наук и Брянского исследовательского центра «Социан» в ноябре—декабре 1991 г. в Брянской области, где 54% опрошенных отметили, что за прошедшие после аварии на ЧАЭС годы их тревога за свое здоровье значительно усилилась [5, 29].

Примечательно также, что психологическое состояние тревожности находится в значимых детерминантных связях не только с уровнем загрязненности местности и

качеством медицинского обслуживания населения, но и с возрастными особенностями индивидов. Исследованиями, проведенными сотрудниками Института социологии Академии наук Беларуси в 1989—1993 гг., многократно установлено, что у женщин, особенно имеющих детей в возрасте до 7 лет, состояние тревожности выражено чаще и острее, чем у мужчин, у лиц старших возрастов чаще, чем у младших когорт, у лиц с высшим образованием чаще, чем у людей, не имеющих такого уровня образования. Так, исследования, проведенные в ноябре—декабре 1992 г., показали, что тревожный тип поведения у женщин встречается почти в 3,5 раза чаще, чем у мужчин, а это оказывает негативное психологическое воздействие на детей, поскольку они чаще и острее ощущают тревожные состояния и переживания матери.

Клинических случаев тревожно-мнительного поведения среди лиц, проживающих в районах радиоактивного загрязнения, не обнаружено. Это свидетельствует о том, что различные страхи и опасения у населения, проживающего в названных районах, в подавляющем большинстве случаев имеют реальную почву.

Однако эта реальная почва создается не только объективно существующей степенью радиоактивной загрязненности той или иной территории, но и субъективными факторами, среди которых существенную роль играют преобладающие в том или ином районе оценки уровня бедствия и отношения к этому местных властей. Так, в Быховском районе Могилевской области не высказывают тревоги за свое здоровье 8,3% опрошенных, а примерно в таком же по уровню загрязненности Речицком районе Гомельской области — 14,1%.

Итак, если подвести краткий итог изложенному, то можно констатировать нарастание субъективности тревожных состояний и ожиданий в районах радиоактивного загрязнения. Субъектами таких социально-психологических состояний становятся не только отдельные индивиды, но и целые семьи, территориальные общности. При этом явное преобладание таких состояний и ожиданий обнаружено у женщин, особенно имеющих в своих семьях маленьких детей. Отмечено также существенное расхождение в самооценке состояний тревожности людьми в различных территориальных общностях, что обусловлено в значительной мере общим состоянием социально-психологического климата в них — степенью информ-

рованности населения, распространения среди него различных слухов, отношениями его с местными органами власти и т. п.

Третья особенность проявления посттравматического синдрома у лиц, проживающих в районах радиоактивного загрязнения, состоит в том, что в условиях хронической, по существу, пролонгированной стрессовой ситуации, возникшей под влиянием посткатастрофных процессов, тревожные психические состояния подвержены сильным колебаниям. Они обычно усиливаются при появлении новой информации об авариях на радиационно-опасных технологических объектах, порождающих массу догадок, слухов, предположений. Такие вспышки нарастающей тревожности зафиксированы российскими и белорусскими социологами и психологами в Брянской, Гомельской и Могилевской областях после того, как в октябре 1991 г. произошел пожар на втором энергоблоке Чернобыльской АЭС [5, 32—33]. Большинство опрошенных в тот период (69% в Гомельской области, 71% в Могилевской и 76% в Брянской) полагали, что информация об этом событии была недостоверной, а это резко усилило состояние тревожности. Так, 84% опрошенных в Брянской области и 61% — в Гомельской заявили, что после этого пожара деятельность Чернобыльской АЭС стала вызывать у них еще большее беспокойство. Большинство опрошенных было также высказано убеждение, что если судить по поведению населения их региона во время и после названного пожара, то можно утверждать: люди стали бояться сообщений о любых, даже самых незначительных, авариях на атомных электростанциях, особенно расположенных на прилегающих территориях. В связи с этим все чаще в районах, пострадавших от радиоактивного загрязнения, высказываются требования о закрытии Чернобыльской АЭС в ближайшие годы.

Четвертая особенность социально-психологических состояний отдельных индивидов и различных социальных общностей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, выражается в резком уменьшении чувства социальной защищенности, в формировании синдрома безысходности складывающейся экстремальной ситуации, в которой, по мнению пострадавших, никто не хочет и не может понять обуревающие их проблемы, заботы, тревоги и серьезно помочь в их бедах. Таким образом, у значительной части лиц, проживающих в зоне радио-

активного загрязнения, наряду с естественной, но все-таки болезненно обостренной реакцией на раздражители, связанные с основными травмирующими факторами, формируются обвинительные психологические установки, активно инициируемые широко распространенным чувством утраты личной безопасности. В 1992 г. оно было характерно для 62,6% респондентов в загрязненных районах Гомельской и Могилевской областей, а в ноябре 1993 г. возросло до 65,2% общего количества обследованных. Чувство личной безопасности интегративно по своему существу. Оно включает в себя не только состояние здоровья или ощущение защищенности от возможных преступных действий отдельных криминальных индивидов или их групп, но и уверенность в благополучии своей семьи, ее социальной защищенности, соответствующих гарантиях со стороны местных властей, здравоохранительных, правоохранительных и других органов и учреждений. Тем более важно его значение в социально-психологических состояниях личности или социальной общности. Если это чувство утрачено почти у двух третей населения, проживающего в зоне радиоактивного бедствия, то это свидетельство глубочайшей социо-психобиологической травмы, нанесенной Чернобыльской катастрофой и вызванными ею посткатастрофными процессами сотням тысяч людей, продолжающих проживать на загрязненной радионуклидами территории.

Тревожная самооценка здоровья (особенно у детей), неуверенность в отношении гарантии личной безопасности приводят к тому, что среди населения, подвергшегося радиоактивному воздействию и продолжающего проживать в загрязненных районах, непомерно велика доля лиц, характеризующихся пессимистическим восприятием реальности. В этом и состоит пятая особенность посттравматического стресса, широко распространенного среди населения, подвергшегося радиационному воздействию. Сопоставимые по своим результатам исследования, проведенные в Германии и в Беларуси, показывают, что в первой из названных стран пессимистическая ориентированность психологических состояний в связи с резким ухудшением окружающей среды (включая и оценку последствий Чернобыльской катастрофы) колеблется в пределах одной пятой от общего количества опрошенных [7, 565], а во второй — приближается к одной третьей (29,7%).

При тридцатипроцентной подверженности населения в зоне радиологического бедствия пессимистическому восприятию реальности и неуверенности в будущем почти у 6% из общего количества опрошенных выявлены критически высокие оценки пессимистичности, что даст основания говорить о клинической картине депрессивного состояния. Характерна и в этом отношении более высокая восприимчивость женщины к пессимистическим ожиданиям: показатель пессимистичности у них почти в два раза выше, чем у мужчин (соответственно 38,3 и 19,3%). Отмечено также нарастание показателей пессимистичности по мере приближения индивида к более высокой возрастной когорте. Так, у респондентов младшей возрастной группы (до 20 лет) характеризуются пессимистическим восприятием реальности 25% респондентов, в возрасте 20—29 лет — 26,1, 30—39 лет — 28,7, 40—49 лет — 28,1, старше 50 лет — 38%. Таким образом, при плавном нарастании пессимистичности почти во всех возрастных группах в возрасте около 50 лет у большинства людей, проживающих на радиоактивно загрязненной территории, происходит достаточно ощутимый скачок в сторону резкого увеличения пессимистических оценок, что, разумеется, связано с возрастными особенностями восприятия реальности, которые в условиях значительного радиационного риска проявляются особенно отчетливо.

У каждого пятого из обследованных жителей пострадавших от Чернобыльской катастрофы районов (21,3%) выявлены демонстративные тенденции в поведении, обусловленные значительно повышенной по сравнению с обычными условиями эмоциональной лабильностью. Критически высокие оценки такой лабильности, свидетельствующие о наличии астероидного поведения, обнаружены у 2,7% из общего числа лиц, включенных в социально-психологическое исследование. Все повышенные оценки по данной шкале отмечены среди женской части обследуемых. Как и в предыдущих случаях, в ситуациях повышенной эмоциональной лабильности отмечается значимая связь между возрастом и частотностью неблагоприятного истероформного развития поведения.

Если состояния тревожности, утраты чувства личной безопасности, пессимистичности мировосприятия, как правило, нарастают по мере увеличения возраста обследуемых людей, то концентрированные формы импульсив-

ного поведения свойственны более молодым людям и в наибольшей степени характерны для младшей возрастной когорты до 20 лет, где они выявлены у 25% из общего числа обследованных. Здесь кроется один из источников асоциальных форм поведения (озабоченность, немотивированная агрессивность, склонность к разрушительным действиям, девиантным формам поведения и т. п.), свойственных значительному числу молодежи, проживающей в зоне радиоактивного загрязнения.

Шестая особенность социально-психологических состояний, характерных для населения районов, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, заключается в снижении интереса к окружающему, перемежающемся с апатией.

Правда, количество лиц, у которых зафиксировано состояние безразличия ко всему, что происходит вокруг них, сравнительно невелико и едва превышает 10% от общего числа обследованных. Но если учесть, что вдвое большее количество людей, проживающих на радиоактивно загрязненных территориях (22%), привыкли ко всему, что с ними происходит, и успокоились, то станет ясно: у значительной части индивидов выражена редукция динамически активного потенциала личности, сформировалась социально негативная психология жертвы.

Проведенные в ноябре—декабре 1993 г. исследования выявили, что примерно у шестой части населения на протяжении семи лет, прошедших после Чернобыльской катастрофы, постепенно сформировалась плохо осознаваемая (или вообще не осознаваемая) установка на психологическое «вытеснение» актуальной опасности. Они привыкли не думать о радиационной опасности, не тревожиться, смещать в подсознание из актуальной зоны переживаний ту временную (хотя и длительную) зону восприятия, на которую могут, по их мнению, попасть реальные психологические симптомы переживания радиоактивного воздействия и его последствий. При этом происходит смещение «локуса контроля» за событиями на «внешние» причины или на «других» — ссылки на недостаточную заботу местных властей, на недостаток лекарств, на отсутствие надежной информации об уровне радиационной загрязненности, на несправедливое распределение денежных компенсаций и т. п. Характерно, что за период с ноября 1992 по ноябрь 1993 г. ареал проявлений чувства несправедливости социального

устройства расширился, охватив в первом случае 47, а во втором 65% общего количества обследованных.

Ведущими психологическими защитными реакциями для этой группы населения являются обесценивание потребностей, вытеснение восприятия опасности радиационного воздействия из активной зоны социально-психологической ориентированности личности, вытеснение тревожности.

Социально-психологический анализ полученных эмпирическим путем состояний тревожности, пессимистичности, эмоциональной неустойчивости, апатии и т. п. дает возможность выявить типологические особенности различных стратегий поведения лиц, подвергшихся радиационному воздействию. Речь идет в данном случае, разумеется, о социально-психологической адаптации отдельных индивидов и их общностей (семья, территориальное сообщество и др.) к экстремальным ситуациям, порожденным крупномасштабной ядерной катастрофой, каковой является Чернобыльская. Используя в качестве показателей рассмотренные выше доли сверхнормального повышения шкальных оценок при тестировании обследуемых лиц, распространенность различных типов адаптационных синдромов, возникающих в ответ на значительные по силе и продолжительности неблагоприятные воздействия, можно расположить по рангам в следующей последовательности (в порядке убывания): повышенная соматизация тревожных ожиданий («бегство в болезнь»); обесценивание потребностей (апатия), фиксация на неприятных, травмирующих переживаниях (синдром безысходности). Все эти три формы поведенческих реакций связаны с неустойчивым, подверженным колебаниям состоянием адаптационных процессов, которые при возникновении новых или актуализации, усилении прежних опасений, негативных ожиданий и т. п. могут преобразовываться в процессы дезадаптации.

Существенно отличаются от них такие стратегии адаптационного поведения, которые ориентированы на конструктивное восприятие реальности и активное приспособление ко всей совокупности ее компонентов, в том числе и негативных. Ориентация респондентов на такие конструктивно-творческие формы адаптационного поведения оценивалась по таким признакам (показателям), которые указывались ими в качестве важных и непременных условий достижения жизненного успеха. В ка-

честве одного из таких показателей почти три четверти обследуемых выделили состояние здоровья (74,2%). Второе ранговое место в системе таких показателей досталось трудолюбию (48,9%), затем по степени убывания разместились знания (39,6%), добросовестность (32,4%), способность (26,4%), везение, удача (23,6%), целеустремленность и находчивость (19,8%), предприимчивость (19,3%), содействие и поддержка со стороны других людей (18,7%). Сумма процентов в данном случае существенно превосходит 100, так как респонденты могли выбрать три-четыре показателя, характеризующие направленность их адаптационного поведения.

Если при анализе адаптационных синдромов состояние здоровья (главным образом плохое) выступало как источник негативных по своему социально-психологическому характеру проблем, то в данном случае состояние здоровья (преимущественно хорошее, нормальное) первенствует в качестве основной ценности, определяющей адаптационные установки данного индивида. Важно, что вторым по значимости показателем в формировании и реализации активно-творческой ориентированности адаптационного поведения выступает трудолюбие, без которого, в сущности, трудно, а порой и невозможно сформировать конструктивную адаптационную стратегию поведения личности, да и социальной группы.

Несколько неожиданным, вызывающим беспокойство оказался низкий ранг такого существенного показателя, как содействие других людей, поддержка со стороны близких и друзей. Очень низкая квантификация этого показателя, выражаемая цифрой в 18,7%, свидетельствует, что в чрезвычайных ситуациях крупномасштабной ядерной катастрофы сверхзадача индивидуальной выживаемости становится для многих людей столь важной, а помощь со стороны ближайшего социального окружения столь проблематичной, что существующая в обычных состояниях сплоченность людей перед лицом общей опасности существенно деформируется.

Высокую степень озабоченности вызывает также низкая оценка большинством обследованных в Чернобыльской зоне лиц такого показателя жизненного успеха, как предприимчивость. Тот факт, что его в качестве фактора успешной жизнедеятельности назвали менее одной пятой (19,2%) из общего количества респондентов, свидетельствует о широком распространении здесь

психологии иждивенчества, которая действует как мощная негативная сила, резко интенсифицирующая дезадаптационные реакции у значительного количества людей, ощущающих себя жертвами ядерной катастрофы.

Анализ проблем, в наибольшей степени беспокоящих жителей пострадавших от Чернобыльской катастрофы районов, вызывающих у них психологическое состояние повышенной тревожности, позволяет сделать умозаключение, что наиболее мощными стрессогенными факторами, снижающими адаптационный потенциал индивидов и групп в этих районах, являются четыре основных детерминанта. Их субординационный ряд (в порядке убывания значимости) выстраивается в такой последовательности:

1. Нехватка денежных средств и связанное с этим резкое снижение жизненного уровня;
2. Чувство утраты личной безопасности и неуверенность в будущем;
3. Ощущение несправедливости социально-экономического устройства современного общества;
4. Плохое состояние здоровья.

Перечисленные проблемы относятся к ситуативным и оказывают значительное деструктивное влияние на индивидуальную и групповую адаптацию.

Если проанализировать складывающуюся под совокупным влиянием этих причин адаптационную (чаще дезадаптационную) стратегию поведения, то становится очевидным, что первый и третий факторы повышенной тревожности обусловлены нарастающими кризисными явлениями в социально-экономическом развитии современного белорусского общества. Следовательно, они характерны для всех регионов Беларуси (это подтверждено многими социологическими исследованиями) и не относятся к числу специфически «чернобыльских». Зато два других непосредственно связаны с посткатастрофными процессами, возникшими вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, и могут быть интерпретированы в качестве специфических детерминант дезадаптационного поведения в экстремальных условиях крупномасштабной ядерной катастрофы и вызванных ею долговременных негативных последствий.

Обобщая изложенное выше, можно сформулировать следующие выводы о сущности, содержании и своеобразии социально-психологических процессов, характеризу-

ющих население, проживающее на территориях, пострадавших от Чернобыльской катастрофы.

Во-первых, социально-психологические состояния и степень индивидуальной и групповой адаптации (дезадаптации) в значительно большей степени зависят от социально-экономических, чем от экологических и радиологических факторов.

Во-вторых, астеничный тип реагирования на экстремальные ситуации в посткатастрофном обществе значительно превышает стеничный. Такая особенность проявляется в том, что значительная часть обследуемых лиц в районах радиоактивного загрязнения обладает отчетливо выраженной тенденцией к ипохондрическому, тревожному, пессимистическому и пассивно-безучастному типам поведения, вследствие чего наиболее типичными психологическими реакциями являются соматизация тревоги (бегство в болезнь), обесценивание потребностей (социально-психологическая апатия), реже — синдром безысходности.

В-третьих, с точки зрения успешности адаптивного поведения в этих районах характерны фиксация на дефицитах жизненно необходимых условий (экологически чистое питание, обеспеченность лекарствами, личная безопасность и т. п.) и слабая выраженность кооперативной ориентации адаптационных стратегий. Все это существенно осложняет и затрудняет формирование и реализацию адаптивного поведения.

В-четвертых, настало время приступить к практическому формированию в радиоактивно загрязненных районах сети социально-психологических консультаций и центров социальной поддержки и социально-психологической реабилитации различных групп населения, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, в первую очередь женщин-матерей, детей и подростков.

С учетом возрастающей необходимости оказания систематизированной социальной поддержки и организации социально-психологической реабилитации лиц, особенно женщин-матерей и детей, пострадавших от радиационного воздействия, целесообразно приступить к разработке и осуществлению долгосрочной подготовки социальных работников для работы среди населения на загрязненных территориях и в местах переселения.

В-пятых, опираясь на проведенное социологическое и социально-психологическое обследование, целесообразно

начать работу по картографированию территории Беларуси, пострадавшей от Чернобыльской катастрофы: составлению социально-психологических карт по показателям социальной напряженности, тревожности, прева-лирования различных видов стресса, неудовлетворенности теми или иными социальными условиями, направленности и интенсивности социальных ожиданий и ценностных ориентаций, особенностям дезадаптации различных групп населения.

В-шестых, на основании обобщения имеющихся в республике данных по результатам различных (радиобиологических, медицинских, социологических и т. п.) исследований ситуации, сложившейся в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, целесообразно подготовить специальные программы и организовать информационно-просветительную работу для повышения уровня знаний специалистов различных сфер деятельности о воздействии радиационных факторов и способах социальной поддержки и социально-психологической реабилитации лиц, пострадавших от радиации.

Глава 5

ВЛИЯНИЕ ПОСТКАТАСТРОФНЫХ ПРОЦЕССОВ НА МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РАЙОНАХ РАДИОАКТИВНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ

В социологии катастроф считается общепринятым положение, согласно которому первоочередной задачей управленческих структур в случае крупной аварии, катастрофы, бедствия и т. п. является обеспечение оперативной эвакуации населения из пострадавшей местности. Это общепринятое утверждение нашло свое воплощение в практических мерах, принятых в первые же часы и дни после взрыва на четвертом блоке Чернобыльской АЭС. Но только спустя почти пять лет, в феврале 1991 г., оно воплотилось в принятом Верховным Советом Беларуси законе о социальной защите граждан, пострадавших от этой катастрофы, где в качестве первоочередной меры предусматривалось определение этапов отселения жителей с территории радиоактивного загрязнения. В результате крупномасштабная и трудная работа по переселению пострадавших от катастрофы в экологически чистые районы растянулась на семь-восемь лет и до сих пор не завершена.

О-чрезвычайных по величине масштабах этого процесса можно судить хотя бы по тому, что на протяжении только 1989—1994 гг. по обязательному переселению выехало из зоны радиоактивного загрязнения почти 46 тыс. семей, а кроме того, переселилось более 3200 семей по свободному переселению. Из этой огромной массы людей около 11 тыс. человек переехало в столицу республики город Минск. Такая направленность переселенческих потоков при некоторых преимуществах (переезд в большой город, достаточно благоустроенный в социокультурном отношении) порождает и массу трудно-разрешимых проблем. Среди них наиболее остро переживаются переселенцами трудности с устройством на работу, сложности адаптации к условиям огромного урбанизированного пространства (что особенно трудно для

переселившихся из сельской местности), разрыв привычных социальных связей и др.

Социологический опрос ликвидаторов Чернобыльской катастрофы и их семей, переселившихся в Минск и другие населенные пункты Беларуси, показал, что свыше половины их испытывает серьезные трудности в процессе адаптации к новым условиям жизни, работы и учебы. Поэтому они нуждаются в помощи со стороны местных органов власти, помощи не только материального, но и социально-психологического характера. Для ее проведения следует широко привлекать специалистов — врачей, психологов, социологов, работников правовых органов, а также представителей общественных организаций и фондов милосердия.

В структуре мотивов, побуждающих людей, проживающих в радиоактивно загрязненных районах, изменять место жительства, бесспорное первое место занимает обеспокоенность состоянием здоровья детей (она здесь превышает в 4—7 раз такую же обеспокоенность в экологически чистом Поставском районе Витебской области), за ней по степени убывания следуют: опасное воздействие радиационного загрязнения на привычный образ жизни, озабоченность состоянием собственного здоровья, ухудшение отношений между людьми, рост преступности (см. табл. 4).

Сравнение двух этапов мониторингового обследования мотивов и степени выраженности стремления к миграции, проведенных в ноябре 1991 г. и в ноябре 1994 г., показывает, что «тяга к перемене мест» в последнее время заметно пошла на убыль. Так, в ноябре 1991 г. выражали твердое намерение сменить место жительства почти 30% респондентов, в ноябре же 1994 г. такую позицию высказали только 18,6% опрошенных. Правда, почти четвертая часть респондентов (25,5%) до сих пор не определили четко свою позицию по этому вопросу, зато очень многие — 52,5% твердо заявляют, что переезжать не собираются. Незначительная часть граждан готова переселить в «чистые» районы только своих детей, сами же предпочитают оставаться жить на привычных местах.

В зоне периодического контроля число потенциальных мигрантов составляет 14,9%, в зоне с правом на отселение — 20,2, в зоне обязательного отселения — 12,8%. Противоположного решения — остаться жить на преж-

Таблица 4. Причины, побуждающие население радиоактивно загрязненных и экологически чистых районов изменять место жительства (1-я строка — Могилевская область, 2-я — Гомельская, 3-я — Поставский р-н Витебской обл.)

Причины:	Доля в %
Тревога за здоровье детей	21
	34
	5
Боязнь за свое собственное здоровье	14
	19
	3
Сложности в получении медицинской помощи	7
	9
	3
Воздействие радиационного загрязнения на образ жизни	14
	23
	3
Ухудшение отношений между людьми, рост преступности	10
	7
	2
Неудовлетворенность работой	2
	4
	2

нем месте — придерживаются в первом случае 47,3%, во втором — 31,8, в третьем — 36,2%. Как видим, наиболее остро вопрос о перемене места жительства в настоящее время встал для лиц, проживающих в районах с загрязнением 5—15 кюри/кв. км. В то же время в зоне обязательного отселения проведение соответствующих мероприятий привело к тому, что многие из тех, кто хотел уехать, уже сделали это. А остались в основном те, кто твердо решил не уезжать или до сих пор колеблется с принятием решения (таких здесь почти половина).

Миграционные настроения сильнее распространены среди женщин и в возрастных группах 20—30, 30—40 лет. У тех, кто постарше, они ослабевают с ростом их возраста. Из социальных групп решительнее других настроены на переезд специалисты и служащие (отток специалистов будет продолжаться), наиболее сдержанны в этом вопросе крестьяне (8,3%) и пенсионеры (8,0%). Среди не определившихся с местом своего будущего жительства больше всего молодежи в возрасте 20—30 лет (34,7%) и особенно до 20 лет (38,9%).

Доминирующей причиной миграционных намерений,

как и в прежние годы, являются связанные с плохой радиационной обстановкой опасения за свое здоровье и прежде всего за здоровье детей.

В числе респондентов, объединенных желанием уехать из загрязненных районов, четко обозначились три группы людей, различающиеся конкретной направленностью их миграционных стратегий. Одну из них — меньшую (4,1% общего числа опрошенных) — составляют те, кто заявил, что уедет обязательно. Вторую — большую (13,2%) — лица, стремящиеся сделать это, но откладывающие отъезд часто на неопределенное время из-за целого ряда связанных с ним проблем, многие из которых для них сейчас неразрешимы. Прежде всего это, как и в предшествующие годы, отсутствие перспективы приобретения на новом месте жилья (на это указало 21,4%), дороговизна переезда (20,0%), боязнь не найти, особенно в условиях растущей безработицы, работы по специальности (14%).

Не имея возможности уехать как минимум в ближайшее время, примерно каждый десятый из опрошенных готов к тому, чтобы переселить из загрязненной территории только своих детей. В 1991 г. их было 3,4%, сейчас 10%. Это значит, что на такой частичный вариант переселения сейчас согласилась, не имея иного выхода, часть тех респондентов, кто раньше намеревался переселиться всей семьей. Чаще всего речь в данном случае идет о самостоятельном отселении детей старших возрастов. Больше всего лиц, согласных на такой компромиссный способ решения проблемы, там, где в принципе больше потенциальных мигрантов, т. е. в зоне с правом на отселение (15,1%). В целом же большинство опрошенных (почти 80%) придерживается мнения, что дети, взрослея, сами должны решать, где им жить. Только 8,2% настроены на то, чтобы посоветовать им остаться жить на прежнем месте.

Четвертая группа опрошенных — те, кто заявил о своем твердом намерении остаться жить там, где они живут сейчас. Всего их 39,1%. Причем в зоне периодического контроля — 47,3%, зоне с правом на отселение — 31,8, зоне обязательного отселения — 36,2%. В целом это значительно больше, чем было несколько лет назад, когда черномыльская тема была обострена до предела. Тогда о своем твердом намерении не уезжать заявляли лишь 4,4%.

Однако было бы опрометчивым сделать из приведенных данных однозначный вывод о стабилизации положения с миграцией в радиоактивно загрязненных районах. Здесь следует иметь в виду и отрицательные социальные явления, сопровождающие процессы отселения, особенно в тех случаях, когда переселенцы в новых местах жительства оказываются обделенными социально-бытовыми удобствами, а нередко и возможностями трудоустройства. Нельзя не замечать, что снижение заинтересованности в переселении в экологически «чистые» районы в немалой степени объясняется тем, что в местах переселения во многих случаях не созданы надлежащие социально-бытовые условия, а некоторые руководители местных властей и хозяйств не склонны «принимать» к себе пожилых людей и малоквалифицированных работников. К тому же существенным фактором, сдерживающим тягу к переселению, является озабоченность утратой льгот в случае выезда из зоны радиоактивного загрязнения. В результате отсутствия четко продуманной и последовательно осуществляемой стратегии эвакуации жителей из мест с достаточно сильной степенью радиационной опасности возникают социально негативные явления.

Выделим только три из них, наиболее существенные. Во-первых, в структуре населения Гомельской и Могилевской областей увеличивается удельный вес лиц старших нетрудоспособных возрастов при одновременном значительном сокращении доли лиц наиболее активных в трудовом отношении возрастов. Во-вторых, отток квалифицированных работников оказывает деструктивное воздействие на структуру занятости, вызывая острую нехватку медработников, учителей, квалифицированных рабочих, механизаторов сельского хозяйства. В-третьих, смещение общей демографической структуры в сторону старения усиливает у остающегося в зоне радиоактивного загрязнения населения ощущение себя жертвой, о которой некому позаботиться, подогревает настроения потребительства, социальной неполноценности и озлобленности, что приводит к значительным отклонениям от нормы практически во всех сферах межличностного и межгруппового взаимодействия [2, ч. 3, 131—132].

Разумеется, проблему социодинамики посткатастрофных процессов, порожденных ядерным взрывом в Чернобыле, в том числе и такой ее важный аспект, как отсе-

ление больших групп людей с загрязненных территорий, необходимо рассматривать не только в миграционных, но и более широких социально-пространственных и социально-временных рамках. Нельзя не учитывать, что односторонне ориентированная миграция, связанная с массовым оттоком сначала специалистов, потом остальных групп населения, прежде всего молодежи, приведет не только к снижению рождаемости и сокращению воспроизводства населения, но и к социально-экономической и демографической деградации пораженной территориальной общности. Придется отказаться от привычных способов использования данной социальной общностью своей территории и разработать принципиально новые, основанные на иных экологических, экономических, социальных, психологических, духовно-нравственных критериях. Новая программа существенно видоизмененного освоения таких территорий может быть разработана и осуществлена только на междисциплинарной основе с приоритетом наук о живой природе и наук об обществе, в ряду которых должна занять подобающее ей место социология, а также социальная психология катастроф и посткатастрофных процессов.

Социально-пространственная ориентация разработки такой парадигмы, привязка ее к специфике вполне определенной территории предполагает также учет социально-временных характеристик социодинамики посткатастрофного развития. В совокупности этих характеристик важнейшее место принадлежит прогнозированию отдаленных последствий Чернобыльской трагедии, основанному на междисциплинарных исследованиях. Комплексный прогноз развертывания посткатастрофных экологических, социально-экономических и иных процессов следует разрабатывать периодически на основе обобщения ряда частных прогнозов, которые могут представлять собой альтернативные сценарии развития геоэкологической, социально-демографической, технологической, экономической, психологической, социокультурной ситуации как в районах радиоактивного загрязнения, так и в тех населенных пунктах, куда мигрируют переселенцы. Отсутствие таких научно обоснованных прогнозов уже привело к большим и совершенно неоправданным экономическим потерям. В частности, на загрязненных территориях волевым решением республиканских и местных органов власти реализован значительный объем капи-

тальных вложений на строительство дорог, жилья, других объектов социальной инфраструктуры, после чего оттуда все равно приходится эвакуировать людей. Социальное прогнозирование близких и более отдаленных последствий Чернобыльской катастрофы поможет не только свести неизбежные потери к минимуму и избежать тем самым неэффективных затрат, но и разработать более действенную стратегию борьбы с негативными последствиями трагедии в различных социально-временных интервалах и социально-пространственных ареалах.

Для введения процессов социодинамики посткатастрофного развития пострадавших в результате ядерного взрыва на Чернобыльской АЭС районов в русло прогнозируемых и управляемых процессов необходимо решить резко обострившуюся в последнее время еще одну важную социальную и психологически-нравственную проблему — сохранять по мере возможности сложившиеся и доказавшие свою стабильность, социальную устойчивость территориальные и социально-психологические общности людей. Речь идет о том, чтобы переселять людей из зоны бедствия преимущественно в отдельные поселки (даже сохраняя название прежних деревень) или возводить для них отдельные улицы в тех городах и поселках, куда мигрируют переселенцы. Игнорирование этого в общем-то вполне приемлемого требования, выдвигаемого самими переселенцами, побуждает более половины из них (56,3%) выражать неудовлетворенность существующим порядком переселения. Между тем конструктивный опыт компактного переселения людей сложившимися общностями из зоны радиоактивного загрязнения на экологически чистые территории с созданием там новых поселков с развитой экономической, социально-бытовой и поселенческой инфраструктурой, накопленный в Костюковичском районе Могилевской области, показывает реальную возможность оптимального, рационального и управляемого процесса отселения людей из зоны бедствия.

Однако рассматриваемый срез проблемы миграции из радиоактивно загрязненных районов связан с масштабными проективными ожиданиями и переживаниями, которые в условиях обостряющегося социально-экономического кризиса отодвигаются на задний план, а то и вовсе вытесняются из сознания многих людей, озабоченных проблемой повседневного жизнеобеспечения

своей семьи и самих себя. К тому же на динамику смысловых ориентаций людей, проживающих в этих районах, существенно влияет своеобразный синдром привыкания, который сформировался постепенно не только в индивидуальном, но и в групповом сознании населения, пострадавшего от Чернобыльской катастрофы. Зачастую повседневные бытовые условия и заботы в этой ситуации оказываются для многих более весомыми аргументами при решении дилеммы: выезжать или не выезжать из загрязненной зоны, чем пролонгированные на ряд лет (а тем более на многие годы) проективные ожидания и опасения. Характерно, в связи с этим, что среди проживающих в собственном доме с огородом и садом вдвое меньше людей, стремящихся переехать в другие местности, чем среди тех, кто живет у родственников, снимает жилье или живет в общежитии, а из удовлетворенных работой ориентировано на переселение в 2,2 раза меньшее количество людей, чем из тех, кто ею не удовлетворен. Вывод ясен: более активная забота местных органов власти о создании нормальных условий жизни, труда и быта для лиц, проживающих на загрязненных территориях, может сыграть важную стабилизирующую роль, улучшить здесь общую социально-психологическую атмосферу.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в условиях экономического кризиса и социальной нестабильности население пострадавших районов существенно изменяет свое отношение к риску, связанному с радиоактивным загрязнением. Резкое снижение заинтересованности в переселении в экологически чистые районы, как высказанное респондентами во время массовых опросов, так и отмеченное экспертами, которые стремление к отселению перенесли в опросах в 1992—1993 гг. по актуальности решаемых проблем с первого места, занимаемое данной проблемой в первые годы после катастрофы, на четвертое, свидетельствует скорее всего о том, что адаптация населения происходит не столько к воздействию радиации и риску, сколько к давлению проблем, связанных с ними, на психику и социальное поведение проживающих здесь людей. Такой вывод тем более правомерен, что более половины опрошенных стремятся не сами искать выход из создавшихся проблем, а, вовлеченные в потребительские, иждивенческие ориентации, надеются на выплату компенсаций, улучшение

снабжения, чем должен заниматься «кто-то», но не они сами.

Учитывая всю совокупность приведенных факторов, а также мнения экспертов и прожективные ориентации большинства жителей загрязненных районов, можно уверенно спрогнозировать дальнейшее снижение численности отъезжающих отсюда и, наоборот, усиление потока возвращающихся сюда жителей в ближайшие годы. В связи с этим важное значение приобретает выяснение факторов, побуждающих большинство людей, проживающих в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, изменять свои прежние намерения переселиться в иную местность на прямо противоположные.

Отметим прежде всего, что на такие трансформации смысложизненных установок и ориентаций многих людей влияет отсутствие до сих пор четко разработанной и общепринятой научной концепции, выделяющей четкие, поддающиеся квантификации, а не только качественному анализу, критерии необходимости массового отселения людей с радиоактивно загрязненных территорий. Разногласия в подходах к этой проблеме квалифицированных специалистов, усугубляемая непрофессиональностью, нередко откровенно популистскими политическими речами амбициозных политиков в парламентах, на митингах, множество документальных, а нередко и далеких от подлинной документальности публицистических телефильмов, размышлений и дискуссий в прессе вызывают в массовом сознании не только разнобой в оценке сложившейся радиационной ситуации в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, но и порождают у многих людей сомнение в серьезности этой ситуации и ее возможных негативных последствий.

Возьмем только один из многочисленных аспектов многогранной проблемы миграции из регионов, подвергшихся радиоактивному загрязнению, — социально-психологический. Можно и сегодня спорить о том, обосновано или необоснованно в свое время было принято решение о необходимости переселения населения с территории, где уровень загрязнения превышает 15 кюри на квадратный километр, но совершенно бесспорен вывод о том, что при организации этой сложной работы была проигнорирована необходимость тщательного изучения социально-психологического фона, сложившегося на этой территории, и его изменения по мере развертыва-

ния посткатастрофных процессов. И допущенная ошибка отнюдь не исправлена до сегодняшнего дня. Если на научные изыскания экономического ущерба и путей хозяйственной реабилитации загрязненной территории выделяется примерно в семь раз больше средств, чем на изучение социально-психологических состояний людей, подвергшихся радиационному воздействию, определение приемов и средств их социально-психологической реабилитации, а сами пункты социально-психологической поддержки пострадавших начинают создаваться только восемь лет спустя после трагического ядерного взрыва, то совершенно очевиден технократический перекося в приоритетах. Мировая литература по социологии, психологии, медицине катастроф и посткатастрофных процессов убедительно свидетельствует, что в развитых странах мира — Японии, США, Италии и др. — в подвижные отряды по ликвидации катастроф и крупных технологических аварий с первого же дня включаются специалисты по социологии, психологии, антропологии, занимающиеся изучением и коррекцией индивидуальных и групповых форм поведения людей, которые осуществляют психологическую реабилитацию пострадавших и вырабатывают оптимальные пути и методы их социальной поддержки. Мы же, затратив многомиллиардные средства на создание множества новых поселков для переселенцев, которые и спустя восемь с лишним лет не заселены переселенцами с загрязненных территорий, «сэкономим» на создании социально-психологических служб несколько миллионов, потеряли и еще долго будем терять миллиарды. Да и не в финансовой стороне проблемы здесь суть дела. Беда в том, что и после развала тоталитарной системы и воцарения многоговорящей, но мало создающей демократии у нас и в сознании, и в поступках, да и в планах ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы все еще господствует давно изживший себя бездушно-бюрократический принцип подхода к взрослому человеку как к неразумному недорослю, а порой — и как к неодушевленной вещи. Рассуждения людей, принимающих решения, здесь предельно просты: надо отселяться — поезжай и живи в том доме, который тебе выделили, и в том месте, где указали. Начальству, дескать, виднее, что для тебя и твоей семьи хорошо, а что — плохо.

Если такой подход в какой-то мере может быть оп-

равдан в экстремальной ситуации войны, землетрясений, наводнений и т. п. бедствий, когда опасность четко локализована во времени и пространстве, то он совершенно неприменим при ядерных катастрофах, сопровождающихся транслокальными как в пространственных, так и во временных характеристиках посткатастрофными процессами. Воздействие радионуклидов далеко не одинаково на разных по плотности загрязнения территориях, на разных людей, на их различные возрастные группы. Более того, жизненный опыт многих из них, проживающих свыше восьми лет на загрязненных территориях, создает своеобразную психологическую аберрацию, как бы убеждая их в том, что радиация не так уж и страшна, к ней можно так или иначе приспособиться. Все эти факторы во взаимодействии с другими — экономическими, социальными, бытовыми и т. п. — формируют у многих жителей пострадавших районов отрицательное отношение к перемене привычного уклада жизни. Многочисленные исследования, проведенные не только белорусскими, но и российскими, украинскими социологами и психологами, убеждают, что в основе растущего день ото дня нежелания переселяться на экологически чистые территории лежат, как правило, причины психологического порядка. Массовые опросы, интервьюирования, тестирования, проведенные в ряде районов в Гомельской и Могилевской областях автором и его сотрудниками и в 1991, и в 1992, и в 1994 гг., показали, что неизменно первое ранговое место среди факторов, удерживающих жителей загрязненных районов от переселения, занимает привязанность к родным местам, а третье — трудности привыкания к проживанию в новом месте. Если учесть, что соображения жилищно-бытовой обустроенности в привычных местах проживания, а также в местах предполагаемого переселения занимают в структуре факторов, удерживающих людей от миграции, второе место, то станет ясной преобладающая социально-психологическая мотивированность, привязывающая людей к сохранению прежнего местожительства.

Однако прежде, чем анализировать мотивационную структуру нежелания довольно большого количества людей не выезжать из радиоактивно загрязненных районов, необходимо принять во внимание два важных обстоятельства.

Первое из них заключается в существенном измене-

нии демографического состава как того контингента жителей, которые переселяются в экологически чистые районы, так и тех из них, кто предпочитает оставаться в родных местах. Дело в том, что в самом начале постчернобыльского периода из загрязненных районов в другие места переселилась наиболее дееспособная часть населения, а также дети. Выхала в первую очередь самая образованная и квалифицированная часть людей, понимающая, какую опасность несут им и их детям радионуклиды. Этим людям с удовольствием принимали, особенно в сельской местности, где давно уже ощущалась нехватка рабочих рук. В результате спустя восемь лет после катастрофы в зоне отселения остались преимущественно люди старших возрастов, пенсионеры, причем многие из них — одинокие. Эта категория людей гораздо сильнее других привязана к «насиженному месту», менее других склонна переезжать куда бы то ни было. Многие из них в силу возрастных особенностей не испытывают страха перед радиоактивным загрязнением местности.

К тому же с течением времени все более сильно действует эффект привыкания к условиям экстремальности, вследствие чего степень угрозы у людей, особенно пожилых, психологически приглушается. Нельзя забывать и того, что значительная часть остающихся в зоне загрязнения граждан считает (и не без оснований), что они никому на новом месте не нужны, а потому и не видят смысла в переезде. Наконец, следует иметь в виду и другой психологический эффект миграционной практики. В зону загрязнения доходят слухи о том, что в тех местах, куда переместились переселенцы, отнюдь не всегда им создаются надлежащие социально-бытовые условия, возникают трудноразрешимые проблемы с устройством на работу, с определением детей в дошкольные детские учреждения. Не обходятся здесь и без преувеличенных слухов. В Кормянском районе Гомельской области, например, весной 1993 г. распространился слух о том, что в местах переселения по настоянию местных жителей даже умерших из числа переселенцев хоронят отдельно, в специально отведенных для этого местах. Разумеется, такой социально-психологический фон резко снижает стремление к переезду в новые места.

Существенно сказывается на снижении заинтересованности значительной части людей, в первую очередь

пожилых, в переселении из загрязненных районов и другое обстоятельство. Это стремление довольно значительного числа семей, переселившихся в экологически чистые районы и оставивших в зоне загрязнения своих пожилых и даже престарелых родителей, сохранить за собой родительский дом и приусадебный участок. Нередко переехавшие из загрязненных районов в города начинают использовать оставшиеся на родине дома и огороды как садово-огородные участки. И это вполне объяснимо: в условиях неуклонно нарастающей дороговизны продуктов питания люди стремятся иметь дополнительный источник снабжения, а переселенцы из Чернобыльской зоны здесь не составляют исключения.

Когда же приходится анализировать конфигурацию мотивационного поля, побуждающего тех или иных индивидов переселяться из радиоактивно загрязненных районов или отказываться от переселения, то сразу же бросается в глаза множественность мотивов, которые обычно приводятся для обоснования того или иного решения. Мотивируя свой отказ от переезда в экологически чистые районы, большинство респондентов называют обычно две-три причины. Но все-таки абсолютное первое место среди них занимает привязанность к родным местам. Разумеется, не для всех этот аргумент является доводом, для некоторых опрошенных он представляет скорее повод для отказа от переселения. Но при любых оговорках нельзя оставлять без внимания тот факт, что подавляющее большинство респондентов — 97% — в качестве основной причины, побуждающей их оставаться в загрязненном, но своем поселении, выбирает очень простой аргумент — «здесь моя родина, и я никуда отсюда не уеду».

Второе ранговое место в структуре факторов, удерживающих очень многих людей от переселения в экологически чистые районы, занимает неудовлетворенность социально-природными условиями тех мест, куда намечается переезд. Более трети опрошенных — 34,5% — указывают именно на эту причину как на основной довод, побуждающий их оставаться в родных местах. Кроме субъективных моментов здесь приходится учитывать и объективные факторы: ведь радиация поразила преимущественно наиболее плодородные земли республики и сельчанину в случае переселения трудно приспособиться к использованию малоплодородных участков.

Третье место в иерархии факторов, удерживающих жителей загрязненных районов от смены места жительства, отводится неудовлетворительным жилищно-бытовыми условиям и материальным трудностям обустройства на новом месте. Такие опасения высказывают также более трети респондентов — 34%. Почти 30% опрошенных, ознакомившись с предполагаемым адресом переселения, остались неудовлетворенными возможностями для ведения подсобного хозяйства. Следует также иметь в виду, что почти четверть респондентов (23%) оказались недовольными планировкой домов в местах предполагаемого переселения. Проектанты и застройщики новых поселков, предназначенных для переселения, в большинстве случаев не учли, что белорусский крестьянин предпочитает иметь хоздвор около дома, а не вдали от него, не мыслит себе повседневной жизни без добротной русской печи. Переселяя же селян в коттеджи, построенные чуть ли не вплотную один к другому, организаторы миграционных процессов, не приняв во внимание многовековые традиции и особенности уклада деревенской жизни, фактически вольно или невольно поставили заведомо многих людей в позицию отказа от подсобного хозяйства и полной, непривычной им зависимости от далеко не всегда удовлетворительного снабжения продуктами повседневного спроса из магазинов.

На четвертом месте в структуре факторов, побуждающих людей, особенно пожилых, отказываться от переезда в экологически чистые районы, оказались также социально-психологические мотивы — трудности привыкания к новой местности и адаптации среди новых людей. Этот аргумент считают важным для себя более четверти опрошенных — 26%.

Пятое место среди причин, удерживающих человека от принятия решения покинуть насиженное гнездо, занимает проблема получения подходящей работы. На нее указывают 22% опрошенных. Разумеется, если бы речь шла о более молодых возрастных когортах, этот показатель существенно возрос бы.

Наконец, необходимо иметь в виду, что значительное количество людей объясняют свой отказ от переселения из загрязненной зоны надеждой на то, что экологическая обстановка здесь улучшится. Так считают 18,6% респондентов.

Приведенные нами оценочные суждения людей, про-

живающих в зоне радиоактивного загрязнения, в сумме своей значительно превышают 100%, так как каждый из респондентов называет не одну, а несколько причин, побуждающих его воздерживаться от переезда на экологически чистые территории. По мере удаления Чернобыльской катастрофы в прошлое острота восприятия ее грозных последствий притупляется, а психологический эффект привыкания людей к длительной экстремальной ситуации еще больше снижает актуальность миграционных настроений. Об этом свидетельствует, в частности, существенное изменение акцентов в семейном обсуждении тех или иных проблем жителями пострадавших районов Гомельской и Могилевской областей. Если в 1991 г. проблема радиации и опасных последствий Чернобыльской катастрофы занимала третье ранговое место в общем перечне предметов разговоров в семье (ее называли часто встречающейся в семейном общении 73% опрошенных старшеклассников), то в 1993 г. она переместилась уже на шестое место (44,9%). Значительно меньше, чем в 1991 г., в семьях стали обсуждаться и вопросы, связанные с переездом в экологически чистые районы (снижение с 25 до 8%).

Результирующим итогом совокупного действия объективных (резкое снижение жизненного уровня большинства населения, возросшие материальные трудности с переездом на новое местожительство, неудовлетворительная социально-бытовая обустроенность переселенцев в новых местах проживания и др.) и субъективных факторов (привязанность к родным местам, тревога в связи с трудностями адаптации к новой местности и новому кругу общения и др.) является достаточно быстрое снижение интереса к переселению у многих людей, особенно пожилого возраста, проживающих в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению. В Краснопольском, Кормяном и других районах в 1990 г. отчетливое стремление покинуть зону радиоактивного загрязнения выражало 79,8% опрошенных, а в ноябре 1993 г. их удельный вес снизился до 29%. Две трети людей (64,7%), продолжающих проживать в этой зоне, отказываются от переселения, 6,2% до сих пор не имеют однозначного суждения по данному вопросу.

И такая смена настроений характерна не только для отдельных лиц, но и для целых поселений. В Гомельской области, в частности, весной 1993 г. остро дебаты-

рвовался местными властями, специалистами (радиобиологами, медиками, социологами, психологами) и группами граждан, проживающих в зоне отселения, вопрос: переселять или не переселять людей из 24 населенных пунктов, расположенных на границах зоны отселения, жители которых категорически отказываются от перемены места жительства. После тщательного радиометрического и медицинского обследования, уточнения уровня загрязнения местности не только в данной местности, но и по каждому подворью принято решение согласиться с коллективным мнением тех людей, которые намереваются проживать и дальше в родных местах.

Разумеется, это — единственно верное решение. Ведь речь идет в подавляющем большинстве об одиноких людях и пенсионерах, которым, во-первых, практически не к кому переезжать, а во-вторых, у них сильно выражено желание провести остаток жизни в родных местах, со своими давними соседями, около могил предков и родных. И со всем этим нельзя не считаться, всякое иное решение, а тем более жесткий административный нажим, к которому не прочь прибегнуть некоторые местные властные структуры, здесь неприменим, антигуманен. Ведь стараниями государственных органов, местных структур власти людям из загрязненной радионуклидами зоны предоставлено жилье в экологически чистых территориях. И нет никаких оснований думать, будто эти люди не знают о радиационной опасности для своего здоровья. Но взвесив все обстоятельства, они принимают устраивающее их, может быть, мучительно трудное решение. А если такое решение ими принято, с ним нельзя не считаться, его нужно уважать. Тем более что еще неизвестно, от чего может скорее умереть пожилой человек — от радиационного воздействия в родных местах или от целого набора стрессов и психологических дискомфорта, неизбежно связанных с переселением, ломкой привычного образа жизни и трудностями адаптации в новом месте.

В связи с этим представляется абсолютно необоснованной и социально ущербной практика некоторых руководителей местных органов власти в радиоактивно загрязненных районах, стремящихся решать трудные проблемы переселения административно-силовыми методами. Набор средств в таком случае односторонен и примитивен: не хочешь переезжать — газа не дадим,

телефон отключим, прекратим медицинское, торговое, бытовое обслуживание и т. п. Но ведь такие средства только усугубляют и без того непростую социально-психологическую ситуацию в этих районах, порождают новые всплески недовольства, обострение социальной напряженности. На современном этапе посткатастрофного развития, когда еще далеко не все проблемы, связанные с отселением людей из мест, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, решены, нужны не столько административные меры, сколько деятельность профессионально подготовленных людей — радиологов, медиков, социологов, психологов, других специалистов, вооруженных вескими, научно обоснованными аргументами, умением убеждать людей, освобождать их от гнетущего давления фобий, стрессов, слухов, тревог. Только при такой организации многогранной деятельности, связанной с миграцией населения из загрязненных радионуклидами районов на экологически чистые территории, при обязательном учете запросов и пожеланий самих граждан (как тех, кто выезжает в другие районы, так и тех, кто остается проживать в родных местах) можно удовлетворительным образом решить сложные проблемы переселения.

Миграция населения из районов, подвергшихся радиационному воздействию, носит амбивалентный, двойственный характер. В ней важны в социально-экономическом, демографическом, социально-психологическом и других отношениях не только процессы отселения людей из зоны радиоактивного загрязнения, но и проблемы адаптации переселенцев к новым условиям жизнедеятельности в новых, непривычных для них местах. Причем на первых этапах развертывания посткатастрофных процессов главенствующую роль играют проблемы энергичного, быстрого, хорошо продуманного эвакуационного действия, а на последующих все более важное значение приобретает создание необходимых экономических, социальных, психологических предпосылок для скорейшей и по возможности безболезненной адаптации переселенцев к новым условиям труда, быта, воспитания детей, здравоохранения.

Социологическое обследование условий проживания переселенцев из зоны Чернобыльской катастрофы, проведенное в 1990—1994 гг. в ряде районов Брестской, Минской и Могилевской областей, показало, что в про-

цессе адаптации переселенцев к новым условиям проживания возникает не меньше сложных и трудных проблем, чем при организации отселения людей из зоны бедствия. Так, из числа проинтервьюированных и опрошенных более 400 семей (опрашивались, как правило, не меньше двух членов семьи) более трети — 38,2% утверждают, что не смогли в полной мере привыкнуть к новому месту жительства и к новым условиям жизнедеятельности (в Брестской области таких переселенцев 28,7%, в Минской — 30,7, в Могилевской — 57%). Вместе с тем из их общего количества хотели бы возвратиться в родные города и села 12,1% (в Брестской области — 5,6%, в Минской — 9,6, в Могилевской — 21,5%). А желающих переехать не только в свою деревню или город, а поближе к ним насчитывается 13,6% от общего количества опрошенных. Таким образом, можно констатировать, что примерно половина переселенцев (51,8%) в той или иной степени испытывает трудности в процессе адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

Большинство переселенцев (66%) уверены, что их переезд в экологически чистый район был оправдан. Но все-таки значительная их часть сомневается в правильности принятого решения. Так, в Минской области (исследование проводилось в городских поселках Крупки, Пуховичи и в Червенском районе) около 30% опрошенных сожалеют о состоявшемся переселении. Причем 24,1% респондентов выражают различную степень сомнения по этому поводу, а 6% категорично утверждают, что переселяться не имело никакого смысла. Еще больше такие настроения распространены среди выходцев из потерпевших районов и проживающих в Могилеве, Бобруйске и Дрибинском районе Могилевской области. Там число респондентов, сомневающихся в правильности решения о переезде из родных мест, достигает 49,6%, причем 17,4% из них настроены категорично отрицательно к данной акции.

Именно у этой части людей, а она довольно значительна, сформировался своеобразный социально-психологический синдром, ориентирующий их сознание, чувства, жизненные установки не на «новую жизнь», а на постоянное, психологически болезненное возвращение к старой, утраченной. Такая направленность сознания приводит к дистрессовым состояниям, осложняет адаптацию как отдельных индивидов, так и целых семей к

новым условиям жизнедеятельности в местах переселения.

В связи с этим важное значение имеет установление наиболее распространенных объектов негативных переживаний, обуславливающих достаточно широкое распространение дезадаптационных форм поведения людей, переселившихся из радиоактивно загрязненных районов. Первое ранговое место в структуре таких переживаний занимает широкая гамма чувств, воспоминаний, тревог, связанных с длительным (а может быть, и навсегда) расставанием с людьми, вместе с которыми прожито много лет. Такие умонастроения и переживания отмечены у 74,7% респондентов, преимущественно у лиц пожилого возраста. Каждый третий из переселенцев (32,2%) характеризуется грустными и тревожными переживаниями, обусловленными расставанием с могилами родных и близких людей. У каждого четвертого (23,3%) выявлены тревожные переживания в связи со значительным, а нередко и коренным (что характерно в первую очередь для лиц, переселившихся из сельской местности в города) изменением привычного образа жизни.

Однако дезадаптационные явления в жизнедеятельности переселенцев обусловлены не только социально-психологическими, но и социально-экономическими факторами. Далеко не всем из них удалось получить работу, аналогичную той, которую они имели до переезда: 38% заявили, что им пришлось сменить специальность, 67% утверждают, что ухудшилось материальное обеспечение семей, 50,9% — возможность пользоваться льготами, 48,6% — оплата труда, 34,9% — медицинское обслуживание, 32,7% — жилищные условия.

Если расшифровать, насколько обосновано мнение переселенцев об ухудшении тех или иных компонентов жизнеобеспечения, то оказывается довольно высоким уровень аргументированности их претензий. Возьмем одну из самых острых для переселенцев проблем — обеспеченность жильем. Повторим, что только третья их часть (32,7%) утверждает, что жилищные условия их после переезда на новое место ухудшились. Ознакомление на месте с жилищной ситуацией убеждает, что дома сданы переселенцам с огромным количеством недоделок, с серьезными упущениями и ошибками в планировке. Это коттеджи и двухэтажные дома в сельской местности и многоэтажные, многоквартирные — в городах.

Конечно, сельчане более охотно переселились бы в коттедж с прилегающими к нему землей и хозяйственными постройками. Это ближе привыкшему к земле, к труду на ней крестьянину, но коттеджей всем не хватает, в них поселяют большие семьи. Но разве тем, кто попал в двухэтажный дом, не нужен свой огорожок под окном? Ведь для большинства людей — это выращивание продуктов питания для собственного потребления. А именно этого и не предусмотрели проектанты. Земля для переселенцев выделяется далеко от места проживания — на расстоянии трех и более километров. То же самое и с сараями, которые построены далеко от дома. Во многих домах, куда переселились люди из загрязненных районов, нет отопления, газ не подведен, в подвалах стоит вода, зато в некоторых квартирах не работает водопровод, и все эти недоделки приходится устранять самим переселенцам, что вызывает их оправданное недовольство.

Получив мизерную компенсацию за оставленное имущество в зоне загрязнения, многие переселенцы после переезда на новое место жительства оказались без средств, на которые можно было бы обустраиваться. Это привело к тому, что в новые квартиры большинство из них привезло всю свою утварь из радиоактивно загрязненной зоны, причем никто и не делал попытки определить степень ее загрязненности радионуклидами. Те же из них, кто домашние вещи не привез, ныне остро нуждаются в самом необходимом — мебели, посуде, холодильнике, телевизоре и т. п. Поэтому большинство из них на вопрос социологов: «В чем Ваша семья нуждается сейчас больше всего?» — неизменно отвечали: «В материальной поддержке».

Многие семьи с детьми живут в стесненных материальных условиях, вследствие чего вынуждены экономить, в том числе и на детях. По собственным оценкам переселенцев, 52,2% из них не в состоянии покупать детям свежие соки, 30% — свежие фрукты, 65,8% — витамины, 63,8% — лекарства, 41,3% — одежду, 44,3% — обувь, 30,1% — детское питание. Еще сложнее материальное положение у переселившихся из загрязненной зоны пенсионеров, инвалидов.

По мнению большинства родителей, после переселения произошло значительное ухудшение практически всех компонентов обучения и воспитания детей. 39,2%

считают, что вопрос об организации полноценного летнего отдыха детей на новом месте решается хуже, чем раньше. 72,4% семей не имеют возможности во время отпуска выехать на отдых или хотя бы вывезти своих детей (67,6%), так как не располагают необходимыми для этого средствами (56,1%), а льготных или бесплатных путевок никто не предлагает (38,5%). Родители обеспокоены тем, что 21,3% детей совсем не проходят медосмотры, 45,3% проходят их редко, а 15,2% родителей, преимущественно отцы, вообще ничего не знают о медосмотрах детей.

Очень важным фактором, оказывающим сильное влияние на формирование личности ребенка, является социально-психологический климат, создаваемый воспитателями, учителями, сверстниками. Около половины (46,3%) переселенцев отмечают, что в школах, детсадах, в компаниях сверстников к их детям относятся дружески, с повышенным вниманием и заботой, 18,9% считают, что преобладает настороженное отношение, 7,8% встревожены холодным и порой враждебным отношением, а 26,8% респондентов не смогли дать однозначную оценку этим фактам. Следует иметь в виду, что настороженное и враждебное отношение местных жителей к взрослым переселенцам выражено менее отчетливо (на 10—8% меньше). Безусловно, здесь сказываются и детский максимализм, и дипломатичность взрослых, и влияние последних на направленность детского восприятия. Характерен в этом смысле очень настораживающий, надемся, единственный, даже, быть может, единственный случай. В одной из Брестских школ перед началом учебного года, рассказывает одна из родительниц-переселенок, собрали всех родителей на собрание, на котором группа местных жителей, поддержанная некоторыми учителями, потребовала, чтобы дети, приехавшие из зоны радиоактивного загрязнения, были отделены от детей, проживающих здесь постоянно. Такой из ряда вон выходящий случай травмирует психику не только взрослых, но и детей, порождает массу дезадаптационных последствий.

Чем же вызвана настороженность местных жителей в отношении переселенцев? По мнению большинства опрошенных (54,2%), здесь сказалась зависть к новоселам, получившим благоустроенное жилье, еще 22% участников опроса полагают, что местные жители относятся к

ним с предубеждением из-за того, что переселенцам оказывают слишком много помощи, а 14,6% убеждены: «Местные жители опасаются, что наше появление здесь создает угрозу их здоровью и особенно здоровью их детей».

И все же нельзя не отметить с удовлетворением, что многие переселенцы, не взирая на значительные трудности и разочарования, сохраняют чувство оптимизма. Каждый четверо из десяти опрошенных (41,3%) надеются на улучшение своей жизни. Причем более оптимистично настроены молодые люди, в том числе молодые семьи с маленькими детьми. Во-первых, среди них почти у всех сформировалось убеждение, что они сделали все необходимое для сохранения здоровья и даже для спасения своих детей. В частности, улучшение здоровья своих детей после переезда на новое место отметили 27,1% родителей. Во-вторых, многие молодые семьи на старом месте не имели своего жилья, чаще всего жили у родителей, после переезда получили отдельные квартиры, что стало важным фактором усиления оптимистических мотивов в мировосприятии. Так, 37,5% опрошенных (а это и есть в большинстве своем молодые семьи) отметили, что с переездом из загрязненной зоны улучшились их жилищные условия. В-третьих, у молодых больше шансов найти работу по душе, поскольку они еще не привязаны жестко к одной профессии и психологически готовы к ее смене, чего нельзя сказать о людях среднего и старшего возраста. К тому же молодежь менее других возрастных когорт подвержена пессимистическому мировосприятию из-за трудностей и невзгод, которые им, как правило, представляются временными и преодолимыми.

Что же следует предпринять в целях оптимизации миграционных процессов и демографической ситуации в районах Беларуси, пострадавших от Чернобыльской катастрофы?

Прежде всего необходимо прекратить обанкротившуюся практику строительства новых домов и поселков, предназначенных для переселенцев из зоны радиоактивного загрязнения, без учета интересов и запросов их потенциальных жителей, ибо такая практика вызывает протест у населения и недоверие к самой программе переселения в ее современном исполнении. Следует иметь в виду, что та часть людей, продолжающих проживать в

загрязненных районах, которая все еще склоняется к решению о переселении в экологически чистые места, в значительной своей массе хотела бы переехать туда, где уже живут уехавшие ранее родственники и соседи, что смогло бы сгладить неизбежный в таком случае психологический дискомфорт от смены места жительства. К тому же многие из них не хотят рисковать с дальним переездом, но охотнее переселились бы в места, не очень отдаленные от родного края, от многих своих родных и близких. Поэтому одним из вариантов решения проблемы отселения из загрязненных районов могло бы стать строительство домов малосемейного типа для пожилых и одиноких переселенцев в районных центрах загрязненной зоны, продолжающих функционировать в качестве таковых. Следует иметь в виду также нарастающий поток возврата переселенцев в ранее покинутые районы. В связи с этим целесообразно в райцентрах предусмотреть создание определенного резерва жилья для этой категории граждан, называемых «возвращенцами».

Во-вторых, в целях оптимизации миграционных потоков пора перейти от массового переселения, доказавшего свою эффективность только на первых этапах развертывания посткатастрофных процессов, к индивидуальному. Нетрудно предположить, что если каждой конкретной семье будет предоставлено право выбора места для строительства дома и даже проекта застройки, которая отнюдь не всегда должна представлять стандартный коттедж из бетона и кирпича, а может быть и простым крестьянским срубом с печью и надворными постройками (а еще лучше, если новый дом будет похож на старый), то желающих переселиться в экологически чистые районы станет гораздо больше. Естественно, такой вариант переселения растянется во времени, но многих переселенцев устроил бы именно он, а это послужило бы гарантом оптимизации переселенческого процесса.

В-третьих, целесообразно в местах компактного переселения людей из радиоактивно загрязненных районов выделять больше средств и уделять больше внимания обеспечению переселенцев рабочими местами, улучшению их социально-бытового обеспечения, включая работу магазинов, больниц, школ, детских дошкольных учреждений, что позволит резко сократить число неудовлетворенных условиями жизни в новых местах и

снизить масштабы нарастающего стремления вернуться в родные места.

В-четвертых, учитывая недостаточную юридическую осведомленность переселенцев о предоставляемых им правах и льготах, целесообразно организовать юридические консултации для них как на местах отселения, так и в новых населенных пунктах, куда они прибывают из радиоактивно загрязненной зоны. Необходимо также издавать юридические справочники специально для выезжающих из зоны радиоактивного загрязнения с разъяснениями их прав и льгот, особенно по имущественным вопросам, компенсационному обеспечению и др.

В-пятых, в связи с высокой неудовлетворенностью переселенцев работой медицинских учреждений в новых местах жительства и существующей опасностью возникновения заболеваний, вызванных длительным нахождением людей в загрязненных радионуклидами зонах, необходимо в первые 2—3 года после их переезда организовать систематический медицинский контроль для взрослых и особенно для детей с целью предупреждения и своевременной диагностики заболеваний, вызываемых радиоактивным облучением.

Думается, что осуществление этих предложений и рекомендаций поможет усилить социальную защиту людей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы не только в местах радиоактивного загрязнения, но и в новых для них регионах Беларуси.

Глава 6

УХУЖДЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РАЙОНАХ БЕЛАРУСИ, ПОДВЕРГШИХСЯ РАДИОАКТИВНОМУ ЗАГРЯЗНЕНИЮ

Чернобыльская катастрофа и вызванные ею посткатастрофные процессы, в том числе усиление миграционной активности наиболее дееспособных возрастных когорт, оказывают существенное деформирующее воздействие на демографическую ситуацию. Так, Гомельская область в докатастрофный период увеличивала численность своего населения как за счет миграции, так и путем естественного прироста. В посткатастрофный же период демографическая активность здесь стала затухать. Отрицательное сальдо миграции составило на первом, посткатастрофном этапе, в 1986—1990 гг., 94,1 тыс. человек, а естественный прирост за то же время оказался меньше, чем в докатастрофное пятилетие, на 17,4 тыс. человек. Особенно возросли темпы сокращения численности сельского населения. Наивысшие темпы этого социально негативного процесса характерны для районов с высоким уровнем радиоактивного загрязнения — Брагинского, Ветковского, Ельского, Кормянского, Хойникского и Чечерского, где более 74% территории относится к зоне жесткого санитарного контроля. Здесь численность населения за межпереписной период 1979—1989 гг. сократилась на 22,4%, в то время как в других районах области она снизилась в пределах 9—13%. Соответственно численность сельского населения в группе перечисленных районов уменьшилась на 35,2%, в то время как в остальных районах она сократилась на 14,5—17%.

Самая высокая интенсивность миграционного оттока населения приходится на районы первоочередного и последующего отселения (со степенью загрязненности территории от 15 Ки/кв. км и выше), где коэффициент интенсивности механического оттока жителей в 1986—1990 гг. составил 140,7%. В районах, где преобладает территория с правом на отселение (со степенью загряз-

ненности 5—15 Ки/кв. км), коэффициент интенсивного механического оттока населения был в два с лишним раза меньше и составил за этот период 59,5%. И даже в тех районах, которые считаются «чистыми» (степень загрязнения менее 1 Ки/кв. км), также преобладает превышение оттока населения над его притоком — здесь коэффициент интенсивности миграционного оттока составил 34,5%.

Повышенная миграционная подвижность населения в наиболее трудоспособном возрасте и понижение уровня рождаемости оказали негативное влияние на изменение возрастной структуры населения, в первую очередь сельского. В результате увеличился удельный вес лиц старших нетрудоспособных возрастов, снизился удельный вес трудоспособных возрастов. Этот процесс в одинаковой мере присущ не только Гомельской, но и Могилевской области, которая за восемь лет, прошедших после Чернобыльской катастрофы, потеряла свыше 70 тыс. сельских жителей, вследствие чего здесь складывается чрезвычайная демографическая ситуация.

Разумеется, процесс демографического угасания в зоне радиоактивного загрязнения вызван не только негативными последствиями Чернобыльской катастрофы, но и другими социально-экономическими факторами, однако радиационная опасность в ряде этих факторов занимает преобладающее положение. Об этом убедительно свидетельствуют статистические данные. В 1986 г. коэффициент рождаемости, измеряемый количеством родившихся в расчете на 1000 человек населения, в Могилевской области составлял 16,8, а в 1990 г. — 13,3 (произошло падение на 3,5 пункта). Если в 1986 г. коэффициент смертности был равен 10,1, то в 1990 г. он возрос до 11,6 (увеличился на полтора пункта). Естественный прирост населения за этот период соответственно снизился с 6,7 до 1,7 (на пять пунктов). Данный процесс продолжается и в настоящее время. Так, число родившихся в январе 1993 г. в Могилевской области уменьшилось в сравнении с январем 1992 г. на 7,3%, а умерших возросло на 3,3%. Вследствие этого начиная с 1992 г. в Могилевской области число умерших превышает количество родившихся, т. е. начался реальный процесс депопуляции.

Рассмотрим особенности чрезвычайной демографической ситуации, сложившейся в зоне радиоактивного за-

грязнения, на примере Быховского района Могилевской области, который является типичным по уровню радиоактивного заражения территории в пределах от 1 до 15 Ки/кв. км. Общая численность населения Быховского района сократилась с 56,4 тыс. человек в 1985 г. до 51,7 в 1992 г. — на 4,7 тыс. за 7 лет. Все эти годы тенденция уменьшения численности населения проявлялась только в сельской местности района, где произошло ее снижение с 37,1 тыс. в 1986 г. до 30,4 тыс. в 1992 г. Противоположная тенденция складывалась в г. Быхове, численность жителей которого возросла за эти годы с 18,2 тыс. до 21,3 тыс., в основном за счет естественного прироста населения, который являлся определяющим фактором по увеличению городского населения и частичному пополнению сельского населения. Однако этот источник в постчернобыльские годы заметно сокращается вследствие того, что произошло снижение рождаемости в городе с 392 чел. в 1986 г. до 234 новорожденных в 1992 г. и в сельской местности с 518 до 297 новорожденных, что составляет 59,7 и 57,3%.

Одновременно в связи с тем, что значительную часть населения составляют люди старшего возраста, резко увеличилась смертность в городе и особенно на селе. В сельской местности, где люди пенсионного возраста (мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет) составляют 42,4% среди всех сельских жителей (13080 и 30859 чел.), в 1992 г. произошло 3/4 смертей (73,5%).

Однако в развитии демографической ситуации в Быховском районе в последнее время проявляется и другая, противоположно направленная тенденция. Ее развертывание обусловлено тем, что за годы, прошедшие после катастрофы, население социально-психологически адаптировалось к существующим условиям жизни, а проблемы экономические, социальные (рост цен, обеспечение продуктами питания, жилье) вытеснили на второй план проблему радиационного заражения. В результате этого, а также неудовлетворенности социально-бытовыми условиями в местах переселения многие семьи, ранее покинувшие Быховский район в связи с Чернобыльской катастрофой, вернулись на прежнее место жительства или хотят сюда вернуться. Например, около 80% работников торфопредприятия, ранее выехавших в различные экологически чистые регионы, вернулись в поселок Гыделево, на территорию радиоактивного заражения 5—

15 Ки/кв. км. Конечно, в первую очередь люди возвращаются в крепкие хозяйства с развитой социальной инфраструктурой.

По-видимому, в ближайшие годы демографическая ситуация в Быховском районе будет улучшаться, так как осуществится смена поколений, за счет этого снизится смертность, произойдет омоложение деревни. Так, на протяжении 1992 г. всего в районе зафиксировано 654 смерти, что по сравнению с 1991 годом (893 смерти) значительно ниже. В городе Быхове за этот период зафиксированы 161 случай смерти и 220 рождений. На селе же пока естественный прирост отсутствует, здесь зафиксировано 493 случая смерти и только 238 рождений. Анализ данных демографической ситуации в сельской местности показывает, что более благоприятная картина складывается там, где развита социальная инфраструктура (производство, жилье, торговля и др.), где уделяется должное внимание человеку, его проблемам со стороны руководства. Так, например, часть территории Верхнетощицкого сельского совета имеет радиацию от 1 до 5 Ки/кв. км, но социальная инфраструктура развита на ней недостаточно и там проживает 70 семей, имеющих 135 детей, то есть по 1,9 ребенка на семью. В другой же части Верхнетощицкого сельсовета, с уровнем радиации от 5 до 15 Ки/кв. км, где социально-бытовые условия лучше, проживает 82 семьи, в которых 182 ребенка (2,2 ребенка на семью), а в д. Красный Берег этого же сельсовета, где созданы хорошие жилищные условия, лучше торговое обслуживание, на одну семью приходится 2,5 ребенка.

Значительно выше, чем в среднем по району, показатели по естественному приросту населения и в д. Обидовичи, где на 112 семей приходится 202 ребенка, причем детей до 6 лет значительно больше, чем в возрастной группе 7—14 и 15—17 лет (96,69 и 37). Конечно, сильных хозяйств, имеющих хорошую базу, развитую транспортную связь, значительно меньше, чем слабых хозяйств. И поднятие их экономического состояния станет в первую очередь залогом успешного решения демографических проблем в сельской местности не только в экологически чистых, но и радиоактивно загрязненных районах.

И все же при сопоставлении масштабов и степени выраженности двух охарактеризованных тенденций в

Таблица 5. Степень готовности женщин в возрасте до 40 лет, проживающих в радиоактивно загрязненных районах Беларуси, к увеличению семьи

Направленность детородной готовности женщины	Доля в %
Хотят увеличения семьи	8,1
Не хотят увеличения семьи	74,8
Не задумывались об этом	17,1

динамике народонаселения в районах радиоактивного загрязнения более устойчивой и сильной оказывается тенденция к депопуляции. Главная причина деформированной конфигурации развития народонаселения в этих районах заключается в следующем. Состояние повышенной тревожности за здоровье детей и их будущее резко снижает уровень деторождаемости, а это создает все более отчетливо выражаемую угрозу депопуляции Могилевщины и Гомельщины. Только 8,1% опрошенных женщин в возрасте до 40 лет выразили в ноябре 1993 г. готовность на увеличение семьи в ближайшей перспективе. Противоположную позицию занимают почти три четверти женщин (74,8%), а около 17% не задумывались над этим вопросом (см. табл. 5). При оценке сложившейся ситуации следует учитывать, что случаи экстрагенитальной патологии у беременных женщин в Могилевской области с 25,8% в 1986 г. возросли до 49,7% в 1993 г.

Какова же мотивация отказа женщин от рождения ребенка? В зоне загрязнения она носит чаще всего «радиоактивно окрашенный» характер. Прежде всего такое нежелание обусловлено нарастающим сомнением в возможности воспитать полноценное в физическом, психическом, социальном смысле потомство. Именно это соображение выступает главным препятствием при осуществлении стремления стать матерью у 42% опрошенных жительниц радиоактивно загрязненных районов. Разумеется, на таких настроениях сказывается не только влияние Чернобыльского стресса, но и общее ухудшение социально-экономического положения, снижение жизненного уровня большинства семей (в Гомельской области, в частности, 72% опрошенных в ноябре 1993 г. относили себя к живущим на грани бедности илч ниже ее); однако недооценивать значимость влияния пост-

катастрофных процессов и мироощущений на ухудшение демографической ситуации было бы неправильно.

При решении вопроса, иметь или не иметь в семье еще одного (двух) ребенка, негативное влияние оказывает и общая неблагоприятная здравоохранительная ситуация, сложившаяся в районах радиоактивного загрязнения, которая особенно болезненно переживается теми людьми, у которых имеются несовершеннолетние дети. Ноябрьский опрос 1993 г. показал, что в Могилевской области не удовлетворены обследованием здоровья молодых матерей и беременных женщин 22% респондентов, контролем за состоянием здоровья детей дошкольного возраста — 34% опрошенных. Такая ситуация, разумеется, никоим образом не может способствовать увеличению рождаемости, а действует в обратном направлении.

Следует иметь в виду и такую особенность. При сопоставлении идеальных представлений опрашиваемых женщин о том, сколько должно быть в семье детей, с реальным их наличием второе число оказывается значительно меньше первого. Так, если считают нормальным для своей семьи двое детей 54,7% опрошенных женщин Могилевской области, то реально имеют в своих семьях такое количество детей только 48,5%, считают желательным иметь в семье троих детей 19,8%, а имеют их в действительности только 9,5%, то есть вдвое меньше. И если сегодня все тревожнее звучат голоса о возможной (а в некоторых районах уже и происходящей) депопуляции в Гомельской и Могилевской областях, то следует иметь в виду, что там вердикт о пресечении новой жизни примерно в четыре раза чаще выносит женщина, чем мужчина.

Что обуславливает более резкое снижение рождаемости в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, по сравнению с более благополучными местностями республики? Причины этого можно сгруппировать в два комплекса. К первому относятся те, которые действуют на всей территории Беларуси, независимо от ее социально-экологического благополучия или неблагополучия. Это прежде всего самый распространенный довод: «Детей в нашей семье достаточно». Такую именно позицию заняли 38,3% опрошенных в ноябре—декабре 1993 г. женщин Могилевской и Гомельской областей. Сюда же добавляется озабоченность ставшими обычными и по-

вседневными для многих нарастающими материальными трудностями, о чем заявили 26,8% респондентов. К этой же категории факторов следует отнести суждение о том, что некому помочь растить ребенка, поскольку оба родителя работают, а обеспеченность детскими дошкольными учреждениями остается в большинстве районов неудовлетворительной.

Но есть и причины, препятствующие рождению детей, специфические для зоны радиоактивного загрязнения. Наиболее негативно действующая из них — отсутствие уверенности, что ребенок будет здоровым. Именно эта причина сдерживает стремление к увеличению семьи у каждого пятого из опрошенных мужчин и каждой третьей из женщин. Причем значительное влияние оказывает и степень радиоактивного загрязнения местности. Так, например, в сильной степени загрязненном Костюковичском районе, число родителей, выражающих сомнение в том, что родившийся у них ребенок будет здоровым, на 13% выше, чем в менее загрязненном Чаусском. Сильно влияет на снижение желания женщины обзавестись ребенком вполне естественный в таких условиях страх, что может резко ухудшиться здоровье матери. Здесь также сказывается степень реальной радиоактивной опасности. В том же Костюковичском районе данная причина выступает сдерживающим фактором для потенциальных родителей в 4,5 раза чаще, чем в Быховском.

Рождаемость, как и смертность, — это очень чувствительный индикатор социального тонуса общественного организма, достаточно точно отражающий динамику его экономического, социально-психологического, духовно-нравственного развития. Если в обществе преобладают негативные, кризисные тенденции, а это типичная особенность посткатастрофного этапа общественного развития, то рождаемость снижается, а смертность возрастает. В той же Могилевской области число родившихся в январе 1993 г. составило 1224 человека, что меньше на 96 человек, чем в январе 1992 г., число же умерших в том же месяце достигло 1510 человек, а это больше, чем в январе 1992 г., на 48 человек. Казалось бы, цифры превышения смертности над рождаемостью не так уж велики, но если их экстраполировать на более длительный временной интервал, скажем, на год, то величины станут вызывающими тревогу по поводу того, что Могилевская

область (как, впрочем, и Гомельская) находится на пороге демографического угасания. Поэтому так необходим комплекс экономических и социально-психологических мер, направленных на усиление охраны материнства и детства, на возрождение культа семьи, который может стать мощным средством спасения нас от духовного оскудения и физического вымирания.

В столь сложной и зависящей от множества различных экономических, социальных, психологических, этнических, бытовых и иных факторов сфере, каковой являются рождаемость и влияние на этот процесс со стороны общества, делать прогнозы и формулировать рекомендации, особенно конкретного характера,— дело очень трудное и неблагодарное. Поэтому ограничимся в заключении этой главы только одной рекомендацией, носящей в силу сказанного довольно общий характер. Думается, что парламент и правительство республики должны с привлечением специалистов различного профиля—демографов, медиков, психологов, социологов, экономистов и т. п. разработать и законодательно закрепить комплекс социально-защитных мер, направленных на улучшение материально-бытового положения женщин, охрану материнства и детства, увеличение рождаемости. Принятый и введенный в действие в октябре 1992 г. Закон Республики Беларусь о государственной помощи семьям, воспитывающим детей, решил далеко не все вопросы охраны материнства и детства в республике. Ухудшающаяся демографическая ситуация в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, ставит в повестку дня в качестве актуальнейшей задачи разработку и практическое применение нормативных актов, создающих правовое и социально-экономическое пространство, способствующее оптимизации и стабилизации демографической ситуации в районах, непосредственно примыкающих к зоне радиологического бедствия. Без этого не удастся решить и более общую проблему стабилизации демографических процессов на территории всей Беларуси.

Глава 7

ТРУДНОСТИ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СМЯГЧЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Крупномасштабный характер Чернобыльской катастрофы и ее неисчислимых негативных последствий резко актуализировал проблему управления в экстремальных ситуациях. Сложная по своим функциям, целям, структуре управленческая деятельность, представляющая собой целенаправленный процесс планирования, организации и контроля, ориентированный на достижение определенного эффекта, многократно усложняется в условиях возникновения чрезвычайной ситуации. Это обусловлено специфическими особенностями чрезвычайной ситуации, которую обычно определяют как внешне неожиданную, внезапно возникающую обстановку, характеризующуюся неопределенностью и сложностью принятия решений, остроконфликтностью и стрессовым состоянием населения, значительным социально-экологическим и экономическим ущербом, прежде всего человеческими жертвами, и вследствие этого необходимостью крупных людских, материальных и временных затрат на проведение эвакуационно-спасательных работ и ликвидацию многообразных негативных последствий [5, 21].

Все эти особенности чрезвычайной ситуации в резко обостренном и многократно усиленном виде проявились как в самой Чернобыльской катастрофе, так и в порожденных ею многочисленных социально и экологически негативных последствиях. Чрезвычайный характер радиологической опасности и громадного риска, вызванного этой катастрофой, не только для огромного количества людей, исчисляемых миллионами, но и для окружающей социально-экологической среды потребовал и чрезвычайного напряжения сил, средств, умений для смягчения ее последствий. Фактически пришлось критически пересматривать все прежде сложившиеся представления о всех аспектах управленческой деятельности — эконо-

мическом, политическом, социально-психологическом, но прежде всего об организационном, что обусловлено неопределенностью ситуации, сложностью принятия неординарных решений, необходимостью привлечения большого числа разных организаций и специалистов, разнопорядковостью последствий принимаемых решений. К тому же следует учесть, что в условиях строжайшей секретности, упорного и длительного сокрытия правды о подлинных масштабах и возможных последствиях бедствия управленческая деятельность в чрезвычайной и без того посткатастрофной ситуации еще более усложнилась.

В таких условиях требовалось широкое применение системного подхода и всестороннего учета всего многообразия возникших факторов риска, а как раз этого-то и не могло быть в условиях всеохватывающего господства административно-командной системы, верхние эшелоны которой, сосредоточенные в начальный период развития посткатастрофных событий в рамках бывшего Политбюро ЦК КПСС, стремились всячески преуменьшить подлинные масштабы трагедии, скрыть не только от своего народа (да и от большинства управленческих структур), а также от мировой общественности как истинную сущность случившегося, так и возможные негативные последствия его. В итоге самого необходимого для смягчения негативных последствий крупномасштабной ядерной катастрофы — интегрированного управления чрезвычайной ситуацией — не получилось. Не оказалось такого управления ни на первом поставарийном этапе, ни на последующих этапах посткатастрофных процессов. Судя по всему, только по прошествии семи лет после катастрофы предпринимаются первые шаги для формирования именно такой интегрированной системы управления чрезвычайной ситуацией, сложившейся на обширных территориях в результате Чернобыльской ядерной катастрофы.

Разумеется, на различных этапах посткатастрофного развития осуществлялись различные стратегии в организации и осуществлении управленческой деятельности. На первом послеаварийном этапе, который начался с момента взрыва ночью 26 апреля 1986 г. и продолжался примерно до середины мая того же года, принимались преимущественно оперативные управленческие решения, связанные главным образом с эвакуацией людей и дез-

активацией загрязненной в радиоактивном отношении местности. Эти решения вырабатывались и осуществлялись наспех, без четкой стратегической линии, при жесткой информационной блокаде, носили, как правило, авральный характер.

Второй этап был более длительным в хронологическом плане и продолжался с середины мая 1986 г. до апреля 1990 г. В управленческом отношении он характеризуется выработкой некоторых перспективных целей, высокой концентрацией людских, финансовых, материально-технических ресурсов, использованием более эффективной информации, формированием в начале периода специальных органов управления в чрезвычайных ситуациях. В это время разрабатывается государственная программа ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (правда, официально ее еще продолжают именовать аварией). Происходит смещение акцента на обеспечение безопасности населения, активная эвакуация людей, пострадавших от радиационного воздействия. Уточняются масштабы катастрофы и распространимость ее негативных влияний на среду жизнедеятельности людей, создаются специализированные карты, причем впервые они становятся достоянием общественности, приводя многих людей в шоковое состояние. Происходящие в конце этого этапа выборы в Советы народных депутатов всех уровней подхлестывают немалое количество людей, в том числе и не имеющих отношения к ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, использовать ее тематику в политических целях.

Третий этап продолжается недолго: с апреля 1990 до конца 1991 г. В это время разрабатываются, принимаются и начинают осуществляться государственные целевые комплексные программы преодоления последствий Чернобыльской катастрофы с привлечением значительных научных, финансовых, кадровых, материально-технических возможностей существовавшего еще тогда Союза ССР. Верховный Совет Беларуси в феврале 1991 г. принимает Закон «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС». Утверждаются концепция проживания населения в районах, пострадавших от этой катастрофы, и рекомендации для населения Беларуси, проживающего на загрязненной радионуклидами территории. (Заметим в скобках, что все эти и другие, связанные с ними норма-

тивные документы и управленческие решения принимаются с опозданием в пять лет!)

Четвертый этап начинается с декабря 1991 г., когда происходит распад Советского Союза, на его развалинах формируются независимые суверенные государства, в том числе Республика Беларусь, и продолжается до настоящего времени [6, 8]. На этом этапе резко сужаются возможности финансового и материально-технического обеспечения программ по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, а население Беларуси, ее руководящие органы и управленческие структуры остаются наедине с колоссальными негативными последствиями этой катастрофы, превратившейся в национальное бедствие белорусского народа.

По мере перехода от одного этапа развития пост-катастрофных процессов к другому происходит существенная корректировка управленческих решений и действий по смягчению последствий катастрофы, но все же основные параметры их остаются инвариантными. Приоритетное место на всех этапах занимает забота о радиологической безопасности людей, сохранении их здоровья и жизни, оказание всесторонней помощи лицам, пострадавшим от радиологического воздействия.

Разумеется, каждый из названных этапов при общности основного направления управленческой деятельности, связанного с обеспечением безопасности людей, обладает и своими специфическими характеристиками. Наибольшее количество принципиальных ошибок и упущений в управленческой деятельности было совершено в первый, самый трудный период развертывания пост-аварийных событий. Самая серьезная и принципиальная из них — неверное определение стратегической линии в принятии оперативных управленческих решений. Основной акцент был сделан на выяснении произошедшей трагедии на самой атомной станции без учета (к тому времени из-за отсутствия надлежащей информации едва ли возможного) огромной, по существу трансграничной распространенности отрицательных последствий катастрофы на обширные территории и таящейся здесь опасности для сотен тысяч и миллионов людей, проживающих на этих территориях.

Трагический опыт Чернобыля и вызванных им пост-катастрофных процессов убеждает, что в случае крупной ядерной катастрофы, ставшей фактически радио-социо-

экологической, не должно быть точечного варианта управленческих решений, стянутых, как в фокусе, в эпицентр произошедших катастрофических событий. Поскольку такая катастрофа и ее последствия носят трансграничный характер, вызванные ими процессы охватывают огромные территории с многомиллионным населением, постольку управленческие действия по минимизации негативных последствий катастрофы могут быть эффективными только при учете не столько общих тенденций, но прежде всего конкретных обстоятельств функционирования местной социо-экологической среды и проживающих в ней социальных общностей. Конечно, для таких действий, приводящих к успешному достижению намеченных целей, необходимы и знания, и опыт, и достаточно развитая материально-техническая база. Но как раз всего этого в начальный поставарийный период и не было у тех управленческих структур, которым пришлось включиться в деятельность по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы.

Неоднократные интервью, беседы с теми людьми, которые в первые дни и месяцы после Чернобыльского ядерного взрыва разрабатывали и осуществляли непривычные и трудные для них управленческие решения, убеждают в том, что они столкнулись и с дефицитом знаний, и с дефицитом необходимой приборной базы, и с ограниченностью кадровых, финансовых, материально-технических ресурсов, и с отсутствием какого-бы то ни было опыта в оценке реальной опасности радиационных факторов. Именно этим объясняется превалировавший на первых порах дилетантский уровень как понимания сложившегося, так и управленческих усилий по исправлению сложной, непривычной и опасной ситуации. В результате произошла общая недооценка реальной опасности возникшей экстремальной ситуации, ее возможных последствий. В частности, не были введены специальные режимы поведения людей в зоне радиоактивного загрязнения, не определены реальные масштабы необходимого отселения, не проведена массовая профилактика против воздействия на организм, особенно детский, радиоактивного йода, чинились препятствия вплоть до исключения из партии и снятия с работы инициаторам стихийной эвакуации. Более того, местные органы власти в угоду ложно понятому мужеству и недопущению паники нередко поощряли действия, обратные тем, ко-

торые диктовались реально сложившейся радиационно опасной обстановкой.

С первых же часов и дней после ядерного взрыва на Чернобыльской АЭС проявилась общая неподготовленность управленческих структур всех уровней к активным, целенаправленным и, главное, к эффективным действиям в чрезвычайной ситуации. Об уровне компетентности, вернее, об отсутствии ее, свидетельствует, в частности, формулировка задачи, поставленная перед местными органами власти 11 мая 1986 г. на совещании у тогдашнего Председателя Совета Министров Беларуси М. В. Ковалева, которая предписывала немедленно приступить к устройству асфальтобетонных и цементобетонных покрытий на улицах и проездах в городах Брагин, Хойники и Наровле, сельских населенных пунктах, расположенных в 30-километровой зоне от атомной электростанции. Но ведь фактически это указание ориентировало управленческие кадры на проведение работ в тех местностях, большинство из которых было отнесено к категории обязательного и первоочередного отселения людей. Еще более головоотяпским (правда, с учетом нынешнего понимания ситуации) представляется выработанное 19 мая 1986 г. совещанием у заместителя Председателя Совмина Республики А. А. Петрова указание местным управленческим структурам «осуществить программу проведения эксперимента по выполнению основных видов сельскохозяйственных работ в 30-километровой зоне эвакуации населения».

Такого рода указания и распоряжения дезориентировали местные управленческие кадры, вносили сумятицу и неразбериху в достаточно сумбурные и без таких директив действия по смягчению последствий ядерной катастрофы.

Сама же тональность и направленность подобных указаний порождала у управленческих кадров представление об отсутствии серьезной и долговременной радиационной опасности во многих районах, где она в действительности существовала, резко снижая тем самым их активность, а главное, результативность в преодолении негативных последствий катастрофы, в инициировании и ускорении практического решения самой важной и неотложной задачи — отселение людей из радиоактивно опасной зоны. Вследствие такой ориентации многие жилые дома для переселенцев были построены в тех местах,

в которых уровень радиационного загрязнения местности оказался также значительно выше нормального, фонового для этих территорий. И поныне вдоль многих дорог в Гомельской и Могилевской областях, особенно вблизи злополучной 30-километровой зоны, приходится встречаться с пустующими домами и поселками, которые стоят (там, где еще не все сумели растащить) неммым укором некомпетентности лиц, принимавших ответственные решения в нестандартных ситуациях, возникших под воздействием Чернобыльской катастрофы.

В принятии решений по минимизации последствий катастрофы многие местные управленческие кадры, привыкшие все делать по указке сверху, медлили и осторожничали там, где этого делать было нельзя. В соответствии с многолетней практикой административно-командного управления местные органы власти ждали по всем вопросам руководящих указаний и директив с верхних этажей иерархической властной структуры. Даже руководящие партийные и советские органы республиканского уровня как на Украине, так и в Беларуси, привыкнув быть мальчиками на побегушках у всевластного Московского центра, не проявляли столь необходимой в таких случаях инициативы, предприимчивости и решительности. В том же русле, но с еще большей опаской и оглядкой действовали областные, городские, районные руководители. В результате терялось драгоценное время, почти все делалось с большим опозданием, а это неотвратимо ухудшало обстановку, расширяло масштабы радиационной опасности. На действиях управленческих структур губительно сказывалось отсутствие полной, достоверной и оперативной информации, которая тщательно утаивалась центром, как бы подталкивающим республиканские и местные органы власти к бездействию.

Трагические последствия Чернобыльской катастрофы еще более усугублялись отсутствием единой стратегической линии в осуществлении работ по минимизации потерь. Практически из центра на места поступали установки, нередко взаимоисключающие друг друга. С одной стороны, выдвигались вполне обоснованные и действительно необходимые в чрезвычайной ситуации цели управленческой деятельности. К их числу, несомненно, относились директивы, ориентирующие местные органы власти на обеспечение безопасности населения, его эва-

куацию и организацию нормальной жизнедеятельности в новых районах. Столь же необходимым и обоснованным было требование активно выполнять необходимые послеаварийные работы по локализации катастрофы, обеспечив их безопасное проведение. Однако в полном противоречии с этими правильно избранными целями управленческой деятельности находились столь же властно требуемые к исполнению указания о том, чтобы в областях и районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, любой ценой и в полном объеме сохранить выполнение заданий по продовольственной программе, невзирая на масштабы поражения. Это кощунственное требование подталкивало местные органы на дезинформацию, на сдерживание эвакуационных работ, на другие действия, резко осложняющие радиационную ситуацию, способствующие ее фактическому распространению на более обширные территории.

Отсутствие хорошо продуманной, научно обоснованной стратегии управленческих действий в экстремальной постъядерной ситуации привело еще к одной огромной, дающей себя знать до сих пор ошибке — осуществлять эвакуацию населения в районы, непосредственно примыкающие к зонам, где невозможно проживание. До сих пор в этих районах стоят неосвоенными многие дома и целые поселки, куда не переехал ни один переселенец, а миллиарды рублей оказались выброшенными на ветер. До сих пор многие люди, переселившиеся из радиоактивно опасной зоны в такие районы, жалеют о необдуманности такой акции и мечтают либо перебраться в другое место, либо вернуться к старым, оставленным под давлением властей очагам.

Неподготовленность к работе в чрезвычайных ситуациях соседствовала, а то и взаимопереплеталась с психологически неграмотными действиями многих руководителей местного масштаба, которые в духе старых большевистских традиций стремились сами и призывали других (чаще, конечно, других) проявить личный и никому не нужный в таких случаях героизм, всячески сбить тревожность, предотвратить панику и т. п. В данном случае господствовала психология, предписывающая поведение по аналогии с другими чрезвычайными обстоятельствами: в военной обстановке, во время пожара, когда враг был виден, осязаем, а угроза — совершенно ясной. Но ядерный взрыв, не имеющий аналогов в исто-

рии человечества, где опасность была неявной, неосознаваемой, невидимой, а оттого еще более грозной, не допускал подобных аналогий, более того, делал их абсурдными. Тем не менее срабатывали стереотипы, возведенные в ранг непререкаемой идеологической догмы, а это наносило колоссальный ущерб делу, резко снижало эффективность управленческих решений и действий, давая нередко обратный желаемому результат.

Необходимо признать, что на первых этапах развития постчернобыльской драмы были допущены серьезные упущения в научном обосновании управленческих действий. В качестве консультантов, экспертов, советников приглашались преимущественно ученые, имевшие опыт работы с ядерным оружием, главным образом физики-ядерщики. Между тем опасные для здоровья и жизни людей, особенно детей, радиационные воздействия на щитовидную железу, на сердечно-сосудистую систему, другие органы, сопровождаемые стрессами, фобиями, паникой, усиливающимися от незнания реальной ситуации и подлинных размеров опасности, требовали оперативного вмешательства медиков, биологов, консультаций психологов, психотерапевтов, социологов, которые были привлечены к этой работе несвоевременно, с большим опозданием. Здесь опять-таки сработал разумный с точки зрения здравого смысла, но абсолютно неприемлемый в чрезвычайной ситуации крупномасштабной ядерной катастрофы принцип принятия управленческих решений на основе поверхностных аналогий.

Нельзя недооценивать и крепко державшиеся еще тогда, в 1986—1987 гг., в головах большинства управленческих кадров идеологические догматы нивелирования личности, подгонки индивидуальности под интересы коллектива, общества, побуждающие за общими задачами не замечать индивидуальных личностных различий, стремлений, тревог, играющих в экстремальных ситуациях едва ли не главную роль.

Мы так подробно анализируем принципиальные ошибки и недостатки управленческой деятельности в регионах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, на первом, самом трудном этапе развития событий, потому что многие последствия непродуманных и объективно вредных действий (таких, в частности, как сверхсекретность, сокрытие истинной информации о размерах бедствия и степени реального риска для людей, проживаю-

щих в загрязненной зоне, фальсификаторское по существу указание, идущее от центральных органов власти, всячески приуменьшать размеры и последствия бедствия) сказываются негативно на решении трудных проблем постчернобыльского развития пострадавших территорий вплоть до сегодняшнего дня.

Конечно, неверно было бы все рисовать в черных красках. Усилиями многих руководителей разного ранга оперативно, в кратчайшие сроки была развернута крупномасштабная работа, направленная на минимизацию негативных последствий катастрофы по всем направлениям. Сразу же началась эвакуация людей из зоны наибольшего поражения; развернуты работы по дезактивации местности, мобилизованы войсковые части и органы внутренних дел, привлечено большое количество специалистов, организована система радиационного контроля, утилизация зараженного скота и т. п. И все это было сделано обычным управленческим персоналом, который не был подготовлен к действиям в чрезвычайных ситуациях ни в отношении знаний или опыта, ни морально, ни физически. Проводившиеся же в докатастрофный период с большим привлечением руководителей разного ранга и на всех уровнях, вплоть до республиканского, переподготовка и показательные учения в системе гражданской обороны показали полную свою несостоятельность и неэффективность. Приходилось больше полагаться на интуицию, на знание обстановки и конкретных людей, и те руководители, которые активно использовали все это, а не ограничивались ожиданием указаний сверху и их бездумным выполнением, внесли наиболее ощутимый вклад в решение сложных, трудных, необычных задач управления экстремальной ситуацией. Позитивный опыт организованной и достаточно эффективной управленческой деятельности на первом, самом трудном этапе развития посткатастрофных процессов был приобретен и использован управленческими кадрами районного звена в Брагинском, Ветковском, Костюковичском, Краснопольском, Наровлянском, Хойникском районах. Здесь наряду с активной работой по дезактивации местности основные усилия управленческого персонала направлялись в то время на обеспечение организованного отселения людей из мест наибольшего радиоактивного загрязнения. В результате уже к концу 1990 г. из радиоактивно загрязненных районов Беларуси

в экологически чистые местности было переселено свыше 30 тысяч семей.

К сожалению, никаких социологических и социально-психологических исследований в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, на первом поставарийном этапе не проводилось, а специалисты соответствующих профилей туда просто не допускались: сказывалась боязнь появления и распространения «ненужной» информации. Поэтому никакими социологическими данными относительно восприятия различными группами населения радиационного риска в отличие от германских, финских и других западноевропейских коллег мы не располагаем. Только к концу второго этапа развития постчернобыльских процессов в отдельных районах Гомельской и Могилевской областей, равно как и в сопредельных областях России и Украины, стали проводиться в местах радиоактивного загрязнения первые социологические исследования. Первые социологические и социально-психологические исследования в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, белорусскими специалистами были проведены в Гомельской и Могилевской областях в первой половине 1989 г. (в соседней Брянской области России подобного рода исследования начались еще позднее — в июле 1991 г.) [8, 11].

Социологические исследования, проведенные в радиоактивно загрязненных районах Беларуси на первом этапе развертывания посткатастрофных процессов, показали, что тогда главной заботой управленческих структур в этих районах являлась проблема переселения людей в экологически чистые места. И это вполне объяснимо: из 202 человек (70 проживающих в райцентре и 132 — в сельской местности), опрошенных сотрудниками Института социологии АН Беларуси в Краснопольском районе Могилевской области весной 1989 г., 82,7% категорично были ориентированы на переезд, 16,5% не определили еще тогда своих позиций в этом вопросе, но только 1,8% твердо решили оставаться жить на загрязненной территории. Основными мотивами миграционных устремлений тогда выступали: на первом месте — беспокойство за состояние здоровья своих детей (65,3%), на втором — опасения за собственное здоровье (55,9%), на третьем — отсутствие надлежащей заботы о пострадавших со стороны государственных и местных органов власти (23,7%), на четвертом — неудовлетворительная соци-

ально-психологическая обстановка (19,3%). Сумма процентов в данном случае больше 100, так как респонденты могли сослаться на два-три фактора, побуждающих их мигрировать в экологически чистые районы или оставаться проживать на прежнем месте.

Миграционные устремления, составлявшие в ту пору основное направление смысложизненных ориентаций большинства населения пострадавших районов и соответственно главную заботу управленческих структур, оказывали мощное воздействие на все стороны образа жизни на загрязненных территориях. При этом им приходилось учитывать существенную дифференциацию в ориентациях различных социально-демографических групп. Если в возрастной когорте сорока-пятидесятилетних тогда считали невозможным для себя проживание на загрязненной радионуклидами территории 73,3%, то в возрасте 60 лет доля лиц с такими представлениями существенно снижалась, едва достигая половины респондентов. Наиболее же активно включились в миграционные потоки люди самых трудоспособных возрастов и более высокой квалификационно-профессиональной подготовки. В результате в том же Краснопольском районе в 1989 г. не было бухгалтеров в половине из 14 хозяйств, а всего их недоставало 27 человек, не хватало 9 зоотехников, 14 инженеров. Еще хуже была обеспеченность хозяйств механизаторами — имелись 372 соответствующие вакансии, животноводов — 216 вакансий и др. Управленческим структурам пришлось столкнуться не только с дефицитом кадров, в первую очередь квалифицированных, в сфере материального производства, но и в таких важных с точки зрения нормального жизнеобеспечения населения сферах, как здравоохранение и образование.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в Кормяном районе Гомельской области. Если в 1987 г. из района выехало в другие регионы 420 человек, то в 1989 г. — 686, причем в основном это специалисты сельского хозяйства, учителя, врачи, механизаторы и др. квалифицированные работники. В итоге в районе по состоянию на конец 1989 г. не хватало 29 главных специалистов, 97 специалистов среднего звена, 62 учителя, 127 трактористов и механизаторов, 205 квалифицированных животноводов [1, ч. 3, 55].

В сложившихся условиях управленческие кадры бы-

ли вынуждены огромную часть усилий затрачивать на замещение постоянно открывающихся вакансий, замещая их зачастую не в полной мере подготовленными людьми. Это в значительной мере снижало эффективность труда, вызвало массу нареканий среди работников, еще более подхлестывая миграционные настроения среди последних. В обоих названных районах — Краснопольском и Кормянском — в 1989 г. 63—64% опрошенных оценивали условия труда как неудовлетворительные, особо подчеркивая их значительное ухудшение в постчернобыльский период.

Еще один острый вопрос, с которым на практике пришлось столкнуться управленческим кадрам в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, стала компенсация переселенцам за оставляемые на загрязненных территориях дома и приусадебные хозяйства. В Краснопольском районе в 1989 г. эта проблема вызвала серьезное беспокойство и породила множество нареканий у 46,5% опрошенных. Много проблем у властных структур возникало также в связи с необходимостью регулярного проведения профилактических медицинских осмотров детей и взрослых, обеспечения населения загрязненных районов экологически чистыми продуктами, организации оздоровительных мероприятий и т. п. И все эти вопросы приходилось решать оперативно, нередко при отсутствии необходимого количества специалистов научной квалификации. А это порождало немало просчетов и ошибок, что в свою очередь усиливало социальную напряженность в районах, пострадавших от катастрофы, способствовало формированию негативного отношения к властным структурам.

Значительную лепту в создание социальной напряженности в связи с проблемами, связанными с ликвидацией последствий Чернобыльской катастрофы, внесли непродуманные, ориентированные только на обеспечение местных интересов действия многих руководителей областного и особенно районного масштаба в тех местностях, куда осуществлялось переселение людей из радиоактивно загрязненной зоны. Значительная часть руководителей районного масштаба, в первую очередь в Витебской и Минской областях, за счет приема переселенцев из загрязненных радионуклидами районов стремились решать только вопросы обеспечения трудовыми ресурсами своих отраслей народного хозяйства, не создавали пре-

имущественных условий семьям, выезжающим из зоны бедствия по обязательному отселению. Кроме того, в специально строившихся для переселенцев поселках, других населенных пунктах, включая такие крупные города, как Минск, Витебск, Бобруйск, для семей, переселившихся из загрязненных радионуклидами районов, не создавались надлежащие социально-бытовые условия, далеко не все переселенцы обеспечивались работой по специальности, было плохо организовано их медицинское и торговое обслуживание. Кстати сказать, эти недостатки в организации жизнеобеспечения переселенцев сохраняются во многих населенных пунктах и в настоящее время, что значительно усиливает стремление многих выходцев из районов радиоактивного загрязнения вернуться на прежнее место жительства. (Соответствующие цифровые материалы изложены в предыдущем разделе.)

При общей направленности проблем, возникающих перед управленческими структурами на различных этапах постчернобыльского развития общества, каждый из этих этапов имеет все-таки некую специфическую «звездку» для управленческих действий. В частности, на современном этапе, который начался с развалом Союза ССР и образованием на его территории самостоятельных независимых государств, едва ли не главным камнем преткновения для органов управления стала все более обостряющаяся нехватка материально-технических и финансовых средств, необходимых для минимизации негативных последствий Чернобыльской катастрофы. На продолжавшемся четыре дня — 11, 12, 18 и 19 марта 1993 г. — заседании Комиссии Верховного Совета Республики Беларусь по проблемам Чернобыльской катастрофы стало ясно, что именно проблема финансового и материально-технического обеспечения работ по ликвидации последствий радиоактивного загрязнения стала в современных условиях основной «болевым точкой» для местных органов власти — областных, районных и городских. На выездном заседании этой комиссии в г. Гомеле отмечалось, в частности, что на строительство и благоустройство новых поселков для переселенцев выделено 15 млрд руб. Чтобы завершить программу за четыре предстоящих года, выделенные средства (разумеется, в ценах марта 1993 г.) необходимо удвоить, а если этого не сделать, то придется дома и поселки для

переселенцев обустроить 8—10 лет и эта программа выйдет за пределы 2000 года, чего допускать нельзя.

Оставшись один на один с Чернобыльской бедой, Беларусь оказывается не в состоянии выделить необходимые средства на преодоление последствий этой катастрофы. В таких условиях управленческая деятельность, связанная с минимизацией последствий столь трагического феномена, становится чрезвычайно проблемонасыщенной.

Одна из специфических социально-психологических проблем, возникших в последние два-три года перед властными структурами в регионах, пострадавших от радиоактивного загрязнения, состоит в нарастании двух противоположно направленных тенденций. Этот процесс ведет, с одной стороны, к усилению сплоченности людей, объединенных чувством общности беды, а с другой — к возрастанию социально-психологической напряженности, влекущей за собой усиление конфликтогенности житейских ситуаций. Причем эти две тенденции проявляются по-разному в горизонтальном (отношения в семье, с соседями, товарищами по работе или учебе) и вертикальном направлении (отношения с властями). В первом из названных направлений процессы усиления сплоченности людей практически уравниваются с процессами их разобщенности. Так, например, 26,8% опрошенных утверждают, что продолжающееся негативное воздействие Чернобыльской катастрофы и ее последствий привело к усилению взаимопомощи и к гораздо большей сплоченности членов семьи, но в то же время 22,4% респондентов обеспокоены тем, что деструктивное влияние посткатастрофных процессов отрицательно сказывается и на внутрисемейных отношениях, приводит к возникновению конфликтов между родителями и детьми, а 15,7% признают влияние этих процессов на возникновение отчужденности от соседей.

Какие же факторы усиливают сплоченность, а какие, напротив, ведут к конфликтам в межличностных и межгрупповых отношениях? Исследование показало: сплочивает людей тревога за здоровье детей, за их будущее как полноценных граждан, способных получить хорошее образование, достойно устроиться в жизни, создать нормальную семью. Однако такой мотив, как забота о детском питании, чистом от радионуклидов, отметили респонденты, прежде всего матери в возрасте до 30 лет

(62%), скорее разъединяет людей, ведет к конфликтным ситуациям, что связано с недостаточной обеспеченностью населения чистыми продуктами питания.

Совершенно иная ситуация складывается во взаимоотношениях людей по вертикальной линии: население—власть. Если в отношениях их по горизонтали устанавливается равнодействующая между конфликтностью и сплоченностью, причем тенденция к сплоченности преобладает, то во втором случае сплоченность неуклонно снижается, а напряженность и конфликтность возрастают. Если ухудшение отношения граждан в районах радиоактивного загрязнения в Гомельской и Могилевской областях к органам власти в посткатастрофный период в ноябре 1991 г. было зафиксировано у 33,6% опрошенных, то в ноябре 1994 г. отмечено ухудшение отношения к властям уже у 51% респондентов. Таким образом, напряженность в отношениях между людьми по вертикали здесь почти на 17 пунктов превышает степень напряженности между ними по горизонтали, выражающейся в межличностных конфликтах.

На ухудшение отношения значительных масс населения пострадавших районов к властям оказывают воздействие несколько взаимосвязанных факторов. Первый из них заключается в том, что предоставленные в соответствии с Законом «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС» льготы, по мнению 69,4% респондентов, недостаточны, а еще 21,2% опрошенных убеждены, что льготы не решают возникших проблем, людей необходимо скорее отселить или создавать им лучшие условия жизни и труда.

Вторым фактором, осложняющим отношения населения с органами власти, является ощущаемое и до сих пор отсутствующее в районах радиоактивного загрязнения полной и объективной информации о состоянии окружающей среды. Достаточно сказать, что почти три четверти опрошенных (73,5%) считают, что продолжается утаивание всей правды о Чернобыльской катастрофе и ее последствиях.

Нельзя недооценивать отрицательное влияние на отношение населения к властям и довольно широко распространенного в общественном сознании, нередко вполне обоснованного представления о бесконтрольности и неэффективном использовании средств, выделяемых на преодоление последствий катастрофы. Большинство

респондентов — 68% — разделяют именно такую точку зрения.

Не следует недооценивать и негативного влияния на рассматриваемые отношения многоходовой либерализации цен, которая резко усилила недовольство значительных масс населения деятельностью как органов власти, так и организаций торговли. Негативное отношение к последним высказывает 47,3% опрошенных как в Гомельской, так и в Могилевской областях, а такая направленность оценок довольно ощутимо бьет и по авторитету органов власти [1, ч. 3, 19—20].

В результате взаимодействия названных факторов количество опрошенных, отмечающих улучшение отношений к органам власти в зоне радиоактивного загрязнения, составляет всего 2%, а численность людей, которые говорят об ухудшении отношения с представителями властных структур, превосходит это число почти в 19 раз, составляя 38% от общего числа респондентов, тогда как 34% опрошенных констатируют отсутствие изменений отношения к органам власти, а примерно каждый пятый уклонился от ответа на данный вопрос.

Падение авторитета местных и республиканских органов власти, ухудшение отношения третьей части населения к ним усиливает социальную напряженность в районах радиоактивного загрязнения, придает ей в ряде случаев антивластную направленность. В условиях вероятного дальнейшего снижения жизненного уровня, обусловленного безостановочным ростом цен, такая ситуация способна обернуться непредвиденными, в том числе и деструктивными, действиями людей, ощущающих себя заложниками Чернобыльской трагедии, не получающих со стороны властей необходимой социальной защиты от радиоактивной опасности.

Важнейшей проблемой, которую приходится решать в условиях посткатастрофного развития общества, является создание нормативной базы, обеспечивающей в правовом отношении эффективность управленческих действий по ликвидации негативных последствий катастрофы. В общественном мнении большинства населения, проживающего в районах радиоактивного загрязнения, преобладает убеждение, что нормативная база разносторонней деятельности по преодолению последствий Чернобыльской катастрофы слаба, а деятельность управленческих структур по оказанию помощи лицам,

пострадавшим от радиационного воздействия, малоэффективна.

Сопоставление мнений рядовых граждан и работников управленческих структур показывает, что представления населения пострадавших районов о последствиях катастрофы и эффективности мер по ликвидации ее последствий существенно отличаются от официально существующих оценок, связанных с определенным степенью загрязнения территории, установлением льгот и компенсаций, проведением мероприятий по ликвидации последствий катастрофы, социальной защите пострадавших и т. п. В частности, в Гомельской области полностью доверяют официальной информации о степени загрязнения 3% опрошенных граждан, в основном доверяют — 15, мало доверяют — 59, совсем не доверяют — 23%, 35% опрошенных жителей этой области высказывают мнение, согласно которому специалисты и управленческие структуры сознательно скрывают информацию о реальной обстановке, чтобы население не могло требовать положенных льгот и компенсаций. Особенно распространены такие суждения среди пожилых людей: в возрасте свыше 50 лет их высказывают 55% опрошенных.

Даже те средства массовой информации, которые часто используются абсолютным большинством респондентов, в частности, республиканское телевидение и радио (их часто используют 82,5% опрошенных), вызывают доверие только у одной трети зрителей и слушателей (см. табл. 6). Здесь проявляется резкое несоответствие между оценками частоты использования источника

Таблица 6. Использование источников информации и степень доверия к ним по результатам опроса в ноябре 1993 г. (в процентах)

Источник информации	Часто используется	Вызывает доверие	Не вызывает доверия
Республиканские газеты	49	12	88
Местные газеты	35	11	89
Журналы	7	4	96
Телевидение, радио	83	28	72
Лекции, беседы специалистов	2	16	84
Беседы с друзьями, знакомыми	52	12	88
Разговоры в семье	26	14	86
Собственные наблюдения	28	56	44

информации населением и степенью доверия к нему. После ядерного взрыва на атомном реакторе и дезинформационного бума, господствовавшего длительное время в средствах массовой информации, жители пострадавших от катастрофы районов Беларуси больше полагаются на собственные наблюдения. Им доверяет почти половина опрошенных — 48,3%. Характерна почти зеркальная противоположность в расхождениях частоты использования источника информации и доверия к нему. Если в отношении к передачам телевидения и радио частота использования относится к степени доверия как 2,35 : 1, а к материалам местных газет — как 4,1 : 1, то в отношении к собственным наблюдениям картина приобретает противоположное выражение — как 1 : 1,7.

Примечательно также сопоставление степени доверия к неформальным источникам информации, по которым чаще всего распространяются слухи, — к беседам со знакомыми, разговорам с очевидцами в экологически чистом районе Витебской области и в районах Гомельской и Могилевской областей, подвергшихся радиоактивному загрязнению. Так, беседам с друзьями и знакомыми доверяют 12,3% опрошенных жителей загрязненных районов Могилевской и Гомельской областей и только 10,3% жителей чистой зоны. Разговорам в семье доверяют 15,3% жителей загрязненных областей и только 6% жителей чистого района. Такое расхождение свидетельствует о том, что в условиях недостатка официальной информации в радиационно опасных зонах большую роль начинает играть неофициально распространяемая информация, которая, как правило, не всегда объективна, но значительно более действенна и критична, чем официальная.

Более рельефная картина выявляется в отношении населения пострадавших от радиации районов Беларуси к слухам. В самом общем виде это отношение может быть квалифицировано как слепая вера в правоту того, что содержится в слухах. Положительный полюс этого фактора, воплощаемый в сентенции: «Все, о чем говорят вокруг, сбывается», выражается величиной 28430. При интерпретации этого показателя факторного анализа в привычных показателях линейного распределения оказывается, что степень доверия слухам широко варьирует в различных районах, причем роль важного детерминирующего фактора здесь играет степень радиоактив-

ного загрязнения местности. В частности, в более загрязненном Чаусском районе доверяют слухам 66,7% опрошенных, а в менее загрязненном — Быховском — 43,3%. Но и в первом и во втором случае степень доверия слухам существенно превышает степень доверия официальным источникам информации. Заслуживает внимания и тот факт, что безоговорочно доверяют слухам более 23% жителей загрязненных районов и только 15,8% населения экологически чистого Поставского района Витебской области.

Можно с достаточной обоснованностью утверждать, что почти четверть жителей Могилевской и Гомельской областей, доверяющих слухам безоговорочно, и еще более 50%, доверяющих им иногда, — это результат замалчивания или искажения официальной информации о влиянии радиации на человека, ее уровне и возможностях защиты от нее.

По мнению большинства респондентов, слухи всегда подтверждаются. Более 21% жителей Могилевской и Гомельской областей считают именно так, еще 45,9% полагают, что слухи подтверждаются иногда. В экологически чистом Поставском районе Витебской области несколько меньшее число опрошенных (13,8%) уверены, что слухи всегда подтверждаются и почти столько же — 43,4% — склонны думать, что они иногда подтверждаются. Как бы там ни было, число респондентов, считающих, что слухи, как правило, ложны, не превышает 3—10% от общего числа опрошенных. Это свидетельствует о значительной степени доверия неформальной, распространяемой различными путями информации, а такое положение дел может сложиться тогда, когда отсутствует или недостаточна официальная информация.

В том, что это именно так, убеждает ранжирование ответов респондентов на вопрос «Если Вам приходилось ориентироваться на слухи, то чем это было вызвано?». Более 31,9% опрошенных отметили, что это произошло потому, что не было официальной информации. Причем этот показатель в загрязненных районах составил 33,6% от общего количества опрошенных. На втором месте по значимости причин, которые вызвали ориентацию населения на неформальную информацию, находится суждение о том, что сообщения разных официальных источников расходились между собой. Так считают более 31% опрошенных. Следует отметить, что в загрязненных

регионах этот показатель выше, чем в экологически чистых. Это говорит о том, что в радиационно загрязненных областях основным мотивом использования населением слухов является противоречивость официальной информации, ее недостоверность.

Значительное количество опрошенных выделяет такой мотив использования слухов, как запаздывание официальной информации. Так считают 30,1% опрошенных в экологически чистом районе, а в загрязненных регионах — более 34% опрошенных. Ориентация на слухи в значительной мере детерминирована неблагоприятными поступками ответственных работников. Более 30% опрошенных указали этот мотив, а в Быховском районе Могилевской области и Петриковском Гомельской этот показатель составил соответственно 37,8 и 47,3%.

Довольно значительная часть опрошенных в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы (от 17 до 31% в Могилевской области и от 26 до 43% в Гомельской области), предпочитают обращаться к слухам вследствие того, что официальная информация расходится с собственными наблюдениями респондентов. Если к тому же учесть, что две трети опрошенных (65%) доверяют слухам в некоторых случаях, то станет более рельефной социально-психологическая ситуация, стимулирующая возникновение этого специфического вида межличностной коммуникации. В качестве довода в пользу доверия слухам почти половина опрошенных (47%) приводят наблюдения, согласно которым слухи подтверждаются в ряде случаев, а по мнению 11% респондентов, слухи подтверждаются всегда.

На основе анализа изложенных данных эмпирического исследования вполне правомерен вывод о том, что в условиях посткатастрофного общества, в котором происходят негативные изменения в личностно-эмоциональной сфере большинства населения, создается питательная социально-психологическая среда для возникновения и распространения слухов. Это связано с тем, что типичным в таком обществе становится недоверие к любым органам власти, к любым мероприятиям и предложениям, к любой информации, поступающей из официальных источников. Повышенная склонность к восприятию слухов обусловлена в значительной мере неудовлетворительными формами и характером предоставляемой населению информации о реальном состоянии и причи-

нах заболеваемости, ее последствиях в радиоактивно загрязненных районах, о возможностях предоставления лицам, пострадавшим от последствий Чернобыльской катастрофы, материальной, психологической и психотерапевтической помощи. Неустойчивость, быстрая изменчивость эмоциональных состояний, настроений, оценок способствует более интенсивному, чем в докатастрофном обществе, функционированию слухов.

Таким образом, в условиях посткатастрофного развития усиливаются оба типа возникновения и распространения слухов. Первый из них — экспрессивный, обусловленный индивидуальными и групповыми эмоциональными состояниями людей и соответствующими им видами эмоциональных реакций (слухи-желания, слухи-устрашения, слухи агрессивные и др.). Второй — информационный, детерминируемый информационным вакуумом, возникающим вследствие неудовлетворенного интереса большинства населения жизненно важными для него потоками официальной информации (сомнения в достоверности публикуемых данных о степени радиационной загрязненности местности, недоверие к эффективности проводимых оздоровительных мероприятий, неверие в возможности властных структур найти действенные средства выхода из катастрофической радиоэкологической ситуации и т. п.). Наслаиваясь друг на друга, эти два типа неадекватных, искажающих реальную действительность межличностных коммуникаций создают причудливую, неустойчивую, негативно влияющую на индивидов и их общности (семья, коллектив, поселенческая структура) информационную среду, болезненно обостряющую стрессовые состояния людей и социально-психологическую напряженность в регионе.

Чтобы снизить негативное влияние на население районов, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, слухов и других видов неинституционализированной информации, необходимо осуществить комплекс мероприятий по трем направлениям. Во-первых, следует резко расширить сферу, а главное — повысить эффективность специализированной социально-психологической и психотерапевтической помощи лицам, испытавшим на себе негативное влияние радиационного воздействия. Во-вторых, надлежит разработать и применять на практике эффективные модели целенаправленного психотерапевтического воздействия на различные группы населения,

пострадавшего от ядерной катастрофы, способные привести к резкому уменьшению дезадаптационных способов отношения к действительности, включая и существующую в зоне радиоактивного загрязнения информационную ситуацию, которую нельзя признать удовлетворительной. В-третьих, необходимо разработать и реализовать на практике такую информационную политику, в которой была бы достоверная информация о последствиях катастрофы и вызванных ею посткатастрофных процессах, о реальных путях и перспективах снижения их негативного воздействия на различные группы населения.

Разумеется, при оценке населением пострадавших от радиационного воздействия районов уровня социальной поддержки и возможностей органов власти и различных организаций оказывать ее нельзя недооценивать значительную распространенность на территории этих районов потребительских настроений и ориентаций. И все же не они оказывают решающее влияние на содержание, направленность и интенсивность социальных ожиданий, устремлений и надежд проживающих здесь людей. Большинство респондентов довольно взвешенно и реалистично оценивают детерминирующие факторы, оказывающие негативное влияние на преодоление или смягчение последствий Чернобыльской катастрофы. 68,1% из них убеждены в том, что деятельности по смягчению последствий Чернобыльской катастрофы мешает экономический кризис, сотрясающий наше общество. Нескольким меньшее количество респондентов (58%) в качестве решающей причины, препятствующей своевременному смягчению последствий произошедшей трагедии, рассматривают недостаточную социальную защиту граждан, пострадавших от радиационного воздействия. Более половины опрошенных усматривают корень зла в бюрократизме, некомпетентности органов управления и разгуле коррупции (соответственно 56,2 и 57,6%). Следует иметь в виду, что значительная часть опрошенных (44,3%) считает одной из причин, мешающих преодолению последствий катастрофы, утрату общественного интереса к ней (см. табл. 7). Здесь респонденты могли высказать по обсуждаемым вопросам два-три суждения, поэтому сумма оценок превышает 100%.

Установлено, что социально-психологическая ситуация в пострадавших районах в сопоставлении с ранее

Таблица 7. Факторы, препятствующие, по мнению жителей загрязненных районов, смягчению последствий Чернобыльской катастрофы (в %)*.

Название фактора	Доля в %
Экономический кризис	68,1
Недостаточная социальная защита	58,0
Коррупция и разбазаривание средств ответственными работниками	57,6
Бюрократизм, некомпетентность органов управления	56,2
Отсутствие достоверной информации о реальном уровне загрязнения и степени его опасности для здоровья людей	51,1
Отсутствие глубоко продуманных экономических, юридических, политических решений, касающихся защиты матери и ребенка в загрязненной зоне	50,2
Политическая нестабильность в Республике Беларусь	48,0
Отсутствие ответственного отношения и непоследовательность принимаемых решений местными властями	46,5
Утрата общественного интереса к проблемам, возникшим в результате Чернобыльской катастрофы	44,3

* (Сумма процентов существенно больше 100, так как респондент мог назвать 2—3 фактора).

проводившимися исследованиями (в 1989—1991 гг.) имеет тенденцию к ухудшению. Эта тенденция проявляется и в росте состояний тревожности населения, и в возрастании пессимистических его ожиданий, о чем говорилось ранее, и, что особенно рельефно проявляется, в нарастающей неудовлетворенности жителей пострадавших районов деятельностью органов власти по преодолению последствий Чернобыльской катастрофы и социальной защите населения (см. табл. 8).

Количество неудовлетворенных этой важнейшей стороной жизнедеятельности в пострадавших районах неуклонно возрастает, что создает крайне неблагоприятный социально-психологический фон в ряде районов Гомельской и Могилевской областей. Основная причина возникновения и углубления данной негативной тенденции заключается в обострении противоречия между растущими социальными ожиданиями и требованиями различных социальных групп населения, особенно женщин-матерей, в этих районах, с одной стороны, и реально осуществляемыми мероприятиями по линии республи-

канских и местных органов власти, учреждений здравоохранения, образования, торговли, бытового обслуживания в области социальной поддержки и социально-психологической реабилитации лиц, пострадавших от радиоактивного воздействия, с другой. Только 2% опрошенных считают принятые государством и местными органами власти меры по социальной поддержке лиц, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, достаточными, а 54,6% характеризуют их как недостаточные (21,4% респондентов не дали на этот вопрос однозначного ответа). Наибольшее количество респондентов (41,6%) рассчитывают в борьбе со свалившимися на них бедами и тревогами только на собственные силы, лишь 23% — на помощь республиканских властей, 28,8% — на помощь родственников, 14% — на заботу дирекции предприятия (хозяйства), 12% — на заботу местных органов власти, 16,5% — на помощь друзей, 10,6% — на заботу профсоюзных организаций, 14,3% — на помощь благотворительных фондов (сумма процентов в данном случае превышает 100, так как каждый респондент мог высказать надежду на помощь со стороны двух-трех организаций или лиц). 28,7% опрошенных в сильной мере обеспокоены отсутствием продуманных решений и эффективных практических мер по защите матери и ребенка. 21,3% встревожены этим в значительной мере, 5,8% — в незначительной мере, только 5,8% не выражают неудовлетворенности деятельностью различных органов и учреждений в данном направлении. Таким образом, более половины респондентов (58,8%) в большей или меньшей мере выражают неудовлетворенность уровнем и эффективностью работы по социальной защите людей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы.

Таблица 8. Динамика неудовлетворенности деятельностью органов власти по преодолению последствий Чернобыльской катастрофы и социальной защите населения, пострадавшего от него

Годы	1989	1991	1993
Процент жителей, неудовлетворенных деятельностью органов власти по преодолению последствий катастрофы	46,8	54,4	79,1

Только 9,7% респондентов и 16,8% экспертов считают, что меры, предусмотренные законами и другими нормативными актами и направленные на ликвидацию последствий этой катастрофы, являются эффективными.

Неудовлетворенность же большинства жителей радиоактивно загрязненной зоны действиями властных и управленческих структур по минимизации последствий катастрофы, сохраняющийся высокий уровень тревоги за состояние своего здоровья и здоровья детей, за жизнеобеспеченность семьи неизбежно трансформируется в критическое, а нередко и враждебное отношение к органам власти. В частности, в обследованных районах радиоактивного загрязнения в Могилевской области отношение к органам власти в постчернобыльский период ухудшилось у каждого третьего из числа опрошенных (34%). Такая динамика отношения граждан к властным структурам, а также широко распространенное в районах загрязнения (у 68% опрошенных) представление о бесконтрольности и неэффективности использования средств, выделяемых на преодоление последствий катастрофы, создает напряженный социально-психологический фон, чреватый социальными конфликтами. Следует иметь в виду, что позитивные оценки деятельности местных органов власти (их разделяет 19% опрошенных) примерно вдвое ниже, чем отрицательные. Еще больше негативных оценок высказывается в адрес Верховного Совета и правительства республики. В той же Могилевской области деятельность Верховного Совета считают малоэффективной 46,3% опрошенных, неэффективной — 35%, правительства — соответственно 48 и 33%.

Серьезными конфликтами чревата социальная среда, создаваемая в тех населенных пунктах, в которых сосредоточено много переселенцев из зоны радиоактивного загрязнения. Социологические опросы, проведенные в Минской области, показали, что больше половины переселенцев (55,4%) имеют серьезные претензии к местным органам власти. Каждый пятый из опрошенных (20,5%) утверждает, что ему часто приходится сталкиваться с нарушением должностными лицами прав переселенцев, почти треть из них (29,5%) говорят с озлоблением о неоднократных проявлениях бюрократизма со стороны местных управленческих структур. Только 8,4% респондентов отмечают благожелательное отношение к ним местных властей, которые оказывают им всяческое со-

действие. 53% переселенцев сетуют на то, что им придется добиваться самим всего необходимого, а на помощь местных органов власти они не рассчитывают. Конфликтные ситуации возникают практически повсеместно, поэтому, по всей вероятности, 44,6% переселенцев нуждаются в юридической консультации и практической помощи юристов.

Интервьюирование экспертов, проведенное в два этапа, в 1991 г. и в конце 1992 — начале 1993 г., показывает некоторое смещение оценок социально-психологического фона и общеполитической ситуации, сложившихся за восемь лет, прошедших после Чернобыльской катастрофы, в положительную сторону, но общая тональность и направленность этих оценок в большинстве случаев совпадает с общественным мнением населения.

Анализ экспертных оценок социально-психологической ситуации в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, и мероприятий по преодолению ее отрицательных последствий позволяет сделать вывод, что эксперты положительно оценивают социальный эффект принятых Верховным Советом Республики Беларусь законодательных актов и правительственных решений, направленных на преодоление последствий катастрофы. Особенно высоко оцениваются ими решения об обеспечении населения пострадавших районов продуктами питания, приостановке производства загрязненной продукции, исключении загрязненных земель из севооборота, снабжении чистыми продуктами детских учреждений, выделении бесплатного санаторно-курортного лечения детей, оснащении детских медучреждений оборудовани-ем (высоко оценили эти мероприятия от 70 до 78% экспертов).

Гораздо ниже оценивается экспертами эффективность реализации принятых решений. Так, если принятие нормативных актов о приостановке производства загрязненной продукции и исключении загрязненных земель из севооборота оценили высоко 78% опрошенных экспертов, то дали высокую оценку эффективности реализации этих актов только 13% экспертов. Немногим выше оценена экспертами эффективность реализации нормативных актов о бесплатном санаторно-курортном лечении детей из пострадавших районов (ее оценили высоко 27%), о бесплатном предоставлении лекарств (15%), о бесплатном содержании детей в садах и яслях (20%), о выделении

продуктов питания по медицинским нормам (9%). Значительная часть экспертов оценили как малоэффективную и неэффективную реализацию решений о продуктах питания по медицинским нормам (39%), о приостановке производства загрязненной продукции (31%), о снабжении детских учреждений чистыми продуктами (39%), о предоставлении ссуды на строительство жилья (28%), о развитии системы оздоровления за рубежом (44%).

Особенно низкие оценки даны экспертами эффективности нормативных актов и степени их реализации в сфере социальной защиты детей и молодежи. Только 10 экспертов удовлетворены реальной эффективностью существующей системы профилактического медосмотра детей, 28% — развертыванием социальной службы поддержки молодежи, 10% — вахтовым методом набора врачей и учителей, 12% — уровнем технического оснащения детских лечебных заведений. Только 10% экспертов считают эффективной систему обеспечения детей путевками на оздоровление, 6% — детское оздоровление за рубежом, 4% — компенсацию родителям расходов на оздоровление детей. Анализ экспертных оценок показывает, что отселение семей с детьми в чистые зоны перемещается по актуальности с первого на четвертое место, а более актуальными становятся обеспечение населения пострадавших районов экологически чистыми продуктами, оздоровление детей, улучшение медицинского обслуживания женщин-матерей и их детей.

Общий коэффициент оценки экспертами мер по охране материнства и детства и в целом социальной защиты населения в радиоактивно загрязненных районах, выражаемый цифрой 0,386, показывает, что реализация принятых мер сопровождается позитивными оценками только у одной трети экспертов, следовательно, реализуемость намеченных мер с определенной степенью допущения можно считать эффективной только на одну треть, что в общем анализе всех позиций, сформулированных экспертами, занимает последнее место.

На основании анализа оценок, высказанных как рядовыми гражданами, так и работниками властных и управленческих структур, специалистами-экспертами о степени эффективности нормативных актов и управленческих решений, направленных на минимизацию негативных последствий Чернобыльской катастрофы, можно сформулировать следующие выводы и предложения.

1. Считать необходимым, чтобы Кабинет министров Республики Беларусь выделил проблему стабилизации и улучшения социально-экономического положения и социально-психологической ситуации в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, в качестве приоритетных задач на 1995—1996 гг. и последующую перспективу. При реализации этих задач акцентировать внимание на том, что, только обеспечив населению пострадавших районов минимум необходимых условий нормального человеческого существования — дорадиационных нормативов гигиены, быта, жилищных условий, питания и снабжения, медицинского обеспечения, обучения и воспитания детей, можно эффективно решать проблемы организации проживания, труда и отдыха в загрязненной местности. Эти положения целесообразно внести в качестве дополнения в «Концепцию проживания на загрязненных территориях».

2. Заинтересованным республиканским ведомствам (Госкомчернобылю, Минздраву, Минсельхозпроду, Минфину, Минэкономики), а также облисполкомам с привлечением специалистов — экономистов, социологов, юристов и др. — следует разработать с учетом эффективности защитных мероприятий на загрязненных территориях научно обоснованную и объективную методику распределения объектов капитальных вложений и первоочередных бюджетных ассигнований на финансирование Государственной программы ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС. При этом основное внимание должно быть обращено на эффективное обеспечение жителей (особенно детей) пострадавших районов чистыми продуктами питания, достаточным объемом лекарств и т. п.

3. Госкомчернобылю и облисполкомам целесообразно поставить перед Кабинетом министров Республики Беларусь вопрос о предоставлении пострадавшим регионам статуса зоны социально-экономического и экологического бедствия, а в связи с этим о введении ряда мер, позволяющих создавать новые хозяйственные структуры и развивать социальную инфраструктуру в данных регионах. Для этого следовало бы осуществить переспециализацию хозяйств Наровлянского и Хойникского районов Гомельской области, Быховского и Костюковичского районов Могилевской области, изыскав источники финансирования для этого, а также приватизировать (му-

ниципализировать) ведомственные предприятия, расположенные на территории этих районов, обеспечить их переход в муниципальную, коллективную и частную собственность жителей. Кроме того, целесообразно в этих районах обеспечить льготное налогообложение промышленных производств и льготное снижение поставок сельскохозяйственной продукции.

4. Госкомчернобыль, Минздрав, облисполкомы с привлечением специалистов из научных и медицинских учреждений должны принять активные меры по коренному улучшению медико-санитарного обслуживания и оздоровления населения радиоактивно загрязненных районов за счет укрепления и развития материально-технической базы здравоохранения и доведения ее до нормативной, оснащения медучреждений спецтехникой и лекарственными препаратами, укрепления их медицинскими кадрами и закрепления последних. Необходимо превратить медицинские осмотры населения в действительно систематические (не реже 1 раза в год для взрослых и 2 раза — для детей), уделив особое внимание группам повышенного риска.

5. Предусмотреть улучшение информированности населения об основных факторах негативного воздействия посткатастрофных процессов на здоровье и социальное самочувствие человека, степени реального риска проживания в районах с различной степенью радиоактивного загрязнения (особенно людей интересуют данные регулярного контроля уровня радиоактивного заражения территорий проживания, правдивая медицинская статистика по наиболее распространенным заболеваниям и др.), широко привлекая для информационной работы специалистов в области радиобиологии, социологии, психологии, юриспруденции, а также практикующих врачей, учителей школ, работников органов управления.

6. Принимая во внимание распространение среди населения республики, особенно в зоне радиоактивного загрязнения, слухов о несправедливом и бесконтрольном расходовании средств, выделяемых на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы, следует взять под строгий контроль Госкомчернобыля, Контрольной палаты, областных Советов народных депутатов и их исполкомов и предавать широкой гласности через систему средств массовой информации содержание проводимых мероприятий и сумму израсходованных на их осу-

ществование финансовых, материально-технических и иных средств.

7. Для снижения трудностей адаптационного периода в местах переселения выходцев из районов радиоактивного загрязнения целесообразно создавать постоянно действующие юридические консультации по правовым проблемам переселенцев, а также центры (консультативные пункты) по их социально-психологической реабилитации.

8. На основании обобщения имеющихся в республике данных по результатам различных (радиобиологических, медицинских, социологических и т. п.) исследований ситуации, сложившейся в районах, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, целесообразно подготовить специальные программы и организовать информационно-просветительную работу для повышения уровня знаний специалистов различных сфер деятельности о воздействии радиационных факторов и способах социальной поддержки и социально-психологической реабилитации лиц, пострадавших от радиации.

Задачи, которые возникают в настоящее время в ходе ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, не могут быть успешно решены на местном (областном, районном и т. д.) уровне, поэтому необходимо не просто сохранение, а существенное усиление государственного уровня принятия решений, реализации и контроля мероприятий и программ по минимизации последствий радиоактивного загрязнения и стабилизации социально-экономической и социально-психологической ситуации в районах, пострадавших от этой катастрофы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь человеческого общества, на каком бы этапе исторического развития оно ни находилось, всегда наполнена событиями радостными и трагическими. Среди последних выделяются своими разрушительными, подчас гибельными для человека и человеческих сообществ, последствиями катастрофы. Ни один континент, ни одна страна, ни один народ в мире не смог избежать катастрофических ситуаций — природных и технологических, экологических и социальных. Конечно, за слишком общим термином «катастрофа» скрывается множество разнообразных, конкретных экстремальных ситуаций и процессов, приносящих разрушения, беды, несчастья, которые у каждого народа свои, специфические, непохожие на беды и несчастья других народов и стран. Но среди этих катастрофических событий есть и такие, которые приводят в содрогание людей разных стран и континентов. Достаточно назвать вторую мировую войну, атомную бомбардировку Хиросимы, Чернобыльскую ядерную катастрофу, чтобы стало ясно, какой социально-психологический резонанс вызывают они во всем мире.

Однако человечество не только содрогается от подобного рода катастрофических событий. Многие исследователи и общественные деятели задумываются над тем, как и почему такие события могли произойти, что можно предпринять, чтобы избежать чего-либо подобного в будущем. Неадекватность человеческого существования может стать почти невыносимой, если рассматривать его односторонне, только через призму разрушительных, негативных последствий катастроф — социальных, природных, экологических, технологических. Напротив, системное исследование всяческих катастроф во всем многообразии их конкретных проявлений и типичных особенностей становится одним из основных условий свойственного человеку приспособительного корректирования

своих действий, упреждающего возможные негативные явления, способного не только минимизировать разрушительную мощь катастроф, с которыми рано или поздно придется столкнуться, но и предотвратить многие из них. Речь идет о необходимости более глубокого понимания истоков, причин, форм проявления катастрофических событий, возможности их предвидения, а тем самым и снижения размеров и степени вызываемых ими разрушительных последствий.

Чем больше мы будем знать о катастрофах, чем более точным и глубоким будет это знание, тем лучше люди смогут справиться с грядущими бедами в экстремальных ситуациях. А количество таких ситуаций, как показывает вторая половина XX века, нарастает стремительными темпами. Чтобы рельефнее представить себе их драматическую динамику, напомним, что более половины техногенных катастроф нынешнего столетия произошло в мире в течение двух последних десятилетий, в том числе свыше трети из них — на протяжении 80-х годов. На эти же годы приходится более 50% погибших и около 40% пострадавших от таких катастроф. Добавим, что на протяжении того же десятилетия свыше 10 млн человек были вынуждены покинуть места проживания из-за природных катаклизмов и негативных экологических изменений. Если учесть к тому же, что ежегодно около 12 млн гектаров плодородных земель на планете исключается из сельскохозяйственного оборота в результате эрозии, заболоченности, засоленности и опустынивания, то станет ясно, что в недалеком будущем число «экологических изгнанников» будет возрастать. Нельзя, наконец, забывать и о сотнях тысяч людей, вынужденных мигрировать из родных мест вследствие развязывания огромного количества (в середине 1994 г. их было в мире свыше 360) локальных вооруженных конфликтов, каждый из которых является подлинной катастрофой для втянутых в него народов. По оценкам специалистов, уже в ближайшее время число беженцев только в странах СНГ достигнет 5 млн человек. Все это превращает проблему всестороннего исследования катастроф в одну из наиболее актуальных не только в теоретическом, но и в экономическом, социальном, политическом, психологическом, нравственном отношениях.

Поэтому комплексное, многоплановое, притом междисциплинарное исследование катастроф во всем их мно-

гообразии должно, наконец, быть интегрировано в качестве компонента в систему знаний о человеке, обществе и природе. Поскольку жертвой катастроф, а нередко и инициатором их возникновения является прежде всего человек, постольку в складывающейся междисциплинарной системе знаний о катастрофах — катастрофологии — приоритетное место должно принадлежать выявлению особенностей поведения людей, их групп и сообществ в экстремальных ситуациях катастроф и посткатастрофного периода. Важная роль в этом принадлежит специфической сфере социокультурного развития человечества — субкультуре катастроф, призванной вырабатывать у людей нормы поведения, ценностные ориентации, критерии оценок поступков и действий как в предкатастрофный период, так и особенно в условиях катастроф и преодоления их социально-негативных последствий. Все это должно опираться не только на уже имеющиеся знания о катастрофах, на обобщение исторического опыта человечества в борьбе со стихийными природными и разрушительными социальными бедствиями, но и на современные компьютерные средства, которые уже сейчас позволяют исследователям выстраивать модели и проигрывать возможные варианты поведения, принятия и осуществления управленческих решений при катастрофах, в том числе в случаях «проектируемых» экстремальных ситуаций на атомных электростанциях и химических предприятиях, «максимальных гипотетических аварий» и других видов катастрофических событий, связанных с возрастающей антропогенной, техногенной нагрузкой на окружающую среду. Еще успешнее современные вычислительные средства применяются для предсказания природных, экологических катастроф, возможных вариантов их предотвращения или ослабления их разрушительного действия.

Из множества задач, стоящих перед социологией катастроф как неотъемлемой частью этой новой, только складывающейся субкультуры, следует выделить три основных.

Во-первых, социология катастроф призвана восстановить научную картину факторов и причин, приведших к возникновению той или иной катастрофы, сформировать научно обоснованную интерпретацию масштабов негативного социального воздействия катастрофических событий и их последствий на социо- и экосферу.

Во-вторых, исследовать сущность, содержание и направленность долгосрочного социально негативного воздействия катастрофы на отдельных индивидов, социальные общности и общество в целом.

В-третьих, определить возможные, а затем и оптимальные пути, средства, приемы социальной реанимации индивидов и общностей, освобождения их от различных стрессов, фобий, потрясений и т. п., а также последующего возвращения общества к нормальному состоянию всех сфер жизнедеятельности.

Опираясь на имеющиеся достаточно обширные знания о различных типах катастроф и на современную электронно-вычислительную технику, необходимо более активно и глубоко анализировать катастрофические ситуации, чтобы не только избавить человечество от страха перед возможными катастрофами, но и научить человеческие сообщества готовиться к катастрофам, чтобы быстрее, эффективнее и точнее предсказывать возможности, место и время их возникновения, а самое главное — минимизировать их отрицательные последствия. Тем самым будет снижен потенциал катастрофичности, имеющийся в современном обществе, а само оно окажется более подготовленным к тому, чтобы если и не предотвратить возможные катастрофы, то резко снизить ущерб от них.

ЛИТЕРАТУРА

Введение

1. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992.
2. Катастроф теория // Большая Советская энциклопедия. Второе издание. 1953.
3. Мифы народов мира. М., 1982.
4. Сорокин П. Кризис нашего времени // Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
5. Fischhoff B. V., Watson S., Hoppe C. Defining risk // Policy Sciences. 1983. N 17.
6. Uth, H.-Y. Prevention of major industrial accidents in the European Community // Environ. Auditor. 1990. N 1.

Раздел I

Глава 1

1. Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990.
2. Бабосаў Я. М. Метадалагічныя асновы даследавання катастроф і посткатастрофных працэсаў // Весці Акадэміі навук Беларусі. 1992. № 2.
3. Бабосов Е. М. Специфические черты экстремальных ситуаций и катастроф в экологических и социальных системах // Социальная экология и экстремальные ситуации. М., 1993.
4. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
5. Монсеев Н. Н. Идея естествознания в гуманитарной науке // Человек. 1992. № 2.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
7. Cohen R. E., Ahearn F. L. Handbook for Mental Health Care of Disaster Victims. Baltimore, 1980.
8. Quarantelli E. L., Wenger D. Disaster. An Entry for an Italian Dictionary of Sociology. Delaware, 1986.
9. Raphael B. When Disaster strikes. London, Boston, 1990.
10. Wettenhall R. L. Bushfire Disaster // An Australian Community in Crisis. Sydney, 1975.

Глава 2

1. Бабосов Е. М. Инвайронментальная социология (социология окружающей среды) // Социальная экология и экстремальные ситуации. Мн., 1993.
2. Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. Рига, 1991.
3. Баньковская С. П. Экология социальной концепции. (Инвайронментализм) // Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
4. Рэнлап Р. Э., Гэллуп Дж. Г., Гэллуп А. М. Здоровье планеты // Социологические исследования. 1992. № 12.
5. Шелл Дж. «Среда и общество или Инвайронментальная социология?» // Социологические исследования. № 12.
6. Форрестер Дж. Мировая динамика. М., 1978.
7. Халиб И. А. Инвайронментальная социология: потрясение основ (Аналитический обзор) // Социологические исследования. 1992. № 12.
8. Яницкий О. Н. Инвайронментальная социология вчера и сегодня // Общественные науки и современность. 1993. № 2.

9. Bock G. Historisches Fragen nach Frauen // Frauen suchen ihre Geschichte. München, 1982.
10. Burton J., Kates D. W., White G. F. The Environment as Hazard. N.-Y., 1978.
11. Amer Sociologist. 1978. Vol. 13, N 1.
12. Drengson A. R. Beyond environmental crisis: From technocrat to planetary person. N.-Y., 1989.
13. Dunlap R. E., Catton W. R. Environmental sociology // Amer. Rev. of sociology. Vol. 5. 1979.
14. Yampietro Fr. Models and Types of Environmental offences: preliminary Considerations // Criminal Law and the Environment. Ed. by H.-J. Albrecht, Leppa S. Forssa. 1992.
15. Hanson S., Vitek J. and Hanson P. Natural disaster; long range impact on human response to future disaster threats. // Environment and Behavior, 1979. June. Vol. 11, N 2.
16. Huber J. Reelee Chance: Zu den Bedinguugen liner ökologischeren und fridlicheren Zunkunft // Prinrip Leben: Okopax die nene Kraft. Berlin, 1982.
17. London B. Ecology as macrosociology: a new look at an old perspective // Theoretical perspectives in Sociology. N.-Y., 1979.
18. Mileti D. S. Humeral Adjustment to the risk of environmental extremes // Sociology and Social Research. 1980. April. Vol. 65.
19. Mitchell J. K. Hazard perception studies: convergent concerns and divergent approaches during the past decade // Environmental perception and behavior: an inventory and prospect. Chicago, 1984.
20. Nilsson H. G. Europeen Aspects of Control of harm to the Environment-1 // Criminal Law and the Environment. Ed. by: H.-J. Albrecht, S. Leppa. Forssa. 1992.
21. Pacey A. The culture of technology. London, 1983.
22. Paelke R. C. Environmentalism and the future of progressive politics. New Haven, London, 1989.
23. Park R. L., Burgess E. W. Introduction to the science of sociology. Chicago, 1921.
24. Riordam T. C. Environmentalism. London, 1981.
25. Sorensen J. H., Gersmechl P. J. Volcanic hazard warning system: persistence and transferability // Environmental Management. 1980. Vol. 4, N 2.
26. Scheich E., Schulte J. Sociale ökologie und Feminismus. Francfurt O. M., 1989.
27. Tokar B. The green alternative creating an echological future. San-Pedro, 1989.
28. Theobald A. Das ökosozialproduct; lebensqualitatal's volkseinkommen. Zurich, 1985.
29. White G. F. Natural hazards: local, national, global. N.-Y., 1974.

Глава 3

1. Абрамова В. Н., Забродина Е. Д. Социальные и социально-психологические последствия радиационного загрязнения // Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М., 1992.
2. Бабосов Е. М. Философско-социологические аспекты осмысления сущности Чернобыльской катастрофы и преодоление ее последствий // Актуальные проблемы развития потребительской кооперации на современном этапе. Гомель, 1990.

3. Бабосов Е. М. Среда обитания человека под сенью радиации // Человек на пороге рынка. Мн., 1992.
4. Баранова М. И., Горохов Б. А. Прогнозирование и профилактика технологических кризисов в условиях роста уязвимости современных промышленных структур // Социальные проблемы экологии и технологического риска. М., 1991.
5. Бобнева М. И. Основные направления исследований социально-психологических и медико-психологических аспектов ликвидации последствий аварии на ЧАЭС // Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М., 1992.
6. Гидаспов Б. В. и др. Научно-технический прогресс, безопасность, устойчивое развитие цивилизации // Журнал Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева, 1990, Т. 35, № 4.
7. Дерябина О. М. Социально-психологическое экспертное исследование восприятия ситуации экологического риска воспитанниками интернатных учреждений, их педагогами и администрацией // Чернобыльский след. Пострадавшие дети. Ч. 1. М., 1992.
8. Легасов В. А. Проблемы безопасности развития техносферы // Коммунист. 1987. № 8.
9. Легасов В. А. и др. Научные проблемы безопасности современной промышленности // Безопасность труда в промышленности. 1988. № 1.
10. Никитин С. М., Феофанов К. А. Социологическая теория риска: в поисках предмета // Социологические исследования. 1992. № 10.
11. Пономаренко В. М. Чернобыльская катастрофа: медицинский аспект // Еврочернобыль-2. Материалы международной конференции. Киев, 1991.
12. Порфирьев Б. Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях. М., 1989.
13. Пригожин А. И. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
14. Ясаманов Н. А., Иванов О. П. Карта риска природных катастроф Советского Союза: принципы построения и некоторые результаты // Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
15. Bastide S. J., Moatti Y. P., Pages et al. Risk perception and social acceptability of technologies: the French case. Risk Anal. 9/2. 1989.
16. Drottz-Sjoberg B.-M. Medical and psychological aspects of crisis management during a nuclear accident // Phizikon Risk Research Reports. 1993. N 10.
17. Covello V. T. Social and behavioural research on risk: uses in risk management decision-making // Environmental Impact Assessment, Technology Assessment and Risk Analysis. (V. T. Covello et al., eds.). Berlin, 1985.
18. Lagadec P. La civilization du risque: catastrophes technologiques et responsabilité sociale. Paris: Seuil, 1981.
19. Lagadec P. Etats d'urgence: Défaillances technologiques et destabilitation sociale. Paris: Ed. du Seuil, 1988.
20. Moatti J.-P. Des sociétés vulnérables // Le monde vu de l'Europe. Paris, 1989.
21. Otway H. and Thomas K. Reflections on risk perception and policy. Risk Anal. 2/2: (1982).
22. Randers J., Behrens W. Watch for foothills: signaling the end to growth in a finite world // The global predicament: ecological perspectives on world order. Chapel Hill, 1979.

23. Renn O. Risk analysis: scope and limitations. in: *Regulating industrial Risk.* (H. Otway and Petu, eds.). Butterworths, London, 1985.
24. *Risk in the technological society.* Boulder. (Col.). 1982.
25. Rowe W. U. *An anatomy of risk.* Wiley, N.-Y., 1977.
26. Salomon Y.-Y. *Prométhée empêtré: La résistance au changement techn.* Pergamon presse, 1981.
27. Short J. F. The social fabric at risk: Toward the social transformation of risk analysis. *Amer. sociol. rev.* Vol. 49, N 6. N.-Y., 1984.
28. Sjöberg L., Drøttz-Sjberg B.-M. Attitudes to nuclear waste // *Rhizikon. Risk Research Reports.* 1993, N 12.
29. Slovic P., B. Fischhoff and S. Lichtenstein. Perceived risk: psychological factors and social implementations. In: *The assessment and perception of risk. Proceedings. Royal Society.* London, 1981.
30. *Society, technology and risk assessment.* London, 1980.
31. Stallen P. Y. and Thomas A. A public concern about industrial hazards. *Risk Anal.* 8/2: (1988).

Глава 4

1. Абрамова В. Н., Забродина Е. Д. Социальные и социально-психологические последствия радиационного загрязнения // *Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы.* М., 1992.
2. Бабиевский К. К. Катастрофические последствия крупных аварий на химических предприятиях и складах химической продукции // *Еврочернобыль-2. Материалы международной конференции.* Киев, 1991.
3. Бабосов Е. М. Философско-социологические аспекты осмысления сущности Чернобыльской катастрофы и преодоления ее последствий // *Актуальные проблемы развития потребительской кооперации на современном этапе.* Гомель, 1990.
4. Бобнева М. И. Разработка основ социально-психологических служб, связанных с ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС // *Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы.* М., 1992.
5. Дульшиков Ю. С. Интеллектуальная катастрофа и социальная революция // *Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее.* М., 1991.
6. Злотников А. Г. Демографическая ситуация в Гомельской области (последствия аварии на ЧАЭС) // *Социологические исследования.* 1990. № 10.
7. Манцевич Ю. Н. Экономика и катастрофа (территориальная организация потенциально опасного производства) // *Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее.* М., 1991.
8. Несветаилов Г. А. Социология катастроф // *Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее.* М., 1991.
9. Порфирьев Б. Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях. М., 1989.
10. Порфирьев Б. Н., Виноградова А. Е. Развитие общества и технологические катастрофы: Факты XX века // *Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее.* М., 1991.
11. Пригожин А. И. Социодинамика катастроф // *Социологические исследования.* 1989. № 3.
12. Щербак Ю. Н. Чернобыль как новое явление в истории цивилизации // *Еврочернобыль-2. Материалы международной конференции.* Киев, 1991.

13. Barkun M. Disaster in History // Mass Emergencies. 1977. N 2.
14. Barton A. H. Communities in Disaster. A Sociological Analysis of Collective Stress Situations. N.-Y., 1970.
15. Bates F. L., Peacock W. G. Measuring Disaster Impact on a Cross Cultural Basis. Madrid, 1990.
16. Berrens M. R., Beigel A., Barker O. A Typology for the Classification of Disasters: Implications for Intervention // Community Mental Health Journal. 1982. Vol. 18, N 2.
17. Button G. Social Conflict and Emergent Groups in a Technological Disaster. 1992.
18. Clausen L., Dombrovsky W. R. Einführung in die Soziologie der Katastrophen // Zivilschutz-Forschung. Bd. 14. Bonn, 1983.
19. Clausen L. Halbierete Natur die Umweh // Borries V., Clausen L., Simons K. Siedlungssoziologie. München, 1978.
20. Dombrovsky W. R. Katastrophe und Katastrophenschutz. Wiesbaden, 1989.
21. Douglas M., Wildawsky A. A Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkley, 1982.
22. Dynes R. R. Organized Behaviour in Disaster. Lexington. Mass. 1970.
23. Dynes R. R. Definition and Disaster: Initial Consideration. Ohio, 1976.
24. Fritz Ch. E. Disaster // Merton R. E., Nisbet R. A. (eds.). Contemporary Social Problems. Washington, 1961.
25. Hannigan J. A. Kueneman R. Legitimacy and Public Organizations. A Case Study // Canadian Journal of Sociology. 1977. N 2.
26. Mileti D. S., Drabek T. E., Haas J. E. Human Systems in Extreme Environments. Sociological Perspective. Colorado, 1975.
27. Oliver-Smith A. Anthropological Perspectives in Disaster Research. 1993.
28. Oliver-Smith A. The Martyred City: Death and Rebirth in the Peruvian Andes. Waveland Press. 1992.
29. Oliver-Smith A., Planning Goals and Urban Realities: Post-Disaster Reconstruction in a Third World City // City and Society. Vol. 2. 1988.
30. Ploeger A. A Ten-Year Follow-up of Miners Frapped for Two Weeks under Threatening Circumstances // Stress and Anxiety. (Ed. C. D. Spielberger and J. G. Sarason). N.-Y., 1977.
31. Quarantelli E. L. Disaster Research Center, University of Delaware // Disasters. Vol. 15, N 3. 1991.
32. Quarantelli E. L. (ed). Disasters Theory and Reseach. Cal., London, 1978.
33. Quarantelli E. L. Response to Social Crisits and Disaster // Annual Review of Sociology. 1977. N 3.
34. Quarantelli E. L. Some Needed Cross-Cultural Studies of Emergency. Time Disaster Behaviour: A first Step // Disasters. Vol. 3, N 3. 1979.
35. Quarantelli E. L., Wenger D. Disaster. An Entry for an Italian Dictionary of Sociology. Delawar, 1986.
36. Raphael B. When Disaster Strikes. London, 1990.
37. Rosental U. Governmental Decision-Making in Crisis Situations: Decisions at Hectic Movements. New-Delhi, 1986.
38. Rosental U. Simulation-orienthed Scenarios // Contemporary Crises. 1990. N 14.
39. Rosental U. A Compulsive Crises // Rosental U., Charles M., He-

- art P. Coping with Crisis: The Management of Disasters, Riots and Terrorism. Springfield, 1989.
40. Rosental U., Hart P. Riots without Killings // Contemporary Crisis. 1990. N 14.
  41. Rosental U., Pijnenburg. Simulation-oriented Scenarios // Contemporary Crises. 1990. N 14.
  42. Woodcock A., Davis M. A Revolutionary Way of Understanding. New Things Change. Catastrophe Theory. N.-Y., 1985.

Раздел II

Глава 1

1. Агаджанян Н. А., Соколов А. Н. Ритмы космоса стучат в нашем сердце. Тула, 1989.
2. Алешин А. С., Войтов Г. И. и др. Рост сейсмического риска и сейсмической опасности, пути борьбы с потерями // Катастрофы и человечество. Суздаль, 1991.
3. Арманд А. Ф. Глобальные катастрофы и изменения природной среды // Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
4. Бабосов Е. М. Социальная экология и экстремальные ситуации. М., 1993.
5. Иванов О. П., Ясаманов Н. А. Природные катастрофы Земли: влияние дальнего и ближайшего космоса. Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
6. Печен А. Человеческие качества. М., 1980.
7. Пригожин А. И. Социодинамика катастроф. Социологические исследования. 1989. № 3.
8. Пригожин А. И. Феномен катастрофы // Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
9. Рютов Д. И вновь о катастрофе на планете. Парниковый эффект и судьба биосферы // Правда. 1989. 13 окт.
10. Садовский И. А. Предсказание землетрясений и возможность управления ими // Будущее науки. М., 1975.
11. Хегай В. В. Возможные предвестники катастрофических землетрясений в околоземной космической среде (ноосфере) // Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
12. Tiezzi E. Tempi storici, tempi biologici. Milano, 1966.

Глава 2

1. Арманд А. Д. Глобальные катастрофы и изменения природной среды // Катастрофы и человечество. Тезисы докладов. М., 1991.
2. Бабосов Е. М. Тейярлизм — попытка синтеза науки и христианства. Мн., 1970.
3. Бабосов Е. М. Социальная экология и экстремальные ситуации. Мн., 1993.
4. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.
5. Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М., 1940.
6. Гиренко Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера. М., 1987.
7. Зеленков А. И., Водопьянов Г. А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Мн., 1987.
8. Злотников А. Г., Злотникова Л. М., Касьяненко А. П. Гомельчане в экстремальных условиях: социально-психологический климат в постчернобыльский период. Гомель, 1991.
9. Картель М. А. Биологические и радиологические аспекты последствий Чернобыльской аварии // Чернобыль-индекс. Мн., 1991.

10. Матесович А. А., Савастенко А. А. (РЕД.) Природная среда в Республике Беларусь: состояние и проблемы. Мн., 1992.
11. Моисеев Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопр. филос. 1990. № 6.
12. Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопр. филос. 1993. № 3.
13. Моисеев Н. Н. Палитры цивилизаций: разнообразие и единство // Человек. 1993. № 3.
14. Моисеев Н. Н. Пути к созиданию. М., 1992.
15. Олдак П. Г. Колокол тревоги. М., 1990.
16. Реймерс Н. Ф. Экологические кризисы и катастрофы // Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
17. Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1947.
18. Сузуки Д. Мы находимся в состоянии войны // Ученые, государственные, религиозные и общественные деятели мира о проблемах экологии. М., 1990.
19. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
20. Урсул А. Д. Экологическая безопасность развития: проблемы и перспективы // Социально-политические науки. 1991. № 12.
21. Царев В. П. Разрушители озона // Гипотезы, прогнозы. Будущее науки. М., 1990.
22. Швец Г. И. Идеи ноосферы и социальная экология // Вопр. филос. 1991. № 7.
23. Юнг К. Г. Подход к бессознательному // Архетип и символ. М., 1991.
24. Юнг К. Г. Психология и решения // Архетип и символ. М., 1991.
25. Юнг К. Г. Йога и Запад. Там же.
26. Яблоков А. Экологическое невежество и экологический авантюризм. Завалы на пути перестройки // Иного не дано. М., 1988.
27. Degorska B. Problematyka ekologiczna pogranicza polskobialoruskiego. Warszawa, 1993.
28. Drouin P. L'Autre Future. Paris, 1989.
29. Higgins R. The Seventh Enemy; The Factor in the Global Crisis. London, 1978.
30. Olszewski B. Zalozenia polityki regionalnej obszaru funkcjonalnego. «Zielone plucha polski». Bialystok, 1991.
31. Raupel Ch. E. Human Ecology and Disasters. N.-Y., 1990.
32. Tiezzi E. Tempi storici, tempi biologici. Milano, 1986.

Глава 3

1. Бабиевский К. К. Катастрофические последствия крупных аварий на химических предприятиях и складах химической продукции // Еврочернобыль-2. Материалы международной конференции. Киев, 1991.
2. Бурдаков Н. И., Елохин А. Н., Нехорошев С. Н. Зонирование территорий, прилегающих к потенциально опасным объектам, на основе критерия риска для населения // Катастрофы и человечество. Тезисы докладов. Суздаль, 1991.
3. Голубев В. С. Изучение и предсказание техногенных факторов риска потенциально опасных производств // Катастрофы и человечество. Суздаль, 1991.
4. Иванов Т. В., Иванов В. В. О возможностях применения методов системного анализа при прогнозировании катастроф // Катастрофы и человечество. Суздаль, 1991.
5. Касти Дж. Большие системы. Связанность, сложность и ката-

- строфы. М., 1982.
6. Ковалева М. С. Технологический риск — новейший объект социологических исследований // Новейшие тенденции в современной немарксистской социологии: материалы к XI Всемирному социологическому конгрессу. Ч. 1. М., 1986.
  7. Манцевич Ю. Н. Экономика и катастрофа (территориальная организация потенциально опасных производств) // Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
  8. Минаев В. Н., Кореньков В. В. Извлекаем ли мы уроки из аварий или ждем катастроф? // Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
  9. Нет — новому Бхопалу! // Информация МОТ. Женева, 1992. № 2.
  10. Порфирьев В. Н., Виноградова А. Е. Развитие общества и технологические катастрофы: Факты XX века // Катастрофы: взгляд в прошлое и будущее. М., 1991.
  11. Свешников В. В., Галушкин А. Б., Митрохин А. Н. Прогнозирование аварий техногенного характера и их последствий // Катастрофы и человечество. Суздаль, 1991.
  12. Юнг К. Г. Проблема души современного человека // Архетип и символ. М., 1991.
  13. Clausen L., Dombrovsky W. R. Zur Akzeptanz staatlicher Informationspolitik bei technischen Grobunfallen und Katastrophen. Bonn, 1990.
  14. Covello V. T. Social and Behavioural Research on Risk: Uses in Risk Management Decision-Making // Environmental Impact Assessment, Technology Assessment and Risk Analysis. Berlin, 1985.
  15. Otway H., Thomas K. Reflections on risk perception and policy. Risk Anal. 1982. N 2.
  16. Portnoff A. J. Accidents industriels: records ablâtres // Science et Technol. 1989. N 16.
  17. Renn O. Risk analysis: Scope and Limitations // Regulating Industrial Risk. (H. Otway and Petu, eds.) London, 1985.
  18. Risk in the Technological Society. Boulder (Col.). 1982.
  19. Row W. D. An Anatomy of Risk. N.-Y., 1977.
  20. Society, Technology and Risk Assessment. London, 1980.
  21. Technological Risk: Its Perception and Handling in European Community. Cambridge. (Mass.). 1980.

Глава 4

1. Бабосов Е. М. Социология конфликтов. Мн., 1991.
2. Бабосов Е. М. Национальные процессы и межнациональные конфликты в зеркале общественного мнения // Человек на пороге рынка: Социальные ожидания населения. Мн., 1992.
3. Бабосов Е. М. Чем озабочена местная власть в России и Беларуси // Народный депутат. 1992. № 15.
4. Тревог больше, чем надежд. Беларусь в тисках переходного периода // Белорусская думка. 1993. № 7.
5. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918.
6. Бердяев Н. А. Источник и смысл русского коммунизма. М., 1990.
7. Булгаков С. Н. Героним и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991.
8. Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro i contra. Современные диа-

- логи // Вехи. Из глубины. М., 1991.
9. Вазюлин В. А. О социальной философии истории // Социологические исследования. 1992. № 12.
  10. Вильчек В. Алгоритмы истории. Нева. 1990. № 7.
  11. Волошин М. Лики творчества. Л., 1988.
  12. Говорухин С. С. И так жить нельзя // Правда. 1993. 7 июля.
  13. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 1990.
  14. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 2.
  15. Ленин В. И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. Т. 26.
  16. Ленин В. С. Угрожающая катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34.
  17. Ленин В. И. Замученные крахом старого и борющиеся за новое // Полн. собр. соч. Т. 35.
  18. Моисеев Н. Н. Пути к созиданию. М., 1992.
  19. Поплер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992.
  20. Пригожин И., Стингерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
  21. Пророчество Серафима // Советская Россия. 1993. 29 июля.
  22. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Уединенное. М., 1991.
  23. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.
  24. Топоров В. После поражения. Политическая гипотеза // Нева. 1990. № 6.
  25. Троцкий Л. Д. Уроки Октября // К истории русской революции. М., 1990.
  26. Троцкий Л. Д. История русской революции // К истории русской революции. М., 1990.
  27. Франк С. Л. Крушение кумиров // Сочинения. М., 1990.
  28. Шушкевич С. С. Мы придем к Беларуси // Советская Белоруссия. 1993. 30 июля.
  29. Эрн В. Ф. Идея катастрофического прогресса // Сочинения. М., 1991.
  30. Toffler A. The Third Wave. N.-Y., 1981.

Раздел III

Глава 1

1. Александровский Ю. А., Лобастов О. С., Сливак Л. И., Щукин Б. П. Психогении в экстремальных условиях. М., 1990.
2. Александровский Ю. А., Щукин Б. П. Психогенные расстройства во время и после стихийных бедствий и катастроф // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1991. Т. 91, № 5.
3. Буторина Н. Е., Шадрина И. В., Полецкий В. М. Клиника психиатрических расстройств у обожженных детей, пострадавших в железнодорожной катастрофе // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1991. Т. 91, № 8.
4. Васильюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.
5. Дикая Л. Г., Салманниа О. М. Изучение психофизиологических механизмов регуляции функциональных отношений в экстремальных условиях // Системный подход в психофизиологической проблеме. М., 1982.
6. Дикая Л. Г., Семинин В. В. Регулирующая роль образа функционального состояния в экстремальных условиях деятель-

- ности // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 1.
7. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М., 1983.
  8. Мазур Е. С., Гельфанд В. Б., Качалов П. В. Смысловая регуляция негативных переживаний у пострадавших при землетрясении в Армении // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 2.
  9. Махнач А. В. Компонентный анализ психического состояния человека в особых условиях деятельности // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 1.
  10. Психологические проблемы деятельности в особых условиях. Под ред. Б. Ф. Ломова, Ю. М. Забродина. М., 1985.
  11. Психологические проблемы профессиональной деятельности. Под ред. Л. Г. Дякой, А. Н. Закловского. М., 1991.
  12. Решетников М. М., Баранов Ю. А., Мухин А. П., Черемянин С. В. Психофизиологические аспекты состояния поведения и деятельности пострадавших в очаге стихийного бедствия // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 4.
  13. Решетников М. М., Баранов Ю. А., Мухин А. П., Черемянин С. В. Уфимская катастрофа: особенности состояния, поведения и деятельности людей // Психологический журнал. 1990. Т. 11, № 1.
  14. Седов Л. А. Оценки политической ситуации // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1993. № 1.
  15. Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О. Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние и проблемы // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 2.

Глава 2

1. Бабосаў Я. М. Пераходныя працэсы, сітуацыі і механізмы: тэарэтыка-метадалагічныя аспекты даследавання // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскіх навук. 1993. № 3.
2. Бабосов Е. М. Культура на пути к рынку: тревоги и надежды // Человек на пороге рынка. Мн., 1992.
3. Лалин Н. И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // Вопр. филос. 1992. № 12.
4. Ницше Ф. К генеалогии морали. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1990.
5. Панина Н. Готовиць населенія до сацыяльнага пратэсту // Політолагічні чітанія. 1992. № 2.
6. Ольшанский Д. В. Массовые настроения переходного времени // Вопр. филос. 1992. № 12.
7. Пахомов Ю. Н. Політична культура // Політолагічні чітанія. 1992. № 2.
8. Руткевич М. Н. Социальная поляризация // Социологические исследования. 1992. № 9.
9. Raphael B. When Disaster Strikes. London, 1990.

Глава 3

1. Бабосов Е. М. Социология конфликтов. Мн., 1991.
2. Дмитриев А. В. О социальной дезинтеграции и конфликте // Социологические исследования. 1992. № 10.
3. Мухина В. С. Психологическая помощь пострадавшим от землетрясения в Армянской ССР // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 5.
4. Clausen L. Ubergang zum Untergang // Einguhung in die Soziologie der Katastrophen. Bonn, 1983.
5. Quarentelli E. L., Wenger D. Disaster. An Entry for an Italian Dictionary of Sociology. Delawar, 1985.

6. Quarentelli E. L., Dynes R. R. Response to Social Crisis and Disaster // *Ann. Rev. Sociol.* 1977. N 3.

Глава 4

1. Бабосов Е. М. Чем озабочена местная власть России и Беларуси // *Народный депутат.* 1992. № 15.
2. Бабосов Е. М. Боязнь рынка или тоска по сильной руке? // *Лектору о современном мире.* Вып. 15. М., 1991.
3. Безопасность в атомной энергетике. Реферативный сборник. М., 1989. № 4.
4. Rosental U., T'Hart P. Riots without Killings. Policy Learning in Amsterdam 1980—1985 // *Contemporary Crisis.* 1990. N 14.
5. Rosental U., Pijenburg B. Simulation-Oriented Scenarios. An Alternative Approach to Crisis Decision-Making and Emergency Management // *Contemporary Crises.* 1990. N 14.

Глава 5

1. Аверкий, архиепископ. Апокалипсис или откровения Святого Иоанна Богослова. М., 1991.
2. Балтазар, Г-У Фон Суд // *Символ.* 1981. № 5.
3. Бердяев Н. А. Духи русской революции // *Вехи. Из глубины.* М., 1991.
4. Бондарев Ю. Диалоги о формулах и красоте. М., 1990.
5. Генкс А. Вид из окна // *Новый мир.* 1992. № 8.
6. Достоевский Ф. М. Письма. Т. 2: М.—Л., 1928.
7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. ПСС в 30 томах. Т. 24. М., 1982.
8. Достоевский Ф. М. Бесы. ПСС в 30 томах. Т. 10.
9. Достоевский Ф. М. Записки из подполья. ПСС в 30 томах. Т. 5.
10. Достоевский Ф. М. Новые материалы и исследования // *Литературное наследство.* Т. 86. М., 1973.
11. Зинovieв А. А. Евангелие от Ивана // *Вопр. филос.* 1992. № 12.
12. Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского (социальное, философское). М., 1979.
13. Mileti D. S., Drabek T. E., Haas J. E. Human Systems in Extreme Environments: A Sociological Perspective. Colorado, 1975.
14. Pannenberg W. Was ist der Mensch? Die Anthropologie der Gegenwart im Lichte der Theologie. Gottingen, 1976.
15. Raphael B. When Disaster Strikes. London, Boston, 1990.

Раздел IV

Глава 1

1. Бабосов Е. М. Цивилизация и культура. Мн., 1991.
2. Бабосов Е. М. Среда обитания человека под сенью радиации // *Человек на пороге рынка.* Мн., 1992.
3. Бабосов Е. М. Социальная экология и экстремальные ситуации. Мн., 1993.
4. Безопасность атомных электростанций в ФРГ // *Безопасность в атомной энергетике.* М., 1989. № 4.
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

6. Лихерева Э. И. Контентанализ публикаций по Чернобыльской проблеме в некоторых газетах Республики Беларусь // Чернобыльский след. Социально-психологические процессы в посткатастрофном обществе. I. М., 1992.
7. Подходы к безопасности модульного высокотемпературного газоохлаждаемого реактора (США) // Безопасность в атомной энергетике. М., 1989. № 4.
8. Токаревский Г. Д., Бобнева М. И., Роднонов В. П., Журавлев А. Л. Социально-психологические процессы в посткатастрофном обществе. I. М., 1992.
9. Шашарин Г. Чернобыльская трагедия // Новый мир. 1991. № 9.
10. Шербин Ю. Н. Чернобыль как новое явление в истории цивилизации // Еврочернобыль-2. Материалы международной конференции. Киев.
11. Яковец Ю. В. Становление постиндустриальной цивилизации. М., 1992.
12. Peters P., Hennen L. Orientierung unter Unsicherheit // Kolner Zeitschrift fur Sociologie und Sozialpsychologie. 1992. Nr. 2.
13. Raphael B. When Disaster Strikes. London, Boston, 1990.

Глава 2

1. Амбражевич М. Л. Радиационная обстановка в лесном хозяйстве Республики Беларусь // Чернобыльская катастрофа: причины и последствия. Ч. 3. Мн., 1992.
2. Бабосов Е. М. Социальные аспекты последствий Чернобыльской катастрофы для Республики Беларусь // Чернобыльская катастрофа: причины и последствия. Ч. 3. Мн., 1992.
3. Бабосов Е. М. Боль Чернобыля // Социологические исследования. 1992. № 6.
4. Бацевич И. М. Сельскохозяйственное производство после катастрофы на ЧАЭС и результаты принятых мер по уменьшению производства загрязненной сельхозпродукции // Чернобыльская катастрофа: причины и последствия. Ч. 3. Мн., 1992.
5. Злотников А. Г., Злотникова Л. М., Касьяненко А. П. Гомельчане в экстремальных условиях. Социально-психологический климат в постчернобыльский период. Гомель, 1991.
6. Израэль Ю. А. Чернобыль-90 // Правда, 1990. 17 апр.
7. Картель Н. А. Биологические и радиэкологические аспекты последствий Чернобыльской аварии // Чернобыль-индекс. Мн., 1991.
8. Конопля Е. Ф. и др. Оценка радиологических последствий катастрофы на ЧАЭС, изложенных в международном Чернобыльском проекте // Чернобыльская катастрофа: причины и последствия. Ч. 3. Мн., 1992.
9. Кривошукский Д. А. Экологический контроль последствий аварии на Чернобыльской АЭС // Еврочернобыль-2. Материалы международной конференции. Киев, 1991.
10. Матесович А. А., Савастенко А. А. (ред.). Природная среда в Республике Беларусь: состояние и проблемы. Мн., 1992.
11. Медведев Ж. А. Чернобыльские радионуклиды за пределами СССР. Европейский континент // Еврочернобыль-2. Киев, 1991.
12. Нестеренко В. Б. Радиационная обстановка в Республике Беларусь после катастрофы на ЧАЭС // Чернобыльская катастрофа: причины и последствия. Ч. 3. Мн., 1992.
13. Никитченко И. Н. Научные основы земледелия // Чернобыльская катастрофа: причины и последствия. Ч. 3. Мн., 1992.

14. Hennen L., Peters H. P. Tschernobyl in der öffentlichen Meinung der Bundesrepublik Deutschland — Risikowahrnehmung, politische Einstellungen und Informationsbewertung // Forschungszentrum Jülich: Spezielle Berichte. 1990. N 551.
15. Pelz J. Aerosolgehalte. Untersuchungen der Luft und des Niederschlags // Tschernobyl-4 Jahre danach. Wir sind noch einmal davon gekommen. Berlin, 1990.

Глава 3

1. Бабосов Е. М. Не потерять нацию // Советская, Белоруссия. 1990. 9 июня.
2. Бабосов Е. М. Структурно-функциональный анализ образа жизни и планирование социальных процессов // Образ жизни и планирование социальных процессов. Мн., 1986.
3. Бабосов Е. М. Трагедия матери в зоне бедствия // Адукацыя і выхаванне. 1992. № 7—8.
4. Бабосов Е. М. История ошибок не прощает // Адукацыя і выхаванне. 1992. № 4.
5. Бабосов Е. М. Философско-социологические аспекты осмысления сущности Чернобыльской катастрофы и преодоление ее последствий // Актуальные проблемы развития потребительской кооперации на современном этапе. Гомель, 1990.
6. Денисовский Г. М., Мозгов А. В. Экспертные оценки социальных проблем Чернобыльской катастрофы // Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М., 1992.
7. Козловская Л. В. Влияние последствий Чернобыльской катастрофы на географию хозяйства Белоруссии // Катастрофы и человечество. Суздаль, 1991.

Глава 4

1. Александровский Ю. А., Румянцева Г. М., Юров В. В., Мартюшов А. Н. Динамика психической адаптации в условиях хронического стресса у жителей районов, пострадавших после аварии на Чернобыльской АЭС // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1991. Т. 91, № 12.
2. Бобнева М. И., Кириленко С. И. Разработка основ социально-психологических служб, связанных с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС // Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М., 1992.
3. Журавлев А. Л., Сумарокова В. И. Изучение социально-психологических процессов. Изучение социально-психологических процессов адаптации в условиях длительного проживания на загрязненных территориях // Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М., 1992.
4. Либерман Ю. И., Мороз И. Б., Михайлова И. В. и др. Психические расстройства у пострадавших при землетрясении в Армении // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1990. Т. 90, № 5.
5. Токаровский Г. Д., Бобнева М. И., Родионов А. Л., Журавлев А. Л. Социально-психологические процессы адаптации к условиям проживания на загрязненной территории // Чернобыльский след. Социально-психологические процессы в посткатастрофном обществе. I. М. 1992.
6. Legewie H. Risikobewusstsein nach Tschernobyl. Ein empirisch-phano-

menologische Untersuchung // M. Herrof., C. F. Graerhmann (Hrsg). Sinn und Erfahrung-Phänomenologische Methoden in den Humanwissenschaften. Heidelberg, 1990.

7. Legewie H., Bohm A., Boehuke K., Faas A., Gross B., Jaeggi E. Langerfristige psychische Folgen von Umweltbelastungen: Das Beispiel Tschernobyl // Forschung sbericht aus dem Institut für Psychologie. Technische Universität. Berlin, 1990. N 7.

Глава 5

1. Бабосов Е. М. Среда обитания человека под сенью радиации // Человек на пороге рынка. Мн., 1992.
2. Бабосов Е. М. Социальные аспекты последствий Чернобыльской катастрофы для Республики Беларусь // Чернобыльская катастрофа: причины и последствия. Ч. 3. Мн., 1992.

Глава 6

1. Бабосов Е. М. Психология жертвы // Советская Белоруссия. 1992. 9 апр.
2. Бабосов Е. М. Трудные проблемы материнства и детства в Чернобыльской зоне // Проблемы социальной защищенности женщины и семьи в современных условиях. Могилев, 1993.
3. Русецкая В. И. Динамика позитивных и негативных изменений в содержании и направленности общения матерей и детей в зоне Чернобыльской катастрофы // Проблемы социальной защищенности женщины и семьи в современных условиях. Могилев, 1993.

Глава 7

1. Бабосов Е. М. Социальные аспекты последствий Чернобыльской катастрофы для Республики Беларусь // Чернобыльская катастрофа: причины и последствия. Ч. 3. Мн., 1992.
2. Бабосов Е. М., Грищенко А. М., Котляров И. В. Чернобыльская катастрофа глазами социологов. Мн., 1992.
3. Злотников А. Г., Злотникова Л. М., Касьяненко А. П. Гомельчане в экстремальных условиях: социально-психологический климат в постчернобыльский период. Гомель, 1991.
4. Кашеев В. Д. Социально-психологические процессы адаптации: установки и ожидания населения во взаимодействии с органами исполнительной власти // Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М., 1992.
5. Порфирьев Б. Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях. М., 1989.
6. Селицкий В. С. После катастрофы века // Человек и экономика. 1992. № 8.
7. Токаровский Г. Д., Бобнева М. И., Родионов В. П. и др. Социально-психологические и социальные процессы адаптации к условиям проживания на загрязненной территории и особенности взаимодействия населения этих регионов с местными органами власти // Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М., 1992.
8. Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы / Под ред. М. И. Бобневой и С. И. Кириленко. М., 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел I. Методологические основания катастрофологии. Концептуальные подходы к изучению катастроф	12
Глава 1. Катастрофы и экстремальные ситуации: теоретико-социологический анализ	12
Глава 2. Инвайронментальный вариант исследования экстремальных ситуаций и катастроф	44
Глава 3. От концепции цивилизации риска к социологии риска	62
Глава 4. Социология катастроф	84
Раздел II. Типология катастроф. Их особенности	111
Глава 1. Природные катастрофы	112
Глава 2. Экологические катастрофы	133
Глава 3. Технологические катастрофы и возрастающая степень их риска	163
Глава 4. Социальные катастрофы	185
Раздел III. Индивиды и социальные общности в экстремальных ситуациях кризисов и катастроф	226
Глава 1. Социально-психологические особенности поведения людей в экстремальных условиях	226
Глава 2. Трансформация смысловых установок индивидов и социальных групп в условиях катастрофического и посткатастрофического развития	238
Глава 3. Влияние катастроф и посткатастрофических процессов на развитие и протекание социальных конфликтов	251
Глава 4. Управленческая деятельность. Возможности ее оптимизации в экстремальных ситуациях	262
Глава 5. Предсказание бедствий и катастроф, путей выхода из них в выдающихся творениях культуры	279
Раздел IV. Чернобыль — крупнейшая в истории человечества социо-эколого-технологическая катастрофа	299
Глава 1. Цивилизационные уроки Чернобыльской трагедии	299
Глава 2. Ядерный взрыв на Чернобыльской АЭС — источник крупнейшего экологического бедствия	321
Глава 3. Социальные последствия Чернобыльской катастрофы: деструктивное воздействие на образ жизни людей	343
Глава 4. Социально-психологические последствия развертывания посткатастрофических процессов в районах радиоактивного загрязнения	374
Глава 5. Влияние посткатастрофических процессов на миграционные настроения в районах радиоактивного загрязнения	390
	471

Глава 6. Ухудшение демографической ситуации в районах Беларуси, подвергшихся радиоактивному загрязнению	414
Глава 7. Трудности и нерешенные проблемы управленческой деятельности по смягчению последствий Чернобыльской катастрофы	422
Заключение	453
Литература	457

Научное издание

Бабосов Евгений Михайлович

**КАТАСТРОФЫ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

Редактор *Б. А. Rogozянский*, Художник *Н. И. Бондаренко*, Художественный редактор *В. В. Савченко*, Технический редактор *Т. В. Летьен*, Корректор *Е. И. Бондиренко*

Сдано в набор 31.10.94. Подписано в печать 02.03.95. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. газетная. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 24,78. Усл. кр.-отг. 24,78. Уч.-изд. л. 26,30. Тираж 970 экз. Зак. № 937.

Издательство «Навука і тэхніка» Академии наук Беларуси и Министерства культуры и печати Республики Беларусь, 220141, Минск, Жодинская, 18, ЛВ № 437. Типография им. Франциска Скорины издательства «Навука і тэхніка», 220141, Минск, Жодинская, 18.